ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. М. Кром

МЕЖ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ

Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. М. Кром

МЕЖ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ

Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.

Издание второе
исправленное и дополненное

МОСКВА
Объединенная редакция
МВД России
2010

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. М. Кром

МЕЖ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ

Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.

Издание второе
исправленное и дополненное

МОСКВА
Квадрига
2010

УДК 94(47:474.5)"14/15"
ББК 63.3(2)44
К83

Кром М. М.

К83 Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 320 с. + илл.

ISBN 978-5-91791-028-4 (Квадрига)
ISBN 978-5-8129-0096-0 (Объединенная редакция МВД России)

Книга посвящена истории вхождения в состав России княжеств верхней Оки, Брянска, Смоленска и других земель, находившихся в конце XV – начале XVI в. на русско-литовском пограничье. В центре внимания автора – позиция местного населения (князей, бояр, горожан, православного духовенства), по-своему решавшего непростую задачу выбора между двумя противоборствующими державами – великими княжествами Московским и Литовским.

Работа основана на широком круге источников, часть из которых впервые введена автором в научный оборот. Первое издание книги (1995) вызвало широкий научный резонанс и явилось наиболее серьезным обобщающим трудом по истории отношений России и Великого княжества Литовского за последние десятилетия. Во втором издании текст книги существенно переработан и дополнен, а также снабжен картами.

УДК 94(47:474.5)"14/15"
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-91791-028-4
ISBN 978-5-8129-0096-0

Предисловие ко второму изданию

Эта книга — о судьбе славянских земель, ставших на рубеже XV—XVI вв. ареной напряженной борьбы крупнейших держав Восточной Европы — великих княжеств Московского и Литовского. В ходе этого конфликта Русское государство сумело отодвинуть границу с Литвой далеко на запад, включив в свой состав обширные территории, десятки городов и волостей.

О присоединении этих земель к Московскому государству написано немало, но многие аспекты данной темы еще мало изучены. В имеющейся исторической литературе русско-литовские войны рубежа XV—XVI вв. увидены как бы глазами воевод и дипломатов воюющих держав, а как относилось к происходящим событиям местное население? Как реагировало оно на присоединение своих земель к России? Без ответа на эти вопросы трудно рассчитывать на получение объективной и всесторонней картины изучаемых событий.

В предлагаемой вниманию читателей работе предпринята попытка показать «крупным планом» процессы, происходившие в Литовской Руси в описываемое время. Здесь затрагиваются такие важные, актуальные и в наши дни проблемы, как право населения самому решать свою судьбу, соотношение добровольности и насилия в процессе складывания государств Восточной Европы, межэтнические и межконфессиональные конфликты. Приводимый в книге материал дает пищу для размышлений над этими вопросами.

Хронологические рамки исследования охватывают примерно полвека: от столкновений на русско-литовской границе в 80-х гг. XV в. до Стародубской войны 1534—1537 гг. Разумеется, эти рамки являются в значительной мере условными: в ряде случаев в ходе исследования приходилось обращаться к более ранним временам — к середине и даже началу XV в.

Первое издание данной книги вышло в 1995 г. в издательстве «Археографический центр». За пятнадцать лет, прошедших с тех

пор, историографическая ситуация значительно изменилась. Появились новые труды, затрагивающие те или иные аспекты избранной нами темы. Среди них — фундаментальное исследование Н. Н. Яковенко об украинской шляхте, работа К. Петкевича об административно-правовой системе, религиозной политике и финансах Великого княжества Литовского в правление Александра Ягеллончика, книга Е. В. Русиной о Северской земле в XIV — начале XVI вв., монография А. Б. Кузнецова по истории внешней политики России первой трети XVI в., обобщающий труд Э. Гудавичюса по истории Литвы с древнейших времен до 1569 г. и многие другие работы[1]. В научный оборот были введены новые документы. С 1993 г. в Вильнюсе, а с 2000 г. — и в Минске выходят тома Литовской метрики — основного источника наших знаний о Великом княжестве Литовском.

После окончания работы над первым изданием книги автор этих строк не перестал заниматься данной темой. Были опубликованы статьи о самосознании православной шляхты в Литовском государстве, смоленских бояр и мещан, о категории старины, работы по истории русско-литовских отношений, а также сравнительный очерк истории России и Великого княжества Литовского[2]; выявле-

---

[1] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінца XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993; *Александров Д. Н., Володихин Д. М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI веках. М., 1994; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995; *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996; *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998; *Кузнецов А. Б.* Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века. Саранск, 2002; *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005 (пер. с лит. изд. 1999 г.); *Błaszczyk G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności: 1492—1596. Poznań, 2002. Обзор новейших работ по истории Великого княжества Литовского, изданных на белорусском, литовском, польском и русском языках, см.: Вялікае княства Літоўскае: Гісторыя вывучення ў 1991— 2003 гг. Матэрыялы міжнароднага круглага стала (16—18 мая 2003 г., г. Гродна) / Рэдкал. С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2006 (здесь же подробная библиография).

[2] *Krom M.* Die Konstituierung der Szlachta als Stand und das Problem staatlicher Einheit im Grossfürstentum Litauen (15./16. Jahrhundert) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 42 (1994). Hf. 4. S. 481—492; *Кром М. М.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV — начала XVII в.) // Mediaevalia ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. III. Київ, 1994. С. 68—85; *он же.* Стародубская война (1534—1537 гг.) // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 85—148; *он же.* Источники для реконструкции

ны и изданы новые источники, включая ранее не известный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 г.) и комплекс актов бывшего Радзивилловского архива первой половины XVI в.[3]

Так возникла необходимость дополнить и переработать текст книги, и я с благодарностью принял предложение издательства «Квадрига» о подготовке второго издания «Меж Русью и Литвой».

При работе над текстом я учел ряд замечаний рецензентов, высказанных по поводу первого издания книги[4]. Об одном из них следует сказать особо: у белорусских коллег вызвало удивление название книги и особенно подзаголовок — «Западнорусские земли...», ибо под этой «шапкой» оказались не только Смоленск или Брянск, но и белорусские города Полоцк, Минск, Витебск и другие[5]. Поразмыслив, я решил сохранить название «Меж Русью и Литвой», под которым книга вошла в научный оборот, но изменить подзаголовок. Более того, я отказался от терминов «Западная Русь» и «западнорусские земли» в самом тексте книги.

Дело в том, что термин «Западная Русь» искусственен: он не обозначает какой-либо исторической области или общности (в отличие, например, от Северщины или Волыни) и является продуктом российской историографической мысли XIX в.

истории русско-литовских отношений 1538—1541 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVII. СПб., 2000. С. 3—18; *он же.* Россия и Великое княжество Литовское: два пути в истории // «Английская набережная, 4»: Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 73—100; *он же.* Местное самосознание и централизованное государство: Смоленск в XVI веке // Die Geschichte Russlands im 16 und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hg. von Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63). S. 128—136.

[3] *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 149—196; *Кром М. М.* Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 133—139; Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М. — Варшава: «Древлехранилище», 2002 (Памятники истории Восточной Европы. Т. VI).

[4] *Володихин Д. М.* [Рец.] // ВИ. 1996. № 11—12. С. 160—161; *Шеков А. В.* [Рец.] // Отечественная история. 1998. № 1. С. 186—187; *Русина О. В.* [Рец.] // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1997. Т. 233. С. 569—575; *Кошалеў М.* «Меж Русью и Литвой» // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. № 3. С. 185—191.

[5] *Кошалеў М.* Указ. соч. С. 185.

(подробнее об этом см. во Введении). Для обозначения славянских земель Великого княжества Литовского я использовал термин «Литовская Русь»[6], а также (поскольку в первую очередь меня интересовали пограничные с Русским государством территории) — «восточные окраины Литовской державы».

Вместе с тем я не считал возможным писать применительно к XV — началу XVI в. об украинцах и белорусах, поскольку этнические процессы в тот период еще отнюдь не завершились. А главное — этнические различия никак не проявились в политической сфере, не повлияли на выбор населения между Литвой и Москвой. Все православное население Литовского государства называло себя «русью». Сказанным и определяется принятая в книге терминология.

Остальные изменения во втором издании носят характер фактологических уточнений и дополнений. Исправлены замеченные ошибки и неточности. Значительно пополнены просопографические материалы о брянских и смоленских боярах, помещенные в приложениях. Там же публикуется ранее не известный исследователям привилей Сигизмунда I Смоленску 1513 г. Важным дополнением являются также карты, составленные для данного издания В. Н. Темушевым.

---

[6] В историографии встречаются различные трактовки термина «Литовская Русь». Авторы специальной статьи по этому вопросу, В. Носевич и М. Спиридонов, пришли к выводу, что в XVI в. это название употреблялось только по отношению к восточной части современной Беларуси (*Насевіч В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // З глыбі вякоў: Наш край: Гістарычна-культуралагічны зборнік. Вып. 1. Мінск, 1996. С. 9—14), однако при этом исследователи опирались главным образом на источники второй половины XVI в. В более раннюю эпоху ареал распространения этого названия был шире: те же авторы цитируют памятник середины XV в., «Летописец великих князей литовских», в котором «на Руси» упоминаются города Полоцк, Витебск, Смоленск, Киев (указ. статья. С. 13). Поэтому ничто не мешает, на мой взгляд, применительно к изучаемому в данной книге периоду конца XV — первой трети XVI в. использовать термин «Литовская Русь» в обобщенном значении всех славянских земель Великого княжества Литовского.

Дебаты о значении термина «Русь» и о его широкой или узкой локализации на территории Великого княжества Литовского продолжаются в белорусской историографии и по сей день, см.: *Старостенко В. В.* Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X—XVII вв.). Могилев, 2001. С. 45, 66—67; *Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001. С. 178, 180; *Марзалюк І. А.* Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.). Магілёў, 2003. С. 47—55, 59, 66—67, 89.

Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность всем коллегам, оказавшим мне помощь на разных этапах работы над книгой. Я глубоко признателен моему учителю, Юрию Георгиевичу Алексееву, чье доброе расположение и внимание я чувствую со студенческих лет. Я храню благодарную память о Якове Соломоновиче Лурье, выступившем на защите моей диссертации и сделавшем несколько ценных источниковедческих наблюдений, использованных мною при подготовке данной монографии. В тексте книги учтены также замечания В. А. Якубского, Е. М. Шварц, Б. Н. Флори, Е. В. Русиной, Р. А. Беспалова. Иероним Граля немало способствовал моему знакомству с современной польской историографией, а Зигмантас Кяупа щедро снабжал меня необходимыми литовскими изданиями. Благодаря любезной помощи А. В. Казакова и В. Н. Темушева я получил представление о новейших исследованиях и дискуссиях белорусских коллег. Некоторыми библиографическими сведениями я обязан А. Л. Рогачевскому и Г. Н. Сагановичу. Отдельная благодарность — моим родным за неизменную поддержку.

М. М. Кром
Санкт-Петербург

Введение

1. Историография

В обширной научной литературе XVIII—XX вв., посвященной историческим судьбам России, Литвы, Польши, Белоруссии, Украины, едва ли можно найти хотя бы одну крупную работу, в которой не затрагивалась бы в той или иной мере борьба Русского государства с Великим княжеством Литовским за обладание славянскими землями на рубеже XV—XVI вв.

Российские историки конца XVIII — первой половины XIX в. проделали большую работу по выявлению и введению в научный оборот основного круга источников по истории русско-литовских отношений XV—XVI вв. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский за время своей службы в Московском архиве Коллегии иностранных дел в 1780—1784 гг. подготовил обзор содержания хранившихся там посольских книг сношений России с Великим княжеством Литовским и Польшей за 1487—1584 гг., опубликованный намного позднее[1]. Посольские дела, польские и крымские, наряду с летописями служили М. М. Щербатову главным источником при изложении внешнеполитических событий, кроме того, он использовал разряды, родословия, хронику М. Стрыйковского[2]. Еще шире источниковая база «Истории» Н. М. Карамзина: он привлек ряд летописей, неизвестных Щербатову (в частности, Архангелогородский летописец), хронику М. Кромера, «Записки» С. Герберштейна, копии документов Кенигсбергского архива и другие материалы, относящиеся к русско-литовским отношениям конца XV — пер-

---

[1] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам... Ч. 1. 1487—1584 // ЧОИДР. 1860. Кн. IV. М., 1861. С. 1—189.

[2] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. IV. Ч. II. СПб., 1783; Т. V. Ч. 1. СПб., 1786. Гл. 1.

вой трети XVI в.; часть из них он поместил (целиком или в отрывках) в примечаниях[3].

В труде С. М. Соловьева сколько-нибудь значительного расширения фактической основы при изложении тех же событий уже не наблюдается — за исключением впервые использованных им материалов двух томов «Актов Западной России», извлеченных в основном из Литовской метрики и опубликованных в 1846—1848 гг. Главным отличием С. М. Соловьева от его предшественников в освещении внешней политики России указанного времени явилась прослеживаемая им связь ее с внутриполитическими процессами. Там, где Щербатов и особенно Карамзин видели столкновение характеров воюющих государей — Казимира, Александра, Сигизмунда — с одной стороны, и Ивана III, Василия III — с другой[4], Соловьев усмотрел глубокое различие в государственном устройстве Московской и Литовской держав, объяснявшее военный перевес первой из них: если соединение областей в Московском государстве, по мнению историка, «было прочно по единоплеменности и единоверию народонаселения», то великие князья литовские ослаблялись «внутреннею борьбою между составными частями своих владений»; кроме того, в то время как «московский государь самовластно располагал средствами своей страны», его соперник в Польше и Литве вынужден был обращаться за помощью к сеймам, зависел от вельмож, от своевольного войска, от рады панов[5]. Немалой заслугой С. М. Соловьева было и то, что, опережая появление монографических исследований по истории Великого княжества Литовского и его славянских земель, он поместил в пятом томе своей «Истории России», в главе о внутреннем состоянии русского общества при Иване III, и очерк положения городов, сельского населения, судоустройства в той части Руси, которая находилась под литовской властью[6].

В ином освещении предстают русско-литовские отношения конца XV — первой трети XVI в. в соответствующих томах

---

[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. 5 (Эйнерлинга). Кн. II. СПб., 1842. Т. VI—VII; Т. VIII. Гл. 1; а также примечания к этим томам.

[4] Правда, один раз, при описании успешного похода русских воевод в литовские пределы зимой 1535 г. Н. М. Карамзин указывает «на государственную слабость Литвы» как объяснение возможности «таких истребительных воинских прогулок» (Т. VIII. Стб. 17).

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 5—6 // Сочинения. В 18 кн. Кн. III. М., 1989. С. 148, 149.

[6] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. III. С. 160—165, 168—169, 197—198.

«Истории литовского народа» Т. Нарбута (1840—1841 гг.) и «Истории Польши» Ю. Шуйского (1862 г.). По богатству фактического материала эти сочинения намного уступают трудам названных русских историков.

Для Нарбута Карамзин служил (за неимением летописей и других русских источников) настоящим кладезем фактов, к которому он прибавлял свидетельства польских хроник и введенной им в оборот литовской летописи — так называемой Хроники Быховца. У Шуйского войны с Россией XV—XVI вв. изложены очень поверхностно и схематично. Литовский и польский историки в оценке этих событий совершенно расходятся со своими российскими коллегами и, в частности, с Карамзиным, с которым они прямо полемизируют. Так, если последний принимает всерьез заявления Ивана III о религиозных мотивах (защите православия в Литве) начала войны в 1500 г., то Т. Нарбут и Ю. Шуйский подобное объяснение отвергают как надуманный предлог, призванный прикрыть захватнические планы московского государя[7]. Взятие Смоленска в 1514 г. они приписывают (вслед за польскими хронистами XVI в.) измене гарнизона и интригам М. Глинского[8], в то время как Н. М. Карамзин полагал, что симпатии жителей Смоленска к русским, «любовь к древнему отечеству, вместе с братским духом единоверия» облегчили Василию III овладение городом[9]. Полемика по этим вопросам, начатая историками первой половины XIX в., была продолжена впоследствии новыми поколениями исследователей.

В 50—60-х гг. XIX в. стали появляться специальные работы по истории Литовской Руси и русско-литовским отношениям; правда, первые опыты оказались не очень высокого уровня. Так, вышедшее в 1857 г. «Обозрение истории Белоруссии» Ф. Турчиновича представляло собой компиляцию, составленную в основном по Карамзину и Нарбуту и не свободную от грубых ошибок (например, утверждалось, будто по миру 1494 г. России был уступлен Мстиславль![10]). Исследование Г. Ф. Карпова о русско-литовских отношениях 1462—1508 гг., изданное в 1867 г. отдель-

---

[7] *Narbutt T.* Dzieje narodu Litewskiego. T. 8. Wilno, 1840. S. 361—362, 364—365; *Szujski J.* Dzieje Polski. T. II // Dzieła Józefa Szujskiego. Ser. II T. II. Kraków, 1894. S. 159, 160.

[8] *Narbutt T.* Dzieje... T. 9. Wilno, 1841. S.81—85; Szujski J. Dzieje... T. II. S. 225.

[9] *Карамзин Н. М.* История. T.VII. Стб. 41.

[10] *Турчинович Ф.* Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857. С. 118.

ной книгой[11], хотя и явилось первой монографией на эту тему, но ни богатством фактического материала (не только непревосходившим, но даже уступавшим «Истории» С. М. Соловьева), ни глубиной анализа не отличалось. Не изучив положения земель, из-за которых шла борьба в указанный период, опираясь главным образом на посольские дела, с привлечением разрядов и некоторых летописей, и объявив Литовскую метрику «незначительным дополнением» к посольским статейным спискам[12], автор ограничился, по существу, изложением дипломатической истории того времени, большей частью уже известной. Польские хроники, как и труды современных ему польских историков, Г. Ф. Карпов оставил без внимания. Очень скоро его книга потеряла всякое научное значение.

Восстание 1863—1864 гг. в Польше, Литве и Западной Белоруссии, подавленное царизмом, вызвало в обществе повышенный интерес к Западному краю Российской империи и его прошлому. Откликом на официальный «заказ» явился ряд изданных в 60—80-х гг. сочинений (М. О. Кояловича, П. Н. Батюшкова, П. Д. Брянцева и др.), в которых «доказывалось», что «западнорусский народ» (куда относились и белорусы и украинцы) веками подвергался полонизации, испытывал гнет католицизма, а воссоединение с Россией после разделов Польши в конце XVIII в. явилось для него освобождением, актом исторической справедливости и возрождением в первоначальной чистоте спасительного православия[13]. Главный идеолог этого направления, профессор Петербургской духовной академии М. О. Коялович, считал, что через всю историю Западной России проходит борьба двух начал — русского и польского; по его словам, уже Городельская уния 1413 г. завершила разделение между Литвой и Русью: «литвины-латиняне поставлены в положение господ. Русские православные — в положение рабов...»[14].

Сочинения, подобные «Лекциям» Кояловича, не содержавшие новых фактов, не были исследованиями в собственном смысле слова, но они повлияли и на научные труды. Убежденность в

---

[11] *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462—1508. М., 1867. Ч. I—II.

[12] Там же. Приложения. С. IV.

[13] См.: *Карев Д. В.* Белорусская историография в эпоху капитализма (1861—1917 гг.) // Наш Радавод. Материалы международной научной конференции по религиозной истории Восточной Европы. Кн. 3. Гродно, 1991. С. 52—67, 72—75.

[14] *Коялович М. О.* Лекции по истории Западной России. М., 1864. С. 161.

превосходстве православия перед другими религиями, неприязнь к «чужеродным началам» — польскому, немецкому (магдебургское право), еврейскому и т.д. — заметны в работах И. Д. Беляева, М. Ф. Владимирского-Буданова и других крупных ученых того времени. Сама действительность Российской империи, с ее политикой русификации, официального православия и т.п., никак не служила моделью равноправного сосуществования различных народов. Не потому ли российские историки второй половины XIX в. с таким подозрением относились к Великому княжеству Литовскому — полиэтничному и поликонфессиональному образованию, настойчиво искали там уже в XIV—XV вв. непримиримые конфликты, истоки неотвратимого упадка и гибели?

Примером может служить дискуссия о магдебургском праве в городах Литвы, начатая книгой М. Ф. Владимирского-Буданова. Немецкое право, по мнению исследователя, явилось «основной причиной упадка городов юго-западного края»[15]; оно пагубно повлияло на исконные «славянские порядки» и, в частности, разрушило связь города с землей, породив взамен былого «земского единства» сословную борьбу и оставив город беззащитным перед натиском враждебных ему внешних сил[16]. Иное мнение по этому вопросу высказал другой видный украинский историк, В. Б. Антонович: «общинное начало», с его точки зрения, было разрушено в этих городах не магдебургским правом, а развитием военно-служилого сословия, выращенного литовскими князьями; грамотами же на магдебургское право князья пытались предотвратить окончательный упадок западнорусских городов, но безуспешно: это право, «выработанное на чужой почве», не было принято городским населением, оказалось нежизнеспособным[17]. Ближе к действительности был вывод, к которому вслед за А. Ф. Кистяковским пришел Ф. В. Тарановский: магдебургское право в этих городах было реально действующим, но рядом с ним действовало и русское обычное право[18]. Однако эта точка зрения тогда не получила распространения.

Какой бы точки зрения на роль магдебургского права в городах Великого княжества ни придерживались участники дис-

---

[15] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1862. С. 2.

[16] Там же. С. 104, 108, 119, 124, 126—127 и др.

[17] *Антонович В. Б.* Предисловие // Архив Юго-Западной России. Ч. V. 1869. С. 4—6, 22—26, 46—50, 56—60, 66—70.

[18] *Тарановский Ф. В.* Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. Варшава, 1897. С. 55.

куссии[19], все они, по существу, не выходили за рамки юридического подхода, но самое главное — большинство исследователей были едины в том, что эти города, благоденствовавшие в древнерусский период, в Литовском государстве, а затем в Речи Посполитой пришли в упадок под влиянием «чуждых начал», будь то магдебургское право или «введенный» литовскими князьями феодальный строй[20].

Но не только в городской жизни Литовской Руси обнаруживали историки непримиримый антагонизм: политика и культура также представлялись им ареной борьбы противоположных сил, русского и польского «начал»[21]; В. Б. Антонович и его по-следователи писали даже о «русской партии», которая в XV — начале XVI в. пыталась сопротивляться литовским властям, отстаивала будто бы права православных перед натиском католицизма; действия этой «партии» усматривали и в заговоре князей против короля Казимира в 1481 г., и в мятеже Глинских 1508 г.[22]

Таким образом, в отечественной историографии второй половины XIX в. создалось представление о Великом княжестве Литовском как о каком-то противоестественном соединении разнородных элементов, нежизнеспособном образовании, раздираемом социальными и национально-конфессиональными противоречиями и уже с конца XIV в., со времени унии с Польшей, вступившем на путь упадка и гибели. Положение ста-

---

[19] Об этой дискуссии см.: *Дворниченко А. Ю.* Русские дореволюционные историки о городском строе Великого княжества Литовского // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 90—96.

[20] *Беляев И. Д.* Рассказы из русской истории. Кн. IV. Ч.1. История Полотска, или Северо-Западной Руси... М., 1872. С. 145, 151 сл., 154—155; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. II. Вып. I. СПб., 1885. С. 98—108; *Стукалич В. К.* Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов Белоруссии. Витебск, 1894. С. 4, 12, 17, 58, 60, 62; *Леонтович Ф. И.* Сословный тип территориально-административного состава Литовского государства и его причины // ЖМНП. 1895. Июнь. С. 373—376; *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. T.V. Ч. 1. Львів, 1905. С. 17, 228, 233—235, 237—240 и др.

[21] *Беляев И. Д.* Рассказы... Кн. IV. Ч. 1. С. 272—273, 275—277 и сл.; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. II. Вып. 1. С. 52—53, 186 134 и сл.

[22] *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. I. Киев, 1885. С. 231, 240—244; *Дашкевич Н. П.* Борьба культур и народностей в Литовско-Русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею // *Дашкевич Н. П.* Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 101—160 (о «русской партии»: с. 152—154); *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IV. Київ—Львів, 1907. С. 265—292.

ло меняться с 90-х гг. XIX в., когда на основе начавшегося систематического освоения материалов Литовской метрики исследователи перешли от поиска абстрактных «начал» к изучению реальных процессов в Литовском государстве XV—XVI вв. во всей их конкретности. Капитальные труды М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, И. И. Лаппо, вышедшие на рубеже XIX—XX вв., стали классикой литуанистики.

Особое значение для нашей темы имеет первая монография М. К. Любавского, посвященная областному делению и местному управлению Литовского государства к началу XVI в. Исследователь пришел к важным выводам о «сохранении местной политической старины» отдельными землями (Полоцкой, Витебской, Смоленской и т.д.), известной самостоятельности в рамках Великого княжества Литовского, которому, по мнению М. К. Любавского, был присущ федеративный характер[23]. Вышедшая почти одновременно с исследованием М. К. Любавского книга Ф. И. Леонтовича касалась той же проблемы[24], но уступала ему в полноте собранного и изученного материала, точности наблюдений, масштабности выводов и обобщений. В определении статуса ряда князей Ф. И. Леонтович ошибся, смешивая крупные вотчины с удельными княжествами, на что указал в рецензии на его книгу М. К. Любавский[25].

Судьбы отдельных земель, входивших в Великое княжество Литовское, привлекли к себе с конца XIX в. внимание исследователей. Областные привилеи, регулировавшие отношения восточных земель с центральным правительством, стали предметом изучения М. Н. Ясинского и И. В. Якубовского, а в польской историографии этого вопроса коснулся С. Кутшеба в общем очерке государственного устройства Литвы[26]. Появились первые региональные исследования, но эта работа находилась еще в самом начале. Некоторые из них носили компилятивный характер —

---

[23] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. М., 1892. С. 61—62.

[24] *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.

[25] *Любавский М.К.* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве // ЖМНП. 1894. Август. С. 349—350.

[26] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. Ч. II. Критический разбор текстов областных привилеев // ЖМНП. 1903. Май—июнь. С. 245—303; *Kutrzeba S.* Historya ustroju Polski w zarysie. T. II. Litwa. Lwów, Warszawa, 1914. S. 41—44.

вроде книги И. П. Виноградова о Вязьме[27], другие же — как работы П. В. Голубовского о Смоленской и Северской землях, В. Е. Данилевича о Полоцкой земле, — были доведены только до конца XIV — начала XV в. Охватывали весь литовский период, хотя и далеко не исчерпывали своей темы, работы И. Побойнина о Торопце и Г. Бугославского о Смоленской земле[28]. Значительно полнее и тщательнее были выполнены исследования П. Г. Клепатского о Киевской земле и А. С. Грушевского о Пинском Полесье[29]. Перу последнего принадлежит также обстоятельный анализ положения городов в Великом княжестве Литовском XIV—XVI вв., их отношений к центральному правительству и местным властям[30]; эта работа и сегодня не утратила своей научной ценности.

Расширение источниковой базы, совершенствование методики исследования, наблюдаемые в литуанистике рубежа XIX—XX вв., коснулись и такой традиционной темы, как русско-литовские отношения. Работа Е. И. Кашпровского, посвященная перипетиям борьбы за Смоленск в начале XVI в. и основанная на всей совокупности сохранившихся источников, включая материалы Метрики, долго оставалась наиболее обстоятельным исследованием «смоленской эпопеи»[31].

В начале XX в. внимание исследователей вновь привлекло правовое положение православных в Великом княжестве, но теперь эта проблема анализировалась на значительно более высоком уровне. Подробнее результаты этой дискуссии, в которой приняли участие и русские, и польские ученые[32], мы рассмот-

---

[27] *Виноградов И. П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890.

[28] *Побойнин И.* Торопецкая старина // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. С. 1—92; *Бугославский Г.* Смоленская земля в литовский период // Смоленская старина. Вып. 3. Ч. 1. Смоленск, 1914. С. 1—104.

[29] *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1. Одесса, 1912; *Грушевский А. С.* Пинское Полесье XIV—XVI вв. Исторические очерки. Киев, 1903.

[30] *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев, 1918.

[31] *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899.

[32] *Беднов В. А.* Православная Церковь в Польше и Литве (по Volumina legum). Екатеринослав, 1908; *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 1—17; *Czermak W.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432—1563 r.) // RAU. Wydz. hist.-fil. Ser. II. T. XIX. Kraków, 1903. S. 348—405; *Kamieniecki W.* Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskim w XV—XVI wieku // PH. T. XIII. Zeszyt 3. Warszawa, 1911. S. 268—282.

рим в первой главе данной работы. Польские историки конца XIX — начала XX в. внесли заметный вклад в изучение и других сторон жизни Великого княжества Литовского, в частности, генеалогии. Здесь нужно прежде всего назвать капитальный труд Юзефа Вольфа о литовско-русских князьях[33]: по богатству собранного в нем материала (прежде всего из книг Метрики) он до сих пор не имеет себе равных. Проблемы внутренней и внешней политики Литовского государства в конце XV — первой половине XVI в. стали предметом изучения в монографиях Ф. Папэ, Л. Финкля, Л. Коланковского, О. Халецкого[34]. Всесторонний анализ положения Великого княжества в указанный период (включая отношения его с Русским государством), большой фактический материал, почерпнутый в архивах Польши и других стран, — все это придало высокую научную ценность названным работам, а очерк русско-литовской войны 1534—1537 гг. в книге Л. Коланковского до недавнего времени оставался единственным обстоятельным исследованием этих событий. Ход военных действий между Литвой и Россией с 1490-х по 1530-е гг. проанализировал Т. Корзон[35].

Достижения отечественной и зарубежной литуанистики конца XIX — начала XX в. были обобщены в курсе лекций А. Е. Преснякова по истории Западной Руси (опубликованном лишь тридцать лет спустя, в 1939 г.), содержавшем множество оригинальных и ценных наблюдений, и в «Очерке истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского[36]. В дальнейшем, в 20-е гг. нынешнего столетия, объем литуанистических исследований в нашей стране заметно сократился, а в 30—40-х гг. они практически прекратились. Между тем в Польше продолжали выходить статьи и книги по истории Великого княжества Литовского. Вероятно, под влиянием советско-польской войны 1920 г. прошлое отношений с Россией вызывало особый интерес. В 1922 г. вышла работа Я. Натансона-Леского о восточной границе Ли-

---

[33] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

[34] *Papée F.* Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. I. Kraków, 1904; *Finkel L.* Elekcja Zygmunta I. Kraków, 1910; *Kolankowski L.* Zygmunt August wielki książę Litwy do r. 1548. Lwów, 1913; *Halecki O.* Dzieje Unji Jagiellońskiej. T. I—II. Kraków, 1919—1920.

[35] *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Epoka przedrozbiorowa. T. I. Kraków, 1912. S. 243—258.

[36] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. М., 1939; *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2-е. М., 1915.

товского государства в XIV—XVI вв.[37] В монографии тщательно прослеживалось изменение русско-литовской границы на фоне политических взаимоотношений двух держав, определялись территориальные потери Литвы в результате войн рубежа XV—XVI вв. Интересно, однако, что позиция местного населения, проживавшего в зоне боевых действий, не стала предметом изучения польского ученого: под его пером оно выглядело как безгласная и пассивная жертва московской агрессии. Это же относится и к работам коллег Я. Натансона-Леского — З. Скопиньской, Ф. Конечного, В. Бяловейской, исследовавших отдельные аспекты русско-литовских отношений второй половины XV в.[38]

Другим важным направлением исследований польских историков 20—30-х гг. стало изучение положения православной церк-ви и православных в Великом княжестве Литовском. Этой теме посвящены работы Я. Фиялека, К. Ходыницкого, А. Лапинь-ского[39]. Эпоха правления Ягеллонов, по мнению К. Ходыницкого, была вполне благоприятна для православия, а XVI столетие — в особенности; приверженцы «греческой» веры — настаивает А. Лапиньский — пользовались всей полнотой гражданских прав и свобод; оба исследователя видят доказательство такого положения восточной церкви в Великом княжестве в фактах бегства многих православных из России в Литву в XVI в.

В 30—40-х гг. в Польше вышел также ряд работ обобщающего характера: вопросы внутренней и внешней политики Литовского государства XV—XVI вв. на большом фактическом материале рассматривались в новых монографиях Л. Коланковского и Ф. Папэ, в книге З. Войчеховского; внутреннее состояние

---

[37] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczyposplitej. Cz. I. Granica moskiewska w epoce jagiellocskiej. Lwów—Warszawa, 1922.

[38] *Skopińska Z.* Traktat 31 sierpnia 1449 roku w świetli polityki Litwy i Moskwy w latach 1440—1453 // AW. R. V. 1928. S. 108—150; *Koneczny F.* Litwa a Moskwa w latach 1449—1492. Wilno, 1929; *Białowiejska W.* Stosunki Litwy z Moskwą w pierwszej połowie panowania Aleksandra Jagiellończyka (1492—1499) // AW. R. VII. 1930. S. 59—110, 726—785.

[39] *Fijałek J.:* 1) Opisy Wilna aż do połowy wieku XVII-go. // AW. R. II. Wilno, 1924. S. 131—158; 2) Los unji florenckiej w Wielkiem Księstwie Litewskiem za Kazimierza Jagiellończyka. // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademji Umiejętności. Rok 1934. T. 39. Styczeń 1934. № 1. S. 21—24; *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934; *Lapiński A.* Zygmunt Stary a kościół prawosławny. Warszawa, 1937.

литовского общества анализировал В. Каменецкий[40]. Однако во всех названных работах восточным землям Великого княжества внимания практически не уделялось. На этом фоне особо выделяется капитальное исследование С. Кучиньского, посвященное судьбам чернигово-северских земель XIV — начала XVI вв.[41] Автор уточняет генеалогию местных княжеских родов, выясняет состав их владений; история «верховских» и северских уделов изучается в книге на фоне литовско-татарских и литовско-московских отношений; детально описывается присоединение этих уделов к Русскому государству на рубеже XV—XVI в. Все эти ценные наблюдения польского исследователя учтены в предлагаемой работе. Вместе с тем определенным недостатком книги С. Кучиньского является отсутствие обобщений; кроме того, автор не выявил различий в статусе отдельных черниговских и северских князей, невыясненными остались мотивы и этапы их перехода на московскую службу, в то время как религиозные причины — преследование православных в Литве — Кучиньский вслед за другими польскими учеными считает лишь официальным предлогом, умело использованным Иваном III в чисто политических целях[42].

В послевоенной зарубежной историографии наиболее интересными исследованиями, посвященными судьбам земель Литовской Руси в интересующий нас период, стали монографии Хорста Яблоновского и Освальда Бакуса, вышедшие почти одновременно в середине 50-х гг.[43] По своему замыслу и затронутым проблемам эти работы ближе всего подходят к нашему исследованию. В книге Х. Яблоновского впервые в историографии проблема политической ориентации русского населения Великого княжества Литовского является предметом специального изучения. Рассмотрев вопрос о положении православной церкви в Литовском государстве XV в., автор приходит к выводу, что она в тот период не подвергалась преследованиям, политике великих князей литовских была присуща веротерпимость[44],

---

[40] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. Warszawa, 1930; *idem*. Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936; *Papée F.* Aleksander Jagiellończyk. Kraków, 1949; *Wojciechowski Z.* Zygmunt Stary (1506—1548). Warszawa, 1946; *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947.

[41] *Kuczyński S.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy Warszawa, 1936.

[42] Ibid. S. 305—306, 308, 309.

[43] *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955; *Backus O. P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence (Kansas), 1957.

[44] *Jablonowski H.* Westrussland... S. 51, 54—55.

поэтому Х. Яблоновский присоединяется к мнению польских исследователей о том, что религиозные мотивы не могли побудить верховских и иных пограничных князей к переходу на московскую службу[45]; решающим фактором, вызвавшим эти княжеские «отъезды», он считает резкое возрастание в конце XV в. военного давления Москвы на восточные рубежи Великого княжества[46]. Что касается промосковских симпатий, Х. Яблоновский, полемизируя с К. В. Базилевичем, полностью отрицает какое-либо движение в пользу Москвы среди русского населения Литовского государства в описываемое время[47]. Убедительность этих выводов западногерманского исследователя ослабляется, однако, тем, что проведенный им анализ положения славянских земель Великого княжества Литовского явно недостаточен: в частности, совершенно обойдены молчанием города Литовской Руси, а князья представлены как какая-то однородная масса.

Последнее замечание с еще большим основанием может быть отнесено к монографии О. Бакуса, посвященной именно выяснению мотивов княжеских «отъездов» в Москву. Едва ли предложенное американским историком решение проблемы можно считать удачным: априорно предложив свыше десятка возможных мотивов, наиболее серьезными он счел пограничные стычки, негодование по поводу фаворитизма в отношении менее знатных лиц и усиления власти литовской администрации в восточных районах Великого княжества[48]. Не вытекающие ни из анализа статуса княжеской знати в Литве, ни из показаний источников, эти выводы являются совершенно произвольными. Главный недостаток работы О. Бакуса, как и Х. Яблоновского, на наш взгляд, в абстрактном, недифференцированном подходе к изучению местного населения, в данном случае — князей: выяснение мотивов их «отъезда» теряет смысл, если не видеть разницы между удельным князем (например, Воротынским) и измельчавшими княжатами вроде Мосальских.

В послевоенной советской историографии с возрождением (после долгого периода господства социологических схем) конкретно-исторических исследований возобновилось и изучение русско-литовских отношений XV—XVI вв., а также судеб славянских земель, входивших в состав Литовской державы. Одна-

---

[45] *Jablonowski H.* Westrussland... S. 130—131.
[46] Ibid. S. 126—128, 132.
[47] Ibid. S. 132.
[48] *Backus O.* Motives... P. 98, 107—110.

ко само Великое княжество Литовское в целом было как бы предано забвению: каждая из республик — Литва, Белоруссия, Украина — интересовалась только прошлым своей части этого былого государственного образования. В результате отдельно изучались собственно литовские города, отдельно — украинские и белорусские[49]. Региональный подход дал и свои положительные плоды: был введен в оборот большой фактический материал, появились монографические исследования, посвященные конкретным городам[50] и землям[51]. Меньше «повезло» российским городам: до сих пор нет ни одного специального исследования, посвященного истории Смоленска, Брянска, Торопца, Дорогобужа, Вязьмы или заоцких городков в литовский период. Советские историки интересовались их судьбой лишь с момента их вхождения в состав Русского государства[52]. Недавние работы А. Ю. Дворниченко[53] не восполняют указанный пробел, так как они посвящены изучению эволюции городского строя на славянских землях Великого княжества Литовского в целом, не содержат нового фактического материала и к тому же обнаруживают сильную зависимость от историографии прошлого века: так, в выводе А. Ю. Дворниченко о том, что введение магдебургского права в городах Литовской Руси было подготовле-

---

[49] *Отамановский В. Д.* Развитие городского строя на Украине в XIV—XVIII вв. и магдебургское право // ВИ. 1958. № 3. С. 122—135; *Сас П. М.* Феодальные города Украины в конце XV — 60-х годах XVI в. Киев, 1989; *Копысский З. Ю.* Социально-политическая история городов Белоруссии XVI — первой половины XVII в. Минск, 1975; *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII в. Минск, 1975; *Юргинис Ю. М.* Судьба магдебургского права в литовских городах // История СССР. 1975. № 4; Lietuvos miestų istorijos šaltiniai. T. 1—2. Vilnius, 1988—1992.

[50] См., напр.: История Минска. Минск, 1957; Полоцк: Исторический очерк. 2-е изд. Минск, 1987; *Мелешко В. И.* Могилев в XVI — середине XVII в. М., 1988.

[51] *Хорошкевич А. Л.* Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV в. Автореф. докт. дис. М., 1974; *Русина Е. В.* Северская земля: генезис и историческая эволюция в XV — начале XVI в. Автореф. канд. дис. Киев, 1991.

[52] *Ширяев С. Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI—XVII веках. Смоленск, 1931; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 346—378, 407 сл.

[53] *Дворниченко А.Ю.* О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV—XV вв. // Вестник ЛГУ. Сер. ист. языка, лит. 1982. № 2. С. 105—108; *он же.* О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 82—92.

но разрушением единства города и земли, происходившим под влиянием развития феодализма[54], — можно увидеть несколько модифицированную концепцию В. Б. Антоновича. Эта зависимость от предшествующей историографии еще заметнее в изданной в 1993 г. монографии того же автора о русских землях Великого княжества Литовского[55]: целые разделы книги основаны на обобщении существующей литературы, а данные источников привлекаются лишь для иллюстрации выдвигаемых положений. Автору как будто неизвестно о наличии неопубликованных книг Метрики за конец XV — начало XVI в., но и опубликованный материал используется выборочно, в виде «примеров», количество которых, как неоднократно заверяет исследователь, «можно было бы увеличить»[56]. При таком подходе к источникам неизбежен схематизм: перед читателем проходит эволюция некоего «среднего» города, столь же общи и схематичны социальные портреты князей, бояр, мещан и иных групп населения.

Хотя региональный подход, изучение отдельных славянских земель Литовской державы, позволил получить важные результаты, однако отсутствие исследований в масштабе всего Великого княжества затрудняет обобщение накопленных наблюдений, — на что справедливо обращают внимание польские ученые (в частности, Ю. Бардах[57]), продолжающие подобные обобщающие исследования, — например, городского строя в пределах всего Литовско-Русского государства[58].

С начала 50-х гг. в отечественной историографии возобновилось также изучение русско-литовских отношений и истории

---

[54] *Дворниченко А. Ю.* О предпосылках... С. 106.

[55] *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.

[56] Там же. С. 41, 170, 197. Подробный критический анализ книги А. Ю. Дворниченко дан в статье: *Кром М. М.* Новые книги по истории славянских земель Великого княжества Литовского // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 248—253.

[57] *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 79.

[58] *Ochmański J.* W kwestii agrarnego charakteru miast Wielkiego księstwa Litewskiego w XVI wieku // Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego. Warszawa, 1958. S. 279—294; *Aleksandrowicz S.* Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII wieku // Acta Balto-Slavica. T. VII. Białystok, 1970. S. 47—108; *Bardach J.* Miasta na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim od schyłku XIV do poiowy XVII stulecia // Kwartalnik Historyczny. R. LXXXVII. 1980. № 1. S. 21—51 (переизд. в дополненном виде: *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. S. 72—119).

вхождения восточнославянских земель в состав Русского государства на рубеже XV—XVI вв. Надолго утвердившаяся в советской исторической науке концепция этих событий сложилась под влиянием нескольких идеологических схем: с одной стороны, идущая еще от московской книжности XVI в. и усиленная официозно-славянофильской литературой XIX в. идея о противостоянии «истинно-православной» Руси католическому Западу, а с другой — марксистский тезис о решающей роли народных масс в истории и требование классового подхода. В итоге получилась версия о том, что масса русского населения Литовского государства, страдавшая (уже в XV в.) от католического гнета, стремилась перейти под власть Московского государства и на рубеже XV—XVI вв. благодаря успешной политике русского правительства воссоединилась наконец с единоверными братьями.

Подобный взгляд применительно к Смоленску высказал еще в 1940 г. В. П. Мальцев: «народные массы Смоленской земли, бывшие в XV в. под властью Польско-Литовского (?— *М. К.*) государства и испытавшие тяжелый национальный гнет, стремились к национальному освобождению и к соединению с Москвой». Именно поддержка народных масс обеспечила победу Москвы в борьбе за Смоленск — подчеркивал историк[59]. Далее он уточнял, что «союзниками Москвы» в этой борьбе были только городские низы — мещане и черные люди, в то время как верхушка — бояре и паны — были сторонниками Литвы[60]. Та же версия, но уже в отношении всех славянских земель Литовского государства, представлена в монографии К. В. Базилевича о внешней политике России второй половины XV в., опубликованной в 1952 г. Уже в 80-х гг. XV в. историк усмотрел «сильное движение православного населения в сторону присоединения к Москве»[61]; а вот антимосковские настроения, по его мнению, были свойственны лишь «крайне узким кругам местной феодальной знати»[62]. И в 1500 г., считает К. В. Базилевич, имело место «большое национальное движение, охватившее русское население»; помощью населения объясняются легкие успехи русских войск в указанном году[63]. Однако для подобных ответственных выводов требуется специальное исследование положения русских

---

[59] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 5.

[60] Там же. С. 32, 34, 36—37.

[61] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 153.

[62] Там же. С. 223.

[63] Там же. С. 436, 452.

земель в Великом княжестве Литовском, которого ни В. П. Мальцев, ни К. В. Базилевич не провели. Отсутствуют у них и ссылки на источники, подтверждающие версию о массовой поддержке населением действий московских войск. При этом нужно отметить, что наличие в книге К. В. Базилевича ряда недостаточно обоснованных положений не лишает ее в целом высокой научной ценности: благодаря тщательному анализу источников, обширному фактическому материалу, важным конкретным наблюдениям она до сих пор остается наиболее обстоятельным исследованием внешней политики России при Иване III (включая русско-литовские отношения), несмотря на появление впоследствии новых работ по этой теме[64].

Тезис о стремлении славянского населения Великого княжества к воссоединению с Русским государством, активной помощи его московским войскам повторялся во всех обобщающих трудах по истории России, Белоруссии, Украины и Литвы, изданных в 50—70-х гг. XX в.[65] В наиболее развернутом виде эта концепция была изложена в диссертации и статьях А. Б. Кузнецова. В восстании Глинских 1508 г. исследователь увидел проявление «национально-освободительной борьбы» в Литовском государстве, а жителям Смоленска приписал, вслед за В. П. Мальцевым, стремление к воссоединению с Россией[66]. Аргументация А. Б. Кузнецова подробно разбирается нами в тексте исследования.

---

[64] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.

[65] Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 147—154; История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти тт. Т. II. М., 1966. С. 133—135, 139; История Белорусской ССР. Т. I. Минск, 1961. С. 73, 109—110; Гiсторыя Беларускай ССР у пяцi тамах. Т. I. Минск, 1972. С. 163, 169, 224; История Украинской ССР. Т. I. Киев, 1969. С. 117, 152—153; Історія Української РСР. У 8 тт. Т. I. Київ, 1979. С. 67—68: Lietuvos TSR istorija. I tomas. Vilnius, 1957. P. 171—175; История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 71, 98.

[66] *Кузнецов А. Б.* К вопросу о борьбе Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в. // Труды НИИ ЯЛИЭ МАССР. Вып. 27. Саранск, 1964. С. 26—43; *он же.* Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. // Там же. Вып. 30. Саранск, 1966. С. 148—159; *он же.* Борьба Русского государства за воссоединение западнорусских земель (Первая четверть XVI в.). Автореф. канд. дис. М., 1966. Та же концепция без каких-либо существенных изменений повторена в недавно изданной новой книге этого исследователя: *Кузнецов А. Б.* Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века. Саранск, 2002.

Идеологическая догма о вековой нерушимой дружбе братских славянских народов заставляла историков находить ее проявления даже там, где для этого не было никаких оснований. Так, украинский исследователь Д. И. Мышко утверждал, без ссылки на источники, будто в 1490-х гг. на Чернигово-Северщине «население всюду с радостью ожидало русские войска, чтобы быстрее избавиться от литовского господства»[67]. Зато случаи участия славянских народов в войнах с Россией всячески замалчивались. Например, в «Историко-экономическом очерке» г. Витебска сказано, что в результате опустошительных войн в XVI в. этот пограничный город особенно пострадал: с 1502-го по 1536 г. предместья Витебска выжигались каждые семь лет[68], — однако стыдливо умалчивается о том, чьи же войска столько раз разоряли окрестности города; непонятно также, на чьей стороне во время этих тяжких испытаний оставались горожане. Зато чуть ниже, сообщив о таких же опустошениях в годы Ливонской войны, авторы резюмируют: все это не сломило волю витеблян, «которые все чаще и чаще смотрели на Московскую Русь как на единственного избавителя»[69]. Справедливость последнего утверждения можно оценить, если учесть, что и в первой трети XVI в., и в 1560-х гг. Витебск осаждали именно московские войска!

Исследования С. М. Каштанова, А. А. Зимина, М. Е. Бычковой, а также цикл статей польского историка С. Хербста, в течение многих лет плодотворно занимавшегося этой темой, добавили ряд фактических подробностей к истории русско-литовских войн первой трети XVI в.[70], но общая концепция этих событий оставалась в отечественной историографии практиче-

---

[67] *Мишко Д. І.* Українсько-російськи зв'язки в XIV—XVI ст. Київ, 1959. С. 47.

[68] Витебск. Историко-экономический очерк. Минск, 1974. С. 19.

[69] Там же.

[70] *Herbst S.* Wojna Moskiewska 1507—1508 // Księga ku czci Oskara Haleckiego. Warszawa, 1935. S. 29—54; *Herbst S. i Walicki M.* Obraz bitwy pod Orszą // Rozprawy Komisji historii kultury i sztuki Towarzystwa naukowego warszawskiego. T. I. Warszawa, 1949. S. 33—68; *Herbst S.* Bitwa nad Wiedrosą № 1500 roku. // Wieki średnie. Prace ofiarowane T. Manteufflowi. Warszawa, 1962. S. 275—282; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 155—164; *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 68—73; *он же.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. Гл. 4, 8, 9; *Бычкова М. Е.* Русско-литовские политические контакты XV — начала XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVII вв. М., 1979. С. 135—144.

ски без изменений до начала 80-х гг. В изданной в 1982 г. коллективной монографии Б. Н. Флоря внес в привычную схему определенные коррективы: отметив факт участия многих украинских и белорусских феодалов в подавлении восстания Глинских, он высказал мнение, что князья, в которых население привыкло видеть руководителей в борьбе с натиском литовских панов, ради своих сословных привилегий заняли антинациональную позицию и поэтому в XVI в. объединительная политика Русского государства не получила «сильной поддержки со стороны населения Украины и Белоруссии»[71]. Так был сделан шаг к освобождению от догм и выработке более реалистической концепции.

Радикальный пересмотр устоявшихся научных представлений наметился, однако, лишь в самом конце советской эпохи. В 1991 г. появился популярный очерк истории Великого княжества Литовского, написанный С. В. Думиным, — по существу первый в советской историографии. Автор оспорил многие стереотипы, сложившиеся в изучении этого государства: например, об «экспансии» католицизма в восточнославянских землях в XIV—XV вв.; по мнению С. В. Думина, политика веротерпимости была единственно возможной в Великом княжестве Литовском, и хотя господствующей религией было католичество, это не ущемляло прав православного населения[72]. Был поставлен под сомнение и столь часто повторявшийся в нашей литературе тезис о тяготении славянского населения к Москве; во всяком случае, в начале XVI в. это было не так: жители считали своею Русь в пределах Литовской державы, а московского великого князя — врагом[73]. Взамен традиционного представления о раздираемом противоречиями, клонящемся к упадку государстве С. В. Думин предложил иной образ Великого княжества Литовского — «многонационального государства, в течение длительного периода довольно успешно решавшего свои многочисленные проблемы»[74].

Показателем значительных перемен во взглядах отечественных ученых стали конференции, прошедшие в 1991—1992 гг. в

---

[71] *Флоря Б. Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 173—175.

[72] *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991. С. 109.

[73] Там же. С. 77—78, 120, 124—125.

[74] Там же. С. 123.

Москве и Гродно и посвященные взаимоотношениям различных конфессий в средневековой Восточной Европе[75]. Ряд участников этих дискуссий высказали мнение о том, что в жизни Великого княжества Литовского — по крайней мере до конца XVI в. — преобладала веротерпимость; подобный взгляд уже давно отстаивали польские исследователи[76].

Казалось бы, с крушением старых идеологических догм можно было ожидать появления новых монографических исследований по истории Великого княжества Литовского, подобных классическим трудам М. К. Любавского и М. В. Довнар-Запольского, однако этого не произошло. В историографии большинства стран на постсоветском пространстве возобладала национальная парадигма: явления и процессы, наблюдавшиеся в Великом княжестве, изучаются историками в рамках ныне существующих государственных границ; территория Литовской державы как бы дробится исследователями на «зоны» литовских, украинских, белорусских, российских научных интересов. Но насколько оправдан подобный национальный подход к такому донациональному политическому образованию, каким было Великое княжество Литовское?

Так, в капитальной монографии Н. Н. Яковенко приведен обширный фактический материал и сделаны интересные наблюдения о князьях, панах и земянах Волыни, Киевского и Брацлавского воеводств в конце XIV — первой половине XVII в.[77] Выводы автора о социальной неоднородности украинской шляхты той эпохи вполне убедительны, но насколько правомерно называть ее «украинской» и рассматривать изолированно от православной шляхты других земель Великого княжества? Региональные различия,

---

[75] Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. Сб. тезисов. М., 1991; Наш Радавод. Кн. 4. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII — пач. XX ст.» Гродна, 1992.

[76] Помимо указанных выше работ К. Ходыницкого и А. Лапиньского см.: *Tazbir J.* Państwo bez stosów. Warszawa, 1967. S. 31—33; *Ochmański J.* Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1972. S. 81; *Kosman M.* Tolerancja wyznaniowa na Litwie do XVIII wieku // ORP. T. XVIII. 1973. S. 95—123; *Dzięgielewski J.* O tolerancji w Wielkim Księstwie Litewskim // PH. T. LXXI. 1980. Zeszyt 1. S. 131—137. Из новейших работ см.: *Grala H.* Kołpak Witołdowy czy czapka Monomacha? (Dylematy wyznawców prawosławia w monarchii ostatnich Jagiellonów) // Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI—XX w.). Warszawa, 1997. S. 51—67.

[77] *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінца XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.

конечно, важны, но приоритетным остается все-таки изучение шляхетского сословия в масштабе всего Литовского государства. Как будет показано ниже, переселение шляхтичей из одного повета в другой было обычным явлением, особенно если их родные земли попадали под власть соседнего Московского государства.

Ограниченность регионального подхода, обусловленного национальными или местными («краеведческими») интересами историков, проявилась и при изучении удельных княжеств, находившихся на восточных окраинах Литовской державы. Так, судьбы княжеств Верхней Оки (так называемых «верховских») стали предметом рассмотрения российских историков А. В. Шекова и С. В. Ковылова[78], в то время как украинская исследовательница Е. В. Русина сосредоточила свое внимание на городах и княжеских уделах Северской земли[79]. Научная ценность названных работ далеко не одинакова: книга А. В. Шекова представляет собой лишь краткий очерк истории «верховских» княжеств (относительно подробно охарактеризован лишь Волконский удел); диссертация С. В. Ковылова, судя по автореферату, вообще не содержит каких-либо новых фактов или выводов; а книга Е. В. Русиной, напротив, отличается богатством конкретных наблюдений и тонким анализом разнообразных источников. И тем не менее во всех трех случаях можно говорить об ограничениях, накладываемых на исследователей избранным ими локальным подходом. Для того чтобы объяснить судьбы «верховских» или северских князей, необходимо учесть и проанализировать факторы, для изучения которых региональный масштаб не подходит: политику литовских и московских великих князей, положение православных в Великом княжестве, процесс формирования сословий и многое другое.

На фоне преобладания региональных исследований заметным явлением стал монументальный обобщающий труд Э. Гудавичюса по истории Литвы с древнейших времен до 1569 г.[80] Эта работа представляет собой синтез научных наблюдений, полученных

---

[78] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Тула, 1993; *Ковылов С. В.* Новосильское княжество и новосильские князья в XIV—XV вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Орел, 1997.

[79] *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

[80] *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005 (перевод выполнен с лит. изд. 1999 г.).

историками разных стран за многие годы изучения Великого княжества Литовского. Для нашей темы особенно интересны страницы, посвященные федеративному устройству Литовской державы, формированию сословного общества и военным конфликтам с Московским государством на рубеже XV—XVI вв.[81] Однако отсутствие в книге научного аппарата (ссылок на источники и исследовательскую литературу) зачастую не позволяет судить о том, насколько точны приводимые автором факты и насколько обоснованны делаемые им выводы и обобщения. Кроме того, книга Э. Гудавичюса посвящена преимущественно истории литовской государственности и культуры; судьбы славянских земель Великого княжества показаны в ней лишь эскизно — с точки зрения их отношений с центром Литовской державы.

* * *

В проведенном историографическом обзоре не ставилась задача исчерпать всю литературу, посвященную судьбам славянских земель Великого княжества Литовского и русско-литовским отношениям XV—XVI вв. Анализ работ по отдельным частным вопросам избранной темы дается непосредственно в тексте исследования. Здесь же мы стремились показать основные направления и этапы в изучении данной проблематики. К настоящему времени накоплен большой фактический материал по дипломатической и военной истории русско-литовских отношений. Подробно исследована история православной церкви и правовой статус православных в Великом княжестве. Вместе с тем положение отдельных русских земель в составе Литовской державы на рубеже XV—XVI вв. изучено пока недостаточно. Не выяснена и позиция разных слоев местного населения в период русско-литовских войн: как было показано выше, исследователи или вообще не замечают этой проблемы, или априорно приписывают жителям Литовской Руси симпатии или антипатии к Москве. А это, в свою очередь, затрудняет объяснение хода и конкретных результатов русско-литовских войн. Чем, например, были обусловлены легкие успехи московских войск до 1503 г. и почему они прекратились в первой трети XVI в.? Почему после взятия в 1514 г. Смоленска процесс присоединения новых западных земель к России вообще прекратился? На все подобные вопросы имеющаяся научная

---

[81] *Гудавичюс* Э. Указ. соч. С. 393—423, 487—494, 499—508, 517—534, 548—557.

литература не дает ответов. Анализ историографической ситуации помогает наметить пути изучения избранной нами темы.

Суть проблемы, с нашей точки зрения, заключается в том, на чьей стороне во время русско-литовских войн находилось местное население. Решение этого вопроса требует дифференцированного подхода, поскольку население Литовской Руси не представляло собой однородной массы, и можно предположить, что интересы разных социальных слоев были различны. Кроме того, нужно учесть особенности политической системы Литовской державы, объединявшей в описываемое время и удельные княжества, и отдельные земли, центрами которых были крупные города — Смоленск, Полоцк, Витебск и др. Соответственно, князья и города могли выступать как две политические силы в Литовской Руси. Это отражено в структуре данной работы: исследование состоит из двух частей, первая из которых посвящена князьям, а вторая — городам и различным слоям городского населения.

Выяснение позиции той или иной социальной группы складывается из двух операций: во-первых, анализа положения, занимаемого ею в Великом княжестве Литовском (объем прав и привилегий, степень самостоятельности, отношение к великокняжеской власти, земельные владения и т.д.); а во-вторых, изучения поведения данной группы или слоя в конкретных событиях русско-литовских войн. Этот подход последовательно применяется на протяжении всего исследования. Таким образом соединяются два пласта, две стороны жизни, которые обычно в работах историков оказываются разъединенными: с одной стороны, экономические и социально-политические процессы, а с другой — событийный ряд: сражения, осады, переговоры и т.д. Наблюдения и выводы, полученные на каждом из этих этапов исследования, осуществлявшегося на разных видах источников, взаимно дополняют и корректируют друг друга, что позволяет надеяться на получение в итоге максимально объективной картины.

Территориальные рамки исследования включают в себя не только собственно русские земли — Смоленск, Брянск, Торопец и т.д., но и ряд областей будущей Белоруссии (Полоцк, Витебск и др.) и Украины (Черниговщина, Северщина), — т.е. те районы, которые стали на рубеже XV—XVI вв. зоной боевых действий в русско-литовских войнах. Правомерность такого подхода объясняется, во-первых, общностью судеб указанных территорий в рассматриваемое время, а во-вторых, незавершенностью этнических процессов в тот период.

Этапы формирования белорусской и украинской народностей давно служат предметом научных дискуссий. Так, В. И. Пичета отнес завершение процесса образования белорусской народности к XVI в.[82]; М. Я. Гринблат датировал этот процесс XIV—XVI вв. и считал, что во времена Ф. Скорины, т.е. в первой трети XVI в., «белорусская народность уже достигла своей полной зрелости»[83]. Украинская народность, по мнению К. Г. Гуслистого, «выступает как отдельная этническая общность» с XIV—XV вв.[84] Однако современные исследователи выдвигают более позднюю датировку завершающей стадии формирования обоих славянских народов. Так, этнограф М. Ф. Пилипенко обоснованно считает, что Белоруссия как этническая территория возникла к концу XVI — началу XVII в. и тогда же появился белорусский этнос[85]. Консолидацию украинской народности авторы изданной в 1990 г. в Киеве коллективной монографии по этой проблеме датируют XVI — первой половиной XVII в.; само название «Украина» для обозначения этнической территории начинает употребляться с конца XVI в.[86] Белорусский исследователь Г. Я. Голенченко справедливо подчеркивает, что в массовых источниках XV—XVI вв. термин «белорусы» практически не встречается; в этот период общим для белорусского и украинского этносов оставался термин «Русь», «русины»[87].

Здесь нельзя не упомянуть об очень спорной концепции Э. Гудавичюса, считающего русинов особым народом, или этносом, сформировавшимся в Великом княжестве Литовском к началу XVI в. и противопоставлявшим себя «московитам», жившим в соседнем Русском государстве[88]. Думается, для по-

---

[82] *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961. С. 646, 656.

[83] *Гринблат М. Я.* Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968. С. 44, 48.

[84] *Гуслистый К. Г.* К вопросу об этногенезе и начальном этапе этнического развития украинской народности. М., 1964. С. 4.

[85] *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск. 1991. С. 195, 107.

[86] Українська народність: нариси соціально-економічної і етнополітичної історії. Київ, 1990. С. 44—45.

[87] *Галенчанка Г. Я.* Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV—XVI ст. // Наш Радавод. Кн. 4. Ч. I. Гродна, 1992. С. 45—46. По мнению Г. Н. Сагановича, сосуществование различных самоназваний населения, а также позднее появление слов «Беларусь» и «белорусы» свидетельствует о сложности и медленности процессов этнической консолидации в крае, о невыраженности этнического сознания (*Сагановіч Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя. Мінск, 2001. С. 182).

[88] *Гудавичюс Э.* История Литвы... С. 446—449.

Карта 1. МОСКОВСКО-ЛИТОВСКАЯ ГРАНИЦА во второй половине XV – первой трети XVI в.

добного вывода нет достаточных оснований. Во-первых, нельзя забывать о диалектных и социокультурных особенностях, разделявших славянское население Великого княжества на отдельные этнокультурные группы[89]. Во-вторых, было бы большой натяжкой считать военные конфликты Московского и Литовского государств, в которые было вовлечено славянское население пограничных земель, противостоянием двух этносов — великороссов и литовских «русинов». Как тогда в свете этой гипотезы можно объяснить многочисленные случаи перехода литовско-русских князей и бояр на службу к московскому государю?

Помимо незавершенности этнических процессов следует учесть, что все население изучаемого региона по обе стороны границы исповедовало одну и ту же православную религию, и тем не менее на русско-литовском рубеже в течение полувека не прекращалась война: православные под разными знаменами сражались друг против друга. Поэтому, на наш взгляд, разгадку этих событий следует искать не в этноконфессиональной, а в социально-политической сфере. Именно под таким углом зрения рассматривается эта проблема в предлагаемой работе.

2. Источники

Фундаментом исследования служит Литовская метрика — архив канцелярии Великого княжества Литовского, свод материалов, значение которых для истории Литовской Руси и рус-

---

[89] Так, В. Носевич и М. Спиридонов отмечают наличие субэтносов на территории Беларуси в XVI в.: жители Подвинья и Поднепровья (Полоцк, Витебск, Смоленск, Свислочь, Друцк) отличали себя от «литвинов», населявших бассейн Немана, и «полещуков» — обитателей Полесья (*Насевіч В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // З глыбі вякоў: Наш край: Гістарычна-культуралагычны зборнік. Вып. 1. Мінск, 1996. С. 17). Особой диалектно-этнической группой были и севрюки — жители Северской земли (см.: *Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 40). С. Плохий справедливо подчеркивает, что солидарность населения Литовской Руси в масштабе всего Великого княжества была слабо выражена – по сравнению с явно преобладавшей локальной идентичностью, т.е. преданностью конкретной земле или городу (см.: *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge University Press, 2006. P. 119—121).

ско-литовских отношений трудно переоценить. Хотя Метрика попала в Россию еще в конце XVIII в. (после взятия Варшавы войсками А. В. Суворова), ее издание задержалось на многие годы. В XIX в. была опубликована полностью лишь Посольская книга Метрики за 1545—1583 гг. (М., 1843), а другие акты издавались выборочно, причем ряд сборников — П. Муханова, И. Григоровича, Ф. И. Леонтовича — были подготовлены на весьма низком археографическом уровне[90], однако во многих случаях, за неимением лучших изданий, исследователям и сейчас приходится пользоваться этими публикациями[91]. Кроме того, отдельные акты публиковались в приложениях к монографиям М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского, А. С. Грушевского, Н. А. Максимейко и других исследователей. В нашей работе использованы также документы из фонда Метрики, вошедшие в сборники, изданные М. В. Довнар-Запольским и И. А. Малиновским[92].

С начала XX в. Археографическая комиссия начала систематическое издание метрических книг. Всего с 1903 по 1915 г. вышло четыре тома, подготовленные П. А. Гильтебрандтом, С. А. Бершадским, И. И. Лаппо, С. Л. Пташицким[93]. По интересующему нас периоду там были опубликованы первые три книги Судных дел (№ 3 — частично), книги Записей с третьей по пятую (№ 5 — частично), Перепись литовского войска 1528 г. После небольшого перерыва, в 1928 г., Д. И. Довгялло издал 16-ю книгу Метрики[94], после чего публикация материалов этого богатейшего фонда надолго прекратилась. Лишь в 80-х гг. совместно с польскими коллегами была возобновлена работа по подготовке новых публикаций актов Метрики[95]; наконец, в 1993 г. в Вильнюсе увидела свет 5-я книга Записей, подготовленная к печати Э. Банионисом. С тех пор литовскими учеными издано уже более десяти томов Метрики, многие из которых относятся к интересующему нас пе-

---

[90] См.: *Улащик Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 28—43, 230.

[91] Для конца XV — первой трети XVI в.: АЗР. Т. I—II. СПб., 1846—1848; АЮЗР. Т. I. СПб., 1863; АЛМ. Т. I. Вып. 1—2. Варшава, 1896—1897.

[92] АЛРГ. Вып. 1. М., 1899; Сб. Малиновского. Томск, 1901.

[93] РИБ. Т. 20, 27. СПб., 1903, 1910; там же. Т. 30. Юрьев, 1914; Т. 33. Пг., 1915.

[94] БА. Т. II. Менск, 1928.

[95] См.: Методические рекомендации по изданию и описанию материалов Литовской метрики / Сост. А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов. Вильнюс, 1985.

риоду[96]. Кроме того, с 2000 г. книги Литовской метрики публикуются также в Минске[97].

Выдающаяся роль в изучении материалов Метрики принадлежит Н. Г. Бережкову. В 1915 г. совместно с С. К. Шамбинаго он издал подокументную опись 5-й — 12-й метрических книг[98], а в 1946 г. вышла его монография — первый специальный источниковедческий труд о Литовской метрике[99]. Важный вклад в изучение дипломатики Великого княжества Литовского внесла А. Л. Хорошкевич; в частности, ею предложена классификация жалованных грамот Метрики[100], подготовлено комментированное издание полоцких актов[101]. Достоянием литуанистики стали ценные наблюдения Э. Баниониса (к сожалению, рано ушедшего из жизни) относительно генезиса ранних книг Метрики и истории канцелярии Великого княжества в конце XV — начале XVI в.[102] То, что сегодня известно о Литовской метрике, является результатом исследований ученых разных стран; среди них (помимо названных выше): А. Балюлис, А. Дубонис, И. Валиконите, З. Кяупа, С. Лазутка (Литва), В. С. Менжинский, М. Ф. Спиридонов (Беларусь), С. В. Абросимова, Г. В. Боряк, Н. Н. Яковенко (Украина), Х. Люлевич, К. Петкевич, И. Сулковска-Курасева

---

[96] См.: Lietuvos Metrika. Knyga 5 (1427—1506). Parengė E. Banionis. Vilnius, 1993; Knyga 8 (1499 — 1514). Parengė A. Baliulis. Vilnius, 1995; Knyga 10 (1440—1523). Parengė E. Banionis ir A. Baliulis. Vilnius, 1997; Knyga 11 (1518—1523). Parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997; Knyga 25 (1387—1546). Parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius, 1998; Knyga 225 (1528—1547). Parengė S. Lazutka, I. Valikonytė. Vilnius, 1995.

[97] Всего вышло четыре тома, из них к интересующему нас периоду относится 28-я книга, а также Перепись литовского войска 1528 г., см.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522 — 1552) / Падрыхтавалі В. Мянжынскі і У. Свяжынскі. Мінск, 2000; Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523 / Падрыхтавалі А. Груша, М. Спірыдонаў, М. Вайтовіч. Мінск, 2003.

[98] Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. Кн. 21. М., 1915.

[99] *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. М.—Л., 1946.

[100] *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47—74.

[101] ПГ. Вып. I — VI. М., 1977—1989.

[102] Список опубликованных работ Э. Баниониса см. в опубликованной посмертно его книге: *Banionis E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV—XVI amžiais. Vilnius, 1998. P. 17—28.

(Польша), П. Кеннеди Гримстед (США), М. Е. Бычкова, И. П. Старостина (Россия) и многие другие[103].

Для данной работы, наряду с опубликованными, были обследованы хранящиеся в фонде Литовской метрики (РГАДА. Ф. 389) книги за конец XV — 40-е гг. XVI в.[104] За исключением 9-й книги, дошедшей до нас в подлиннике[105], остальные за этот период являются копиями конца XVI в., сделанными по распоряжению канцлера Льва Сапеги с хранившихся в архиве Великого княжества Литовского оригиналов. Большинство книг Метрики в их нынешнем виде представляют собой сборники документов, весьма сложные по своему составу: они содержат фрагменты посольских книг и тетрадей (особенно книги № 5, 7, 8, 15), жалованные и подтвердительные грамоты господарей на земельные владения, правые грамоты («выроки») по судебным делам, областные привилеи, переписку великого князя с литовскими сановниками и другую документацию. При таком богатстве содержания метрические книги служат незаменимым источником как при выяснении внутреннего положения Великого княжества в рассматриваемый период, так и при изучении его внешней политики, включая отношения с Россией.

Поскольку Метрика является архивом великокняжеской канцелярии, внутренняя жизнь окраинных восточных земель отразилась в ней слабо. В особенности это относится к уделам верховских и северских князей: факт, по нашему мнению, свидетельствует о слабой связи этих земель с центром Литовского государства. Тем не менее, поскольку удельные «архивы» до нас не дошли, сохранившиеся в составе Метрики акты имеют особую ценность и в сочетании с данными других источников (в частности, посольских книг) дают, как представляется, дос-

[103] См.: Литовская метрика: Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988; Исследования по истории Литовской метрики. Сборник научных трудов. М., 1989 (здесь же подробная библиография); Lietuvos Metrika: 1991—1996 metų tyrinėjimai. Sudarė Z. Kiaupa ir A. Urbanavičius. Vilnius, 1998; Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. 1—3. Мінск, 2001—2004.

[104] ЛМ. Кн. 5—15, 17—25, 27—41, 223—231, 587, 589. За время, прошедшее с момента окончания работы над первым изданием данного исследования, были опубликованы метрические книги № 5, 8, 10, 11, 25, 28, 225 (см. выше сноски 96 и 97) и кн. № 587, см.: «Выписка из посольских книг» о сношениях Русского государства с Польско-Литовским за 1487 — 1572 гг. М. — Варшава, 1997 (=Памятники истории Восточной Европы. Т. II).

[105] См.: *Бережков Н. Г.* 9-я книга записей Литовской метрики // Исследования по истории Литовской метрики... С. 32—63.

таточную основу для выяснения статуса «украинных» князей и их владений.

Ряд документов из фонда Метрики вводятся нами в оборот впервые. К ним относится реестр раздачи волостей в держание брянским боярам 1496 г., список дворян Великого княжества (ок. 1509 г.), квитанции раздачи денежного и другого жалованья князьям, боярам, дворянам и иным лицам и многие другие акты. Некоторые документы, давно опубликованные и известные исследователям, но остававшиеся совершенно неизученными, впервые подвергнуты подробному анализу: это относится, в частности, к такому ценнейшему источнику, как реестр смоленских бояр и слуг 1480-х гг. В работе предпринята попытка выявить и систематизировать весь содержащийся в Метрике материал о персональном составе и судьбах боярства Смоленска, Брянска, Путивля, Чернигова и других порубежных земель.

Ценным дополнением к книгам Литовской метрики служат материалы бывшего Радзивилловского архива: в нескольких фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки автором этих строк были выявлены дворянские реестры 1514 г., переписка литовского гетмана Юрия Радзивилла времен Стародубской войны (1534—1537 гг.) и другие ценные документы первой половины XVI в.; они составили отдельный том, вышедший в серии «Памятники истории Восточной Европы»[106].

Другим многофункциональным по возможностям использования источником являются посольские книги сношений России с Литвой и Польшей, опубликованные в конце XIX века[107]. Помимо сведений о войнах, перемириях, переговорах между двумя державами, они содержат ценную информацию о внутриполитической ситуации в приграничных районах: в частности, перечисляются имена наместников порубежных литовских городов в конце XV в., постоянно говорится о взаимоотношениях «украинных» князей между собой и с государями Москвы и Литвы и т.д. Большая лакуна в посольских книгах за 1505—1517 гг. отчасти покрывается дипломатической перепиской (кстати, еще не введенной в научный оборот), сохранившейся в 7-й книге Метрики. Ценным дополнением к этим сведениям служат наказы русским послам в Крым, содержащиеся как в изданных по-

---

[106] Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М. — Варшава, 2002 (=Памятники истории Восточной Европы. Т. VI).

[107] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882; там же. Т. 59. СПб., 1887.

сольских книгах (до начала 1520-х гг.[108]), так и в хранящихся в архиве (РГАДА. Ф. 123). Некоторую информацию по интересующей нас теме можно почерпнуть в статейных списках сношений России с Пруссией и Империей[109].

При выяснении положения князей в Великом княжестве Литовском нельзя обойтись без данных родословных книг; в работе использованы родословия нескольких редакций, наиболее ранние из которых, опубликованные М. Е. Бычковой, относятся к 20—30-м гг. XVI в.[110] Родословия позволяют воочию судить о процессе дробления и измельчания княжеских родов, кроме того, там содержатся некоторые уникальные факты: например, упоминание о конфликте жителей Брянска со своими князьями Можайскими. Ценные подробности имеются также в родословной памяти кн. Глинских[111].

Для изучения судеб смоленского боярства в Московском государстве XVI в., а также процесса испомещения на новоприсоединенных землях в работе привлечены писцовые книги середины XVI — начала XVII в., Дворовая тетрадь 1550-х гг., а также смоленская десятня 1574 г.[112] Возможности ретроспективного анализа этих источников при рассмотрении указанных проблем обоснованы в тексте исследования.

Нарративные источники — летописи и хроники — освещают ход русско-литовских войн рубежа XV—XVI вв. В великокняже-ском своде 90-х гг. XV в., отразившемся в заключительных частях Московского свода по Уваровскому списку, Сокращенного свода, Симеоновской и Типографской летописей, а также Прилуцком и Уваровском видах «Летописца от 72-х язык» (опубликованных в 1963 г. под названием «Летописные своды 1497 и 1518 гг.»)[113], — эпизоды пограничной войны кон-

---

[108] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884; там же. Т. 95. СПб., 1895.

[109] Там же. Т. 53. СПб., 1887; ПДС. Т.I. СПб., 1851.

[110] БК. Ч. 1. М, 1787; ВМОИДР. Кн. X. М., 1851; РИИР. Вып. 2. М., 1977. О редакциях родословных книг см.: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 14—121.

[111] См.: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей (ГБЛ). Вып. 38. М., 1977. С. 104—125.

[112] Торопецкая книга 1540 г. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1—2. СПб., 1872—1877; РГАДА. Ф.1209. Кн. 539, 582, 619, 10815, 10816; ТКДТ. М.—Л., 1950; Разборная десятня 1574 г. по Смоленску // ЛИРО. 1913. Вып. 1—2. С. 82—99.

[113] ПСРЛ. Т. 25, 27. М.—Л., 1949, 1962; там же. Т.18. СПб., 1913; там же. Т. 24. Пг., 1921; там же. Т.28. М.—Л., 1963. О своде 1490-х гг. см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 243—254. См. также его статьи в изд.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л-Я. Л., 1989. С. 21—22, 56—57, 63—64, 34—35 и др.

ца 80 — начала 90-х гг. изложены очень лаконично и без какого-либо идеологического обоснования действий московского государя. В летописании начала XVI в. заметно возрастает интерес к противоборству с Литвой: подробно излагаются военные события 1500—1502 гг., а в оправдание нарушения мира Иваном III пересказываются (видимо, на основе посольской книги) заявления московской стороны о притеснении православных в Литве.

Еще более сильную идеологическую нагрузку несут статьи, посвященные войнам с Литвой, в официальном летописании первой четверти XVI в. Это особенно заметно в подробном рассказе о взятии Смоленска в Иоасафовской летописи: здесь изображена умильная сцена ликования «освобожденных» московскими войсками смольнян, которые «с великого государя боляры и воеводы... начаша здравствовати и целоватися, радующеся, с великою любовию, аки братиа единовернии...», а их жены и дети «православному великому государю благодарственыа испущающие гласы, избавльшеся и свободившеся злыа латынскиа прелести...»[114]. Весь этот пассаж, пронизанный церковной риторикой, повторяется и в более поздних московских летописях — Воскресенской и Никоновской[115]. Однако в Своде 1518 г. и Вологодско-Пермской летописи тот же эпизод взятия Смоленска изложен более реалистически, ни о каком ликовании горожан по случаю избавления от «латынства» там не говорится[116].

Уместно напомнить, что к тому же времени, что и Иоасафовская летопись, относится появление известных публицистических памятников — Послания Спиридона-Саввы и 1-й редакции Сказания о князьях владимирских (1520-е гг.)[117], где проводится та же идея о превосходстве православия над католичеством, а московских государей — над литовскими князьями, впавшими в «латыньскую прелесть»[118]. Эти сочинения, как и составлявшиеся в России родословия литовских князей[119], показывают, что борьба с Литвой шла и на «идеологическом фронте». Интерес-

---

[114] ИЛ. М., 1957. С. 163.

[115] ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 256; там же. Т. 13. I пол. СПб., 1904. С. 20.

[116] Там же. Т. 28. С. 348—349; там же. Т. 26. М.—Л., 1959. С. 304.

[117] Словарь книжников... Вып. 2. Ч. 2. С. 370—371, 408—411 (статьи Р. П. Дмитриевой).

[118] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955. С. 169—170, 177—178, 181.

[119] *Флоря Б. Н.* Родословие литовских князей в русской политической мысли XVI в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978. С. 320—328.

но, что провинциальное летописание обнаруживает независимость от официальной московской версии тех же событий. Так, псковский летописец, хорошо осведомленный о ходе русско-литовских войн, проявляет сдержанно-критическое отношение к успехам московского оружия, отмечает тяготы военного времени, упорство и стойкость смольнян, выдержавших несколько осад, и т.п.[120] Остается загадкой, каким образом попали в устюжские летописи, в частности, в Архангелогородский летописец, сведения о войнах с Литвой конца XV в. и начала XVI в.: по предположению исследователей, составитель северной летописи мог получить их от пленных литовских воевод[121]. Здесь содержатся уникальные подробности о пограничной войне 1493 г., о действиях русских воевод в 1508 г., походах 1513—1514 гг. и взятии Смоленска; наконец, рассказ о раскрытии в этом городе пролитовского заговора изложен, в отличие от Иоасафовской и близких к ней летописей, в иной и, как будет показано в ходе исследования, более правдоподобной редакции[122].

Белорусско-литовские летописи[123] дают нам возможность взглянуть на изучаемые события как бы с другой стороны. Наиболее ранняя из них — так называемая Хроника Быховца, опубликованная (латиницей) Т. Нарбутом в 1846 г.; оригинал ее к настоящему времени утрачен. Датировка этого памятника остается предметом дискуссии, наиболее вероятная — 20-е (Р. Ясас) или 30-е гг. (М. А. Ючас) XVI в.[124] Самой ценной является заключительная часть Хроники, за 1492—1506 гг., где содержится, в частности, подробный рассказ о военных действиях на русско-литовском рубеже в 1500—1502 гг.[125] Более поздние белорусские летописи — Рачинского, Румянцевская, Евреиновская[126] — являются памятниками второй половины XVI—XVII в., в них есть некоторые интересные подробности русско-литовских войн (которые освещаются с литовских позиций, во враждебном к Москве духе), но они изобилуют ошибками; хронология ненадежна во всех белорусско-литовских летописях.

---

[120] ПЛ. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 97—100; там же. Вып. 2. М., 1955. С. 226, 259.

[121] *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 54—56.

[122] ПСРЛ. Т.37. Л., 1982. С. 98, 100—102.

[123] См.: *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985 (здесь же обзор литературы).

[124] *Ючас М. А.* Хроника Быховца // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 220—232 (здесь же разбор имеющихся точек зрения).

[125] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 164 —173.

[126] Там же. Т. 35. М., 1980.

Антимосковская тенденция характерна и для польских хроник. Знаменитый труд Яна Длугоша обрывается на 1480 г. Среди его продолжателей прежде всего нужно назвать М. Меховского и Б. Ваповского. В Хронике Меховского, доведенной до 1506 г., есть упоминания о войне с московским государем[127]. Однако наибольший интерес для нашей темы представляет труд Бернарда Ваповского (изданный лишь посмертно)[128]. В отечественной историографии он мало используется, а между тем это первоклассный источник по истории Восточной Европы 1480—1535 гг., в частности — русско-литовских войн[129]. Этот сюжет занял также довольно заметное место в небольшом сочинении Й. Деция, посвященном первому десятилетию правления Сигизмунда Старого (1506—1516)[130]. Опубликованные в 1550-х гг. хроники М. Кромера (только до 1506 г.) и М. Бельского значительно беднее информацией по интересующей нас проблеме, к тому же в них (особенно у Кромера) встречаются малодостоверные и легендарные известия[131]. История Литвы и Руси подробно изложена в труде М. Стрыйковского (1582 г.), использовавшего сочинения названных выше предшественников (кроме Б. Ваповского) и другие источники, в том числе не дошедшие до нас[132]. Однако к оригинальным известиям Стрыйковского приходится относиться с большой осторожностью, поскольку в них встречаются явные ошибки (например, в рассказе о восстании Глинских).

Важным дополнением к сведениям нарративных источников служат разрядные книги[133], которые позволяют уточнить датировку и сообщают интересные подробности военных походов.

---

[127] *Miechowski M.* Cracoviae, 1521.

[128] *Wapowski B.* Kraków, 1874.

[129] См. о его хронике: *Lukas S.* Rozbiór podługoszowej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. Kraków, 1880; *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Węgra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego. Wrocław, 1969; *Михайловская Л. Л.* Белоруссия и Литва конца XIV — первой трети XVI в. (по материалам хроники Бернарда Ваповского). Автореф. канд дис. Минск, 1981; *Кром М. М.* Сведения по истории России конца XV — первой трети XVI в. в Хронике Бернарда Ваповского // Россия в IX—XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сб. статей и тезисов докладов вторых чтений, посвященных памяти А. А.Зимина. Москва, 26 — 28 января 1995 г. М., 1999. С. 229—232.

[130] Decius. Cracoviae, 1521.

[131] Bielski 1554; Kromer. Sanok, 1857. Ср.: *Рогов А. И.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 123—133.

[132] См.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966.

[133] РК 1598. М.,1966; РК 1605. Т. 1. Ч. I—III. М., 1977—1978.

Наконец, при изучении политических событий рассматриваемого периода нельзя обойтись без серийных публикаций дипломатических документов — таких как «Кодекс посланий XV в.», «Акты Александра, короля польского», «Акта Томициана» и др.[134]

И нарративные источники, и дипломатические документы изображают лишь внешнюю сторону событий. Рассказывая о сдаче или упорной обороне осажденных городов, ни русские летописи, ни польские хроники не касаются мотивов поведения горожан в том или ином случае или ограничиваются поверхностными объяснениями. Для выявления внутренней логики событий необходимо обращение к охарактеризованным выше материалам (прежде всего актам Метрики), освещающим положение населения Литовской Руси в рассматриваемый период. В целом вся совокупность имеющихся в нашем распоряжении источников при комплексном их использовании составляет достаточную основу для плодотворного изучения избранной темы.

---

[134] Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lithuaniae, 1376—1430. Col. A. Prochaska. Cracoviae, 1882; Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. III. Col. A. Lewicki. Kraków, 1894; AT. T. I—XVII. Posnaniae, etc. 1852—1966; T. XVIII. Kórnik, 1999; LUB. 2 Abt. Bd.2. Riga — Moskau, 1905; AA. Kraków, 1927; Materiały do dziejów diplomacji polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks zagrzebski). Wrocław — Warszawa —Kraków, 1966.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КНЯЗЬЯ И КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОЙ РУСИ В ПЕРИОД МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

Глава первая
«Украинные» князья и их уделы во второй половине XV в.

Заметную роль в событиях конца XV в., приведших к вхождению в состав Русского государства ряда земель соседней Литовской державы, сыграли князья, чьи уделы располагались вдоль русско-литовской границы. Естественно поэтому будет начать исследование с анализа статуса этих князей в Великом княжестве Литовском во второй половине XV столетия.

Еще Ф. И. Леонтович сделал важное наблюдение о положении «верховских» князей (их владения находились в верховьях Оки): эти князья были отчичами своих уделов, а не получали их по великокняжескому пожалованию; с литовскими великими князьями их связывали союзно-договорные отношения; они не принимали никакого участия в общих делах Литовского государства[1]. Сходную мысль высказал А. Е. Пресняков, писавший, что верховские князья «стояли вне государственных связей Литовско-Русского государства»[2]. Благодаря работам М. К. Любавского, Ф. И. Леонтовича, С. Кучиньского, Я. Натансона-Леского, а в последнее время — и Е. В. Русиной[3], мы теперь весьма отчетливо представляем себе местонахождение и состав владений верховских и северских князей накануне их перехода в московское подданство. Усилиями нескольких поколений исследователей к настоящему времени неплохо изучена генеалогия княжеских родов. Однако после выхода монографии С. Кучиньского

---

[1] *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 178, 180—181.

[2] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 151.

[3] *Русина О. В.* Формування і зміст топониму «Сіверська земля» // УІЖ. 1990. № 6. С. 80—87; *она же.* Северская земля: генезис и историческая эволюция в XIV — начале XVI в. Автореф. канд. дис. Киев, 1991; *ее же.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.

(1936 г.)[4] разработка этих проблем надолго приостановилась. В отечественной историографии основное внимание было уделено судьбам так называемых «служилых князей» (этот термин использовал еще В. И. Сергеевич[5]) в составе Российского государства XVI в.[6], а их положение в предшествующий период в Великом княжестве Литовском оказалось вне поля зрения исследователей. Эта проблема затронута в вышедшей в 1993 г. монографии А. Ю. Дворниченко[7], но произведенный им беглый обзор княжеских владений в Западной Руси столь краток, что местами напоминает простое перечисление. Автор не привлекает ни данных генеалогии, ни всего комплекса сохранившегося актового материала, сообщая о большинстве упоминаемых им княжеских родов лишь общеизвестные факты.

Историографическую ситуацию мало изменили и работы А. В. Шекова о верховских и С. В. Ковылова — о новосильских князьях[8].

В существующей литературе не получили разрешения многие важные вопросы: испытывали ли «украинные» князья какие-либо притеснения на религиозной почве и не это ли обстоятельство подталкивало их к переходу в Москву? Как влияла на положение этих князей международная обстановка в Восточной Европе, политика Литвы, Москвы, Крыма? Наконец, какие градации существовали в статусе служилых князей и как они сказывались на их поведении в период русско-литовского конфлик-

---

[4] *Kuczyński S.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

[5] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т.2. Изд. 3. СПб., 1908. С. 335—352.

[6] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22. С. 113—121; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 46—52; *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // ВИ. 1969. № 1. С. 210—218; *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 28—56; *он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. Гл. 4; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. Гл. 2. С. 29—77; *Антонов А. В.* К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 258—285.

[7] *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 76—120.

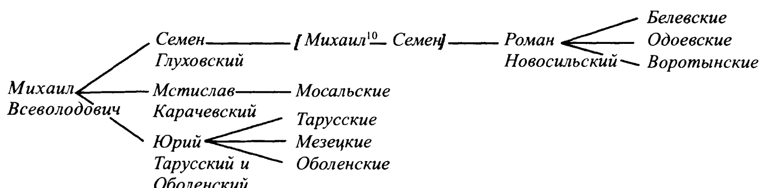
[8] *Шеков А. В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Тула, 1993; *Ковылов С. В.* Новосильское княжество и новосильские князья в XIV—XV вв.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Орел, 1997.

та? На этих спорных и недостаточно изученных вопросах мы и сосредоточим основное внимание.

Начать, видимо, нужно с экскурса в генеалогию. Среди «украинных» князей были как Гедиминовичи (Бельские, Трубецкие), так и Рюриковичи — потомки черниговских, смоленских и московских князей. Верховские князья все состояли между собой в родстве, восходя к общему предку — кн. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, убитому в 1246 г. в Орде (см. схему 1).

Схема 1

Схема родства верховских князей[9]

Старшей среди черниговских княжат стала в XV в. линия Новосильских — Одоевских — Воротынских. Кн. Роман Семенович Новосильский, родоначальник Белевских, Воротынских и Одоевских, участвовал в 1375 г. в походе великого князя московского Дмитрия Ивановича на Тверь[11]. В конце XIV — первой четверти XV в. Новосильские служили московским государям. После сожжения Новосили татарами в конце 1375 г.[12] кн. Роман, по словам родословия, «из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского»; там же названы сыновья Романа: Василий, Лев и Юрий (в более поздней редакции указан, вероятно ошибочно, еще сын Михаил)[13]. Ю. Вольф и С. Кучинь-

---

[9] Источники: ВМОИДР. Кн. X. С. 68—71; РИИР. 2. С. 111—114. В родословиях два поколения князей явно пропущены; в квадратных скобках — конъектура Р. В. Зотова на основе Любецкого синодика (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... СПб., 1892. С. 105—111, 241—244).

[10] В другом варианте реконструкции (Н. Квашнина-Самарина) — Александр; см.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 34; *Kuczyński S.* Ziemie..., tabl. № 1.

[11] ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 119.

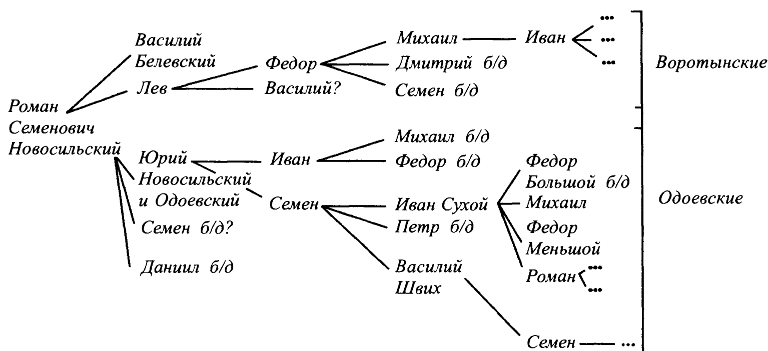
[12] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 126.

[13] РИИР. 2. С 112. Ср.: ВМОИДР. Кн. X. С. 70.

ский установили, однако, что у Романа Новосильского и Одоевского были еще сыновья, не упомянутые в родословиях, а кн. Лев Романович, названный в них бездетным, на самом деле оставил потомство — в том числе Федора, которого родословия именуют сыном Юрия Романовича[14]. Документы первой половины XV в. никакого «Федора Юрьевича» среди верховских князей не знают, зато Федор Львович в 1440-х гг. хорошо известен — сохранилось несколько его докончаний с Казимиром[15]. Указанные наблюдения польских исследователей в отечественной историографии остались незамеченными, поэтому приведенная в книге А. А. Зимина генеалогическая схема родословия черниговских княжат в этой части ошибочна[16]. С учетом замечаний Вольфа и Кучиньского родословие Новосильских, Одоевских и Воротынских может быть представлено в следующем виде (схема 2).

Схема 2

Новосильские, Одоевские и Воротынские
(XIV — начало XVI в.)[17]

[14] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 278—280, 585—586; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 133—136.

[15] АЗР. Т. I. СПб., 1846. № 41, 48, 49. С 55—56, 61—62.

[16] *Зимин А. А.* Формирование... С. 130 (схема 11).

[17] БК. Т. 1. С. 181—183; ВМОИДР. Кн. X. С. 70; РИИР. 2. С. 112—113; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 2—3, 278—280, 585—586; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 133—136 i przyp. 213.

До 1425 г. клан Новосильских князей (несмотря на разорение Новосили еще и в середине XV в. носивших этот титул) служил Москве, а после смерти Василия I они перешли на службу к Витовту[18]. Литовский период в истории этого княжеского рода продолжался почти полвека, до 70—80-х гг. XV в.

В историографии неоднократно отмечалось, что отношения верховских князей с великими князьями литовскими носили договорный характер[19]. Следует, однако, сделать важное уточнение: все подобные докончания, которые дошли до нас или о которых сохранились упоминания в источниках, относятся только к Новосильским князьям (включая Белевских, Одоевских, Воротынских). Самое раннее из известных — докончание с Витовтом — не сохранилось, но о нем есть упоминания в последующих договорах Новосильских князей с Казимиром[20]. Вероятно, упомянутое докончание относится к 1427 г., когда, как писал Витовт гроссмейстеру Ордена, принесли ему присягу «князья Новосильские с детьми, Одоевские и Воротынские с матерью-вдовой» (имелась в виду вдова кн. Льва Романовича Воротынского)[21]. А первое из дошедших до нас докончаний такого рода — договорная грамота кн. Федора Львовича Новосильского и Одоевского с великим князем Казимиром от 20 февраля 1442 г.[22]

---

[18] Codex epistolaris Vitoldi, magni ducis Lirhuaniae, 1376—1430. Cracoviae, 1882. № 1298. S. 779; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 128—129.

[19] См. указанные выше работы Ф. И. Леонтовича, М. Н. Тихомирова, А. Ю. Дворниченко и др.

[20] АЗР. Т. 1. № 41, 63, 80. С. 55, 77—78, 100.

[21] Codex epistolaris Vitoldi... № 1298. S. 779.

[22] Обычно публикаторы датируют этот документ 1442 г., см.: АЗР. Т. 1. № 41. С. 55—56; ДДГ. № 39. С. 117—118. Однако Э. Банионис, издавая тот же текст в составе 5-й книги Метрики, попытался передатировать его 1447 г. (см.: LM. Kn. 5 (1427—1506) / Parengė E. Banionis. Vilnius, 1993. № 130. P. 247—248 и комментарий на с. 332). Литовский исследователь предположил, что переписчик Метрики конца XVI в. допустил ошибку в номере индикта и написал цифру 5 («е») вместо 10 («І»), зато дату от Рождества Христова указал правильно: 1447 г. Но это предположение мало убедительно: во-первых, основным способом датировки в XV в. было именно указание номера индикта, в то время как годы указывались далеко не всегда и нередко — неправильно (сам же Э. Банионис указывает на ошибки при обозначении года от Сотворения мира в ряде договоров XV в., см.: LM. Kn. 5. P. 250, 258 — комментарии к док. № 134, 140). Поэтому гораздо легче предположить ошибку переписчика не в номере индикта, а в дате от Рождества Христова, тем более что в Метрике данный документ помещен сразу после текста докончания великого князя Казимира со Псковом, имеющего дату 30 декабря 1440 г., индикта 4 (ibid. № 129. P. 246). Во-вторых, если принять датировку Э. Баниониса, то тогда трудно

Этот документ сохранился в составе 5-й книги Литовской метрики, в особом комплексе из 15 договорных грамот, озаглавленном: «Здесь писаны старие докончанья Казимера короля коли еще был великим князем»[23]. Здесь среди договоров Казимира с Новгородом, Псковом, молдавскими воеводами, московским и тверским великими князьями помещены три грамоты Ф. Л. Новосильского (докончальная 1442 г. и две присяжные 1448 г.[24]), а также грамота 1459 г. — докончание Ивана Юрьевича, Федора и Василия Михайловичей Новосильских-Одоевских с королем[25]. Таким образом, отношения с этими князьями рассматривались как бы на межгосударственном уровне.

Формуляр докончаний Новосильских князей с великими князьями литовскими практически не менялся на протяжении XV в., в результате некоторые статьи приобрели к концу столетия совершенно архаичный характер. Так, пункт о «суде по старине» «з великим князем московским, и з великим князем переславским, и з великим князем пронским, хто будеть тая великия княженья держати», фигурирует почти в одних и тех же словах и в договоре 20 февраля 1442 г. Федора Львовича с Казимиром, и в докончаниях с ним же Ивана Юрьевича Одоевского («з своими братаничы») 21 апреля 1459 г. и князей Воротынских 10 апреля 1483 г.[26] Архаичность была естественным следствием принципа нерушимости «старины». Каждое из перечисленных докончаний начинается с традиционного челобитья великому князю о принятии «у службу», и великий князь принимает челобитчика (челобитчиков) на службу, причем — «по князя великого Витовтову докончанью». Словом, в докончаниях Новосильских князей как бы навечно застыла эпоха Витовта, рубеж XIV—XV вв.

объяснить, почему кн. Федор Львович выжидал до февраля 1447 г., прежде чем «бить челом в службу» Казимиру, занявшему великокняжеский престол в июне 1440 г., и почему в интересующем нас документе он титулуется князем Новосильским и Одоевским, а всего менее года спустя, 5 февраля 1448 г., — только князем Воротынским (ibid. № 131, 132. P. 248). Таким образом, нет серьезных оснований пересматривать традиционную датировку договора кн. Федора Львовича с Казимиром — 1442 г.

[23] LM. Kn. 5. P. 244.

[24] АЗР. Т. 1. № 41, 48, 49. С. 55—56, 61—62; LM. Kn. 5. № 130—132. P. 247—249.

[25] Докончание 1459 г. издавалось неоднократно: АЗР. Т. 1. № 63. С. 77—78; ДДГ. № 60. С. 192–193; LM. Kn. 5. № 137. P. 254—255.

[26] Ср. тексты договоров 1442 (LM. Kn. 5. № 130. P. 247) , 1459 (Ibid. № 137. P. 255) и 1483 г. (АЗР. Т. 1. № 80. С.101).

Карта 2. ВЕРХОВСКИЕ КНЯЖЕСТВА во второй половине XV – начале XVI в.

Основную часть докончаний составляет перечисление взаимных обязательств договаривающихся сторон — князя, «бьющего челом в службу», и великого князя (во всех трех рассматриваемых случаях — Казимира). Служебный князь обязуется «служыти верно, без всякое хитрости»; «полетнее» (ежегодные выплаты — *М. К.*) «давати по старине»; быть «мирным» или «немирным» с кем-либо по воле великого князя и без воли последнего ни с кем «не докончивати» и никому не помогать; служить наследнику нынешнего великого князя. Со своей стороны великий князь должен служилого князя «во чьсти и в жалованьи и в докончаньи держати», «боронити» его «от всякого», в его вотчину не вступаться, а «по животе» князя такую же докончальную грамоту дать его детям; давать суд и управу во всех делах, а также служить арбитром в спорах между самими Новосильскими князьями[27]. Докончания предусматривали также переход вотчины служилого князя к его детям по наследству и — в случае несоблюдения великим князем (или его наследником) обязательств по отношению к участнику докончания или его детям — расторжение договора («з нас целованье долов, а нам воля»)[28]. Итак, служилый князь выступает здесь как вассал великого князя, но вассал, сохраняющий большую долю самостоятельности, ограниченной только в сфере внешней политики, в своей же вотчине он — полный хозяин. Обязательства носят взаимный характер, и в случае их несоблюдения сюзереном князь, добровольно заключивший договор, может его расторгнуть.

Основы отношений Новосильских князей с виленским двором, судя по рассмотренным докончаниям, на протяжении 40—80-х гг. XV в. не менялись, однако в среде самих этих князей происходили в это время заметные изменения. Присмотримся к именам и титулам договаривающихся князей. В соответствии с тогдашней договорной практикой соглашения заключались на срок жизни их участников, поэтому естественно, что со сменой господаря на виленском престоле обновлялись и докончания: существовало «Витовтово докончанье», затем есть упоминание о присяге, принесенной Одоевскими Свидригайле в начале 1430-х гг.[29]; неудивительно и то, что в феврале 1442 г., на второй год после вступления на великокняжеский престол Казимира, с последним заключил договор кн. Федор Львович Новосильский и Одоевский. Однако при жизни Казимира известно еще два его докон-

[27] LM. Kn. 5. № 130, 137. P. 247, 254—255 ; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100—101.
[28] LM. Kn. 5. P. 247, 255 ; АЗР. Т. 1. С.101.
[29] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 132.

чания с Новосильскими князьями — 1459 г. и 1483 г. Интервал между этими докончаниями составляет, соответственно, 17 лет и 24 года — это примерно продолжительность смены одного поколения. Можно предположить, что каждое подросшее поколение Новосильских князей возобновляло договор с господарем. Нужно, однако, учесть еще одно важное обстоятельство — существование в роде Новосильских князей нескольких линий.

С. Кучиньский с полным основанием писал, что уже после смерти Романа Семеновича Новосильского (т.е. с первых лет XV в.) говорить о едином Новосильском княжестве не приходится — оно распадается на несколько уделов (Одоевский, Воротынский, Белевский), хотя князья сохранили за собой общее родовое прозвание Новосильских[30]. Старший в роде титуловался «Новосильским и Одоевским». В 1442 г. старшинство, видимо, принадлежало кн. Федору Львовичу, и в этом качестве он заключил договор с Казимиром, именуя «Новосильскую землю и Одоевскую» своей «отчиной», права на которую принадлежат ему и его детям (другие Новосильские князья в докончании даже не упомянуты!)[31]. Но тем самым он узурпировал права законных наследников Одоева, своих двоюродных братьев — сыновей Юрия Романовича Одоевского (см. схему 2); когда Юрьевичи подросли, они, по вероятному предположению С. Кучиньского, вернули себе отцовское достояние вместе с титулом, и поэтому в документах 1448 и 1455 гг. Федор именуется по своему уделу (он перешел и к его сыновьям) кн. Воротынским[32].

В 1440-х гг. лишь по косвенным признакам можно судить о шедшей в среде Новосильских князей борьбе за старшинство в роде, за контроль над родовыми вотчинами. К концу же века эта борьба принимает открытые формы, становится предметом обсуждения на русско-литовских переговорах. Так, весной 1492 г. по поводу конфликта между Одоевскими князьями, служившими разным сторонам, говорилось: «которому (из Одоевских. — *М. К.*) пригоже будет быти на болшом княженье, тот бы ведал болшое княженье, а которому на уделе, тот бы удел свой ведал»[33].

Следующее докончание Новосильских князей с Казимиром датировано 21 апреля 1459 г.[34] На этот раз его участниками стали кн. Иван Юрьевич Новосильский и Одоевский «з своими бра-

---

[30] Ibid. S. 131.

[31] АЗР. Т. I. С. 55.

[32] Там же. С. 61; РИБ. Т.27. Стб. 52; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 132—133.

[33] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 65.

[34] АЗР. Т. 1. № 63. С. 77—78; лучшее изд.: ДДГ. № 60. С. 192—193.

таничы» Федором и Василием Михайловичами (Белевскими). Титул кн. Ивана показывает, что именно он тогда считался старшим в роде (держал «большое княжение»). Интересно, что никто из княжеской «братии», помимо перечисленных князей, в грамоте не упоминается — речь идет только об этих троих князьях и их детях; ни слова не сказано о предыдущем докончании — кн. Федора Львовича, 1442 г. Создается впечатление, будто Иван Юрьевич с братаничами совершенно независимо от других Новосильских князей «бьет челом в службу» Казимиру в 1459 г., и это вполне возможно, если учесть, что князья Белевские еще недавно находились в Московском государстве (см. ниже). Получается, таким образом, что разные линии рода Новосильских (Львовичи — Воротынские и Юрьевичи — Одоевские) заключали договоры с великим князем отдельно друг от друга. Для проверки этого предположения обратимся к третьему докончанию — от 10 апреля 1483 г.[35]

Докончание 1483 г. было заключено Казимиром с сыновьями упомянутого выше Федора Львовича, Дмитрием и Семеном Федоровичами, и с их братаничем кн. Иваном Михайловичем, который назван «Новосильским, и Одоевским, и Воротынским»[36]. Титул указывает на то, что старшинство в роду перешло к тому времени к Воротынским князьям. Они и заключили это докончание, в котором, между прочим, есть прямая ссылка на договор кн. Федора 1442 г. — князья били челом, «абыхмо их пожаловали, приняли в службу, как и отца их, по докончанию... великого князя Витовта»[37]. Стало быть, докончание 1483 г. рассматривалось как подтверждение и возобновление (новым поколением Воротынских) договора 1442 г. Итак, представители двух ведущих линий Новосильских князей — Воротынские и Одоевские, — оспаривая друг у друга старшинство в роду, заключали договоры с виленским двором (практически идентичные по содержанию) независимо друг от друга, причем каждая из соперничавших княжеских династий принимала во внимание только «свои» предыдущие докончания. Это соперничество между далеко разошедшимися линиями Новосильских князей переросло к концу века, как мы увидим, в открытую вражду, сопровождавшуюся наездами, грабежами и захватами.

Великие князья литовские, стараясь удержать при себе Новосильских князей, использовали различные средства, в том числе

---

[35] АЗР. Т. 1. № 80. С. 100—101.

[36] Там же. С. 100.

[37] Там же. (Выделено мною. — *М. К.*).

родственные узы: так, Витовт выдал за кн. Федора Львовича Марию Корибутовну, внучку Ольгерда[38]. Таким путем Воротынские оказались в родстве с правящей династией. Другим средством были щедрые земельные пожалования (прежде всего — в соседнем Смоленском повете). Позднее литовский посол говорил в Москве в 1494 г. о волостях, «которые король (Казимир. — *М. К.*) ... давал князю Феодору Воротынскому, да и осподарь наш (Александр. — *М. К.*) давал сыну его князю Семену, чинячи их собе слугами...»[39]. Действительно, в феврале 1448 г. кн. Ф. Л. Воротынскому было пожаловано несколько смоленских волостей (Городечна, Сколуговичи, Ковылна, Демяна и др.), а в марте 1455 г. Казимир, «узревши его верную службу», подтвердил их ему и его детям «у вотчину»[40]. Сын кн. Федора, Семен Воротынский, помимо унаследованных от отца волостей, получил еще от короля волость Мощин[41]. В том же Смоленском повете находились села, пожалованные князьям Одоевским — Ивану Юрьевичу и его детям Михаилу и Федору (Местилово, Кцинь, Хвостовичи, Чернятичи и др.)[42]. Однако сами Одоевский и Воротынский уделы не считались великокняжескими пожалованиями, этими землями литовский господарь не мог распоряжаться — нет ни одного упоминания о каких-либо великокняжеских пожалованиях кому-либо в районе Одоева, Новосили или Воротынска. В отличие от своей «братии» — других черниговских княжат, Воротынские и Одоевские не превратились в обычных вотчинников и сохранили к концу столетия княжеские права. Эти права проявились не только в рассмотренных выше докончаниях с литовскими господарями. Как и подобает князьям, Воротынские и Одоевские имели собственных бояр и слуг, которых жаловали за службу селами. При этом в раздачу шли вотчины, полученные князьями от господаря. Так, боярин кн. С. Ф. Воротынского Семенка держал сельцо в Мощинской волости Смоленского повета[43]; в Деменской волости Федор и Семен (отец и сын) Воротынские пожаловали село своему слуге Ивану Широкому, выдав последнему на это село жалованную грамоту[44]. Князья Одоевские раздавали села смоленским боярам,

[38] АЗР. Т. 1. С. 364.
[39] Сб. РИО. Т. 35. С. 115.
[40] РИБ. Т. 27. Стб. 47—48, 52.
[41] Сб. РИО. Т. 35. С. 136.
[42] Там же. С. 232; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. Варшава, 1896. С. 82, 95.
[43] АЛМ. Т. 1. Вып. 1. С. 60.
[44] РИБ. Т. 27. Стб. 642.

скрепляя пожалования «листами» (грамотами)[45]; в одной из позднейших подтвердительных грамот упомянуто, что смоленский боярин Боран Яковлевич «выслужыл сельца и з людми в Болваничох и в Белику на князи Михаиле и на брате его, на князи Федоре Ивановичы Одоевских»[46]. При Казимире бояре кн. Воротынских получали пожалования и от господаря: позднее Семен Воротынский, слагая с себя крестное целованье литовскому господарю, упрекал великого князя Александра в том, в частности, что тот посланного к нему княжеского боярина «не жаловал, не чтил, как отець твой (Казимир. — *М. К.*) наших бояр жаловал, чтил»[47]. Слова князя Семена находят документальное подтверждение в Литовской метрике: здесь сохранилась запись, относящаяся, вероятно, к 1486 г., о пожаловании жеребца боярину кн. Дмитрия Воротынского, Левше[48]. Воротынские располагали, можно предположить, внушительными отрядами вооруженных слуг — судя по их набегам на соседние территории в 80-90-х гг. XV в. В посольской книге под 1488 г. описан один из таких набегов «людей» кн. Дмитрия и Семена Воротынских на медынские волости — «з знамями и с трубами войною»[49]. Значит, это была не шайка грабителей, а воинский отряд (полк?), шедший под знаменами Воротынских; перечислены и старшие над теми людьми (воеводы?): Иван Шепель, Иван Бахта, Федор Волконский, Звяга Иванов и Сеня Павлов[50]. Упомянутый здесь Федор Волконский, вполне возможно, принадлежал к измельчавшему роду князей Волконских. Впоследствии, уже после перехода на службу к Ивану III, князья Воротынские «с своими полки» упоминаются в разрядах походов 1490-х гг.[51]

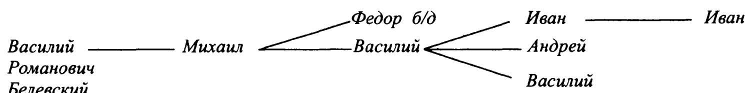
Поскольку «архивы» Воротынских и Одоевских (как и прочих «украинных» князей) до нас не дошли, они предстают перед нами — благодаря имеющимся у нас источникам (главным образом Метрике и посольским книгам) — как бы с внешней стороны: через отношения с Литвой или Москвой. Внутренняя же жизнь их уделов остается скрытой для исследователя. Это обстоятельство, однако, только усиливает общее впечатление

[45] РИБ. Т. 27. Стб. 650—652, 665—666.
[46] Там же. Стб. 650.
[47] Сб. РИО. Т. 35. С. 84.
[48] РИБ. Т. 27. Стб. 208.
[49] Сб. РИО. Т. 35. С. 21.
[50] Там же.
[51] РК 1598. М., 1966. С. 22—23, 27; РК 1605. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 34, 50—51.

обособленности, изоляции этих уделов, которые Вильно так и не смогло инкорпорировать в состав Великого княжества. Еще меньше, чем о Воротынских и Одоевских, известно нам об их ближайших родственниках — Белевских. Из имеющихся родословий этих князей наибольшего доверия заслуживает ранняя редакция родословных книг — Румянцевская (1530-х гг.). Она выводит Белевских от кн. Василия Романовича, сына родоначальника всех Новосильских князей Романа Семеновича (см. схему 3).

Схема 3

Белевские (XV— начало XVI в.)[52]

О Василии Романовиче, жившем на рубеже XIV—XV вв., и его сыне Михаиле практически ничего не известно. О Федоре и Василии Михайловичах Белевских в родословце сказано, что «князь великий было Василий свел их с вотчины з Белева в опале, а дал им Волок, и жили на Волоце долго, и князь великий пожаловал и, опять им вотчину их Белев отдал»[53]. В поздней редакции родословной книги (Синодальной) великий князь, отпустивший братьев с Волока на Белев, назван «Василием Дмитриевичем»[54]. В этой связи М. К. Любавский отнес весь эпизод ко времени правления Василия I[55]; А. А. Зимин осторожно датирует его периодом «княжения Василия I или Василия II»[56]. Между тем еще С. Кучиньский убедительно показал, что упомянутые события могли иметь место только при Василии II, в 1430—40-х гг.[57] Польский историк указал, в частности, на то, что в докончании

[52] РИИР. 2. С. 112—113; *Зимин А. А.* Формирование... С. 130.
[53] БК. Т.1. С. 180; РИИР. 2. С. 112.
[54] ВМОИДР. Кн.Х. С. 71.
[55] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 49; *он же.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 89.
[56] *Зимин А. А.* Формирование... С. 131.
[57] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 136—137.

1459 г. братья Михайловичи Белевские упомянуты после их дяди Ивана Одоевского как младшие (по статусу и, очевидно, по возрасту); кроме того, сыновья Василия Михайловича — Иван, Андрей и Василий Белевские — фигурируют в источниках в 1486—1492 гг., и поэтому маловероятно, чтобы их отец жил на Волоке еще в начале XV в. Переселение Белевских на Волок С. Кучиньский связал с занятием Белева татарами Улуг-Мухаммеда, разбившими затем там же в декабре 1437 г. московские войска[58].

Наблюдения Кучиньского можно уточнить и дополнить. Родословия сообщают, что сестра братьев Белевских Евпраксия была замужем за кн. Василием Ивановичем Оболенским[59], а он упоминается в источниках 1443 — начала 60-х гг. XV в.[60], что снова указывает на время правления Василия II. Сближение переселения Белевских князей на Волок с появлением в верховьях Оки Улуг-Мухаммеда заслуживает внимания. Едва ли, однако, Белевские князья просто бежали от татар, как получается у Кучиньского: ведь в родословии ясно сказано, что князья были сведены «з Белева в опале»; за что же Василий II мог подвергнуть их опале? Здесь нужно обратить внимание на некоторые детали летописного рассказа о Белевском бое 1437 г.

По сообщению ряда летописей, Улуг-Мухаммед осенью 1437 г. пришел к Белеву («к граду к Белеву») и «сяде в Белеве»[61]; по другой версии, хан построил на реке Белеве ледяную крепость из хвороста, облитого водой со снегом[62]. Как отнеслись к его появлению хозяева Белева, летописи не сообщают. Подошедшее к Белеву московское войско подвергло его окрестности жестокому разграблению (летописец осуждает грабеж и мучение «своего же православного христианства»)[63]. Возможно, московское воинство руководствовалось только корыстными мотивами, но не исключены и политические причины: не было ли разорение белевских «мест» местью здешним князьям за переход под власть Улуг-Мухаммеда? Подобная гипотеза не лишена вероятности, если учесть, что хан совершенно беспрепятственно занял белевские земли и что в списке погибших в битве у Белева 5 декабря 1437 г., в кото-

---

58 Ibid. S. 137.
59 ВМОИДР. Кн. X. С. 71; РИИР. 2. С. 112—113.
60 *Зимин А. А.* Формирование... С. 132.
61 ПСРЛ. Т.8. С. 107; там же. Т. 12. СПб., 1901. С. 24.
62 Там же. Т. 6. СПб., 1853. С. 150.
63 Там же. Т. 8. С. 107.

ром названы и некоторые верховские князья (например, Федор Тарусский)[64], нет имен самих Белевских.

Однако возможно и иное объяснение описанных выше событий. Белевский краевед Р. А. Беспалов[65] обратил внимание на известие позднего источника, Казанской истории (памятник второй половины XVI в.), согласно которому сам Василий II дал Улуг-Мухаммеду «в качевище Белевские места», но затем под влиянием «злых» советников изменил свое решение и послал против хана войско во главе с князем Дмитрием Шемякой[66]. Если принять эту версию событий, то получается, что накануне Белевского боя не местные князья, а Василий II распоряжался судьбой Белева. Р. А. Беспалов предполагает, что князья Федор и Василий Михайловичи были «сведены» на Волок в середине 1430-х гг. за какую-то провинность их отца (поддержку Свидригайла?), ибо сами они тогда были еще очень молоды. Из-за недостатка источников едва ли мы когда-либо выясним истинную причину опалы Белевских князей. Впрочем, можно заметить, что сам факт их малолетства (очень вероятный, если учесть, что дети Василия Михайловича, как уже говорилось выше, появляются в источниках лишь начиная с 1486 г.) давал великому князю удобную возможность распоряжаться Белевским княжеством.

На несколько лет с 1437 г. в Белеве обосновалась орда Улуг-Мухаммеда и совершала оттуда набеги на московские владения[67]. Лишь после ухода Улуг-Мухаммеда на Среднюю Волгу в начале 40-х гг. контроль Москвы над Белевом мог быть восстановлен. Что же касается белевских князей, то они, согласно родословцам, долгое время жили на Волоке и лишь затем получили прощение: именно тогда, вероятно, их сестра Евпраксия была выдана за кн. В. И. Оболенского. По предположению Р. А. Беспалова, это могло произойти во второй половине 1440-х гг.

Как бы там ни было, но к 1459 г. Федор и Василий Михайловичи оказались уже на литовской службе: в апреле этого года братья Белевские заключили вместе с дядей, кн. Иваном

---

[64] ПСРЛ. Т. 8. С. 107; Т. 12. С. 25.

[65] См.: *Беспалов Р.А.* Белёвское побоище в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. // Белёвские чтения. Вып. V. М., 2005. С. 31—55. Благодарю автора за предоставленную мне возможность ознакомиться в рукописи с этой статьей до ее публикации.

[66] Казанская история. М.—Л., 1954. С. 50—51.

[67] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 768.

Юрьевичем Одоевским, вассальный договор с Казимиром, содержание которого уже рассмотрено выше. Это докончание — единственное из известных нам, в котором одной из договаривающихся сторон являются Белевские князья. Однако в этом докончании они выступают не самостоятельно, а в качестве как бы младшей «братии» кн. Ивана Юрьевича, носящего титул Новосильского и Одоевского[68]. Следует подчеркнуть, что этот титул, указывавший на старшинство в роде Новосильских князей, Белевским в XV в. никогда не принадлежал; он стал объектом соперничества лишь Одоевских и Воротынских. В отличие от них, кроме того, Белевские не пользовались особым расположением литовских господарей: в Метрике нет ни одного упоминания о пожалованиях великого князя владельцам Белева. С другой стороны, нет и свидетельств о распоряжении господаря белевскими землями — значит, Белевские, подобно всем Новосильским князьям, выступали как «отчичи» и неограниченные владельцы своей вотчины. Номинально по своему статусу Белевские рассматривались наравне со своими более могущественными родственниками — Воротынскими и Одоевскими: на русско-литовских переговорах первой половины 90-х гг. XV в. все три княжеские фамилии упоминаются в одном ряду как «слуги» великих князей московских и литовских[69]. Но реальное положение Белевских князей было значительно скромнее, чем их родичей, о которых шла речь выше. Это проявлялось и в отмеченной нами уже разнице в титуле, и в величине владений: в отличие от Воротынских и Одоевских, Белевские, судя по всему, не имели значительных земельных пожалований («выслуги») от литовских господарей, а их собственная вотчина, Белев, и без того небольшая, подверглась к тому же дроблению — к концу столетия она была поделена между тремя братьями Васильевичами (Иваном, Андреем, Василием), что приводило к ожесточенным распрям между ними[70].

Соседями Новосильских князей на западе были князья Мезецкие. Они вели свое происхождение от пятого сына Михаила Всеволодовича Черниговского, кн. Юрия, который был также родоначальником Тарусских и Оболенских (см. выше схему 1). Оболенские еще со второй половины XIV в. находились на мос-

---

[68] ДДГ. № 60. С. 192.
[69] Сб. РИО. Т.35. С. 51, 53, 62, 103, 106.
[70] Там же. С. 58, 60.

ковской службе[71]. Тарусские упоминаются как союзники Василия I в его докончании с рязанским великим князем 1402 г.[72] Кн. Федор Тарусский, как уже упоминалось, погиб в 1437 г. в составе московской рати в бою с татарами под Белевом. В договоре Василия II с Казимиром 1449 г. было записано, что кн. Василий Иванович Тарусский «и з братьею и с братаничы» служит московскому великому князю[73]. А вот потомки среднего сына Юрия Михайловича, кн. Всеволода Мезецкого, служили в XV ст. в Литве. В родословных росписях Мезецких есть пропуск: Ю. Вольф и С. Кучиньский обратили внимание на то, что князья Андрей и Дмитрий Всеволодовичи Мезецкие, упоминаемые в актах 1420—1440-х гг., в родословиях названы сыновьями Всеволода Юрьевича, который, будучи внуком Михаила Черниговского (ум. 1246 г.), умер где-то в первых десятилетиях XIV в. — получается разрыв в столетие с лишним! По мнению польских исследователей, пропущенными оказались два поколения князей[74]. С учетом их наблюдений родословие кн. Мезецких представлено на схеме 4 (имена князей, реконструированные Вольфом и Кучиньским, заключены в квадратные скобки).

Приведенная схема наглядно демонстрирует основную причину измельчания и упадка рода Мезецких к началу XVI в.: с разрастанием княжеской семьи уже с середины XV в. шел необратимый процесс дробления удела.

Надежные известия о Мезецких начинаются с 1420-х гг. Летописи упоминают под 1424 г. о посылке Витовтом на помощь Одоевскому князю Юрию Романовичу, чьи владения подверглись нападению татар, друцких князей и братьев Андрея и Дмитрия («Митка») Всеволодовичей (Мезецких)[75]. Характерно, что в этом походе кн. Мезецкие, как и Друцкие и др., выступают в качестве подручных Одоевского князя («они же шедше с князем Юрием...»): их статус, как мы увидим, значительно уступал статусу кн. Одоевских или Воротынских. Помимо военной службы, Дм. Мезецкий выполнял и другие ответственные поручения Витовта[76].

---

[71] *Зимин А. А.* Формирование... С. 43.

[72] ДДГ. № 19. С. 53.

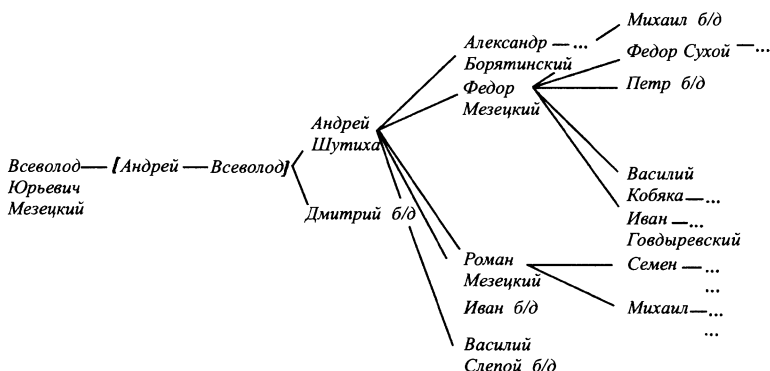
[73] АЗР. Т. 1. № 50. С. 64.

[74] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 8; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 147. Этих наблюдений не учел А. А.Зимин (Формирование... С. 130—131. Схема 11).

[75] ПСРЛ. Т. 27. С. 100; Т. 8. С. 92.

[76] АЗР. Т. 1. № 214. С. 364.

Князья Мезецкие (XIV— начала XVI в.)[77]

В отличие от Новосильских, отношения Мезецких (да и других верховских князей) к центральной власти не носили договорного характера. Как уже упоминалось, за исключением докончаний с Одоевскими, Воротынскими и Белевскими, других договоров великих князей литовских с «украинными» князьями нам неизвестно. Этот факт нельзя объяснить только состоянием источников — докончание Витовта с Новосильскими князьями, например, также не сохранилось, но о нем упоминают последующие докончания (и повторяют его основные положения), ибо существовала традиция подобных соглашений с этой ветвью черниговских княжат. Такой традиции в отношении Мезецких или Мосальских, по всей вероятности, не было. Это следует подчеркнуть, ибо в литературе принято рассматривать упомянутые докончания Новосильских князей с Казимиром в качестве образца договоров с великокняжеской властью верховских (и шире — служилых) князей вообще[78]. Между тем акты литовских господарей, адресован-

---

[77] БК. Ч. 1. С. 201, 209—211; ВМОИДР. Кн. X. С. 72; РИИР. 2. С.113—114; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 147. Ср.: *Татищев Ю. В.* Род князей Мезецких // Известия Русского Генеалогического общества. Вып. 2. СПб., 1903. С. 48—71 (особенно с. 49—50).

[78] *Леонтович Ф. И.* Очерки... С. 177—178, 180—181; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 47; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли... С. 93—94.

ные князьям вроде Мезецких или Мосальских, представляют собой не соглашения двух равноправных сторон, а скорее акты пожалования.

Из последующего подтверждения Казимира известно, что владения Мезецких рассматривались как «выслуга», полученная от Витовта: «Мезецким князем, князю Федору, князю Роману, князю Ивашку отчина **их,** што **отец** их держал, князь Андрей, а князь Дмитрей, **што они выслужили у Витовта** — Мезочоск, Орен, Сульковичи...» и др.[79] Как видим, отчина Мезецких, включая сам г. Мезецк, рассматривается здесь как держание и выслуга, подтверждаемые последующими великими князьями. На русско-литовских переговорах в Москве в 1494 г. неоднократно упоминалась (и зачитывалась!) «грамота Жыдимонтова на Мезческ», тогда, стало быть, еще существовавшая — имелась в виду, очевидно, жалованная грамота великого князя Сигизмунда («Жидимонта») — предшественника Казимира на виленском престоле (1434—1440 гг.). Литовские послы заявили на этих переговорах, что «Мезческ с волостьми данье государей наших (литовских. — *М. К.*) Мезоцким князем»[80]. Позднее послы предъявили список городов и волостей (города Мезецк и Агдырев, волости Силковичи и др.), о которых в посольской книге сказано: «А в грамоте в Жидимонтове писано, что дал Мезоцким князем те городы и волости имены, **вотчина Мезоцких** князей...» — и чуть ниже: «А в грамоте Жидимонтове писано **выслуга** Мезческ да Борятин да Орен, а **приданое** Силковичи, да Новое Село...»[81].

Итак, вотчина Мезецких князей считалась пожалованием («даниной») и «выслугой», полученной ими от великих князей литовских. После Витовта это пожалование подтвердил Сигизмунд в особой грамоте (существовавшей еще в 1494 г.), а затем Казимир: вероятно, к 1440-м гг. относится записанное в 3-й книге Метрики «князю ж Дмитрею (Всеволодовичу. — *М. К.*) на отчину его **потверженье** на Мещеск (=Мезецк. — *М. К.*) и Колковичи»[82]. Поскольку Дмитрий остался бездетным, Казимир позднее подтвердил ту же вотчину (со многими придаными волостями) его племянникам — сыновьям Андрея Мезецкого[83]. Дети и внуки последнего в конце правления Казимира получали периоди-

---

[79] РИБ. Т. 27. Стб. 64. (Здесь и далее выделено мною. — *М. К.*).

[80] Сб. РИО. Т. 35. С. 120.

[81] Там же. С. 137.

[82] РИБ. Т. 27. Стб. 40—41.

[83] Там же. Стб. 64—65.

чески жалованье из казны[84]. Таким образом, кн. Мезецкие гораздо сильнее зависели от виленского двора, чем Новосильские, находясь на положении скорее крупных вотчинников, чем вассальных князей. Об этом же свидетельствуют и факты распоряжения великими князьями территорией мезецкой «отчины» (как показано выше, уделы Новосильских князей пользовались полной экстерриториальностью). Так, в 3-й книге Метрики среди пожалований Казимира 1440-х гг. записаны следующие: «Ивану Рудаку за Мезоцком место пустое Збуново. А Степану Иртищу Леповица, там же за Мезоцком и ма (мает? — *М. К.*) в отчизну»[85].

Наконец, одним из важнейших факторов, определявших положение Мезецких, был усилившийся во второй половине XV в. процесс раздробления родовой вотчины: в поколении, действовавшем в конце столетия, насчитывалось семеро князей Мезецких (потомки Федора и Романа Андреевичей — см. выше схему 4), что, естественно, сказывалось на размерах «дольниц» каждого из них, а результатом была ожесточенная вражда среди княжеской «братии», в частности, между Федоровичами и Романовичами Мезецкими, попавшая на страницы посольской книги 90-х гг. XV в.[86]

К северо-западу от Мезецка находился Мосальск, вотчина одноименных князей. Князья Мосальские вели происхождение от четвертого сына Михаила Всеволодовича Черниговского, кн. Мстислава Карачевского. Линия собственно карачевских князей к началу XV в. угасла, самим г. Карачевом распоряжались в XV в. литовские господари[87]. Зато продолжали существовать ветви Мосальских и Хотетовских (к концу столетия совершенно измельчавшие) — потомков внука Мстислава Карачевского, Святослава Титовича (схема 5).

Здесь картина измельчания княжеского рода выглядит еще более впечатляющей, чем у Мезецких. Сведения, которыми мы располагаем о кн. Мосальских (преимущественно с середины XV в.), не говорят, по справедливому замечанию М. Е.Бычковой, о сохранении ими в рассматриваемый период княжеских прав[88]. Нет никаких упоминаний не только о докончаниях Мосальских с великими князьями, но и о полученных ими от литовских господарей подтверждениях на свою родовую вотчину. По-видимо-

---

[84] РИБ. Т. 27. Стб. 259, 323—324.

[85] Там же. Стб. 47.

[86] Сб. РИО. Т. 35. С. 147, 152—154.

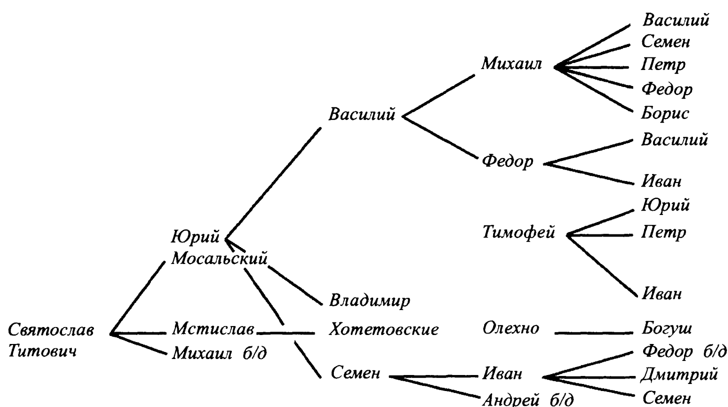
[87] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 141—142.

[88] *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов... С. 47.

му, Мосальск, находившийся в совместном владении нескольких княжеских семей, уже не рассматривался как центр удельного княжения и фактически сравнялся по статусу с обычными вотчинами.

Схема 5

Князья Мосальские (до начала XVI в.)[89]

Показателен протест, заявленный литовским посольством в Москве в 1492 г. от имени нового великого князя Александра по поводу того, что служившие Ивану III князья Иван Воротынский и братья Одоевские, «пришодши в его милости отчину... город нашь Масалеск сожгли, — жаловался Александр, — и самих князей наших Масальских и з их княгинями и з детми их и со многими людми в полон повели...»[90]. Прежде всего заслуживает внимания то обстоятельство, что Мосальск назван здесь великокняжеской «отчиной» и отнесен к государственной территории Великого княжества («город нашь Масалеск»), а сама жалоба заявлена от имени великого князя, а не кого-либо из княжеской «братии» (не все же Мосальские попали в плен!). Между

[89] БК. Т. 1. С. 188 сл. Синодальный список родословия не надежен (ВМОИДР. Кн.X. С. 201). Использую данные Вольфа (*Wolff J.* Kniaziowie... S. 231—234, 248—253).

[90] Сб. РИО. Т. 35. С. 73.

тем протесты против вторжения в уделы новосильских князей заявлялись от их собственного имени, а города, входившие в эти уделы, великие князья «своими» не называли (ср.: «штобы еси у отчину слуги нашого князя Семенову Федоровича у Воротынску не велел вступатися»; «у отчину слуги нашего князя Феодорову Ивановичя уво Одоеве не велел бы еси вступатися, абы он свою отчину всю сполна держал»)[91]. Кроме того, в приведенном выше эпизоде характерна полная беспомощность кн. Мосальских — очевидно, они не располагали военной силой для сопротивления. Источники не упоминают о наличии у кого-либо из кн. Мосальских собственных вооруженных отрядов (вроде полков Воротынских и Одоевских) или о боярах, состоявших на их службе.

Во второй половине XV в. не всем представителям разросшегося рода Мосальских хватало места в родовом гнезде. В это время наблюдается характерный процесс отрыва многих княжат от своего удела, поступление их на службу при великокняжеском дворе, получение вотчин вдали от родных мест, в различных землях Великого княжества Литовского. Так, старшая линия кн. Мосальских, потомки Василия Юрьевича (см. схему 5), уже при Казимире прочно обосновались в Смоленском повете. В реестре смоленских князей, бояр и слуг (1480-х гг.), дошедшем до нас в составе 4-й книги Метрики, под рубрикой «Мащынскии бояре» записаны и кн. Михаил Васильевич с пятью сыновьями (с пометой: «ино с ним два сыны, а три сыны его на службах»), и его брат кн. Федор Мосальский с четырьмя сыновьями («ино два с ним, а два на службах»)[92]. Как видим, эти представители рода Мосальских, полностью утратив княжеские права, несли в конце XV в. службу наравне с боярами Смоленского повета. Кроме того, эта ветвь Мосальских породнилась с черниговским боярством и одно время даже владела селами в Черниговском повете[93]. Из упомянутых выше сыновей кн. Михаила Васильевича средний, Петр, в 90-х гг. именуется в актах великоняжеским дворянином[94], а другие Михайловичи (Василий, Семен, Борис) получали в начале XVI в. пожалования и подтверждения на земли в Смоленском повете[95].

---

[91] Сб. РИО. Т. 35. С. 48, 57.

[92] РИБ. Т. 27. Стб. 497.

[93] АЛМ. Т. 1. Вып.1. № 223, 235. С. 88, 92.

[94] Там же. С. 87—88.

[95] РИБ. Т. 27. Стб. 787–788; ЛМ. Кн.8. Л. 261об.—262, 263, 269—270.

Основатель второй линии Мосальских, кн. Владимир Юрьевич, получил 7 ноября 1449 г. от господаря волостку Недоходов (к северу от Мезецка), которая перешла затем к его сыну Тимофею[96]. Кн. Тимофей Владимирович Мосальский сделал успешную карьеру при дворе Казимира: в 80-х гг. он занимал должность смоленского окольничего и наместника дубровенского, а в конце 1480-х гг. — дорогобужского; осенью 1487-го и летом 1489 г. правил посольства в Москву[97]. В 1496 г. ему была пожалована волость Друя в Браславском повете, ею владели в XVI в. его потомки[98].

Наконец, представителей младшей линии рода, князей Андрея и Ивана Семеновичей (последнего — с тремя сыновьями) обнаруживаем в упомянутом уже реестре смоленских князей, бояр и слуг 1480-х гг.[99] В свете приведенных данных возникает вопрос — сохранил ли кто-нибудь из рода Мосальских связь с «отчиной и дединой» — самим г. Мосальском? К этому вопросу нам предстоит вернуться в дальнейшем в связи с анализом обстоятельств вхождения Мосальска в состав Московского государства. Пока же можно констатировать, что кн. Мосальские во второй половине XV в. соответствовали по своему статусу не удельным князьям, а обычным вотчинникам, приближаясь к положению служилого провинциального боярства.

К северо-западу от Мосальска располагались владения вяземских князей — ветви великих князей смоленских. Кн. Вяземские вели происхождение от кн. Андрея Владимировича Долгой Руки, погибшего в битве на Калке[100]. К сожалению, составленные в России родословия Вяземских в древнейшей своей части не полны, содержат многочисленные лакуны и к тому же, как отметил еще Ю. Вольф, не согласуются с имеющимися документальными данными (Метрики и др.) XV в.[101] Поэтому составить родословную схему для XIV—XV вв. не удается.

В 1403 г. Вязьма была взята литовскими войсками, при этом в плен попали князья Иван Святославич и Александр Михайлович[102]. Так установилось в Вязьме литовское господство,

---

[96] РИБ. Т. 27. Стб. 48; Сб. РИО. Т. 35. С. 3—4, 20.
[97] Сб. РИО. Т. 35. С. 1—5, 34—39.
[98] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 249.
[99] РИБ. Т. 27. Стб. 497.
[100] БК. Т. 1. С. 96; ВМОИДР. Кн. X. С. 200.
[101] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 550.
[102] ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 147; Т. 35. М., 1980. С. 53, 121.

Карта 3. СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ во второй половине XV – начале XVI в.

продолжавшееся 90 лет. Местная княжеская династия здесь была сохранена, но попала в зависимость от виленского двора. Никаких следов докончаний вяземских князей с великими князьями литовскими в источниках не обнаруживается, и это вполне понятно, если учесть насильственный характер подчинения местных князей Литве, а также то обстоятельство, что Вяземские являлись вассалами по отношению к великому смоленскому княжению, которое после присоединения Смоленска к Литве было ликвидировано. Однако замечание М. Е. Бычковой (некритически воспринятое А. Ю. Дворниченко) о том, что сведения о княжеских правах Вяземских отсутствуют[103], — не вполне справедливо. Запись в 3-й книге Метрики, относящаяся к 40-м гг. XV в., сообщает, что кн. Константину Вяземскому было дано право «самому посощину на своих людех имати», размер дани был определен в 30 руб. в год[104]. Дань, как мы знаем, платили в великокняжескую казну и верховские князья, включая Новосильских. Приведенная запись, похоже, представляет собой оформление служебных отношений старшего, по-видимому, из вяземских князей с новым господарем (Казимиром). Что в Вязьме находились тогда и более мелкие князья, явствует из следующей записи в Метрике, помещенной на обороте того же листа: «Во Вязме. Князю Борису Дмитреевичу Хмелитько с чотырьма чоловеки, а Омутенка с одним человеком, **его ж отчина и дедина**»[105]. Со случаями подтверждения (пожалования) господарем княжеской вотчины мы уже встречались при анализе статуса кн. Мезецких, как и с фактом распоряжения великим князем территорией бывшего «княжения». Вообще из всех князей, о которых шла речь выше, больше всего Вяземские по своему статусу напоминают кн. Мезецких: то же промежуточное положение между князьями-вассалами типа Новосильских и обычными вотчинниками вроде Мосальских.

Какие-то следы былых княжеских прав Вяземские сохраняли и в конце столетия. Так, один из местных князей считался старшим и, хотя по традиции все князья имели «дольницы» в Вязьме[106], управлял городом и представлял княжес-

---

[103] *Бычкова М. Е.* Состав класса... С. 47; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли... С. 86.

[104] РИБ. Т. 27. Стб. 71.

[105] Там же. Стб. 72. (Выделено мною. — *М. К.*).

[106] Сб. РИО. Т. 35. С. 119.

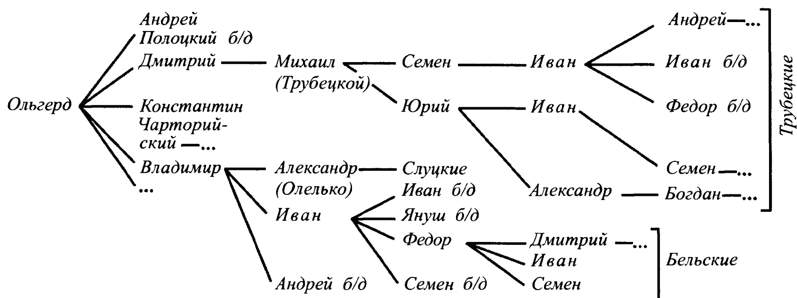
кую «братию» в сношениях с виленским двором. В 80—90-х гг. XV в. старшинство принадлежало кн. Михаилу Дмитриевичу, именуемому в посольской книге «королевским слугой»[107]. При перечислении пограничных обид Казимир указывал: «присылали к нам слуги наши князь Михайло Вяземской и вси князи Вяземски, жалуючи...», «нам бьют челом и жалуют слуги наши, князь Михайло Дмитреевич Вяземский и вси князи Вяземьскии»[108]. В свою очередь, московская сторона на переговорах жаловалась, что «наперед того было в Вязме по грошу с воза, а нынеча (к началу 1488 г. — *М. К.*) дей князь Михайло Вяземской прибавил по дензе с воза»[109], а в другой раз — на то, что «князь Михайло Вяземской ограбил... купца тферитина **у себя в Вязме**»[110]. Помимо власти над Вязьмой кн. Михаилу Дмитриевичу принадлежал городок Хлепень (на севере Вяземской земли) с волостью, волости Дуброва, Ореховна, Могилен, Мицонки[111]. Владения остальных вяземских князей были гораздо скромнее[112], а о положении одного из них, даже не названного по имени, свидетельствует выразительная запись в перечне денежных раздач в Метрике: «Князику Вяземскому, Жеславъских сестренъцу, 2 копе с казны»[113]. Но даже среди измельчавших вяземских княжат не упоминаются великокняжеские дворяне, не происходило в Вязьме и такого отрыва князей от родной почвы, как это случилось с Мосальскими.

До сих пор мы говорили о князьях Рюриковичах, бывших «отчичами», исконными владельцами своих земель. Однако среди «украинных» князей были и Гедиминовичи, получившие сравнительно недавно некоторые земли на востоке Великого княжества в качестве пожалования от литовских господарей. К северо-западу от Вязьмы располагались владения кн. Бельских, а с уделами черниговских княжат на юго-западе соседствовали кн. Трубецкие. Происхождение этих князей показано на схеме 6.

---

[107] Сб. РИО. Т. 35. С. 1. Ср.: там же. С. 20.
[108] Там же. С. 16, 48—49, 54.
[109] Там же. Т. 35. С. 9.
[110] Там же. С. 77.
[111] Там же. С. 1—2, 49 и др.
[112] Там же. С. 16, 49.
[113] РИБ. Т. 27. Стб. 190.

Князья Бельские и Трубецкие (до начала XVI в.)[114]

Родоначальником Бельских был внук Ольгерда, кн. Иван Владимирович. Однако «Бельским» его именуют только поздние летописи — в частности, хроника Быховца[115], а в современных ему документах, как отметил Ю. Вольф, он с этим титулом не упоминается, поэтому остается неясным, кому первому в роду была пожалована Белая[116]. Этот город принадлежал его сыновьям, во всяком случае, Семену и Федору — несомненно. Интересно, однако, что, пока братья Ивановичи находились на литовской службе, они опять-таки «Бельскими» не назывались, а именовались по деду — например, «Семен Иванович Володимировича»[117]. Только после перехода кн. Федора и кн. Семена (соответственно в 1481/82 г. и 1500 г.) на службу к Ивану III применительно к ним начинает употребляться титул «Бельские», причем первоначально — московской стороной на переговорах и лишь впоследствии — литовской[118]. Прозвание «Бельские» окончательно закрепилось за этими князьями и их потомками только в XVI в., и составленные в это время летописи (вроде упомянутой выше хроники Быховца) приписали этот титул и их предку кн. Ивану Владимировичу.

---

[114] БК. Т. 1. С. 44—48; ВМОИДР. Кн. X. С. 82—83; РИИР. 2. С. 90—91.
[115] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 145, 149.
[116] *Wollf J.* Kniaziowie... S. 3.
[117] РИБ. Т. 27. Стб. 393—394, 577; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. С. 58. № 148.
[118] Сб. РИО. Т. 35. С. 21, 35 (Федор Бельский, 1489 г.), 294, 297 (Семен Бельский, 1500 г.).

Отмеченный факт свидетельствует, на мой взгляд, о том, что во второй половине XV в. г. Белая отнюдь не рассматривалась литовскими властями как родовой «удел» потомков Владимира Ольгердовича; названные князья владели этим городом не по вековой традиции как «отчичи и дедичи», а по великокняжескому пожалованию. Бельские были владельцами «своего» города всего лишь в одном поколении (или, возможно, в двух).

Для выяснения статуса Бельских важно также учесть их близкое родство с правящей династией: во-первых, как потомков Ольгерда, а во-вторых, благодаря браку Ивана Владимировича с княжной Василисой Гольшанской, на сестре которой женился король Ягайло[119]. Близость ко двору способствовала вовлечению Федора Бельского в созревший в придворных кругах заговор против Казимира, после раскрытия которого в 1481 г. сообщники Федора были казнены, а самому ему удалось бежать в Москву (об этих событиях подробнее см. ниже). Во всей этой истории какую-то неблаговидную роль сыграл брат Федора, Семен Бельский: в 1503 г. Елена Ивановна, супруга короля Александра, писала отцу, Ивану III, что «Семен Бельский Июда... будучи здесе в Литве, братью свою князя Михаила и князя Ивана переел, а князя Феодора на чюжу сторону прогнал...», о нем же, вероятно, идет речь чуть ниже в сентенции об изменниках, которые «братью свою порезали и тепере по шию в крови ходят, вторыи Каинове...»[120]. Очевидно, королева Елена (точнее, ее литовские информаторы) имела в виду события 1481 г. — в таком случае упомянутые вместе с родным братом Семена Бельского Федором лица — это его двоюродный брат кн. Михаил Олелькович и другой его родич кн. Иван Юрьевич Гольшанский, казненные после раскрытия заговора[121]. Можно только догадываться, не помог ли Семен Бельский раскрытию заговора, выдав свою «братию». Во всяком случае, он сохранил расположение Казимира и до смерти короля пользовался его милостями. Сам кн. Семен напоминал великому князю Александру в 1500 г., что отец последнего, Казимир, держал его «во чти, в ластце и в данине своей, а местце у его милости в раде мевал есми»; сохранил Семен «местце» в раде и в начале правления Александра[122]. Факт примечательный: никто из «украинных» князей, о кото-

[119] ПСРЛ. Т. 32. С. 149.

[120] Сб. РИО. Т. 35. С. 371.

[121] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. 1377—1499. Warszawa, 1930. S. 349—350. (Состав заговорщиков).

[122] Сб. РИО. Т. 35. С. 295.

рых шла речь выше, не занимал места в великокняжеской раде. Очевидно, заседать в раде, не имея соответствующих «урядов», могли только ближайшие родственники правящей династии[123].

Бегство брата Федора в Москву принесло Семену Бельскому и явные материальные выгоды. Во время его тяжбы с А. И. Ходкевичем в 1495 г. кн. Семен заявил: «коли брат мой князь Федор збег до Москвы, ино господар король (Казимир. — *М. К.*)... тые именья, дельницу его, взял на себе, а потом его милость тые именья, делницу брата моего князя Федорову, з ласки своее дал мне»; Александр подтвердил это пожалование, поскольку имения беглеца-зрадцы (изменника) не переходят к его родне, а «спадают» на господаря[124]. Как видим, владения Бельских рассматривались как часть государственной территории, на которую распространялась верховная власть великого князя, а сами эти князья — не как вассалы вроде Новосильских, но как обычные подданные, наравне с другими вотчинниками. Прибрав к рукам имения брата, Семен Бельский продолжал округлять свои владения, ведя тяжбы из-за спорных земель с кн. Иваном Кобринским, кн. Тимофеем Мосальским и др.[125]

Положение родственников Бельских, кн. Трубецких, было несколько скромнее: во-первых, они не сумели «подкрепить» свое родство с правящим домом брачными узами, как это сделал кн. Иван Владимирович, а во-вторых, сам род Трубецких разросся к концу XV ст. (см. схему 6), что неминуемо вело к его измельчанию.

Как и в случае с Бельскими, неясно, когда и кому из князей был пожалован в особое владение Трубчевск (Трубецк). Традиционно считается, что трубчевский удел обособился с 1399 г. после смерти кн. Дмитрия Ольгердовича Брянского, владевшего и Трубчевском, и достался его сыновьям[126]. Эту версию оспорил, однако, С. Кучиньский, указав на то, что «Трубецким» кн. Дмитрий Ольгердович называется лишь в позднейших летописях и родословиях; в действительности же он, по мнению

---

[123] Таким правом еще и в XVI в. обладали, в частности, кн. Гольшанские, Чарторыйские, Слуцкие. См.: *Малиновский И. А.* Рада великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. II. Вып. 2. Томск, 1912. С. 18—20.

[124] АЗР. Т. 1. № 126. С. 149.

[125] РИБ. Т.27. Стб. 393—394, 577.

[126] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 45; *Леонтович Ф. И.* Очерки... С. 167; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 541; *Бычкова М. Е.* Состав класса... С. 46, прим. 52.

польского ученого, князем Трубчевска никогда не был, лишь временно владея им около 1380 г. Линия же трубецких князей надежно прослеживается по документам лишь с середины XV в.[127] Кучиньский предположил даже, что кн. Трубецкие вели происхождение не от Дмитрия, а от Андрея Ольгердовича[128].

Ввиду скудости данных едва ли удастся устранить все неясности относительно происхождения Трубецких. А вот вывод С. Кучиньского о том, что Трубчевск принадлежал кн. Трубецким лишь с середины XV в., представляется достаточно обоснованным. За полвека с конца XIV в. этот город сменил многих владельцев; в частности, в 1420—1438 гг. им владел Свидригайло[129]. Но уже в 1440-х гг. Трубчевск оказался под властью господаря: из записи в Метрике 1449 г. явствует, что город «держал» (вероятно, в качестве наместника) некий пан Петраш. Та же запись сообщает о подтверждении Казимиром (4 июля 1449 г.) трубчевскому вотчиннику Данилу Першиничу его имений, а также подтверждении королем земельной дачи, совершенной упомянутым державцей паном Петрашем[130]. Когда в Трубчевске обосновались князья, за которыми впоследствии закрепилось прозвание «Трубецкие», точно неизвестно. По актам 1490-х гг. устанавливаются три поколения князей — владельцев Трубчевска до конца XV в. Первое поколение — князья Семен и Юрий Михайловичи, которые, по свидетельству внуков кн. Семена (февраль 1499 г.), «промежи себе неделни были у отчине»[131]. Из документов 1495 и 1499 гг. выясняется, кроме того, что князь Юрий Михайлович Трубецкой отъезжал было в Москву при Казимире и тогда его «дельницу» — половину Трубецка — «держал от ... короля его милости княз Иван Чорторыйский, а после князя Ивана тую ж делницу держал в держанье конюший... пан Гринько Волович»; затем, однако, кн. Юрий вернулся и «бил чолом королю его милости о тую свою отчину» и получил свою «дельницу половину Трубецка» обратно; она перешла по наследству к его сыну Ивану, который в феврале 1495 г. получил на нее подтверждение от нового господаря Александра[132]. Кн. Иван

---

[127] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 153—160, 245—250.

[128] Ibid. S. 182 przyp. 472, S. 246 przyp. 46.

[129] Ibid. S. 180—181.

[130] РИБ. Т. 27. Стб. 53.

[131] ЛМ. Кн. 6. С. 233 (постраничная нумерация). Изд.: АЛМ. Т. I. Вып. 2. Варшава, 1897. № 435. С. 5. (Ввиду низкого археографического уровня издания цитирую по рукописи.)

[132] ЛМ. Кн. 6. С. 233—234; РИБ. Т. 27. Стб. 573.

Юрьевич с братом Александром и их двоюродный брат Иван Семенович, упомянутые в грамоте 1499 г., это второе известное нам поколение князей — владельцев Трубчевска. Наконец, там же говорится и о третьем поколении — сыновьях Ивана Семеновича Андрее и Иване: они-то и подали господарю жалобу «на дядка своего на князя Ивана Юрьевича Трубецкого, што ж им не хочет ровного делу дати у отчине у Трубецку и во всих именьях трубецких» — и добились раздела[133].

С. Кучиньский обратил внимание на то, что в процитированных выше грамотах 90-х гг. XV в., выданных князьям Трубецким, упомянуты только распоряжения Казимира, между тем как в других подобных документах (например, в рассмотренных выше докончаниях Казимира с Новосильскими князьями) есть ссылки на пожалования его предшественников — Витовта и др. На этом основании польский исследователь сделал вывод, что только при Казимире упомянутые князья получили Трубчевск в вотчину[134]. Действительно, если учесть, что в 1440-х гг. этот город держал пан Петраш, а в 1449 г. там непосредственно распоряжался король (см. выше), то получается, что князья Семен и Юрий Михайловичи не могли получить Трубчевск раньше 50-х гг. XV в. Словом, как и Бельские, Трубецкие владели своей вотчиной совсем недавно. Кроме того, анализируемые документы 1490-х гг. показывают, что и во второй половине XV в. великий князь продолжал распоряжаться территорией Трубецка, как он это делал в 40-х гг. Вотчина отъехавшего на какое-то время в Москву кн. Юрия Трубецкого «спала» на господаря, как это было и в случае с Федором Бельским. Поэтому ни Белую, ни Трубецк нельзя считать удельными княжениями: они являлись частью государственной территории, а владевшие ими князья — лишь крупными вотчинниками.

До 1499 г., согласно процитированной выше грамоте, в вотчинах Трубецких не было семейного раздела. Факт совместного управления городом и отсутствия старшего среди княжеской «братии» (в отличие, например, от Вяземских) подтверждается жалобой московских купцов на повышение пошлин: «А в Трубецку наперед того имали по грошу с воза, а нынеча **князи Трубецкие прибавили**, емлют тритцатое»[135].

С разрастанием к концу столетия княжеского семейства род Трубецких все больше мельчал. Одним из признаков этого из-

---

[133] ЛМ. Кн. 6. С. 233, 235.

[134] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 246.

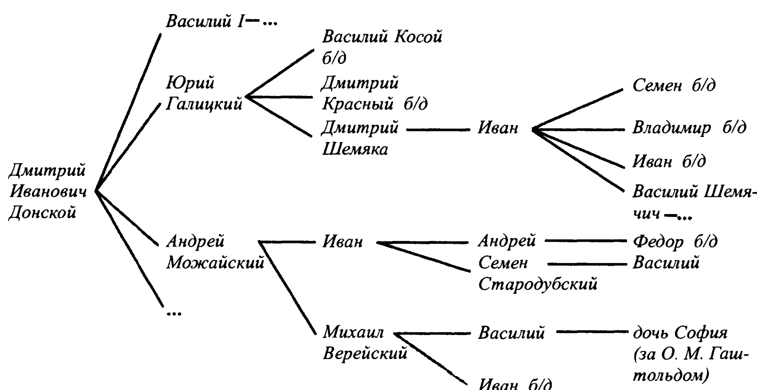
[135] Сб. РИО. Т. 35. С. 10 (выделено мною. — *М. К.*).

мельчания был переход представителей обеих ветвей рода (Семеновичей и Юрьевичей) на великокняжескую службу. Так, кн. Иван Юрьевич упоминается в 1486—1490 гг. в качестве королевского наместника в Мценске и Любутске[136]; в те же годы он получает регулярные денежные выплаты из господарской казны[137]. А вот его племянники, кн. Андрей и Иван Ивановичи, служили великокняжескими дворянами[138].

Соседями Трубецких были северские княжата. В первой половине XV в. в северских городах сменилось много владельцев[139], а в середине столетия там обосновались московские беглецы, сыновья удельных князей из дома Дмитрия Донского — Шемячич и Иван Можайский (см. схему 7).

Схема 7

Северские князья из московских удельных родов[140]

Отъезд в Литву в 1454 г. внука Дмитрия Донского, кн. Ивана Андреевича Можайского, имел свою предысторию. Его отец Анд-

[136] Сб. РИО. Т. 35. С. 19, 49; РИБ. Т. 27. Стб. 275.
[137] РИБ. Т.27. Стб. 275, 288, 290.
[138] Там же. Стб. 708; ЛМ. Кн. 6. С. 233.
[139] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 172 – 195.
[140] БК. Т.I. С. 21—23; РИИР. 2. С. 12, 77—78; ВМОИДР. Кн. X. С. 27, 133—134.

рей Дмитриевич в 1403 г. женился, как говорят летописи и родословия, «у князя Александра Патрикеевича у Стародубского»[141]. Кн. Александр Патрикеевич, из Гедиминова рода, действительно владел тогда (в 1397—1406 гг.) Стародубом Северским (а временно и Брянском), пока не ушел в 1408 г. в свите Свидригайлы в Москву[142]. Так завязались связи московских удельных князей с Гедиминовичами, с Литовской Русью. Сам кн. Иван Андреевич женился на дочери кн. Федора Львовича Воротынского (служившего, как уже говорилось, еще с 1427 г. литовскому господарю): 5 февраля 1448 г. кн. Федор Воротынский дал поручную запись Казимиру **«по зяти своем** по князе Иване Андреевиче (в подлиннике ошибочно: «Андреи Ивановиче». — *М. К.*) Можайском» в том, что если король посадит его на великом княжении московском, он будет «писаться... королю... во всяких грамотах братом молодшим», отдаст литовскому господарю Ржеву и Медынь, заключит с ним военный союз и т.д.[143] Этим планам, правда, не суждено было сбыться, и в августе 1449 г. кн. Иван Андреевич упомянут в числе «братьи молодшей» Василия II в его договоре с Казимиром[144]. Однако литовские контакты не были забыты, и когда в 1454 г. рать Василия II пошла к Можайску за «неисправление» князя, Иван Андреевич «выбрався з женою и з детми и со всеми своими, побеже к Литве»[145]. Казимир пожаловал ему Стародуб и Гомель «у вотчину» — мы узнаем об этом из подтвердительной грамоты, выданной в 1496 г. сыну князя Ивана, Семену Ивановичу Можайскому великим князем Александром[146], сам же привилей Казимира не сохранился. В литературе уже было обращено внимание на то, что выбор объекта пожалования, видимо, не случаен: Иван Можайский приходился внуком Александру Патрикеевичу, некогда владевшему Стародубом[147]. В апреле 1465 г. к владениям кн. Ивана прибавился Брянск, который был ему пожалован в вотчину, но с рядом ограничений: не отнимать имений у местных землевладельцев, не вступаться в церковное имущество, судить по старине, «а своих новых судов, а некоторых пошлин новых не уводити»[148].

---

[141] ПСРЛ. Т. 8. С. 76; ВМОИДР. Кн. X. С 27.
[142] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 179; ПСРЛ. Т. 25. С. 237.
[143] АЗР. Т. 1. № 49. С. 61—62.
[144] Там же. № 50. С. 62.
[145] ПСРЛ. Т. 25. М.-Л., 1949. С. 273.
[146] АЗР. Т. 1. № 139. С. 163.
[147] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 243.
[148] РИБ. Т. 27. Стб. 123.

Однако, по-видимому, новый владелец Брянска не очень-то считался с правами местных вотчинников: сохранилось упоминание о том, что Иван Андреевич отнял село Княжичи у нескольких брянских бояр[149]. Можно предположить, что княжеский произвол привел вскоре к конфликту кн. Можайских с брянским населением. Подробности этого конфликта нам неизвестны, но мы знаем его развязку — потерю князьями Можайскими Брянска. Иван Андреевич владел Брянском до самой смерти (он умер в период между 1471 и 1483 гг.)[150]. Его сыновья разделили отцовские владения, и этот город достался кн. Андрею Ивановичу[151], но владел он им недолго: грамота Казимира от 7 июня 1486 г. об аренде брянского мыта адресована уже «наместнику браньскому, тому, которому дамо от нас Бряньск держати»[152], — т.е. город к этому времени попал снова под власть господаря, но наместника еще предстояло назначить. О том, что произошло, свидетельствует запись в посольской книге, отражающая положение 1487 г., — о повышении пошлин в Брянске: «ныне, как князь Андрея княжа Иванова сына свели, и опосле того прибавили тритцатое»[153]. Драматическую ноту добавляет к этому известию сообщение родословий о том, что сын Андрея Ивановича, кн. Федор погиб — «убили его брянчане»[154]. Так по крупицам восстанавливается картина произошедшего: итак, Андрей был сведен (можно полагать — по требованию брянцев), а сын его был убит во время этого инцидента. После утраты Брянска (вероятно, в 1486 г.) кн. Андрей Иванович исчезает из поля зрения источников: возможно, он вскоре умер. Единственным наследником всех владений Можайских остался кн. Семен Иванович.

В том же 1454 г., что и Иван Можайский, выехал в Литву сын Дмитрия Шемяки — Иван Шемячич[155]. Привилей на пожалованные ему Казимиром владения в Северской земле не сохранился. Ю. Вольф полагал[156], что Ивану Дмитриевичу были даны королем Новгород-Северский и Рыльск. Пожалование первого из назван-

---

[149] Там же. Стб. 734—735. Другой аналогичный случай см.: там же. Стб. 557..

[150] Его упоминает в числе живущих недругов докончание 1471 г. Ивана III с Новгородом (ГВНП. № 26. С. 46), а в апреле 1483 г. сыновья Ивана Можайского Андрей и Семен тягались с паном Богданом Андреевичем из-за села, которое держал их отец (РИБ. Т. 27. Стб. 374).

[151] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 735—736; Сб. РИО. Т. 35. С. 10.

[152] РИБ. Т. 27. Стб. 212. (Выделено мною. — *М. К.*)

[153] Сб. РИО. Т. 35. С. 10.

[154] РИИР. 2. С. 12, 78; ВМОИДР. Кн. X. С. 134.

[155] ПЛ. Вып. 1. М.—Л., 1941. С. 52; там же. Вып. 2. М., 1955. С. 49, 141.

[156] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 519.

ных городов Ивану Шемячичу и его детям сомнений не вызывает: сохранилось, в частности, свидетельство, что в 1487 г. Новгород-Северский находился под властью кн. Семена Ивановича Шемячича[157]. А вот в отношении Рыльска мнение Вольфа было оспорено С. Кучиньским, указавшим, что оно противоречит данным источников 1490-х гг.[158] Действительно, в посольской книге записаны жалобы 1497—1498 гг. на рылян, причем они вместе с мценянами и путивльцами названы великокняжескими людьми[159]. До 1500 г. никаких следов владения Шемячичей Рыльском не обнаруживается[160].

В 1483 г. в Литве оказался двоюродный брат Андрея и Семена Можайских, кн. Василий Михайлович Верейский: 2 октября этого года король пожаловал ему г. Любеч в Черниговской земле и несколько волостей «во отчину»[161]. Любечем и иными пожалованиями (их ему подтвердил в апреле 1499 г. Александр[162]) кн. Василий владел до 1500 г.

Какие же цели преследовал Казимир, размещая на черниго-во-северских землях московских беглецов? Предположение С. Кучиньского о том, что король тем самым, помимо иных мотивов, старался опереться на северских княжат в борьбе против оппозиции в самой Литве и, в частности, против киевских Олельковичей[163], представляется недостаточно обоснованным. Едва ли новоиспеченные северские князья, зависимые от господаря, являлись какой-то самостоятельной политической силой и обладали достаточным влиянием в Литве, чтобы служить опорой Казимиру в борьбе с оппозицией. Можно предложить более простое объяснение: во-первых, черниговские и северские земли (в отличие от верховских, где сидели местные князья-отчичи) находились в середине XV в. в полном распоряжении господаря и он мог ими жаловать беглецов[164]; к тому же, как мы помним, Иван Можайский, как внук Александра Стародубского, имел

---

[157] Сб. РИО. Т. 35. С. 10–11.

[158] *Kuczyński S.* Ziemie.... S. 244—245.

[159] Сб. РИО. Т. 35. С. 236, 242, 262.

[160] Е. В. Русина, однако, не считает жалобы на рылян, занесенные в посольскую книгу, серьезным аргументом в споре принадлежности Рыльска. По ее мнению, Рыльск еще в 1454 г. был пожалован (вместе с Новгородом-Северским) князю Ивану Шемячичу (*Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 116—117).

[161] РИБ. Т. 27. Стб. 390 и сл.

[162] Там же. Стб. 754—756.

[163] *Kuczyński S.* Ziemie.... S. 260—268.

[164] Так, в 1446 г. на короткое время приехавший в Литву кн. Василий Ярославич Серпуховской-Боровский был пожалован Брянском, Гомелем, Стародубом, Мстиславлем (ПСРЛ. Т. 25. С. 266).

определенные права на вотчину последнего. Во-вторых же, и это главное, Казимир приобрел в лице московских беглецов новых слуг для защиты опасной «украины» Великого княжества как против татар, так и против Москвы. Были у короля и определенные гарантии верности этих своих новых слуг. Ему было прекрасно известно о планах реванша и овладения московским престолом, которые вынашивал кн. Иван Андреевич Можайский — достаточно указать на приведенную выше поручную запись 1448 г. по кн. Иване или на заключенное им около 1461/62 г. докончание в Литве с другим беглецом — кн. Иваном Васильевичем Боровским: оба князя Ивана уговорились совместно пойти отвоевывать свои вотчины, причем речь шла и о возможности низложения Василия II и занятия великого княжения московского Иваном Андреевичем Можайским[165]. Да и московские государи, Василий II и Иван III, в договорах второй половины XV в. (с великими князьями тверскими, рязанскими, литовскими) одним из условий обязательно выдвигали пункт о неоказании помощи их «лиходеям» и «недругам» — Можайскому, Шемячичу, их детям и другим удельным князьям-отъездчикам [166].

К этому следует добавить, что сами северские княжата до конца XV в. наглядно демонстрировали свою лояльность литовскому правительству. Так, один из кн. Шемячичей сопровождал Троцкого воеводу в походе 1484 г. против татар, захвативших тогда Киев[167], а кн. Семен Иванович Можайский вместе со смоленским воеводой оборонял в 1492—1493 гг. Серпейск и Мезецк от натиска московских войск[168]. В 1497 г. Семен Можайский и Василий Шемячич приняли участие в польско-литовской экспедиции в Молдавию[169]. Как видим, северские князья (в отличие от верховских) принимали активное участие в военно-политической жизни Великого княжества. Но связь их с Литвой проявлялась не только в военной службе: господарь сохранил за собой контроль над территорией северских «уделов» (вспомним, как Казимир свел ок. 1486 г. Андрея Можайского с Брянска, который он же пожаловал двадцать лет назад его отцу). Король охранял права местных землевладельцев (в частности, гомельских), защищая их от произвола кн. Можайских[170]. Нужно

---

[165] ДДГ. № 62. С. 199—200.
[166] Там же. № 59, 63, 76, 79, 83.
[167] *Wolff J.* Kniaziowie. S. 519.
[168] ПСРЛ. Т. 24. С. 210.
[169] Там же. Т. 32. С. 165.
[170] См.: РИБ. Т. 27. Стб. 374.

также отметить, что Казимир, возможно, вполне сознательно, не допускал возникновения в Чернигово-Северщине крупных уделов: города Гомель, Стародуб, Новгород-Северский, Трубчевск, Любеч были поделены между пятью княжескими семействами, в то время как Чернигов, Путивль (после 1470 г.), Радогощь, а с 1486 г. и Брянск (кольцом окружавшие княжеские владения!) управлялись господарскими наместниками и державцами[171].

Однако объективно существовала опасная для Литвы возможность превращения пожалованных господарем на Северщине вотчин в настоящие уделы, их обособления от Великого княжества. Эта возможность реализовалась в правление великого князя Александра, опрометчиво пожаловавшего Семену Ивановичу Можайскому в придачу к Стародубу и Гомелю еще Чернигов и Карачев (июль 1496 г.)[172]; впоследствии он же пожаловал кн. Семену волость Хотимль и подтвердил в 1499 г. все эти пожалования[173]. События 1500 г. показали ошибочность этого шага. Но дело заключалось не только в размерах северских вотчин, но и в том, что их владельцы — потомки московских удельных князей — сохранили до конца XV в. княжеский статус. В источниках упоминаются бояре кн. Можайских[174], причем в одном случае сказано, что кн. Иван Андреевич отнял имение у брянского боярина «и дал боярину своему»[175] ,— из чего можно заключить, что речь идет об одном из тех бояр, которые сопровождали Ивана Можайского при отъезде его в Литву. Кн. Иван Дмитриевич Шемячич также прибыл туда со своим двором. Известно, что князья Заозерские-Кубенские породнились с его отцом, Дмитрием Шемякой[176]. Вероятно, часть из них в свите Ивана Шемячича приехали в Литву и служили при его дворе: в жалобе московских купцов, относящейся к 1487 г., среди «людей» кн. Семена Ивановича Шемячича фигурирует и «князь Давид Кубеньской»; здесь же упомянуты «воеводка» кн. Семена — Домоткан, а также «дьяк княж Семенов»[177] — все атрибуты княжеского двора налицо! Наконец, судя по событиям 1490-х гг., Шемячичи и Можайские имели собственные полки. В связи с этим понятно, что значительное расширение владений Семена Можайского в самом конце XV в. еще более ослабляло кон-

---

[171] *Kuczyński S.* Ziemie... S. 243—245, 251—252.
[172] АЗР. Т. 1. № 139. С. 163–164.
[173] РИБ. Т. 27. Стб. 744–746.
[174] Там же. Стб. 557, 735.
[175] Там же. Стб. 557.
[176] *Зимин А. А.* Формирование... С. 94.
[177] Сб. РИО. Т. 35. С. 11.

троль виленского двора в данном регионе и усиливало самостоятельность и обособленность северских князей.

Итак, «украинные» князья во второй половине XV в. представляли собой и по происхождению, и по статусу весьма пеструю картину. Прежде всего можно выделить две категории: князей-отчичей и князей — владельцев полученных от господаря вотчин. Но это слишком общее деление: и в первой, и во второй категориях обнаруживается большое разнообразие в объеме княжеских прав, в степени зависимости от виленского двора, в размерах вотчин и т.д. Так, среди Рюриковичей — исконных владельцев своих земель четко выделяются как бы два полюса: на одном — князья-вассалы Новосильские, чьи отношения с великими князьями строились на договорных началах вплоть до конца XV в., на другом — утратившие княжеские права, превратившиеся в обычных вотчинников Мосальских; остальные князья занимали переходное, промежуточное положение между этими крайними полюсами (Мезецкие, Вяземские). Столь же разнообразным был статус вновь пожалованных княжеских вотчин: если владения Гедиминовичей (Бельских и Трубецких) никак нельзя считать уделами, то северские вотчины потомков московских удельных князей (особенно Можайских и Шемячичей) фактически напоминали к концу 1490-х гг. полусамостоятельные удельные княжения. Для последующего изложения важно подчеркнуть, что неоднородность, различия в статусе «украинных» княжат крайне затрудняли возможность их совместного выступления на внешнеполитической арене.

Наш анализ положения княжеских уделов и вотчин на русско-литовском пограничье будет неполон, если не коснуться внешнеполитического, межгосударственного аспекта статуса «украинных» князей. В литературе традиционно отмечается двусторонний характер службы верховских князей (Литве и Москве)[178]. Здесь, однако, необходимы существенные уточнения. В русско-литовском договоре от 31 августа 1449 г. сказано в общем виде: «А верховъстии князи, што будуть издавна давали в Литву, то им и нинечы давати, а болши того не примышляти»[179]. Таким образом, великий князь московский старался сохранить свое покровительство и влияние над теми «украинными» князьями, которые к середине столетия оказались на литовской службе. Но о каких конкретно князьях здесь шла речь? Явно не о Тарусских, о которых в том же докончании

---

[178] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 49—50, 53; *Леонтович Ф. И.* Очерки... С. 175—177; *Дворниченко А. Ю.* Русские земли... С. 93.

[179] ДДГ. № 53. С. 162.

ясно сказано, что они служат Василию II, и Казимиру «в них не вступатисе», и не о более мелких Хлепенских и Фоминских, поскольку, согласно тому же документу, «их... отчины, земли и воды — все мое, великого князя Васильеве»[180]. Следовательно, могли иметься в виду князья Новосильские, Мезецкие, Мосальские, служившие тогда Литве. Если, однако, обратиться к докончаниям великих князей московских первой половины XV в., в частности, с рязанскими князьями, можно заметить, что там упоминаются из «верховских» только тарусские и новосильские князья, причем особое внимание уделяется именно этим последним: даже после того как они перешли на литовскую службу, в докончаниях с рязанским великим князем Иваном Федоровичем 1434 и 1447 гг. делается специальная оговорка: «А новосилски[е] князи добьют мне челом, великому князю Василию Васильевичю...» — в этом случае и рязанский князь должен «с ними взяти любовь по тому ж»[181]. Таким образом, кому бы ни служили новосильские князья — московскому или литовскому великому князю — они оставались в сфере междукняжеских, межгосударственных отношений; другие же «верховские» князья фактически к середине XV в. из этой сферы исчезают, превращаясь во «внутренних», московских или литовских. Уместно напомнить, что только новосильские князья на практике переходили в первой половине XV столетия с литовской службы на московскую и обратно вместе с вотчинами. Наконец, только по отношению к ним в 1490-х гг. была употреблена на русско-литовских переговорах знаменитая формула о службе «на обе стороны»: ведомо королю, — говорил Иван III, — «что нашим предним великим князем, да и литовским великим князем те князи на обе стороны служили с своими отчинами...» — и далее называются эти «князи»: Одоевские, Воротынские, Белевские[182].

Далеко не случайно, что именно за новосильскими князьями, чьи отношения с виленским двором еще и в 1480-х гг. определялись особыми докончаниями, признавалась определенная самостоятельность и в межгосударственной сфере. Чем меньше зависел служебный князь от сюзерена, тем, вероятно, активнее проявлял он себя на внешнеполитической арене. Это предположение нам предстоит проверить ниже, при изучении событий рубежа XV—XVI вв.

---

[180] Там же. С. 161—162.

[181] Там же. № 47. С. 144 (1447 г.). Аналогично: там же. № 33. С. 85 (1434 г.).

[182] Сб. РИО. Т. 35. С. 51 и 62.

Наряду с отношениями к Москве и Литве большое влияние на положение украинных князей оказывала постоянная татарская угроза. Родоначальник новосильских князей, Роман Семенович, по словам родословий, «из Новосили в Одоев пришел жити от насилия от татарского», там же неоднократно встречаются характерные пометы «убили татарове»[183]. Татары часто «навещали» верховья Оки, а в конце 1430-х гг., как уже упоминалось, орда Улуг-Мухаммеда на несколько лет обосновалась в Белеве. В 1480 г., идя на соединение с Казимиром, хан Ахмат, миновав Мценск, Любуцк и Одоев, «ста у Воротыньска, ожидая к себе королевы помощи»[184].

Частые набеги татарских орд заставляли «верховских» князей искать покровительства в Москве или Вильно. Показателен в этой связи эпизод 1424 г. (уже упоминавшийся нами в другом контексте): «Царь Куидадат, — сообщает летопись, — поиде ратию к Одоеву на князя Юриа на Романовича». Услышав об этом, Витовт послал подмогу одоевскому князю, одновременно известив своего зятя, Василия I (на чьей службе находились тогда новосильские князья), однако «московскаа сила не поспела», и татары были разбиты только с Витовтовой помощью[185]. В этом эпизоде наглядно видно, что для участвующих сторон одоевский князь — самостоятельный правитель, субъект межгосударственных отношений. Кроме того, можно полагать, что безопасность его княжества гарантировалась совместно Москвой и Литвой. Наконец, если вспомнить, что в 1427 г., как показано выше, новосильские князья принесли присягу Витовту, то невольно напрашивается связь с событиями 1424 г.: очевидно, князья перешли на службу к тому государю, который оказался в состоянии оказать им в нужный момент эффективную помощь.

Интересно, что не только Москва и Литва, но и татары предъявляли права на сюзеренитет над верховскими княжествами: в 1498 г. Менгли-Гирей просил Ивана III помочь ему взыскать с одоевских князей причитающуюся хану пошлину, ибо «из старины одоевских городов князи... давали ясаку тысячю алтын, а дарагам другую тысячю алтын»[186]. Примечательно, что Иван III, не оспаривая права хана на получение ясака, отговаривался тем, что отчина одоевских князей пуста и платить им

[183] РИИР. 2. С. 112—114.
[184] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.
[185] Там же. Т. 27. С. 100.
[186] Сб. РИО. Т. 41. С. 269.

нечем[187]. Таким образом, к концу XV в. эти князья и их владения были объектом притязаний трех держав: Литвы, Москвы и Крыма.

В заключение необходимо коснуться еще одного аспекта положения украинных князей — конфессионального. В отечественной историографии XIX века было распространено мнение, что православные в Великом княжестве Литовском подвергались гонениям со стороны католиков. Однако проведенное рядом исследователей в начале XX столетия специальное изучение правового статуса православных в Великом княжестве XV—XVI вв. показало, что единственным законодательным ограничением права тех, кто исповедовал «греческую» веру, был предусмотренный Городельским привилеем 1413 г. запрет всем некатоликам занимать «уряды» в Вильне и Троках — т.е. фактически центральные должности в государстве[188]. В остальном же православные пользовались теми же правами, что и католики. Многие современные исследователи — и зарубежные, и отечественные — считают, что говорить о «религиозном гнете» в Литовском государстве эпохи Ягеллонов нет оснований: хотя православие являлась не господствующей, а только терпимой религией, эта веротерпимость была достаточно широкой; никаких насилий или репрессий против православных не было, в вопросах культа им предоставлялась полная свобода; нельзя переносить на XV — начало XVI в. ситуацию конца XVI—XVII в.[189] Другие авторы видят картину не в столь радужном свете, указывая, в частности, на колебания правительственного курса

---

[187] Сб. РИО. Т. 41. С. 306.

[188] *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 1—17; *Czermak W.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432—1563 r.) // RAU. Wydział hist.-fil. Ser. II. T. XIX. Kraków, 1903. S 348—405; *Kamieniecki W.* Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskim w XV i XVI wieku // PH T.XIII. Zeszyt 3. Warszawa, 1911. S. 268—282.

[189] *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1937. S. IX, 75—79, 81, 85, 87; *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955. S. 51—55, 153—154; *Tazbir J.* Państwo bez stosów. Warszawa, 1967. S. 31—33; *Ochmański J.* Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1972. S. 81; *Kosman M.* Tolerancja wyznaniowa na Litwie do XVIII wieku // ORP. T. XVIII. 1973. S. 95—123; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 408; *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории России IX— начала XX в. М., 1991. С. 109. Из новейших работ см.: *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003. S. 194, 196, 200—201, 215.

в отношении восточной церкви[190], но даже при самом осторожном подходе можно считать несомненным, что по крайней мере до 80—90-х гг. XV в. положение православных в Великом княжестве было вполне благоприятным[191]. Действительно, даже Иван III, очень ревниво следивший за положением православных в Литве, упрекая в 1500 г. Александра Казимировича за притеснение русских князей в вере, подчеркивал: «а наперед того от твоего отца и от твоих предков такая нужа им о вере не бывала»[192]. Что же касается упомянутого выше ограничения на занятие высших государственных постов, то оно украинных князей практически не затрагивало: лишь немногие из них, полностью утратив княжеские права, поступали на придворную и административную службу и получали те или иные «уряды» — о них нам еще придется говорить в дальнейшем. Большинство же порубежных князей принимали в политической жизни Литвы незначительное участие, а уделы новосильских князей, как показано выше, вообще были обособлены почти полностью от Великого княжества. Наконец, частые переходы князей с московской службы на литовскую и обратно в первой половине XV в. и даже позднее показывают, что при этих переходах они не чувствовали какой-то перемены духовной атмосферы, оставаясь в том же русском, православном пространстве. Отсутствие религиозной границы, как и твердой политической линии раздела между Московским и Литовским государствами было важным аспектом положения украинных князей в рассматриваемый период. Проанализировав с разных сторон положение этих князей, можно перейти к изучению их роли в событиях конца XV в., приведших к вхождению верховских и северских уделов и вотчин в состав России.

---

[190] *Беднов В. А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina legum). Екатеринослав, 1908. С. 25, 28, 32, 40—44; *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence (Kansas), 1957. P. 86—89; *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 53—56; *Русина О. В.* З історії входження Чернігово-Сіверщини до складу Росії // УІЖ. 1989. № 3. С. 96—97.

[191] *Макарий.* История русской церкви. Изд. 2. Т. IX. СПб., 1900. С. 20, 76—79; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 86.

[192] Сб. РИО. Т. 35. С. 295.

Глава вторая

Роль «украинных» князей в борьбе между Русским государством и Великим княжеством Литовским из-за пограничных земель в конце XV в.

В обширной историографии русско-литовских отношений конца XV в. до сих пор остается невыясненной роль князей в этих событиях. Отечественные исследователи приписывали им тягу к Москве, а зарубежные ученые, наоборот, считали князей жертвой московской агрессии, но при всем различии оценок подход был одним и тем же: князья рассматривались как однородная, недифференцированная масса. Даже О. Бакус, посвятивший свой труд выяснению мотивов княжеских «отъездов» в Москву, не избежал этой ошибки[1]. Между тем, как мы могли убедиться, статус различных княжеских фамилий был далеко не одинаков. Учет этого обстоятельства должен помочь уяснению конкретного хода и результатов событий 1480—1500 гг.

Долгое время на русско-литовском рубеже поддерживалось определенное равновесие: волна отъездов русской знати к московскому двору в первой четверти XV в. сменилась серией переходов на литовскую службу во второй четверти столетия. Поэтому когда в 1470-х гг. начался «отток» верховских князей в Москву, это еще не означало радикального изменения ситуации на русско-литовском пограничье. Одним из первых перешел на московскую службу кн. Семен Юрьевич Одоевский. Точная дата его «отъезда» неизвестна, но случилось это во всяком случае до осени 1473 г.: к этому времени относится летописное известие о том, что любучане (мстившие за набег «москвичей» на Любутск) «безвестно приидоша на князя Семена Одоевского», и в бою с ними кн. Семен погиб[2]. Позднее, в 1487 г., Иван III пенял литовскому послу: «нашему слузе князю Семену Одоевскому и его детем нашим слугам, колко лиха чинился от королевых украиных

---

[1] См. с. 21 настоящего издания.

[2] ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 178; Т. 12. СПб., 1901. С. 154; Т. 28. М.-Л., 1963. С. 136.

князей и от его людей... и самого князя Семена короловы люди убили»[3]. Не следует ли из приведенного текста, что кн. Семен перешел на службу к Ивану III вместе с сыновьями? Для определенного ответа у нас недостает данных, так как систематические записи в посольских книгах начинаются с 1480-х гг., а летописи о выезде Одоевских из Литвы не упоминают. В 1487 г. братья Семеновичи Одоевские, несомненно, находились уже на московской службе[4].

Что могло побудить кн. Семена Юрьевича и его сыновей к переходу на службу к Ивану III? Уместно напомнить, что в апреле 1459 г. старший брат Семена, кн. Иван Юрьевич «новоселскии и одоевъскии», заключил вместе с братаничами Федором и Василием Михайловичами (Белевскими) докончание с королем Казимиром[5]. Но родной брат Ивана Семен и дети последнего в этом договоре даже не упомянуты. Возможно, они вообще не были связаны каким-либо докончанием с литовским господарем: в пользу подобного предположения говорит тот факт, что Казимир, неоднократно протестуя против приема Иваном III на службу тех или иных верховских князей, ни разу в 80-х — начале 90-х гг. не обмолвился о правомочности службы московскому государю Семеновичей Одоевских. Может быть, эта линия Одоевских присягнула Ивану Васильевичу еще в 60-х гг., самое позднее — в начале 70-х. Итак, налицо раскол в роде кн. Одоевских. Вероятно, именно здесь следует искать причины перехода Семена и его сыновей на московскую службу. Старшая линия, потомки Ивана Юрьевича, напротив, оставалась лояльна к литовскому господарю и пользовалась его милостями: сохранились упоминания о пожаловании Казимиром смоленских сел Ивану Одоевскому и его детям Михаилу и Федору[6]. Кн. Михаил Иванович умер, видимо, до 1492 г., а его младший брат Федор жаловался в начале этого года королю, что слуги Ивана III, «княжи Семеновы дети Одоевского, братья его (двоюродные. — *М. К.*), княжу Феодорову матерь поймали, а вотчину его половину города Одоева засели, и волости удел его побрали...»[7]. Так мы узнаем, что Семеновичи и Ивановичи владе-

---

[3] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 5.

[4] Там же. С. 1 (прим.), 3—5; там же. Т. 41. СПб., 1884. С. 67.

[5] ДДГ. М.-Л., 1950. № 60. С. 192.

[6] АЛМ. Т. 1. Вып. 2. Варшава, 1897. С. 81, 95; РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 650 и сл.; Сб. РИО. Т. 35. С. 232.

[7] Сб. РИО. Т. 35. С. 59. Упоминание о Михаиле как о покойном: там же. С 57.

ли Одоевом по половинам; стало быть, одна часть города оказалась в московской стороне, а другая — в литовской. Семеновичи — князь Иван «с братьею» — отрицали, однако, факт нападения на удел Федора; зато они заявили, что у них есть «с ним слово о вотчине о болшом княженье: по роду, по старейшинству пригоже, сказывают, быти на болшом княженье... князю Ивану Семеновичю Одоевскому» — они посылали о том к кн. Федору, но тот с ними «смолвы» о «болшом княженье» не учинил[8].

Семейная вражда в роду новосильских князей была, можно сказать, запрограммирована: в их докончаниях с Казимиром предусмотрен случай — «коли сами промежы собе князи новосилскии сопремся», тогда «управить» между ними должен господарь[9]. Но когда родичи служили, как в описанном случае, разным государям, семейная распря превращалась в межгосударственный конфликт. Мы еще не раз встретимся с подобными фактами.

Мнение Ю. Вольфа о том, что Федор Одоевский тоже перешел в конце концов на московскую службу[10], источниками не подтверждается. Своей родовой вотчины он лишился: на переговорах о мире в Москве в начале 1494 г. литовские послы «отступилися» в сторону Ивана III, в числе прочего, «и княжы Федоровы долници Одоевского»[11], но сам он остался на литовской службе и в качестве утешения получил от великого князя Александра в держание Дорогобуж (владел им весной 1494 г.[12]). Летом 1497 г. кн. Федора уже не было в живых[13].

Хронологически следующим после перехода на московскую службу Семена Одоевского с сыновьями был выезд в Москву (без вотчины) кн. Федора Ивановича Бельского в 1481/82 г.[14] Как уже говорилось, бегство кн. Федора в Москву произошло после раскрытия заговора против Казимира, в котором Бельский участвовал вместе со своими родственниками — князьями Михаилом Олельковичем и Иваном Гольшанским. Сведения источников об этом заговоре 1481 г. крайне скудны и противоречивы, и, может быть, именно поэтому в науке возникло столько различных версий этих событий.

---

[8] Сб. РИО. Т. 35. С. 59 и 65.

[9] ДДГ. С. 193. Ср.: АЗР. Т. 1. СПб. 1846. № 80. С. 101.

[10] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 280.

[11] Сб. РИО. Т. 35. С. 120.

[12] Там же. С. 141.

[13] Там же. С. 232.

[14] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 269; Т. 25. М.-Л., 1949. С. 329.

Так, В. Б.Антонович видел в них одну из «последних попыток русских князей к восстановлению прав народного начала», результат «общего недовольства русских князей» состоянием дел в Великом княжестве[15]. О «русско-литовском антагонизме» и недовольстве русских князей писал и М. С. Грушевский. По его мнению, заговор, носивший «династически-родовой характер», имел целью возведение на литовский престол (возможно, при поддержке Москвы) Михаила Олельковича; наличие какой-либо религиозной подоплеки событий 1481 г. Грушевский отрицал[16]. М. К. Любавский, напротив, усматривал прямую связь между заговором против короля и изданным Казимиром в 1481 г. указом, запрещавшим строительство новых православных храмов. По мнению Любавского, заговорщики в случае неудачи покушения на короля собирались «отсесть» к Москве земли Великого княжества по Березину[17].

Польский исследователь Ф. Папэ, наиболее подробно изучивший обстоятельства пресловутого заговора, аргументированно отрицал религиозную сторону в рассматриваемых событиях, подчеркивал отсутствие у заговорщиков поддержки в широких слоях общества; по его мнению, в основе заговора была борьба центробежных удельных сил с силами государственной централизации[18]. Об узкодинастическом характере заговора писал Ф. Конечный[19]. А другой польский историк Л. Коланковский, считая главной целью заговорщиков лишение дома Ягеллонов власти над Великим княжеством или по крайней мере передачу восточных районов (по Березину) Москве, в то же время подчеркивал наличие в их действиях и религиозного мотива[20].

Наиболее близкую к действительности точку зрения высказал, на мой взгляд, А. Е. Пресняков, указавший на сугубо династический (притязания Олельковича на престол), а не национальный или религиозный характер заговора; возражал он и против версии Папэ о борьбе центробежных и централизатор-

---

[15] *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 240.

[16] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IV. Київ-Львів, 1907. С. 268—273.

[17] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М., 1915. С. 203.

[18] *Papée F.* Polska i Litwa na przełomie wieków średnich. T. I. Kraków, 1904. S. 66—82.

[19] *Koneczny F.* Litwa a Moskwa w latach 1449—1492. Wilno, 1929. S. 176.

[20] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. Warszawa, 1930. S. 348—350.

ских тенденций, проявившейся якобы в данном эпизоде[21]. Сходную аргументацию привел позднее Х. Яблоновски[22]. Наконец, К. В. Базилевич вопреки всей предшествующей историографической традиции считал версию о династическом характере событий 1481 г. ошибочной, видя в них не «заговор князей», а проявление развернувшегося в те годы «сильного движения православного населения в сторону присоединения к Москве»; к этому движению, по мнению исследователя, примыкали в начале 80-х гг. XV в. и верховские князья[23].

Едва ли, однако, последняя из приведенных версий приближает нас к верному пониманию указанных событий. Единственный по существу источник, на который эта версия опирается, — известие Софийской II летописи — не вызывает особого доверия. Здесь под 1481/82 г. сообщается о «мятеже» в Литовской земле: «восхотеша вотчичи, Олшанской да Оленкович (так!) да князь Федор Белской, по Березыню реку отсести на великого князя Литовской земли, един же их обговорил», и король двоих из них казнил, а Федор Бельский бежал к Москве; впоследствии великий князь добивался у короля отпуска к мужу жены кн. Федора, оставшейся в Литве, — но тщетно[24].

Часть информации в этом летописном тексте несомненно соответствует действительности: верно названы имена заговорщиков; хлопоты о возвращении Ф. Бельскому его жены отразились и в посольской книге[25]. Вполне возможно, источником информации о «мятеже» в Литве был сам беглец — Федор Бельский: он и мог представить задним числом цели заговорщиков в желательном для московского государя свете — как стремление «отсести на великого князя» часть литовских земель. В летописном тексте события явно увидены из Москвы; с литовскими реалиями составитель свода был слабо знаком — иначе трудно объяснить пассаж о землях «по Березыню реку». На притоке Березины, р. Гольшанке, находилось родовое владение кн. Голь-

---

[21] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. М., 1939. С. 154—158..

[22] *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955. S. 118—123.

[23] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (Вторая половина XV века). М., 1952. С. 151—154. Об «участии народных масс в этих событиях» пишет и А. Ю. Дворниченко (Русские земли Великого княжества Литовского. СПб., 1993. С. 211—212).

[24] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 233. Так же в Львовской: там же. Т. 20. СПб., 1910. С. 348.

[25] Сб. РИО. Т. 35. С. 13, 133, 144—145 и др.

шанских, к которым принадлежал один из заговорщиков — Иван Юрьевич (сам он владел Дубровицей на Горыни)[26], — отсюда, наверное, упоминание о Березине в летописном известии. Однако только человек, не знакомый с положением дел в Великом княжестве, мог посчитать, будто заговорщики действительно были в состоянии «оторвать» от Литвы такую громадную территорию: ведь от владений Ивана Гольшанского или от Слуцка и Копыля, принадлежавших другому заговорщику — Михаилу Олельковичу, — до тогдашней границы с Москвой было не менее 500—600 км! Эту территорию они отнюдь не контролировали. Даже кн. Федор Бельский, чья вотчина (г. Белая) находилась намного ближе к границе, не смог «отъехать» в Москву вместе с ней: этому, очевидно, воспрепятствовал его родной брат Семен, оставшийся лояльным к королю и в благодарность получивший от него все имения беглеца (см. выше). Случай с родным братом Федора Бельского, как и с его женой (из рода кн. Кобринских), так и не пожелавшей приехать к мужу в Москву[27], — весьма показателен: даже среди ближайшей родни заговорщики не имели прочной опоры. В конце концов, как неоднократно отмечалось в литературе, ни один источник не добавляет ни одного имени к троим вышеупомянутым участникам событий 1481 г. За этими последними стояла не «княжеская партия» (В. Б. Антонович) и тем более не «сильное движение православного населения» (К. В. Базилевич), а лишь узкий круг заговорщиков.

В пользу такой трактовки событий 1481 г. свидетельствует самый ранний из сохранившихся источников — письмо хелминского воеводы в Гданьск от 20 мая 1481 г. Здесь сообщается, что перед Пасхой (22 апреля 1481 г.) «литовские господа, то есть самые дерзкие (? wegestin) князья» задумали убить короля и его сыновей во время охоты, а королеву взять под стражу, но «добрые люди» успели предупредить Казимира, тот избежал опасности и велел арестовать заговорщиков[28]. О составе участников заговора сходно говорят и другие литовско-польские источники. Так, в посольстве великого князя литовского Александра к венгерскому королю Владиславу (1501 г.) напоминалось, как при

[26] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 116; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 94, 107.

[27] Сб. РИО. Т. 35. С. 188, 192—193, 209, 212.

[28] Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. III. Col. A. Lewicki. Kraków, 1894. № 296. P. 321—322.

их отце Казимире «от подданных княжат земли нашого милостивого пана некоторые... на его милость (короля. — *М. К.*)... повстати умыслили, так и на вашу милость, сынов его милости»[29]. Важно также свидетельство Ольбрахта Гаштольда в письме королеве Боне (1525 г.) — ведь отец его, Мартин Гаштольд, был в 1481 г. троцким воеводой и, следовательно, по рангу должен был участвовать в судебном процессе над заговорщиками: «два предка этого Слуцкого (кн. Юрия Семеновича Слуцкого. — *М. К.*), русские князья... покойным королем Казимиром... были по суду обезглавлены, ибо они составили заговор с целью убийства короля и великого князя, вышеназванного государя Казимира, желая, чтобы по уговору только один (из них. — *М. К.*) занял Великое княжество»[30]. Очевидно, здесь имеются в виду Михаил Олелькович (дед Юрия Слуцкого, о котором пишет О. М. Гаштольд) и Иван Гольшанский. Наконец, прусские хронисты XVI в., в частности А. Кранц («Вандалия» 1517 г.), отмечали, что среди вельмож были такие, которые считались достойными трона в случае убийства короля[31]. Здесь опять-таки можно видеть намек на Михаила Олельковича.

Таким образом, версия о заговоре небольшой группы княжат — родственников правившей династии с целью захвата власти в Литве может считаться вполне обоснованной. Что же касается вопроса о религиозной подоплеке этих событий, то рядом исследователей уже были высказаны серьезные сомнения в ее наличии[32]. Едва ли следует принимать на веру слова из упомянутого выше посольства Александра к венгерскому королю о том, что княжата тогда «не для иного, ниж для веры светой повстати умыслили...»[33]. Во-первых, такая оценка событий 20-летней давности могла быть подсказана (как полагали М. С. Грушевский и А. Е. Пресняков в указанных выше работах) ситуацией начала XVI в. Во-вторых же, здесь можно усмотреть дипломатический прием, рассчитанный на определенный эффект. В том, что религиозные мотивы активно использовались государями Восточной Европы в полити-

---

[29] АЗР. Т. 1. № 188. С. 222.

[30] AT. T. VII. Posnaniae, 1856. № 36. S. 268—269.

[31] Цит. по: *Papée F.* Polska i Litwa... S. 74.

[32] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IV. С. 272; *Papée F.* Polska i Litwa... S. 73—74; *Пресняков А. Е.* Лекции. Т. II. Вып. 1. С. 156—157.

[33] АЗР. Т. 1. С. 222.

ческих целях, нам еще предстоит убедиться в дальнейшем. Словом, нет никаких оснований видеть в трех заговорщиках борцов за православную веру[34].

Не находит опоры в источниках попытка К. В. Базилевича связать с выступлением против Казимира в начале 80-х гг. верховских князей. Нельзя согласиться и с утверждением, что бегство Федора Бельского в Москву послужило толчком к переходу под власть Ивана III украинных князей[35]. В действительности же после «отъезда» в Москву Семена Одоевского с сыновьями (в начале 70-х гг. или даже раньше) в переходах верховских князей на московскую службу наблюдается длительный перерыв примерно на полтора десятка лет, до 1487 г. Так что в ситуации на русско-литовском пограничье бегство Ф. Бельского практически ничего не изменило.

«Отъезды» верховских князей к Ивану III возобновились во второй половине 80-х гг. Еще 10 апреля 1483 г. Казимир заключил докончание «по старине» с князьями Дмитрием и Семеном Федоровичами и Иваном Михайловичем Воротынскими[36], а уже в начале октября 1487 г. литовский посол жаловался в Москве на обиды от кн. Ивана Михайловича Воротынского, причем называл его «королевским слугой»[37]. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что переход его на московскую службу произошел незадолго до этого посольства. Иван III в ответ протестовал против именования И. М. Воротынского слугой короля, напомнив, что «коли нам бил челом князь Иван служити, и мы посылали от него к королю с отказом, а наш слуга князь Иван посылал с нашим дворянином своего человека и целование королю с себе сложил»[38]. Однако Казимир, констатируя факт перехода («Князь Иван Михайлович Воротынский, что ныне

---

[34] Имена двух участников событий 1481 г., Михаила Олельковича и Федора Бельского, упоминаются среди лиц, подписавших послание митрополита Мисаила к папе Сиксту IV (1476 г.), — если верить тексту этого документа, опубликованному Ипатием Поцеем в 1605 г. (см.: Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. VII. Киев, 1887. С. 193—231; имена князей: с. 199). На этом основании можно было бы считать этих князей сторонниками унии, ибо грамота выдержана явно в униатском духе. Однако в списке этого документа 20-х гг. XVI в. из Синодального собрания ГИМ подписей князей нет (Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. V. М., 1992. С. 1071—1074). Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

[35] *Любавский М. К.* Очерк истории... С. 203; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 153.

[36] АЗР. Т. 1. № 80. С. 100—101.

[37] Сб. РИО. Т. 35. С. 1 (прим.), 3, 4.

[38] Там же. С. 5.

тебе служит...»), юридически его не признавал: «зовет его король своим слугою, а из присяги и из их записи (очевидно, докончания 1483 г. — *М. К.*) его не выпустит»[39]. Можно предположить, что этот переход Ивана Воротынского со своей вотчиной (включая г. Перемышль[40]) произошел где-то в первой половине того же 1487 г.

Видимо, в конце того же года перешел на сторону Ивана III и кн. Иван Васильевич Белевский: в тексте посольства к Казимиру, с которым выехал из Москвы 1 января 1488 г. Михаил Яропкин, Иван III называет Ивана Белевского «наш слуга»[41]. Затем на несколько лет переходы прекратились, а в декабре 1489 г. из Москвы к королю отправилось посольство с известием, что кн. Дмитрий Федорович Воротынский «нынечя нам (Ивану III. — *М. К.*) бил челом служити», однако Казимир ответил, что «тот князь Дмитрия нам и великому князьству Литовскому присягнул и записался и докончяние вчинил, про то мы с тое присяги его не выпускаем»[42]. Переход под власть Ивана III Дмитрия Воротынского имел важное значение для судьбы верховских княжеств и для развития русско-литовских отношений. Не случайно в ряде московских летописей под декабрем 1489 г. помещена специальная статья о приезде «на Москву» кн. Д. Ф. Воротынского «с своею отчиною», а следом говорится о переходе «того же лета» на службу к Ивану III кн. Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского) и Ивана Васильевича Белевского «в своею братиею»[43], — хотя, как мы уже знаем, оба князя Ивана, Воротынский и Белевский, перешли на московскую службу на пару лет раньше, а братья последнего попали под власть Москвы позднее, в начале 90-х гг. По-видимому, при последующем переосмыслении этих событий все княжеские «отъезды» той поры были приурочены к дате наиболее значительного из них — «отъезда» Дмитрия Воротынского[44].

---

[39] Сб. РИО. Т. 35. С. 4, 5.

[40] Там же. С. 3, 4.

[41] Там же. С. 8.

[42] Сб. РИО. Т. 35. С. 40.

[43] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 206; Т. 27. М. – Л., 1962. С. 289; Т. 8. С. 219; ИЛ. М., 1957. С. 128.

[44] Интересно, что и в поздних польских хрониках под 1489 г. помещена статья об отпадении к Москве «княжат Северской Руси» (!): причиной тому послужил, согласно М. Кромеру, незначительный эпизод: приехавших в Вильно князей (имена не названы) не допустили к королю, а одному из них даже прищемили дверью ногу; в гневе княжата поддались под власть Ивана III (*Kromer M.* Kronika... Sanok, 1857. S. 1311. Повторено М. Стрыйковским: *Stryikowski M.* Kronika... T. 2. Warszawa, 1846. S. 290—291).

В 1483 г. братья Дмитрий и Семен Федоровичи заключили с королем докончание, о котором не раз уже говорилось выше. Оба брата, совместно владея Воротынском[45], до конца 1489 г. верно служили Казимиру, совершая опустошительные набеги на соседние московские территории. Они несомненно обладали значительными военными силами: так, в нападении на Медынские волости участвовал их отряд (его можно назвать полком) «с знамяны и с трубами» (конец 1488 года)[46], а весной следующего года князья Дмитрий и Семен выдержали в своем Воротынске серьезную осаду и приступ одиннадцати московских воевод, хотя и понесли немалые потери: был сожжен посад, «люди» Ивана III «бояр и боярынь много поймали и всих головами семь тысячь (!) повели»[47].

К тому же кн. Дмитрий Воротынский 12 марта 1488 г. получил от короля в держание г. Козельск, по случаю чего князь дал присяжную запись о верности Казимиру и Великому княжеству Литовскому[48]. Вероятно, эта запись повторяла присягу его отца кн. Федора Львовича, который также в феврале 1448 г. получил этот город в наместничество от литовского господаря[49]. И вот теперь, в конце 1489 г., Дмитрий Федорович Воротынский бил челом Ивану III «в службу со всею своею отчиною» и с захваченной им «долницею» своего брата Семена, «и казну всю князя Семенову собе взял, и бояр всих и слуг княжих Семеновых поймал и к присязе их сильно привел, велел им собе служити»[50]. Кроме того, кн. Дмитрий захватил ряд городов и волостей у подданных короля и посадил там своих наместников: городки Серенск и Бышковичи, волости Лычино и Недоходов[51]; г. Козельск также оказался под властью Ивана III[52]. Брат же кн. Дмитрия, Семен Федорович Воротынский, сохранял верность Казимиру до смерти короля.

Наконец, в начале 1492 г. кн. Иван Васильевич Белевский, служивший Ивану III, неожиданно напал на вотчину своих братьев, оставшихся верными королю, «и брата его князя Василия

---

[45] Сб. РИО. Т. 35. С. 35, 39.

[46] Там же. С. 21, 39.

[47] Там же. С. 35.

[48] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa... S. 392 (ссылка на рукопись из архива Чарторыйских).

[49] АЗР. Т. 1. № 48. С. 61.

[50] Сб. РИО. Т. 35. С. 47—48.

[51] Там же. С. 48, 54.

[52] Там же. С. 48, 51.

поймав, и крестному целованию сильно привел.., а князя Андрееву Васильевичя отчину... за себе взял и бояр его и слуг и чорных людей поймал и крестному целованью привел»[53]. Так шла эта, по выражению А. А. Зимина, «странная война»[54], во время которой Иван III, формально не расторгая мира с королем и почти не прибегая к собственной военной силе, с помощью самих «украинных» князей распространил свою власть на многие порубежные территории. Чем же была вызвана серия «отъездов» верховских князей к московскому государю в конце 80-х гг. — «отъездов», радикально изменивших ситуацию на русско-литовской границе?

Несомненно, здесь сказался рост могущества Москвы, ее влияния в Восточной Европе после окончательного присоединения Великого Новгорода и Твери, победы над Ахматом. Спор с Литвой из-за порубежных территорий был решен теперь в пользу Московского государства: в частности, в 80-х гг. король уже не получал дани со Ржевских волостей, а его наместники были изгнаны оттуда[55]. Международная обстановка также благоприятствовала Москве: с юга владениям Казимира угрожали турки; Ивану III удалось создать антиягеллонскую коалицию из Венгрии, Молдавии, Крыма[56]; 1 сентября 1482 г. союзник Ивана III крымский хан Менгли-Гирей сжег Киев[57]. В этой связи переход части «украинных» княжат к более могущественному государю выглядит вполне естественным, тем более что до 1494 г. в отношениях между Москвой и Литвой не существовало запрета принимать к себе служилых князей.

Нельзя, однако, сводить все дело к возросшему давлению Москвы на пограничные с Литвой земли, как это делают некоторые историки[58]. Многое зависело от самих «украинных» князей. Так, кн. Семен Одоевский перешел на московскую службу еще в начале 70-х гг. (если не раньше), когда Москва не обладала еще перевесом на границе с Литвой. И в 80-х гг. эти переходы оставались добровольными; несмотря на постоянные нападения московских «слуг», часть князей продолжала служить Литве, в то время как их братья уже служили Ивану III.

---

[53] Там же. С. 58.

[54] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 93 сл.

[55] РИБ. Т. 27. Стб. 466, 469—477; Сб. РИО. Т. 35. С. 15, 34 и др.

[56] *Papée F.* Polska i Litwa... S. 83—117; *Kolankowski L.* Dzieje... T. 1. S. 331—396; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 239—281.

[57] ПСРЛ. Т. 25. С. 330. Ср.: ПЛ. Вып.2. С. 62—63.

[58] *Jablonowski H.* Westrussland... S. 123—127.

Если присмотреться к составу князей, «отъехавших» к московскому государю до 1492 г. (когда началась открытая русско-литовская война), можно заметить, что все они (без исключения!) принадлежали к разным ветвям одного и того же княжеского рода — Новосильских. Едва ли это случайное совпадение: в первой главе было показано, что именно Новосильские (Одоевские, Воротынские, Белевские) имели наиболее высокий статус среди верховских князей и пользовались значительной внутри- и внешнеполитической самостоятельностью. Напрасно некоторые исследователи называли «отъезды» Ивана и Дмитрия Воротынских «изменой»[59] — на ошибочность такой оценки их поведения указал уже С. Кучиньский: поскольку названные князья служили господарю на основе докончаний, в случае нарушения последним своих обязательств они могли «отъехать» от великого князя, не совершая при этом измены[60]. Действительно, хотя Казимир протестовал против приема Иваном III Ивана Белевского, Ивана и Дмитрия Воротынских (примечательно, что о детях Семена Одоевского здесь нет речи: возможно, как мы предположили выше, потому, что с их отцом у короля не было договора), обвинял их в нарушении докончаний, но при этом ни разу не назвал этих «отъезчиков» изменниками[61]. Между тем, как мы увидим, по отношению к более мелким княжатам (Мезецким, Вяземским и др.) литовский господарь в подобных случаях охотно использовал эпитет «зрадца» (изменник).

Ситуация, сложившаяся на русско-литовском пограничье в 80-х — начале 90-х гг., усилила раскол в среде новосильских князей. В предыдущей главе мы выяснили, что разные линии этого княжеского рода обособились уже в первой половине XV в. и заключали докончания с великим князем раздельно. Теперь же раскол произошел внутри каждой из ветвей рода Новосильских: одни из братьев Белевских, Одоевских, Воротынских служили московскому государю, другие — литовскому. Вопрос, кому служить, стал проблемой личного выбора. Разобщенность новосильских князей проявилась и в том, что переходы на московскую службу происходили не группами, а по одному, с интервалами в несколько лет. Поэтому видеть в этих князьях какую-то «партию» (например, промосковскую) нет никаких оснований.

[59] *Papée F.* Polska i Litwa... S. 136, 144; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Lwów — Warszawa, 1922. S. 70—71.

[60] *Kuchyński S.* Ziemie... S. 282—283. См. также: *Jablonowski H.* Westrussland... S. 127.

[61] См.: Сб. РИО. Т. 35. С. 5, 40, 48, 53.

Конкретные мотивы, которыми руководствовался тот или иной князь в выборе между Москвой и Вильно, нам в большинстве случаев неизвестны. Можно, однако, сделать ряд наблюдений, относящихся ко всей указанной категории князей. Анализируя докончания новосильских князей с литовскими великими князьями, мы отметили их явный консерватизм: содержание договора 1483 г. копировало условия предыдущих докончаний со времен Витовта. Вряд ли поэтому мы погрешим против истины, если предположим, что и в конце столетия новосильские князья стремились сохранить свои права и владения (а при случае — и расширить их). Только одни из них продолжали считать, что это им гарантирует литовский господарь, а другие решили попытать счастья на службе государю московскому. Чем же Иван III мог их привлечь к себе?

К. В. Базилевичу принадлежит важное наблюдение: «Иван III, — пишет он, — последовательно уничтожавший остатки феодально-удельной системы в своей стране, горячо поддерживал ее в пограничной литовской территории...»[62]. Действительно, Иван III — горячий приверженец идеи единодержавия — советовал в 1496 г. своей дочери Елене, великой княгине литовской, не давать брату Александра, королевичу Сигизмунду, Киева или иных городов («в удел»); «слыхал яз, — писал великий князь, — каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много; а и в нашей земле слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце, а опосле отца моего каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси...»[63]. Однако в отношении «украинных» уделов великий князь проявлял удивительную щепетильность. Вот, например, «отъехал» к московскому государю кн. Дмитрий Воротынский — тут же Иван III отправляет к Казимиру специального гонца с известием об этом, причем гонцу дается специальная инструкция: «как будет блиско того места, где король... наперед себя отпустити княжа Дмитреева человека Воротынского, который с ним поехал от князя от Дмитрея целованье сложити королю»[64]. Как видим, Иван III всячески старался подчеркнуть (особенно перед литовской стороной) самостоятельность, «суверенность» новосильских княжат. Если Казимир настаивал на том, что эти князья по докончаниям должны пожизненно служить ему, то московский государь ссылкой на службу предков этих князей «на обе стороны»

---

[62] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 296.
[63] Сб. РИО. Т. 35. С. 224—225.
[64] Там же. С. 40.

обосновывал их, так сказать, межгосударственный статус, их право самим выбирать себе место службы[65]. Весьма ловко Иван III вмешивался в конфликты между самими верховскими князьями. Так, когда служившие ему Семеновичи Одоевские заспорили о «большом княженье» со своим двоюродным братом Федором Ивановичем Одоевским («слугой» короля), Иван III предложил Казимиру, чтобы тот велел кн. Федору «смолву» со своими братьями «учинить» — кому быть «на болшом княженье», «а которому на уделе»; а если сами князья не договорятся, то выслать московского и литовского представителя для решения спора в качестве арбитров[66].

Таким образом, не только и, может быть, не столько военно-политическим давлением, сколько такой подчеркнутой заботой о сохранении княжеских прав, «самостоятельности» новосильских княжат московский государь привлекал их на свою сторону. По крайней мере части из них могло показаться, что Иван III защищает их интересы — в результате он получил новых «слуг», а учитывая доминирующие позиции новосильских князей в верховьях Оки, — и преобладание в этом регионе.

Не зря Иван III «обхаживал» новосильских князей: с их помощью, не отвлекая собственных ратных сил с других направлений (в 1487 г. — Казань, в 1489 г. — Вятка[67]), московский государь сумел к лету 1492 г. взять под свой контроль значительную часть Воротынского и Белевского уделов, по существу весь Одоев, а также города Перемышль, Козельск, Серенск и множество волостей. Помимо расширения территории, переход таких князей, как Воротынские, обладавших значительными воинскими отрядами, усиливал московскую сторону и в военном отношении. Новые московские «слуги» приняли активное участие в пограничной войне: так, дети Семена Одоевского и Иван Михайлович Воротынский постоянно нападали на владения кн. Мезецких, служивших Казимиру[68]; кн. Федор Бельский, получивший от Ивана III пограничные с Литвой волости Демон и Мореву[69], то и дело беспокоил соседние торопецкие волости[70]; кн. Дмитрий Воротынский участвовал в разорении четырех

[65] Сб. РИО. Т. 35. С. 5, 51, 62.
[66] Там же. С. 59, 65.
[67] РК 1605. Т. 1. М., 1977. С. 27—29; *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 66, 70—71.
[68] Сб. РИО. Т. 35. С. 3, 16—17.
[69] ПСРЛ. Т. 18. С. 269; Т. 25. С. 329.
[70] Сб. РИО. Т. 35. С. 35—36.

Карта 4. Пограничная война 1487–1494 гг.

брянских волостей[71]. Кроме того, как уже говорилось, Семеновичи Одоевские, Иван Белевский, Дмитрий Воротынский отбирали вотчины и «дельницы» у своей братии, остававшейся еще на литовской службе.

После смерти Казимира (7 июня 1492 г.) необъявленная война на русско-литовском пограничье вступила в новую стадию. Теперь, когда Польша и Литва вновь разделились и можно было не опасаться их совместного выступления против Московского государства, Иван III начал крупномасштабные военные операции на западной границе. В августе 1492 г. кн. Федор Телепень Оболенский был послан с ратью на Мценск; города Мценск и Любутск были взяты и сожжены, уведен большой полон[72]. Тогда же, в августе, служилые князья по приказу Ивана III отправились в поход на г. Мосальск. Согласно летописям и записи в разрядах (вероятно, летописного происхождения), в походе на Мосальск участвовали кн. Дмитрий и Семен Воротынские («послал князь велики Воротынскых князей, князя Дмитреа да князя Семена...»)[73], но посольство нового великого князя литовского Александра, отправленное в конце сентября 1492 г., жаловалось на нападение на Мосальск кн. Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского) и детей кн. Семена Одоевского[74]. В литературе до сих пор не было обращено внимание на это расхождение в источниках. А. А.Зимин объединил два противоречащих друг другу известия в одно, и у него получилось, что Мосальск сожгли кн. Семен Федорович Воротынский (перешедший под покровительство Ивана III) и его племянник Иван Михайлович[75]. Такой способ устранения противоречий в источниках нельзя признать удачным. Выше мы уже сталкивались с тем обстоятельством, что хронология княжеских «отъездов» в летописях сбивчива и ненадежна. В описываемое время (август — сентябрь 1492 г.) кн. Семен Воротынский еще находился на литовской службе (в противном случае об этом обязательно бы упомянуло указанное выше литовское посольство); его переход на службу к Ивану III произошел, как мы увидим далее, лишь в конце 1492 г. Таким образом, следует предпочесть более надежную версию посольской книги: кн. Иван Михайлович Воротын-

---

[71] Сб. РИО. Т. 35. С. 58.

[72] ПСРЛ. Т. 24. С. 210; Т. 28. С. 157, 322; Т. 8. С. 225; РК 1605. Т. 1. С. 32; Сб. РИО. Т. 35. С 73.

[73] ПСРЛ. Т. 8. С. 225; Т. 12. С. 235; РК 1605. Т. 1. С. 32.

[74] Сб. РИО. Т. 35. С. 73.

[75] См: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 98.

ский-Перемышльский и Семеновичи Одоевские сожгли г. Мосальск, «и самих князей наших Масальских, — жаловался Александр, — и з их княгинями и з детми их и со многими людми в полон повели...»[76]. Но хотя имена нападавших в летописях указаны неверно, ценным является сообщение о том, что князья были посланы великим князем. Поэтому мы не можем поверить в искренность Ивана III, который в ответ на приведенную выше жалобу отговорился неведением[77].

Обращает на себя внимание удивительно пассивное поведение князей Мосальских: они и не перешли на сторону Ивана III, и не оказали серьезного сопротивления нападавшим. Однако если вспомнить, что эти княжата, как мы выяснили в предыдущей главе, к концу столетия совершенно измельчали и фактически утратили княжеские права, то такую их пассивность в описанных событиях легко объяснить: сильная зависимость от центральной власти (служба в качестве господарских дворян, урядников; получение земель в далеких от родового гнезда частях Великого княжества) удерживала их в литовских пределах, а для сопротивления они просто не располагали ни силами, ни возможностями.

Одновременно в августе — сентябре, нападению подверглись владения вяземских князей: отряд Василия Лапина и Андрея Истомы захватил г. Хлепень, принадлежавший кн. Михаилу Дмитриевичу Вяземскому[78]. Надо сказать, что и раньше, еще в конце 80-х гг., Михаил Дмитриевич и другие вяземские князья жаловались на грабежи и наезды с московской стороны[79]. Несмотря на постоянное давление, никто из вяземских князей до конца 1492 г. не перешел под власть Ивана III.

Важнейшее значение в развитии русско-литовского пограничного конфликта имел переход на сторону Ивана III кн. Семена Федоровича Воротынского, дотоле сохранявшего верность литовскому господарю. Воскресенская и Псковская 3-я (по Архивскому 2-му списку) летописи поместили его приезд к великому князю под 7000 г., т.е. до 1 сентября 1492 г.[80], но большинство летописей датируют это событие 7001 г., помещая его после ноябрьского известия о бегстве в Литву Юшки Елизарова[81]. При

[76] Сб. РИО. Т. 35. С. 73.
[77] Там же. С. 77.
[78] Там же. С. 73.
[79] Там же. С. 1—3, 16, 20, 48—49 и др.
[80] ПСРЛ. Т. 8. С. 225; ПЛ. Вып. II. С. 252.
[81] Там же. Т. 24. С. 210; Т. 28. С. 157, 323; Т. 12. С. 234.

этом в Типографской летописи, своде 1497 г., Никоновской летописи «отъезд» С. Ф. Воротынского ошибочно соединен с «отъездом» его племянника Ивана Михайловича (в летописном своде 1518 г. этой ошибки нет): по посольской книге легко проверяется, что на протяжении 1487—1492 гг. Иван Михайлович Воротынский-Перемышльский постоянно упоминается в качестве «слуги» Ивана III, а в августе 1492 г., как уже говорилось, он участвовал в захвате Мосальска. Разрядная книга сообщает о «приезде» к великому князю в 7001 (1492/93) г. князей Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого и Василия да Андрея Васильевичей Белевских «с вотчинами, з городами и с волостьми, с Мещецком (Мезецком. — *М. К.*) да с Серпейском»; далее говорится, что Иван III послал в Литву «об них с отказом Дмитрея Загряского»[82]. Вполне возможно, что эта запись связана по происхождению с посольской документацией: в посольской книге действительно зафиксирована отправка в Литву Дмитрия Загрязского (он выехал из Москвы 5 января 1493 г.) с известием о переходе на службу к Ивану III перечисленных выше князей, с прибавлением еще имени кн. Андрея Юрьевича Вяземского[83]. Сопоставляя летописные данные с датой отправки посольства в Литву, получаем промежуток времени, когда названные князья могли перейти на службу к Ивану III: ноябрь-декабрь 1492 г.

Из всех «отьезчиков» только Семен Воротынский послал со своим «человеком» отказную грамоту литовскому господарю (положено по статусу!); эта грамота сохранилась и представляет для нас большой интерес, ибо излагает мотивы «отъезда». Первый упрек кн. Семена великому князю Александру: у его отца, короля Казимира, был он «у крестном целованьи на том, што было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину за нашу стояти и боронити от всякого: оно, господине, ведомо тебе, что отчина моя отстала...». Действительно, как мы помним, его родной брат Дмитрий Воротынский, «отъезжая» в конце 1489 г. к Ивану III, «прихватил» с собой и «дольницу» Семена. «... И отец твой, господине, государь наш за отчину за мою не стоял и не боронил, а мне, господине, против отчины городов и волостей мне не измыслил»[84]. Однако до смерти Казимира Семен Воротынский хранил ему вассальную верность (это чувствуется и в

---

[82] РК 1605. Т. 1. С. 32—33. Тот же рассказ: РК 1598. М., 1966. С. 22.
[83] Сб. РИО. Т. 35. С. 80, 81.
[84] Там же. С. 84.

самом «отказном» листе: «служил есми... **государю своему великому королю** Казимиру», «был есми... у отца твоего, **государя моего...»).** Также и Федор Одоевский и Андрей Белевский еще в начале 1492 г. жаловались покойному королю на насилия от своей «братии», служившей Ивану III[85], но до смерти Казимира присяги не нарушали. Впоследствии Федор Иванович Одоевский, как уже говорилось, получил от Александра в держание Дорогобуж (видимо, в качестве компенсации за потерянную «дольницу» в Одоеве), а вот братья Андрей и Василий Васильевичи Белевские, не дождавшись возмещения утраченных владений, перешли в конце 1492 г. вместе с С. Ф. Воротынским на службу к Ивану III. Так и кн. Семен Воротынский рассчитывал, по его собственным словам, на получение от нового господаря возмещения за потерянную вотчину («городом бы есь, господине, мне обмыслил, против моей отчины»); кроме того, он собирался возобновить докончание, которое было у князя Семена с покойным королем, — со всеми этими целями он послал к великому князю своего боярина, но — «твоя милость, господине, мене не жаловал, города не дал и в докончанья не принял, а за отчину за мою не стоял, а боярина моего... не жаловал, не чтил, как отец твой наших бояр жаловал, чтил» — и поэтому «крестное целованье с мене со князя Семена Федоровича долов»[86].

С учетом этого важного свидетельства мы можем дополнить и обобщить сделанные выше наблюдения о причинах постепенного перехода новосильских княжат на московскую службу в 80—90-х гг. XV в. Начнем с того, что о каких-то религиозных мотивах «отъезда» в «отказной» грамоте кн. Семена Воротынского нет и намека — это вполне согласуется с проведенным в первой главе анализом конфессионального аспекта положения «украинных» князей в Великом княжестве. Нет оснований говорить и о каких-то особых симпатиях этих княжат к Москве. По-видимому, главная причина их перехода на московскую службу связана с процессом изживания удельной старины в Великом княжестве Литовском. Уделы новосильских княжат как раз и представляли собой осколки такой старины, уцелевшие до 80-х гг. XV в. Но с этого времени политика литовских великих князей по отношению к ним начинает меняться: после 1483 г. новые докончания с Воротынскими или Одоевскими уже не заключаются (а с Белевскими — уже после 1459 г.), со второй половины

[85] Сб. РИО. Т. 35. С. 57—58.
[86] Там же. С. 84.

1480-х гг. слышны неоднократные заявления господаря о неотступной наследственной службе новосильских князей Великому княжеству Литовскому[87]. При этом, однако, Казимир не мог ни защитить вотчины своих «слуг», ни возместить им их потери (о чем прямо заявил кн. Семен в своем «отказе»). В свою очередь, искусная политика московского государя, всячески демонстрировавшего свою заботу о сохранении порядков старины в верховских княжествах, давала как будто возможность удержать свою вотчину, свою удельную «самостоятельность» и княжеские права. И вот в 1487—1489 гг. один за другим новосильские княжата со своими «дольницами» (а то и прихватив чужие) начинают переходить к Ивану III.

Смерть сюзерена, по средневековым представлениям, означала и прекращение вассальных обязательств. И когда Александр, продолжая политику отца, отказался заново заключить докончание по старине и при этом опять-таки не дал ни защиты, ни возмещения утраченных вотчин, — остававшиеся еще на литовской службе новосильские князья (за исключением бездетного Федора Одоевского, доживавшего последние годы) перешли под власть московского государя.

Сказанное относится только к Новосильским: остальные пограничные князья, как мы старались показать, не были в полном смысле слова удельными князьями, приближаясь (в разной степени) к статусу крупных вотчинников. Связь их с Литвой была настолько сильной, что понадобилось много лет непрерывных наездов московских удельных и вассальных князей (в 80-х — начале 90-х гг.), а затем совместный массированный натиск московских полков и отрядов служивших Ивану III князей, чтобы «оторвать» от Великого княжества одного мезецкого (Михаила Романовича) и одного вяземского князя (Андрея Юрьевича). Есть, однако, основания полагать, что и их переход на московскую службу стал возможен только благодаря поддержке (или давлению) более могущественных новосильских князей.

Обращает на себя внимание уже тот факт, что «отъезд» Белевских, Михаила Мезецкого и Андрея Вяземского произошел одновременно с переходом на московскую службу Семена Воротынского. Летописи сообщают, что «едучи, князь Семен на великого князя имя засел литовских городов Серпееск да Мезеческ»[88]. С. Кучиньский и К. В. Базилевич усматривают связь меж-

---

[87] Сб. РИО. Т. 35. С. 5, 40, 47—48, 53 и др.

[88] ПСРЛ. Т. 24. С. 210; там же. Т. 28. С. 157, 323.

ду занятием С. Воротынским этих городов и переходом кн. Михаила (у Базилевича ошибочно «Романа») Романовича Мезецкого на сторону Ивана III; польский ученый предполагает даже, что Мезецк кн. Семен занял «по соглашению с местными князьями»[89]. Связь между указанными событиями действительно была, но мне она представляется в ином виде: учитывая «удельный вес» Мезецких и Воротынских, можно предположить, что не Семен Воротынский был обязан поддержке Мезецких, а как раз наоборот. Постараемся это обосновать.

В особой летописной статье, помещенной после описания боевых действий зимы 1492/93 г., говорится о приезде на службу к Ивану III князя М. Р. Мезецкого: «приеде служити к великому князю князь Михайло Романовичь Мезецкой, да изымав **приведе с собою** двy братов, князя Семена да князя Петра, и князь велики их послал в заточение в Ярославль, а князя Михаила пожаловал его же отчиною и повелел ему себе служити»[90]. В этом тексте «приезд», видимо, нужно понимать буквально («приеде», «приведе с собою»): Михаил Мезецкий с захваченными им братьями (родным — Семеном Романовичем, и двоюродным — Петром Федоровичем) прибыл ко двору Ивана III. Причем не сказано, что он «отъехал» с вотчиной, однако говорится, что великий князь пожаловал кн. Михаила «его же отчиною». Все это можно объяснить, если учесть, что в то же самое время Мезецк и Серпейск «засел» на имя Ивана III Семен Воротынский: захваченный кн. Семеном город Иван III и передал Михаилу Мезецкому — «отчичу». Такое объяснение подтверждается и дальнейшим ходом событий.

Узнав о захвате названных выше городов, литовское правительство направило на выручку войска под командованием смоленского воеводы Юрия Глебовича, а также кн. Семена Ивановича Можайского и князей Друцких, которые, не встретив никакого сопротивления, заняли Мезецк и Серпейск[91]. Летом 1493 г. Иван III в ответе литовскому посольству привел любопытные подробности этих событий: кн. Семен Можайский и «Юрьи Глебов» «со многими людми», — по его словам, — «слуг» Ивана III «звоевали, городы их поймали и иззасели», «а слуги нашего княжу Михайлову (Мезецкого. — *М. К.*) казну взяли, **а он сам одною головою из города ушол»**[92]. Итак, как видим, М. Р. Ме-

---

[89] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 301; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 291.
[90] ПСРЛ. Т. 24. С. 211; Т. 27. С. 293; Т. 28. С. 323 (выделено мной. – *М. К.*).
[91] Там же. С. 210; Т. 28. С. 157; Т. 6. С. 240; РК 1605. Т. 1. С. 33.
[92] Сб. РИО. Т. 35. С. 107 (Выделено мною. — *М. К.*).

зецкий действительно был посажен в своей «отчине», Мезецке, — после того, очевидно, как Иван III принял этот город из рук своего нового слуги, кн. Семена Воротынского, — однако защитить свою «отчину» кн. Михаил собственными силами не мог. Помощь пришла от его нового повелителя: как объяснял позднее сам Иван III, «коли так над нашими слугами учинилося за нашею посылкою, и мы велели своих слуг боронити»[93]. В Москве была снаряжена большая рать: Иван III послал в поход своего «сестрича» кн. Федора Васильевича Рязанского с рязанскими воеводами, девять великокняжеских воевод во главе с кн. М. И. Колышком-Булгаковым и, кроме того, «в том же походе велел князь великий быть Воротынским князем и Одоевским, и Белевским, и князю Михаилу Мезецкому с своими полками»; из Москвы полки вышли 29 января 1493 г.[94] Мезецк сдался без сопротивления (не потому ли, что в войске находился их «отчич», князь Михаил Мезецкий?), а Серпейск и Опаков, пытавшиеся обороняться, были сожжены победителями[95].

Тогда же окончательно была решена судьба Вязьмы. Как уже говорилось, в конце 1492 г. на сторону Ивана III перешел кн. Андрей Юрьевич Вяземский. Возможно, и здесь какое-то давление оказал кн. Семен Воротынский: позднее при возвращении Литве ряда городов и волостей после подписания мира в 1494 г. выяснилось, что пять волостей, «Вяземских (князей. — *М. К.*) отчины», «поймал у них, как приехал к великому князю» кн. Семен Воротынский[96]. Старший среди вяземских князей, кн. Михаил Дмитриевич, не только остался верен литовскому господарю, но (как жаловался Иван III в посольстве к Александру в январе 1493 г.) когда кн. Андрей Вяземский бил челом великому князю, кн. «Михайло Вяземской в нашом имени его пограбил, вотчину у него отнял на Днепре село его з деревнями, а в городе дворы и пошлины его за себя взял, а и казну его взял, да и людей его переимал»[97]. Однако Иван III и в данном случае не оставил без защиты своего слугу: зимой 1493 г. московская рать, пять полков, во главе с кн. Данилой Васильевичем Щеней взяла Вязьму, после чего «воеводы вяземских князей привезли к Москве»[98]. К этому летописи добавляют, что

---

[93] Сб. РИО. Т. 35. С. 107.
[94] РК 1605. Т. 1. С. 33—34. Ср.: РК 1598. С. 22.
[95] ПСРЛ. Т. 24. С. 210; Т. 28. С. 157–158, 323; Т. 8. С. 225; Т. 12. С. 234.
[96] Сб. РИО. Т. 35. С. 137.
[97] Там же. С. 81.
[98] РК 1605. Т. 1. С. 37. В РК 1598 нет разряда похода на Вязьму.

привезенных в Москву князей «князь велики пожаловал их же вотчинами (вариант: «вотчиною»), Вязьмою, и повеле им собе служити»[99] Пожалование, однако, распространилось не на всех вяземских князей: согласно Архангелогородскому летописцу, Иван III «князь Михаила Вяземскаго послал на Двину, и там умре в железех»[100]. Без сомнения, это была расплата за попытку кн. Михаила воспрепятствовать переходу Андрея Вяземского на московскую службу.

Великий князь литовский Александр, естественно, не признал перехода к Ивану III Семена Воротынского, Белевских князей (утверждая, что предки этих князей и они сами «записалися» Казимиру и его детям «служити... к великому княжьству Литовскому неотступно»), а также Михаила Мезецкого и Андрея Вяземского («тыи князи з стародавна наши слуги суть»)[101]. Причем, в отличие от новосильских князей, переходы Вяземских и Мезецких Александр прямо называл изменой: позднее, в 1496 г., литовский посол говорил в Москве от имени господаря — «князи Вяземьские и Мезецкие наши были слуги, а зрадивши нас (т.е. «изменив нам». — *М. К.*) присяги свои, и втекли до твоее земли, как то лихие люди»[102]. Разница в статусе налицо.

Поведение украинных князей в событиях 1492—1493 гг., как мы могли убедиться, прямо соответствовало их статусу. Активнее всего себя проявили новосильские князья, прежде всего Воротынские, полностью теперь перешедшие на московскую службу: они помогли Ивану III завоевать Мосальск, Мезецк, Серпейск, Вязьму. За это они были щедро награждены своим новым государем. Так, Семен Воротынский к моменту заключения мира 1494 г. держал в своих руках такие «трофеи», как Мосальск, Серпейск, Бышковичи, Залидов и десятки волостей[103]. Другая категория князей — Вяземские, Мезецкие, Мосальские — вела себя в описанных событиях пассивно; их города были завоеваны московскими полками и новосильскими князьями; лишь единицы из них (а из Мосальских никто) перешли на службу к Ивану III, причем и в этом заметную роль сыграл кн. С. Ф. Воротынский. Наконец, третья категория — княжата-владельцы пожалованных литовским господарем вотчин — по-прежнему оставались на литовской стороне, а

---

[99] ПСРЛ. Т. 24. С. 211; Т. 28. С. 158; Т. 8. С. 226; Т. 12. С. 235.
[100] Там же. Т. 37. Л., 1982. С. 98.
[101] Сб. РИО. Т. 35. С. 84, 103—104; АЗР. Т. 1. № 109. С. 127, 128.
[102] Там же. С. 216.
[103] Там же. С. 136, 137.

кн. Семен Можайский со своим отрядом активно защищал литовские порядки в верховских городах.

Хотя Александр не признал «отъезды» к Москве своих «слуг», сил для отвоевания утраченного у него было недостаточно, а обращение за помощью к Польше[104] желаемого результата не принесло. Поэтому он вынужден был начать мирные переговоры, и 5 февраля 1494 г. был подписан «вечный» мир[105]. Условия этого мирного договора показывают, сколь большое значение в русско-литовских отношениях имела позиция той или иной категории украинных князей. Поскольку все новосильские князья перешли к тому времени на московскую службу, то, естественно, они все (Воротынские, Одоевские, Белевские) были записаны с вотчинами «в сторону» Ивана III[106]. К Русскому государству отходила также Вязьма, и литовский господарь обязывался не принимать к себе на службу вяземских князей[107]. По-видимому, после взятия Вязьмы московскими войсками часть местных князей сочла за лучшее признать власть нового сюзерена, а самые строптивые (Михаил Дмитриевич) были сосланы и заточены. В 1494 г. встречаем на московской службе, помимо Андрея Юрьевича, кн. Юрия Борисовича Вяземского, а также жену и детей кн. Андрея Вяземского[108]. Часть вяземских князей, однако, осталась на литовской службе[109]. Раскол произошел и среди мезецких князей — одни служили теперь Ивану III, другие — литовскому господарю. Поэтому в договоре 1494 г. зафиксировано компромиссное решение: князья Михаил Романович Мезецкий, Василий и Федор Ивановичи Говдыревские со своими «дольницами» служат московскому государю, а те, что служат Александ-ру, — князья Федор и Василий Федоровичи — «и те князи в Мезоцку в городе и в волостях ведают свои отчины долници свои». Кроме того, Иван III обязался отпустить сидевших у него в плену мезецких князей Семена Романовича и Петра Федоровича, предоставив им право самим выбрать, какому государю служить[110]. Действительно, сра-

---

[104] Сб. Малиновского. С. 106—107.

[105] Подробнее о переговорах и заключении мира см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 318—330.

[106] Сб. РИО. Т. 35. С. 126—127.

[107] Там же. С. 126.

[108] Там же. С. 154.

[109] РИБ. Т. 27. Стб. 610—611; Сб. РИО. Т. 35. С. 133, 170; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 551.

[110] Сб. РИО. Т. 35. С. 127.

зу после заключения мира, весной 1494 г., оба пленных были выпущены, причем первый из них «приехал служити к великому князю Иоанну», а второй «бил челом великому князю Александру Литовскому»[111].

Как мы помним, никто из мосальских князей не перешел во время недавней войны на сторону Москвы, и вот в мирном договоре появляется пункт о принадлежности Мосальска литовской стороне; помимо Мосальска Литве были возвращены «некняжеские» городки Мценск, Серпейск, Любутск и другие[112]. Подобная уступчивость Ивана III имела вполне прагматические основания: не имея опоры в этих пограничных городках, трудно было рассчитывать на их прочное удержание. Таким образом, территориальные приобретения по миру 1494 г. прямо зависели от позиции местных князей в отношении Москвы. Наконец, важным пунктом договора был запрет принимать к себе служилых князей другой стороны[113] — серьезный показатель исчезновения удельной старины в Великом княжестве Литовском.

Следующим этапом в процессе вхождения славянских земель Литвы в состав Русского государства стали события 1500 г. И вновь в центре внимания оказались «украинные» князья. Началось все с того, что к Ивану III «отъехал» со своей вотчиной (г. Белой) кн. Семен Иванович Бельский. Великий князь отправил к Александру посла Дмитрия Загрязского с известием об этом и с объяснением причин, по которым он принял кн. Семена вопреки записанному в мирном договоре обязательству: «князей служебных... с вотчинами на обе стороны не принимати». Ссылаясь на слова самого Семена Бельского, Иван III указывал на то, что от Александра «пришла на них великая нужа о вере греческого закона» — поэтому он и принял кн. Семена с вотчиной[114]. Одновременно с «человеком» Бельского была послана господарю «отказная» грамота кн. Семена — к этому документу мы еще вернемся. Уточним для начала датировку этого посольства и, соответственно, «отъезда» Бельского.

Верительная грамота послу помечена «7008» г., т. е. 1499/1500 г. Ответное же литовское посольство было снаряжено из Смоленска 28 февраля 1500 г. (но поехало позднее, в начале марта)[115].

---

111 Сб. РИО. Т. 35. С. 132—133.

112 Там же. С. 125.

113 Там же. С. 127.

114 Там же. С. 294—295.

115 Там же. С. 296 (5 марта). Ср.: АЗР. Т. 1. № 179. С. 206 (28 февраля).

Значит, Загрязский прибыл в Литву не позднее февраля, а из Москвы отправился (учитывая расстояние) в январе 1500 г., а то и в декабре 1499 г. А кн. Семен Бельский прислал к Ивану III «бьючи челом» еще раньше, — вероятно, в конце 1499 г. Теперь вернемся к вопросу о мотивах «отъезда».

Сам кн. Семен в «отказной» грамоте ссылается на два обстоятельства. Первое — потеря великокняжеской милости и «ласки»: покойный король его жаловал, и при Казимире, и при Александре Семен «местце у раде мевал», впоследствии же господарь «меня во всем в том отпустил»[116]. Интересно сопоставить с этим заявление самого Александра: «мы же третий год его очима нашима не видали»[117]: косвенно это может указывать на продолжительную опалу или немилость. Вторая же, и главная, причина «отказа»: господарь, «чего не бывало от предков твоей милости над нашими пьредки, хочеш твоя милость наш закон греческий зломати, а хочеш... силно привести в римской закон»[118].

Показательно, что Александр самому Бельскому не ответил (как отвечал на «отказы» Воротынских, например — «из присяги не выпускаем» и т.п.) — это было бы не по статусу, — а отвечал его господину: назвав С. Бельского «зрадцей», изменником, он категорически отверг обвинения в принуждении к католичеству[119]. По этому поводу в историографии до сих пор ведется спор: одни исследователи полагают, что С. Бельский и северские князья действительно «отъехали» в Москву из-за религиозных гонений[120]. Другие же считают конфессиональные мотивы только поводом, предлогом, использованным Иваном III для

---

[116] Сб. РИО. Т. 35. С. 295.

[117] Там же. С. 297.

[118] Там же. С. 295.

[119] Там же. С. 297. Более исправный текст: АЗР. Т. 1. С. 203.

[120] *Любавский М. К.* Новый труд по внутренней истории Литовской Руси // ЖМНП. 1898. Июль. С. 190—191; *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 433—436, 442; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 105—106, 115—116, 235; *Русина О. В.* З історії входження Чернігово-Сіверщини до складу Росії // УІЖ. 1989. № 3. С. 98—100. Впоследствии, однако, исследовательница скорректировала свою позицию, отметив, что в источниках не зафиксировано каких-либо реальных шагов виленского правительства по осуществлению церковной унии – по крайней мере таких, которые могли бы вызвать недовольство северских княжат (*Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 189).

присоединения новых земель[121]. На рубеже XV—XVI вв. в Литовском государстве действительно была предпринята попытка проведения церковной унии[122], но затронула ли она «украинных» князей?

Вся информация о попытках форсирования унии, приходившая в Москву (а там не отличали унию от «латынства» — католичества), несет на себе столичный, придворный отпечаток. Впервые о пресловутых «гонениях» на православную веру в Литве Иван III узнал из полученной 30 мая 1499 г. окольными путями грамоты некоего московского доброхота Федки Шестакова, который писал, что смоленский владыка (Иосиф. — *М. К.*) и «отметник» Ивашка Сапега ополчились «на православную веру», а Александр «неволил государыню нашу, великую княгиню Олену, в латынскую проклятую веру»; «да и все наше православное христианьство хотят отсхитити»[123]. И упомянутые лица, и вся атмосфера этого послания указывает на придворную среду. Другим информатором Ивана III был Семен Бельский. Ссылаясь на его слова, великий князь писал Александру, что последний якобы «посылал... владыку смоленского да своего бискупа виленского к князем к русским и ко всей Русии, которые дръжат греческий закон, и говорил им от тебя, чтобы они приступили к римскому закону»[124]. В ответ Александр отрицал факт посылки к С. Бельскому виленского «бискупа» и митрополита Иосифа, подчеркнув при этом, что он уже третий год кн. Семена в глаза не видел[125]. Логика этого ответа такова: кн. Семен уже третий год не появлялся при дворе, и, стало быть, великий князь не мог

---

[121] *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь К. И. Острожский... Смоленск, 1897. С. 77—80; *Грушевський М. С.* Історія... Т. IV. С. 278; *Пресняков А. Е.* Лекции... Т. II. Вып.1. С. 167; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy... S. 87—88; *Kuczyński S.* Ziemie... S. 305—309; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Lwów, 1936. S. 172; *Jablonowski H.* Westrussland... S. 128—132; *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence, 1957. P. 108—110.

[122] Подробнее см.: *Макарий.* История русской церкви. Т. IX. СПб., 1900. С. 94—119; *Бучинський Б.* Змагання до унії руської церкви з Римом в роках 1498—1506 // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1909. Кн. IV. С. 100—136; кн. V. С. 61—87; кн. VI. С. 5—53; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. S. 165—172; *Флоря Б. Н.* Попытка осуществления церковной унии в Великом княжестве Литовском в последней четверти XV — начале XVI века // Славяне и их соседи. Вып. 7. М., 1999. С. 40—81.

[123] Сб. РИО. Т. 35. С. 274.

[124] Там же. С. 294.

[125] Там же. С. 297.

послать к нему упомянутых иерархов. В самом деле: невероятно, чтобы высшие иерархи католической (виленский епископ) и православной церквей (нареченный митрополит Иосиф) лично объезжали всех православных князей в Великом княжестве, включая самые отдаленные уделы на границе с Москвой, вроде г. Белая. И в последующих филиппиках Ивана Васильевича также угадывается столичная обстановка: Александр-де посылал к Елене, помимо владыки смоленского и виленского епископа, еще и «черньцов бернардинов»; того же владыку и «бискупа» посылал он якобы «также ко князем к русским и к паном и к виленским местичем и ко всей Руси...»[126]. На верхушечный характер попыток церковной унии в Великом княжестве в XV в. указывается в новейшей литературе; по мнению литовского исследователя Р. Гирконтаса, уния не получила поддержки в Великом княжестве ни среди католиков, ни среди православных[127]. Истинные мотивы «отъезда» Семена Бельского раскрывает, по-видимому, осведомленный автор хроники Быховца, по словам которой Иван III посылал «таемне» к Семену Бельскому, Семену Можайскому и Василию Шемячичу, предлагая перейти на его службу, «а ко тому еще обецал им многие городы и волости свои»[128]. Как мы помним, после бегства брата в 1481/82 г. (в этой истории кн. Семен сыграл какую-то неблаговидную роль) Семен Бельский сосредоточил в своих руках все семейные владения, которые к началу XVI в. (тем более при ослаблении центральной власти в правление Александра) стали превращаться в своего рода удел, а за самим кн. Семеном к тому времени прочно закрепилось прозвание «Бельский». Возможно, желание подняться до статуса «настоящего» удельного князя (ведь Бельские не были «отчичами» своих владений), порвать всякую зависимость от господаря и привело его на московскую службу. Характерно, что, посылая от Семена Бельского особую «отказную» грамоту, — точно он, подобно Воротынским, служил по докончанию! — Иван III приравнивал его к другим своим «слугам», служилым князьям, между тем как в Литве Бельские такого статуса не имели.

Прибывшим в Москву 23 апреля 1500 г. литовским послам Станиславу Петровичу и Федку Григорьевичу Иван III не толь-

---

[126] Сб. РИО. Т. 35. С. 299.

[127] *Гирконтас Р.* Попытки церковной унии в Великом княжестве Литовском в XV в. // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в средние века. Сб. тезисов. М., 1991. С. 30—32. О том же пишет и Б. Н. Флоря (Попытка осуществления церковной унии… С. 71). См. также: *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003. S. 199.

[128] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 166.

ко подтвердил прием на свою службу С. И. Бельского, но и заявил о новых переходах к нему подданных Александра: в частности, к нему с вотчинами «служить приехали князи Мосальские и Хотетовской», все по той же причине — «не хотя отступить от веры греческого закона»[129]. Однако в приведенной мотивировке, как и в добровольности «отъезда» к Ивану III кн. Мосальских и их родичей Хотетовских можно усомниться. Дело в том, что в полном тексте упомянутого выше литовского посольства, который сохранился в 5-й книге Метрики, Александр сообщал, что «тыми разы (сейчас, только что. —- *М. К.*) пак, как вжо мы послов наших к тобе (Ивану III. — *М. К.*) ... отпустили и вжо послы наши з Смоленска выехали, ино дошли нам слухи, штож люди твои многии, пришодши... город наш Мценск засели и иныи наши городы, Серпееск и Масалеск, и волости наши многии и слуг наших, князей и бояр смоленских волости позаседали...»[130]. А из пометы над текстом того же посольства «месяца февраля 28 дня, индикта 3»[131], т.е. 1500 г., явствует, когда послы Станислав Петрович, смоленский наместник, и писарь Федко Григорьевич должны были выехать. Стало быть, уже в феврале «люди» Ивана III захватили Мосальск, после чего некоторые из местных князей перешли волей-неволей на московскую службу. Многие из кн. Мосальских, как уже говорилось, давно оторвались от родных мест. В частности, кн. Иван Семенович Мосальский с тремя сыновьями упомянут в реестре 1480-х гг. смоленских бояр и слуг[132], но поскольку в начале 1500 г., как видно из вышеприведенного текста, часть волостей смоленских князей и бояр также была захвачена, некоторые из поселившихся в Смоленском повете кн. Мосальских могли перейти под власть Москвы. Во всяком случае, дети упомянутого нами кн. Ивана Мосальского, Дмитрий и Семен Ивановичи, встречаются позднее в разрядах, но лишь в 1512/13 г.[133], точная дата их поступления на московскую службу неизвестна[134]. Большинство же Мосальских и в XVI в. продолжало служить в Литве с имений в Смоленском, Гродненском, Брацлавском и иных поветах[135].

---

[129] Сб. РИО. Т. 35. С. 302 (ср. там же. С. 300).

[130] АЗР. Т. 1. С. 204. Новое издание: LM. Kn. 5. P. 152.

[131] LM. Kn. 5. P. 143.

[132] РИБ. Т. 27. Стб. 497.

[133] РК 1598. С. 49; РК 1605. Т. 1. С. 126.

[134] Мнение А. А. Зимина о том, что это произошло весной 1500 г. (*Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 135), — лишь предположение.

[135] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 232—234, 238, 249, 253.

Центральным событием первой половины 1500 г. стал переход на московскую службу северских князей — Семена Можайского и Василия Шемячича. Летописи сообщают, что они прислали бить челом Ивану III в апреле 1500 г., здесь же приводится уже знакомая нам мотивировка: «пришла на них великаа нужа о греческом законе»[136]: те же мотивы приема на свою службу северских князей Иван III изложил в посольстве к Александру, отправленном с Иваном Телешовым, одновременно с посылкой «складной» грамоты и отправкой к Брянску рати во главе с Яковом Захарьичем[137]. В посольской книге текст этого посольства не сохранился; он дошел до нас только в составе 5-й книги Метрики и (в пересказе) в Выписке из посольских книг польского двора. Здесь о «нуже о вере» сказано пространнее: Александр будто бы посылал владыку Иосифа и виленского «бискупа» «к князем к руским и ко всей Руси, которые держат греческий закон, и говорили им от тебе (Александра. — *М. К.*), чтобы они приступили к римскому закону»[138]. Литовский господарь отвечал, что этих иерархов к князьям он не посылал; кроме того, от имени Александра московскому послу было сказано, что «отец господара нашого (Казимир. — *М. К.*) их отцом (Можайского и Шемячича) подавал городы и волости свои, им на поживенье, а **о их городах и волостех господар наш не ведает**, ведает его милость и держит свою отчину»[139].

По поводу будто бы религиозных причин «отъезда» князей уже шла речь выше, здесь же добавим только один штрих. 1 февраля 1500 г., в разгар кампании по проведению унии, кн. Богдан Глинский, великокняжеский наместник в Путивле, записал Никольскому Пустынскому монастырю свое имение в Киевском повете[140]: совершенно очевидно, что здесь, на Северской «украине», никакие униатские эмиссары не появлялись, и жизнь православных князей и всего местного («русского») населения текла в обычном русле, без каких-то изменений.

Большего внимания заслуживает выделенное нами заявление господаря московскому послу о том, что о городах и волостях

---

[136] ПСРЛ. Т. 8. С. 239; Т. 28. С. 333; Т. 6. С. 45; Т. 12. С. 252.

[137] Сб. РИО. Т. 35. С. 302 (прим.); ПСРЛ. Т. 8. С. 239.

[138] АЗР. Т. 1. № 180. С. 208 (новое издание: LM. Kn. 5. P. 148—149). Ср.: «Выписка из посольских книг» о сношениях Русского государства с Польско-Литовским за 1487—1572 гг. М. — Варшава, 1997 (=Памятники истории Восточной Европы. Т. II). С. 77.

[139] Там же. С. 208 (LM. Kn. 5. P. 149).

[140] Там же. № 178. С. 202.

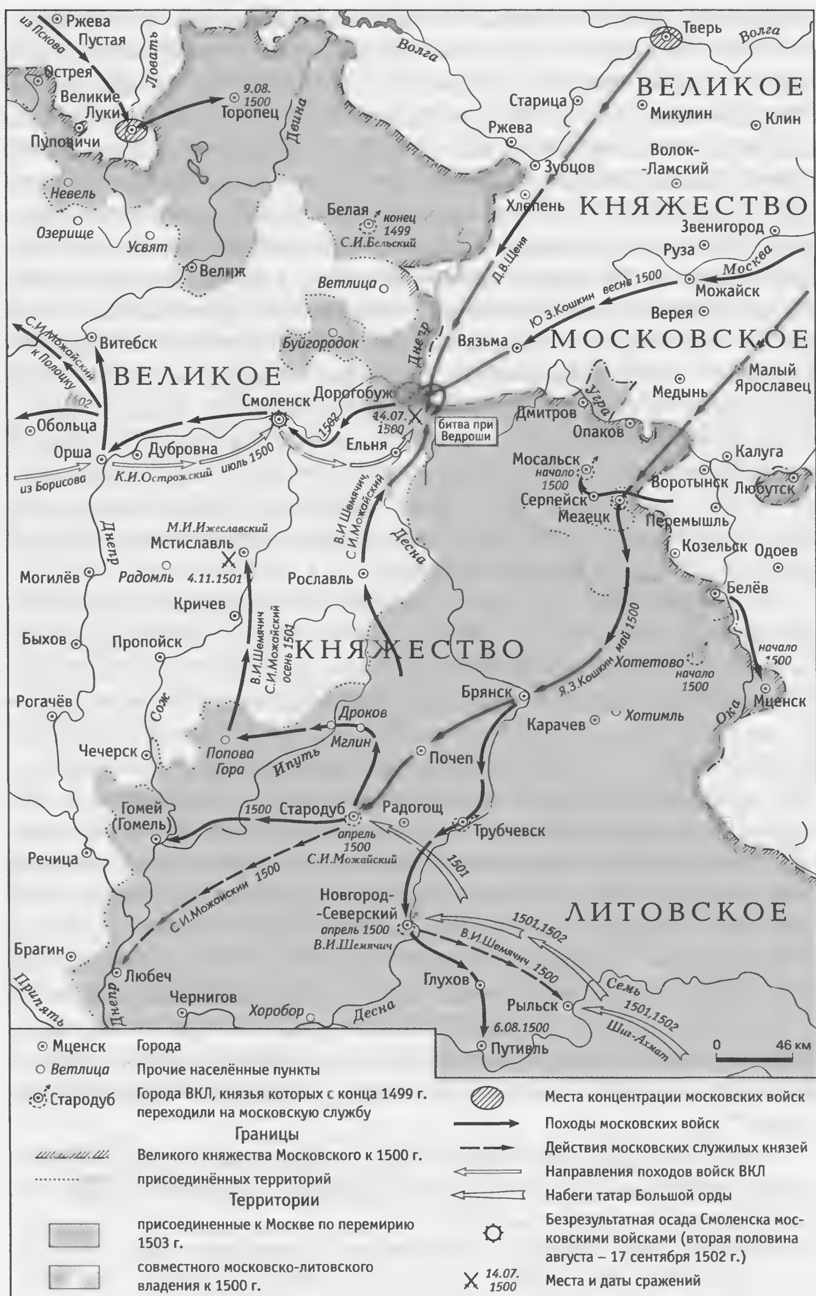
северских князей он, Александр, «не ведает», а ведает только свою отчину. Это означает, что при нем владения Можайского и Шемячича приобрели большую самостоятельность, чем они имели при Казимире, который, как мы помним, вмешивался в земельные дела на Северщине, дал, а затем отобрал у кн. Можайских Брянск. Здесь, в общем, наблюдается тот же процесс (только в большем масштабе), что и в случае с Семеном Бельским: постепенное превращение пожалованной господарем некогда вотчины в обособленный от Великого княжества удел. Сам Александр своей политикой способствовал этому процессу, «придав» Семену Ивановичу Можайскому к его вотчине в 1496 г. Чернигов и Карачев, в 1499 г. — еще и Хотимль[141]. Мотивы, которые привели северских князей к сближению с Москвой, вероятно, были сходны с теми, которые побудили к этому шагу Семена Бельского: желание закрепить за собой старые владения, приобрести новые; кроме того, в отличие от С. Бельского, северские княжата были в родстве с московским великокняжеским домом, что должно было повысить их статус на новой службе.

Первые контакты Семена Можайского с московской стороной относятся к лету 1499 г.: тогда козельский наместник П. Плещеев (едва ли без ведома Москвы) присылал к кн. Семену дворянина Левшу Козлитина «отказывати» у него несколько карачевских, хотимльских и брянских сел. Эта политика успеха не имела: кн. Можайский, как верноподданный, известил обо всем Александра и отослал ему того «отказника»[142]. Но вскоре, однако, он вступил, по словам хроники Быховца, вместе с Василием Шемячичем и С. Бельским в тайное соглашение с Иваном III. Соглашение, в частности, предусматривало, что «которые городы и волости они под Литвою поберут, то им все держати»[143]. В Описи Царского архива XVI в. упоминается о тетрадях, в которых «писан князь Семена Стародубского и Шемячичев приезд, и грамоты посыльная опасная ко князем и речи...», что соответствует «змове» и присяге между Иваном Васильевичем и князьями, о которых упоминает хроника Быховца[144].

3 мая 1500 г. рать во главе с Яковом Захарьичем выступила в поход; внезапным ударом был взят Брянск — ключевая крепость

---

[141] АЗР. Т. 1. № 139. С. 163—164; РИБ. Т. 27. Стб. 744—746.
[142] Сб. РИО. Т. 35. С. 283.
[143] ПСРЛ. Т. 32. С. 166.
[144] ОЦААП. М., 1960. С. 22. Ср.: ПСРЛ. Т. 32. С. 166.

Карта 5. Русско-литовская война 1500–1503 гг.

на севере Северской земли, после чего воеводы пошли «к князем» и привели их к крестному целованию, «что им служити государю великому князю Ивану Васильевичи) всеа Русии с своими отчинами»[145]. Поскольку маршрут войска Якова Захарьича пролегал мимо Трубчевска, возможно, под «князьями», которых воеводы привели к присяге московскому государю, нужно понимать не только С. Можайского и В. Шемячича, но и Трубецких: позднее, в августе, Иван III передавал своему союзнику, крымскому хану, что к нему «приехали», в числе прочих князей, и «Трубецкие князи с городом с Трубецком и с волостями»[146]. Но переход этот был вынужденным: после взятия Брянска и вступления на московскую службу С. Можайского и В. Шемячича Трубчевск со всех сторон оказался окружен московскими владениями. Из того же наказа московскому послу в Крым (11 августа 1500 г.) выясняется, что Семен Иванович Можайский «приехал с городы: с Черниговым, с Стародубом, да с Гомьем, да с Любичем», а кн. Василий Иванович Шемячич «приехал с городы: с Рылском, да с Новымгородком с Северским и со многими волостями»[147]. До 1500 г., как мы помним, Любеч принадлежал не Можайскому, а Верейскому князю, а Рыльск был под великокняжеской властью — значит, подтверждается сообщение хроники Быховца о том, что по соглашению с Иваном III князья получали во владение то, что отвоюют у Литвы, и вот С. Можайский захватил Любеч, а Шемячич — Рыльск.

Выполнил великий князь и другое данное князьям (судя по хронике Быховца) обещание: «придать» им городов. Действительно, Василий Шемячич вдобавок к Новгород-Северскому и Рыльску получил Радогощь и, возможно, Путивль, а наследнику Семена Можайского, кн. Василию Стародубскому была дана Хотунская волость[148]. 6 августа 1500 г. воеводами при участии новых «слуг» Ивана III был взят южный форпост Северской земли — Путивль; на смоленском направлении тогда же был взят Дорогобуж[149]. Тем самым были взяты под защиту владения перешедших на московскую службу князей. А разгром литовского

---

[145] ПСРЛ. Т. 8. С. 239; Т. 6. С. 45—46; Т. 28. С. 333—334. Ср.: там же. Т. 32. С. 166.

[146] Сб. РИО. Т. 41. С. 318.

[147] Там же.

[148] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 138—139.

[149] ПСРЛ. Т. 8. С. 239; Т. 24. С. 214; Т. 6. С. 46; Т. 12. С. 252; ИЛ. С. 140—141; РК 1605. Т. 1. С. 57.

войска на Ведроши 14 июля 1500 г.[150] лишил великого князя Александра надежды на отвоевание потерянных земель. По перемирию 1503 г. все верховские и северские князья с их вотчинами были записаны в «московскую сторону»[151].

Переход под власть московского государя давал князьям надежду на защиту и от татарских набегов. В 1501 г. союзник Александра, заволжский хан Шиг-Ахмет, сообщил последнему, что он «Рылеск есми добыл, до Новагородка и до Стародуба войском есми своим потягнул»[152], а в июле 1502 г. король получил от Шиг-Ахмета новое известие: «прыкочевал, Рылеск и Новгородок вам есмо добыли и отьтуль Можайский (Должно быть: Шемячич. — *М. К.*) втек, ... и я... не велел ничого взяти, ино тых городов камень и покров бых розметал...»[153]. Правда, в том же 1502 г. Шиг-Ахмет был разгромлен Менгли-Гиреем, и его набеги прекратились. Что же касается крымского хана, то Иван III уже в августе 1500 г. писал ему, чтобы на северские города не ходил, ибо это теперь его, великого князя, земли[154]. Заступался он перед Менгли-Гиреем и за кн. Одоевских, с которых хан требовал себе дань: ссылаясь на запустение вотчины Одоевских, великий князь убеждал хана, что взять с них нечего[155].

Подведем некоторые итоги. В последней четверти XV в. шел интенсивный процесс вхождения восточнославянских земель в состав единого Русского государства, и в этом процессе одной из главных движущих сил были «украинные» князья — владельцы уделов и вотчин на русско-литовском пограничье. Активность князей и время их перехода на московскую службу, как мы старались показать, определялись их статусом. Наибольшую активность проявляли новосильские князья, обладавшие самым высоким внутри- и внешнеполитическим статусом, и на первом этапе — с начала 1470-х по 1492 г. — на московскую службу переходили только они. Растущее могущество московского ве-

---

[150] Подробнее об этой битве см.: *Herbst S.* Bitwa nad Wiedroszą 1500 roku // Wieki średnie. Prace ofiarowane Tadeuszowi Manteufflowi w 60 rocznice urodzin. Warszawa, 1962. S. 275—282; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половине XVI в. М., 1967. С. 155—164.

[151] Сб. РИО. Т. 35. С. 399—400. Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 518—521.

[152] ЛМ. Кн. 5. Л. 241 (опубл.: LM. Kn. 5. P. 170).

[153] Там же. Л. 247 (опубл.: LM. Kn. 5. P. 178).

[154] Сб. РИО. Т. 41. С. 317.

[155] Там же. С. 306.

ликого князя, с одной стороны, и попытки литовского правительства ограничить удельные права этих князей (в частности, аннулировать право «отъезда» и право службы по докончаниям) при неспособности защитить их вотчины от московских вассалов или от татар, с другой стороны, — все это побуждало Новосильских переходить со своими уделами к московскому государю, демонстративно покровительствовавшему тогда осколкам удельной старины в верховских городках. Благодаря этим «отъездам» Москва до 1492 г., почти не затрачивая собственных военных усилий, взяла под свой контроль значительную территорию в верховьях Оки.

На второй стадии, во время войны 1492—1494 гг., завершился переход новосильских князей, и под натиском последних при активном участии на этот раз московских войск удалось «оторвать» от Литвы часть более мелких княжат —- Вяземских и Мезецких; Мосальские же просто были пленены со своим городком. Эта категория князей проявляла пассивность и по доброй воле подданство не меняла. Различия в позиции пограничных князей по отношению к противоборствующим сторонам отразились в мирном договоре 1494 г., закрепившем приобретения Москвы.

Наконец, на третьей стадии, в ходе войны 1500—1503 гг., под властью Москвы оказались (не по своей воле) остававшиеся еще в литовском подданстве верховские князья (Мосальские, Мезецкие) и перешли на службу к Ивану III князья, получившие свои вотчины в пожалование от литовских великих князей: Семен Бельский, Можайский, Шемячич и (видимо, вынужденно) Трубецкие. В этих событиях, по сравнению с 70—90-ми гг., самостоятельная роль «украинных» князей была невелика, зато нужно отметить резкий рост военной активности Москвы. Было захвачено и много нечастновладельческих городов (Брянск, Путивль, Дорогобуж и др.): сильнее проявился элемент завоевания, меньше — элемент добровольного перехода под власть московского государя.

И последнее замечание. Процесс изживания удельной старины в Литовской Руси не был прямолинейным, однонаправленным. Стараясь ограничить удельную самостоятельность новосильских князей, литовские господари одновременно создавали новые уделы, которые к 1500 г. обрели значительную самостоятельность (владения С. Бельского, С. Можайского, В. Шемячича). С другой стороны, Иван III, подчеркнуто отстаивавший в споре с Литвой «удельность» пограничных князей, отнюдь не

собирался в собственном государстве предоставить им полную удельную самостоятельность. Предположение М. Н. Тихомирова о том, что и с московским государем заоцкие и северские князья заключили докончания, подобные тем, которые служебные князья имели с господарем в Литве[156], — не имеет опоры в источниках: никаких следов подобных «докончаний» не сохранилось. Судьбы служилых князей в Русском государстве явились прямым продолжением тех процессов, которые протекали в их уделах и вотчинах в литовский период. Как было показано выше, уже во второй половине XV в. среди новосильских князей преобладание получили Воротынские, и вот в начале XVI в. Воротынские завладели значительной частью Одоева[157]. Продолжалось измельчание Вяземских и Мезецких в XVI в. Уже в 1495 г. в Вязьме находился великокняжеский наместник, а Мезецк Иван III в конце 1503 г. завещал своему сыну Дмитрию[158]. Действительно крупные уделы северских князей просуществовали только до второго десятилетия XVI в.

[156] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 47—48.
[157] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии... С. 133, 135.
[158] Там же. С. 135, 137.

Глава третья

Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI столетия

Переходим к изучению положения православных («русских») князей в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. В связи с нашей темой особенно нас будет интересовать вопрос о месте и роли князей в политической жизни Литовского государства, а также о том, были ли они лояльны по отношению к виленским властям или находились в оппозиции к ним, составляли ли какие-либо «партии», движения и т.п.

После перехода ряда «украинных» князей вместе с вотчинами на московскую службу на рубеже XV — XVI вв. в Великом княжестве Литовском удельных князей почти не осталось. Если не считать Кобринского удела, в котором мужская линия княжеской династии пресеклась еще в 1491 г., а женская — в 1519 г., после чего Кобрином распоряжался господарь[1], — в начале XVI в. княжеские права на свои уделы сохраняли: Михаил Иванович Жеславский — на Мстиславль и Мглин, Федор Иванович Ярославич — на Пинск и Клецк, Юрий Семенович (в ту пору малолетний) с матерью Анастасией — на Слуцк и Копыль[2].

Мстиславское княжество в конце XIV — начале XVI в. принадлежало Гедиминовичам (см. схему 8). Сначала им владели потомки Семена Лингвеня Ольгердовича; последним князем из этой династии был Иван Юрьевич. После его смерти (около 1486 г.) Мстиславль остался его вдове и дочерям. Великий князь Александр, под чьей опекой находились дочери Мстиславского князя, выдал старшую из них, Юлианию,

---

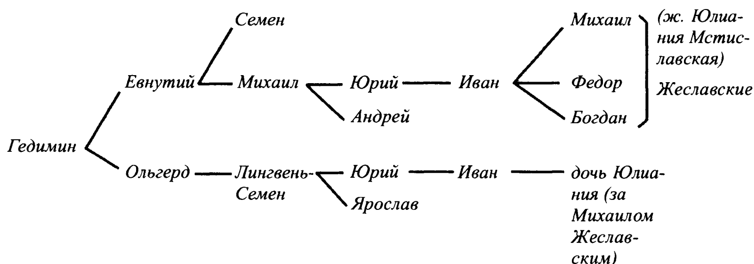
[1] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 163—166. Ср.: *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894. С. 64—66.

[2] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 14, 24—25.

замуж за кн. Михаила Ивановича Жеславского, тоже из рода Гедиминовичей (потомок Евнутия)[3]. Великий князь записал после этого в 1498 г. в «отчину» кн. Михаилу Жеславскому города Мстиславль и Мглин[4]. Таким образом, кн. Михаил не был отчичем этого княжества, а получил его в качестве пожалования от господаря. Соответственно, в привилее от 19 марта 1499 г. регламентируются отношения нового Мстиславского князя со своими подданными: за боярами сохраняются имения, пожалованные им прежними князьями (Лингвеневичами), если бояре не пожелают служить новому князю, они могут «ехати проч вольно», оставив имения, князь же «без вины» не может их с имений согнать; боярин Каспор Гарманович выводится из юрисдикции кн. Мстиславского — он служит со своих имений господарю[5].

Схема 8

Владельцы Мстиславского княжества:
Лингвеневичи и Жеславские[6]

По наблюдениям А. Ю. Дворниченко[7], ограничение власти и княжеских прав Михаила Мстиславского проявилось и в интитуляции некоторых выданных им грамот («Божьей милостью

[3] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 14; *Леонтович Ф. И.* Очерки... С. 111—115; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 264—265; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 70.

[4] РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 783—785.

[5] Там же. Стб. 784—785.

[6] Сост. по: *Wolff J.* Kniaziowie... S. 263—265, 587—591.

[7] *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 84.

и здоровьем господаря нашего великого короля Жикгимонта»), и в том, что своей супруге он дал «против вена» не земли в княжестве Мстиславском, а свои «выслуги» в Кревском повете[8]. Нужно также учесть, что в Мстиславле была весьма крупная и организованная городская община, с которой, как мы увидим в дальнейшем, князю приходилось считаться[9].

Сходная ситуация наблюдается в описываемый период в Пинско-Клецком удельном княжестве. После смерти последнего пинского князя Юрия Семеновича (из рода Наримунтовичей) Пинск «спал» на короля Казимира, который в 1471 г. пожаловал его вдове Семена Олельковича (последнего киевского князя) княгине Марье[10]. Так было восстановлено Пинское княжество, но над ним сохранялся верховный контроль господаря. В 1498 г. княгиня Марья выдала свою дочь Александру за сына московского изгнанника, Федора Ивановича Ярославича[11]. Отец кн. Федора, Иван Васильевич, был сыном удельного князя Василия Ярославича Серпуховского и Боровского (внука кн. Владимира Андреевича Храброго); после «поимания» кн. Василия Ярославича Василием II в июле 1456 г. сын его Иван бежал в Литву[12], где получил от короля Казимира Клецк и другие пожалования, унаследованные после его смерти сыном, кн. Федором Ивановичем[13]. После брака с княжной Александрой Пинской Федор Иванович Ярославича (это прозвание закрепилось в Литве за потомками кн. Василия Боровского, на короткое время «выезжавшего» в Литву в 1446 г.) сосредоточил в своих руках Пинск и Клецк.

Однако пинские князья с конца XV в. не были неограниченными властителями в своем княжестве. Согласно привилеям Казимира (1471 г.) и Александра (1499 г.), пинские подданные по-прежнему должны были отправлять земскую службу; местные землевладельцы, служившие господарю, оставались в ведении последнего: пинские князья не должны были вступаться

[8] АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 107. С. 129.

[9] Уже в середине XV в. Мстиславль имел собственную городскую администрацию (*Копысский З. Ю.* Социально-политическая история городов Белоруссии XVI — первой половины XVII в. Минск, 1975. С. 77—78).

[10] *Грушевский А. С.* Пинское Полесье XIV—XVI вв. Киев. 1903. С. 12—13.

[11] Там же. С. 13; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 367.

[12] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 212; Т. 25. М.-Л., 1949. С. 275.

[13] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 24—25.

в их имения; наконец, оговаривалось право господаря взять на себя Пинск с выдачей взамен равнозначного имения[14]. В случае нарушения князем «старины» подданные его могли жаловаться великому князю. Так поступили пинские мещане в 1501 г., подав жалобу на своего князя Федора Ярославича, что он-де вводит «новины» и «кривды» им чинит[15]. Правда, в данном случае великий князь оставил иск без удовлетворения, найдя, что князь Федор, которому Пинск был пожалован в вотчину, действовал по праву, «как то господар отчинный»[16], — но важно, что подданные имели право апеллировать к великокняжескому суду в своих конфликтах с удельным князем.

Как видим, и мстиславский, и пинский князья в начале XVI в. не были самовластными неограниченными владыками в своих уделах. Но даже такие урезанные княжеские права они утрачивают к 20-м –30-м гг. XVI в. Бездетный князь Федор Иванович Ярославича завещал в 1509 г. свои владения (Пинск, Клецк, Городок, Рогачев и др.) королю Сигизмунду, под опеку которого переходил пинский князь со своей супругой. В соответствующем документе от 29 января 1509 г. было специально оговорено, что последние пожизненно пользуются всеми своими имениями, но не могут без специального разрешения короля их раздавать[17]. После смерти кн. Федора Ярославича (ок. 1520—1521 гг.) все его владения достались королеве Боне[18].

Чуть дольше просуществовало Мстиславское удельное княжество. В середине 20-х гг. у Михаила Мстиславского произошел конфликт со своим сыном и наследником, кн. Федором Михайловичем: последний жаловался королю, что отец не хочет «ему дати ни одного именья». В конце концов после неоднократных просьб и увещеваний и даже приказаний короля кн. Михаил согласился-таки выделить сыну замок Радомль[19]. Это произошло в 1525 г., а в следующем году кн. Федор Михайлович, видимо так и не помирившись с отцом, «отъехал» в

---

[14] *Грушевский А. С.* Пинское Полесье... Прил. I, III. С. 3, 5—6.
[15] АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 191. С. 227.
[16] Там же.
[17] *Грушевский А. С.* Пинское Полесье... Прил. VIII. С. 10—12.
[18] Там же (основной текст). С. 28, 31—33.
[19] АЗР. Т. 2. № 136. С. 162—163.

Москву[20]. С отъездом Федора и смертью другого сына, Василия, кн. Михаил Иванович остался без наследников. Из королевского «листа» от 12 сентября 1527 г. явствует, что Михаил Мстиславский завещал свои владения королевичу Сигизмунду-Августу, сохраняя их за собой пожизненно уже в качестве королевского держания[21]. В 1527—1528 гг. король, еще при жизни князя Михаила, назначал в Мстиславль своих наместников-державцев, которым причиталась половина всех доходов, и лишь другая половина шла прежнему владельцу, князю Мстиславскому[22]. После смерти кн. Михаила (1529 г.) его владения стали старостовом Виленского воеводства[23].

Лишь Слуцкое княжество просуществовало до конца XVI в. Здесь княжили Олельковичи (см. выше схему 6). Уже известный нам Михаил Олелькович, участник заговора против Казимира, казненный в 1481 г., владел Слуцком и Копылем, которые после его смерти были подтверждены его вдове Анне в 1482 г.[24] На рубеже XV—XVI вв. здесь видим его сына Семена Михайловича, которому 16 января 1499 г. великий князь Александр подтвердил отцовские владения — Слуцк и Копыль, при этом в привилее была записана и обязанность слуцкого князя «службу земскую... заступовати по давному»[25]. Слуцкое княжество, как отметил М. К. Любавский, «политически тесно соединилось с собственною Литовскою землею», слуцкий князь со своими боярами и слугами присоединялся к ополчению Виленского воеводства[26]. По смерти кн. Семена Михайловича (14 ноября 1503 г.)[27]. Слуцк и Копыль перешли к его малолетнему сыну Юрию, фактически управление княжеством находилось в руках вдовы Семена, княгини Анастасии. Кн. Юрий Семенович владел Слуцком вплоть до своей смерти в 1542 г.[28] Характеристика Слуцкого удела будет неполной, если не отметить, что г. Слуцк относился к

---

[20] ПСРЛ. Т. 8. С. 271; *Бычкова М. Е.* Состав... С. 70; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 127.

[21] АЗР. Т. 2. № 148. С. 181—182.

[22] ЛМ. Кн. 12. Л. 501; АЗР. Т. 2. № 155. С. 180 —190; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 268.

[23] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 15.

[24] РИБ. Т. 27. Стб. 124.

[25] Там же. Стб. 718—721 (цитата: стб. 720).

[26] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 14.

[27] ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 170; *Stryjkowski M.* Kronika... Т. 2. S. 319.

[28] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 331—332.

числу крупных городов Великого княжества и имел развитое самоуправление[29].

Параллельно с исчезновением удельной старины росло число княжеской мелкоты, полностью утратившей княжеские права. По справочнику Ю. Вольфа — единственной на сегодняшний день сводке данных обо всех литовско-русских князьях — можно насчитать около 60 княжеских родов, существовавших в Великом княжестве на рубеже XV—XVI вв.[30] За вычетом удельных (Мстиславских, Слуцких, Пинских) и крупнейших волынских князей (Острожских, Чарторийских, Сангушек), абсолютное большинство остальных княжат принадлежало к служилой мелкоте. Среди этой последней встречаются князья самого разного происхождения: тут и Гедиминовичи (Буремские, Жеславские, Корецкие), и иные литовские роды (Гольшанские, Подберезские), и потомки полоцких князей — Одинцевичи и чрезвычайно размножившиеся Друцкие (с ветвями Озерецкими, Путятами, Бабичами, Горскими, Соколинскими, Толочинскими), и Вяземские с их ветвью Жилинскими, и другие потомки смоленских князей (Жижемские, Корходыны, Кропотки, Козловские), черниговские княжата (Мосальские), а также множество князей неясного происхождения (Глазыничи-Пузыны, Капусты, Козеки, Крошинские, Мунчи, Осовицкие, Полубенские, Ружинские, Сеньские и др.).

О размерах княжеского землевладения мы можем судить по такому ценному источнику, как Перепись войска литовского 1528 г.[31] Перепись дает возможность оценить имущественное положение служилых людей по количеству выставляемых всадников: согласно уставу от 1 мая 1528 г. одного конного ратника («пахолика») полагалось выставить от восьми «служб» зависимых людей[32]. Для наглядности данные о количестве коней, выставляемых князьями, согласно этой Переписи, сведены в таблицу:

---

[29] *Грицкевич А. П.* Древний город на Случи. Минск, 1985. С. 8—9.

[30] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy. Отсюда же в большинстве случаев заимствованы сведения о происхождении княжеских родов. Обширный материал о князьях, имевших владения на Волыни и Центральной Украине, приведен в монографии Н. Н. Яковенко: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінца XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 83—104.

[31] Об этом источнике см.: *Менжинский В. С.* Структура феодального землевладения в Великом княжестве Литовском (По материалам Переписи войска 1528 г.) // История СССР. 1987. № 3. С. 164—178.

[32] РИБ. Т. 33. Пг., 1915. Стб. 7.

Таблица 1

Количество конных, выставляемых князьями по Переписи 1528 г. (по реестрам: почтов панов-рад, княжеских почтов, Волынской, Полоцкой и Витебской земель)[33]

Князья	Число конных
Юрий Семенович Слуцкий	*433*
Константин Иванович Острожский	*426*
Михаил Иванович Мстиславский	*32*
Сангушки-Ковельские-Коширские (5 чел.)	*170*
в том числе:	
Андрей Михайлович Коширский	*46*
Андрей Александрович Сангушко	*42*
Василий Михайлович Ковельский	*38*
Матфей Микитинич	*79*
Полубенские (трое)	*51*
в том числе:	
Василий Андреевич Полубенский	*43*
Вишневецкие (4 чел.)	*84*
в том числе:	
Иван Михайлович Вишневецкий	*52*
Семен Ямонтович	*24*
Тимофей Филиппович Крошинский	*17*
Андрей Семенович Збаражский	*14*
Жеславские (трое и сыновья)	74
в том числе:	
Федор Иванович Жеславский	*31*
Чарторыйские	*55*
в том числе:	

[33] Сост. по: РИБ. Т. 33. Стб. 15—19, 183—188, 193—197.

Князья	Число конных
Федор Михайлович Чарторыйский	*33*
Василий Иванович Соломерицкий	*15*
Соколинские	*49*
(7 имен + «братаничи»)	
Вас. Семенович Жилинский	*11*
Вас. Юр. Толочинский	*18*
Лукомские (7 чел.)	*60*
Горские (4 чел.)	*35*
Четвертинские (трое)	*22*
Корецкие (двое)	*20*
Озерецкие (двое)	*12*
Любецкие (трое)	*15*
Козеки (двое)	*10*
Сенские (1+дети)	*8*
Жена Якова Свирского	*11*
Жена Глеба Пронского	*25*
Андрей Тимофеевич Капуста	*14*
Тимофей Иванович Пузына	*10*
Жена Ивана Курцовича	*8*
Иван Львович Борятинский	*7*
Петр Михайлович Головня	*16*
Михаил Иванович Осовицкий	*7*
Кн. Порецкий	*5*
Ян Вяземский	*4*
Дмитрий Ром. Виденецкий	*3*
Илья Дольский	*2*
Василий Кропотка	*2*
Василий Иванович Велецкий	*1*
Глинские (четверо названы поименно	
+ «князья Глинские»)	*9*
Глинские	
«князья Глинские»)	
Дубровицкие (четверо)	*38*
Масальские (двое)	*5*

Князья	Число конных
Сокольские (трое)	*9*
Буремские (двое)	*4*
Галичинские (трое)	*4*
Роговицкие (трое)	*4*
«Князи Жижемскии»	*8*
«Князи Багриновскии»	*5*
«Князи Вороницкие»	*1*

При анализе приведенной таблицы нужно учесть, что Перепись 1528 г. охватила не все регионы Великого княжества[34]. Тем не менее эти данные достаточно репрезентативны. Если сравнить число выставляемых князьями «коней» с соответствующими показателями верхушки нетитулованной знати — панов, можно увидеть, что по размерам земельных владений паны значительно превосходили князей. Лишь двое князей могли соперничать с крупнейшими литовскими магнатами — кн. Юрий Слуцкий и кн. Константин Острожский, выставлявшие 433 и 426 «коней» соответственно. Учитывая, что одному конному соответствовало 8 служб, а в одной службе считают от двух до четырех крестьянских дворов, каждый из них имел по 7—10 тыс. семей подданных![35] Остальные князья выставляли менее 100 всадников, большинство же являлись средними и мелкими землевладельцами, которые могли снарядить от одного до 50 ратников. Между тем из числа панов — членов господарской рады 13 человек выставили более чем по 100 всадников каждый, в том числе шестеро — свыше 200; среди них выделяется крупнейший магнат — канцлер Литвы Олбрахт Гаштольд, снаряжавший 466 конных[36]. По подсчетам разных исследователей, князья в Литовском государстве имели в 4—6 раз земель меньше, чем паны[37]. Особенно измельча-

[34] *Менжинский В. С.* Структура феодального землевладения... С. 165—166.

[35] Подсчеты В. Почехи, см.: *Pociecha W.* Królowa Bona (1494–1557). T. III. Poznań, 1958. S. 13.

[36] РИБ. Т. 33. Стб. 8—10.

[37] *Pociecha W.* Op. cit. S. 13; *Менжинский В. С.* Структура... С. 166. В. С. Менжинский подсчитал, что панам-раде принадлежало 22 % всех земельных владений в Великом княжестве, а князьям — лишь 5,3 % (см. там же).

ли к концу первой трети XVI в., как явствует из приведенной таблицы, такие княжеские роды, как Сенские, Глинские, Мосальские, Сокольские, Буремские, Жижемские, Багриновские, Роговицкие, Галичинские, Вороницкие — которые вдвоем-втроем, а то и всем семейством не могли выставить и десятка конных ратников.

Такое имущественное положение многих князей обуславливало их зависимость от господаря или магнатов. Какой политической самостоятельностью мог обладать князь, владевший одной деревней и выставлявший одного-двух всадников? А таких только по Переписи 1528 г. свыше двух десятков имен. Княжеский титул очень часто уже не свидетельствовал о реальных княжеских правах его владельца.

Как складывалась карьера мелких княжат, видно на примере клана Глинских. Сигизмунд I вспоминал в 1508 г., что предки кн. Михаила Львовича Глинского некогда «у слуг наших служили»[38]. Действительно, согласно родословию Глинских, кн. Лев Глинский служил князю Ивану Юрьевичу Мстиславскому и находился в родстве с мстиславскими боярами; представители рода Глинских служили также панам Гаштольдам и Радзивиллам, наконец, в 1490-х гг. они появились при виленском дворе[39]. Большую часть княжат мы встречаем на рубеже XV—XVI вв. среди великокняжеских дворян. Источники по составу двора великих князей литовских XV—XVI вв. остаются малоизученными. Между тем они содержат богатейшую информацию о ряде категорий служилых людей, в том числе и о князьях. К числу таких источников принадлежит «Попис дворян всих короля его милости у великом князстве», составленный предположительно перед походом в Молдавию в 1509 г.[40] В этом реестре против имени каждого дворянина указано, сколько конных ратников он ведет в поход и где находится его имение. Все упомянутые в списке князья — Иван Дуда (из рода кн. Друцких-Горских), Семен Одинцевич, Тимофей и Василий Лепузыничи, Богуш Мосальский, Григорий Лукомский, Вацлав Глинский — относились к служилой мелкоте: они выставляли по 4—6 «коней», а Вацлав Глинский помещен в перечень дворян, «которые именей не маютъ»[41]. «Попис» 1509 г., вероятно,

---

[38] АЗР. Т. 2. № 41. С. 50.

[39] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 38. М., 1977. С. 119; *ее же.* Состав класса феодалов... С. 58—59, 61.

[40] ЛМ. Кн. 8. Л. 136—141 об. (изд.: LM. Kn. 8. Vilnius, 1995. № 158. P. 163—166. Предложенная публикаторами дата этого документа — 1512 г. — ошибочна).

[41] Там же. Л. 138 об. (опубл.: LM. Kn. 8. P. 164).

неполон: в других документах рубежа XV—XVI вв. встречаются имена дворян-князей, отсутствующие в нем, в том числе: Тимофей Иванович Капуста, Иван и Тимофей Филипповичи Крошинские, Василий Андреевич Полубенский, Иван Козловский, Василий Львович Глинский[42]. В актах 1490-х гг. господарскими дворянами именуются также князья Петр Михайлович Мосальский, Андрей и Иван Ивановичи Трубецкие[43].

Подобно остальному служилому люду, княжата регулярно, несколько раз в год, получали из казны жалованье (деньгами, сукном, хлебом и т.п.), о чем составлялись специальные ведомости и квитанции. Записанные в книги Литовской метрики, эти источники сохранили десятки имен князей, получавших в рассматриваемый период великокняжеское жалованье: Жеславские, Полубенские, Горские, Глинские, Четвертинские, Мосальские, Крошинские, Корецкие, Соколинские, Пузыничи, Одинцевичи, Лукомские и многие другие[44]. Что касается регулярности выдач жалованья, то, к примеру, при Казимире кн. Андрей Полубенский получал его в марте и июле 1486 г., в марте и августе 1488 г. и т.д.[45] Интересно, однако, что ни в ведомостях раздачи жалованья, ни в «Пописе» дворян 1509 г. князья не выделены в особую рубрику, их имена перемежаются с именами нетитулованных лиц без какого-либо порядка; зато бояре из разных городов помещены, как правило, в отдельные статьи под заголовками «смольняне», «витебляне», «случане» и т.п., в особую рубрику всегда также выделены татары[46].

Это наблюдение можно распространить на все документы, вышедшие из великокняжеской канцелярии. Правда, в Переписи войска 1528 г. есть рубрика «То реестр почтов княжецких», но в ней перечислены далеко не все князья: многие из них названы в других пяти разделах перечня (реестре Волынской земли и т.д.), причем члены одного и того же рода (например, князья Лукомские, Соколинские и др.) оказались в ряде случаев в разных рубриках[47]. Эти особенности документа объясняются его

---

[42] РИБ. Т. 27. Стб. 730, 768; ЛМ. Кн. 6. С. 269, 415, 431; Кн. 8. Л. 435 (опубл.: LM. Kn. 8. P. 399).

[43] АЛМ. Т. I. Вып. I. Варшава, 1896. С. 87—88; РИБ. Т. 27. Стб. 708; ЛМ. Кн. 6. С. 233.

[44] РИБ. Т. 27. Стб. 204, 212, 248, 277—278, 287—289 (1480-е гг.); LM. Kn. 8. P. 397—399, 403—404, 407—409. (1507—1509 гг.); PA. М.—Варшава, 2002. № 4. С. 31—33 (1514 г.) и т.д.

[45] РИБ. Т. 27. Стб. 204—205, 212, 248, 277—278.

[46] Там же. Стб. 191—193, 258—260; LM. Kn. 8. P. 417, 419, 420, 424, etc.

[47] Там же. Т. 33. Стб. 16—17. Ср. там же. Стб. 194—195.

назначением: рубрики Переписи соответствуют частям, из которых складывалось литовское войско: «почты» (отряды) панов-рады и магнатов и ополчения отдельных земель[48]. Князья, записанные в центральных реестрах, имели право самостоятельно приводить свои «почты» к месту сбора, а все прочие их собратья должны были идти в составе ополчения своей земли. Поэтому и оказались княжеские фамилии разбитыми на несколько рубрик. Бояре же неизменно и в Переписи 1528 г. объединены в статьи по месту происхождения[49].

Таким образом, в источниках не удается обнаружить следов каких-либо корпораций литовско-русских князей, например, по родству, общности происхождения и т.п. Это особенно бросается в глаза при сопоставлении с документами, отражающими состав московского двора. В Тысячной книге и Дворовой тетради встречаем такие рубрики, как: «князи Оболенские», «Ярославские» или «князи служилые»[50]. В Литве же конца XV — начала XVI в. подобных княжеских корпораций уже не существовало. В этот период здесь шел интенсивный процесс смешения князей с другими слоями служилых людей, постепенное слияние их вместе с боярами в одно шляхетское сословие. Об этом свидетельствуют и данные генеалогии: так, клан Глинских был связан родственными узами с мстиславскими боярами, с панами Хребтовичами и иными нетитулованными лицами[51]. Полубенские породнились с полоцкими боярами, а кн. Крошинские — с семейством Сапег[52].

За исключением Волыни, княжеских родовых «гнезд» в Великом княжестве в начале XVI в. становилось все меньше. Имения многих княжат были разбросаны по всему государству: у кн. Константина Крошинского — в Смоленском и Гродненском поветах, у Ивана Львовича Глинского — в Киевском, Житомирском и Овруцком; кн. Тимофей Иванович Капуста за свою жизнь получал имения в Брянском, Киевском, Каменецком поветах и т.д.[53] Очень характерна в этой связи судьба князей Мосальских, рассмотренная нами в первой главе: как уже говорилось, в конце XV в. происходит отрыв этих измельчавших княжат от родо-

---

[48] См.: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 471—485.
[49] РИБ. Т. 33. Стб. 188—191 и сл.
[50] ТКДТ. М.-Л., 1950. С. 55, 63, 117—120 и др.
[51] *Бычкова М. Е.* Состав класса... С. 58—64.
[52] ЛМ. Кн. 17. Л. 166, 199 об.; там же. Кн. 25. Л. 224.
[53] РИБ. Т. 27. Стб. 385; АЗР. Т. I. № 202. С. 350—351; LM. Kn. 8. P. 266, 286, 316, 435—436; *Wolff J.* Kniaziowie. S. 158.

вого гнезда, одни из них оседают на Смоленщине, другие — в Гродненском повете, третьи — на Брацлавщине и т.д.

Утрата Литвой в ходе войн с Русским государством ряда восточных земель сильно способствовала отрыву многих князей от своих «корней»: еще в 1500 г. лишился своих брянских имений кн. Тимофей Капуста, его дальнейшая судьба, после перехода Брянска к Москве, связана с Киевом и Каменцом[54]; еще в 1489 г. волостку кн. Тимофея Владимировича Мосальского, Недоходово, захватил «отъехавший» к Ивану III кн. Дмитрий Воротынский; по миру 1494 г. она была возвращена, но после войны 1500–1503 гг. окончательно отошла к Москве[55]; в 1500 г. был потерян для Литвы и сам г. Мосальск. После присоединения Смоленска к России в 1514 г. своих владений в Смоленском повете лишились князья Крошинские, кн. Иван Пузына, дети Ивана Семеновича Глинского (Семен, Михаил, Федор и др.)[56]. Характерно, однако, что, несмотря на потерю родовых вотчин, все названные князья остались на литовской службе. В подобных случаях, как мы видели, более крупные «украинные» князья — Мезецкие, Вяземские, Белевские (не говоря уже о Воротынских) переходили один за другим — хотя и вынужденно — на службу к московскому государю. Здесь же мы сталкиваемся с иным стереотипом поведения: служилая княжеская мелкота в большинстве своем в случае потери вотчины «бьет челом» и, получив взамен земли в другой части Великого княжества, остается в Литве.

Показательна в этой связи судьба княжеского рода Крошинских. Происхождение их неясно; во второй половине XV в. мы застаем их на Смоленщине. В марте 1496 г. кн. Филипп Крошинский с сыновьями жаловались великому князю Александру, «штож их имения, отчину их, взято за границу, к земли Московской», и просили пожаловать их имением; челобитье было удовлетворено[57]. В декабре 1498 г. последовало новое челобитье — на этот раз от детей кн. Филиппа, дворян господарских кн. Ивана и Тимофея Филиповичей Крошинских: они поведали господарю, «штож тыми разы москвичи всю отчинну их забрали и позаседали», так что и челядь-то им негде держать; по их просьбе им было дано село Бабиничи в Смоленском повете[58]. Но и после

[54] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 158.
[55] Сб. РИО. Т. 35. С. 54, 122, 400.
[56] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 89—90, 94, 189—190.
[57] АЛМ. Т. 1. Вып.1. С 95.
[58] РИБ. Т. 27. Стб. 713—714.

взятия Смоленска Василием III (1514), когда братья Крошинские лишились всех тамошних имений, они тем не менее остались на литовской службе: кн. Иван Филиппович «упросил» у короля, как сказано в документе, Осташинский дворец в Новгородском (г. Новогрудок) повете[59], а его брат Тимофей Филиппович получил от господаря двор Ракишки в Жмудском (Жемайтия) повете[60]. Их родственник кн. Константин Федорович Крошинский еще в апреле 1503 г. бил челом королю Александру о том, что «отчину его всю и нашу (господарскую. — *М. К.*) данину неприятель наш великий княз московский забрал и посел, и не мает ся где и з жоною и з детьми своими подети» — и получил на хлебокормление двор Дубно в Городенском (г. Гродно) повете[61]. Новый господарь, король Сигизмунд, подтвердил кн. Константину право владения этим двором[62].

Как видим, мелкие княжата дорожили господарской службой гораздо сильнее, чем своими (весьма скромными!) имениями. Теряя эти последние, они перебирались на новые места. Так, в августе 1500 г. смоленский окольничий кн. Олехно Глазына выпросил у великого князя Александра двор в Браславском повете, сославшись на то, «што ж его отчину мало не всю великий князь московский забрал»; господарь обязался кн. Глазыну с дочерьми «с того именья не рушати до тех часов, поки отьчину его всю очистим»[63]. В апреле 1503 г. с аналогичной просьбой к королю обратились кн. К. Ф. Крошинский (см. выше) и кн. Иван Семенович Глинский и оба получили просимое. Ивану Глинскому было дано хлебокормление — двор Побоево в Волковыйском повете[64]. Кн. Василий Михайлович Мосальский в апреле 1500 г. (как раз в то время, когда родовое гнездо Мосальских, г. Мосальск, окончательно было захвачено Москвой) получил имения в Смоленском повете[65]. Позднее, в октябре 1508 г., новый господарь Сигизмунд подтвердил смоленские имения и Василию, и его брату Борису Михайловичу, и их родичу Ивану Федоровичу Мосальскому[66].

---

[59] ЛМ. Кн. 12. Л. 187 об.; Кн. 14. Л. 198 об.; Кн. 12. Л. 390 об. — 391.

[60] Там же. Кн. 11. Л. 39 (опубл.: LM. Kn. 11. Vilnius, 1997. № 30. P. 61—62).

[61] Там же. Кн. 6. С. 453 (опубл. неисправно: АЗР. Т. I. № 202. С. 350—351).

[62] Там же. Кн. 8. Л. 329 об. — 330 (изд.: LM. Kn. 8. № 446. P. 329).

[63] Там же. Кн. 6. С. 373 (опубл. с искаж. орфографией: АЛМ. Т. I. Вып. 2. № 538).

[64] Там же. Кн. 6. С. 455 (опубл. с искаж. орфогр.: АЛМ. Т.1. Вып. 2. № 658).

[65] РИБ. Т. 27. Стб. 787—788.

[66] ЛМ. Кн. 8. Л. 261 об. — 262, 269—270 (изд.: LM. Kn. 8. № 367. P. 283; № 382. P. 287—288).

Итак, княжеская мелкота была привязана не к определенной земле, откуда вела свое происхождение или где получала небольшие имения, а к господарской службе как таковой. Едва ли эти князья, имея в каждом из поветов по селу, а то и двору, могли проникнуться интересами местного населения. Их «центр тяжести» лежал при великокняжеском дворе, и все их благосостояние определялось службой. Можно полагать поэтому, что княжата в большинстве своем руководствовались сословными, а не территориальными интересами.

Изживание удельной старины, земельное оскудение и измельчание князей сопровождалось изменением их правового статуса. Удельные князья, о которых шла речь в первых двух главах данной работы, находились вне сферы действия общегосударственных законов Великого княжества: их статус, как мы помним, определялся докончаниями с великими князьями или жалованными грамотами последних; иным было положение служилых княжат, утративших к описываемому времени собственно княжеские права. Эти князья, по наблюдениям Ф. И. Леонтовича, уже начиная с 1430-х гг. упоминаются в общеземских привилеях наравне с панами и боярами, постепенно занимая место верхнего слоя в формирующемся едином шляхетском сословии; процесс уравнения князей со шляхтой в правах и привилегиях завершается в XVI в.[67] Эти права и привилегии были весьма обширны: согласно земскому привилею Казимира 1447 г. (подтвержденному и дополненному его преемниками в 1492 и 1506 гг.), князья наряду с панами и боярами сохраняли право «отъезда» из Великого княжества куда угодно, за исключением неприятельской страны; им давались гарантии в отношении наказания, лишения свободы, жизни, имущества не иначе, как по суду; предоставлялось право полного распоряжения своими имениями, а также гарантировалась неприкосновенность права наследования; подданные всех землевладельцев освобождались от податей и повинностей в пользу государства[68]. Дальнейшее развитие шляхетские привилегии получили в Статуте 1529 г., где содержался специальный раздел «О слободах шляхты и о розмножени Великого князьства», в котором господарь давал обязательство «всю шляхту, княжата и паны хоруговные, и вси бояре посполитые... заховати при слободах и волностях, от продков

[67] *Леонтович Ф. И.* Правоспособность литовско-русской шляхты // ЖМНП. 1908. Июнь. С. 246—249; там же. Июль. С. 43—45.

[68] Codex epistolaris saeculi decimi quinti. T. III. Col. A. Lewicki. Kraków, 1894. № 7. P. 10—12.

наших и тэж от нас даных им»[69]. Заочно нельзя было лишить кого-либо держания; специальные статьи защищали честь и достоинство, а также здоровье шляхтича[70].

Длугош в своей хронике записал под 1430 г., что «многие, и прежде всего русские» радовались смерти Витовта, «надеясь на улучшения для себя и своей схизматической секты»[71]. И, как мы видели, эти «улучшения» не заставили себя долго ждать: земскими привилеями 30—40-х гг. XV в. и последующими правовыми актами русские князья и бояре были уравнены с литовскими панами и боярами. Это должно было ослабить вражду и соперничество между ними (резко проявившиеся в первой половине XV в.[72]) и привести со временем к формированию единого полиэтничного шляхетского сословия.

Правда, упоминавшаяся нами уже статья Городельского привилея 1413 г., предоставлявшая право занятия высших «урядов» в Вильно и Троках только католикам[73], оставалась в силе вплоть до 1563 г. На этом основании многие ученые считали, что из-за принадлежности к православию роль князей в политической жизни Великого княжества была ограниченна; в частности, именно вероисповедными причинами обычно объясняется тот несомненный факт, что в господарской раде преобладали паны-католики[74]. Скорее, однако, дело заключалось не в ненависти к православию, а в продиктованном местным патриотизмом стремлении литовцев удержать в своих руках ключевые посты в древних центрах этнической Литвы[75]. Остальные же наместничества и уря-

---

[69] Статут 1529 г., III, 7 (Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 49).

[70] Там же, III, 5, 12—14 (С. 49–52).

[71] *Diugosz J.* Historiae Polonicae libri XII. T. IV. Cracoviae, 1877. P. 418.

[72] *Ловмяньский X.* Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей... М., 1972. С. 274.

[73] Zbiór praw litewskich od r.1389 do roku 1529... Poznań, 1841. S. 14.

[74] *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в великом княжестве Литовском до Люблинской унии // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 1—17; *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence (Kansas), 1957. P. 47; *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 126.

[75] *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934. S. 87—88; *Kosman M.* Tolerancja wyznaniowa na Litwie do XVIII w. // ORP. T. XVIII. 1973. S. 102.

ды в Великом княжестве, за исключением виленских и троцких, как справедливо подчеркнул В. Каменецкий, постоянно давались православным[76], — поэтому никак нельзя сказать, будто князья были полностью «отлучены» от государственной деятельности. Что же касается высших должностей, то, во-первых, и здесь, как мы сейчас увидим, бывали исключения из правила, а во-вторых, нельзя не заметить, что удельный вес князей в раде соответствовал доле княжеского землевладения в общей структуре землевладения Великого княжества Литовского. Как было показано выше, литовские паны значительно превосходили по своим владениям большинство князей. Неудивительно, что и в раде большинство мест принадлежало этим панам, а высшие посты в раде — воевод и каштелянов виленских и троцких — доставались исключительно богатейшим магнатам: Радзивиллам, Гаштольдам, Кежгайлам, Заберезинским и др.[77] Ведь, как справедливо отметил еще М. К. Любавский, в то время не было постоянных окладов для членов господарской рады, а государственная деятельность зачастую требовала предварительной затраты немалых собственных средств, поэтому исполнение обязанностей панов-рады было под силу лишь весьма состоятельным фамилиям, паны же намного превосходили князей по размерам владений, а стало быть, по могуществу, богатству и влиянию[78]. Вот и приходилось князьям довольствоваться вторыми ролями.

Примечательно, что те князья, которые по своему богатству и влиянию стояли вровень с литовскими панами, достигали высших государственных постов: так, виленское каштелянство в 1492—1511 гг. занимал кн. А. Ю. Гольшанский, в 1511—1522 гг. — кн. Константин Иванович Острожский, ставший затем (1522—1530 гг.) воеводой троцким[79]. Конечно, другим, не столь могущественным князьям подобные «уряды» были недоступны, но более скромные должности они могли занимать и занимали. Места в лавице панов-рады, начиная с шестого (воеводы киевского) и ниже, часто занимали представители русской княжеской знати. В изучаемый период, на рубеже XV—XVI вв., князья являлись наместниками Брянска и Путивля (до их присоединения к Русскому

---

[76] *Kamieniecki W.* Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskiem w XV i XVI wieku // PH. T. XIII (1911). Z. 3. S. 279.

[77] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885. S. 57—63, 72—79.

[78] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 360—362.

[79] *Wolff J.* Senatorowie... S. 58, 78—79.

государству), Минска, Киева, Орши и (до середины 1490-х гг.) Витебска[80]. Так что князья занимали хотя и не первостепенное, но прочное место в политической системе Великого княжества Литовского.

Казалось бы, на посту наместника князья имели возможность восстановить в новой форме былое влияние и власть над местным населением, однако в действительности все обстояло иначе. Первое, что обращает на себя внимание, это частая смена наместников во многих землях. Так, кн. Федор Иванович Жеславский (родной брат мстиславского князя Михаила), бывший в 1492—1494 гг. витебским наместником, перешел затем на брянское наместничество, где провел около пяти лет (1494—1499 гг.), а в 1501 г. мы видим его уже в Орше[81]. Другой пример «странствующих» наместников являют собой князья Глинские: Иван Львович Глинский, побывав наместником переломским и ожским, стал в 1505 г. воеводой киевским, а в 1507 г. переведен в Новогрудок, где и находился в момент восстания 1508 г.; его брат Василий Львович побывал наместником василишским (1501—1505 гг.), слонимским (1505—1506) и старостой брестским (1506—1507 гг.)[82]. Сменив за свою жизнь по несколько наместничеств и пробыв на иных из них лишь год-другой, князья вряд ли могли наладить отношения с местным населением. Об этом свидетельствуют и многочисленные жалобы витебцев, минчан, брянцев на своих наместников-князей[83]. Похоже, для населения не было особой разницы в том, кого пришлют к ним из Вильна наместником — «своего», православного князя или пана-католика: конфликты возникали и с теми, и с другими. Исключение составляла Волынь: как правило, ключевые посты в управлении этой землей (старосты луцкого и маршалка Волынской земли) занимали крупнейшие местные землевладельцы — такие, как князья Острожские, Чарторыйские, Сангушки[84]. Их действительно огромное влияние в крае (да и во всем государстве) имело прочные корни, и не случайно во второй половине XVI в. волынские князья сыграли важнейшую роль

[80] *Wolff J.* Senatorowie... S. 19, 25, 85; *Backus O.* Motives... P. 139, 154.

[81] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 589, 591; *idem.* Senatorowie... S. 85.

[82] Там же. Kniaziowie... S. 80, 86.

[83] РИБ. Т. 27. Стб. 593—596, 643; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. Варшава, 1897. № 471. С. 21; БА. Т. 3. Менск, 1930. С. 6—7; РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 602—603.

[84] *Wolff J.* Senatorowie... S. 22—23.

в этнической консолидации украинских земель[85]. За пределами Волыни князья не могли выступать в качестве вождей православного населения.

Осталось рассмотреть положение князей при виленском дворе. В 90-х гг. XV в. здесь восходила звезда кн. Михаила Львовича Глинского. Согласно весьма распространенному в историографии мнению, он был вождем «русской партии», главой православных феодалов в Великом княжестве[86]. Однако на роль защитника православия он не подходит уже по той причине, что сам был католиком — это явствует из многих достоверных свидетельств. Лично знавший Глинского австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн рассказывает в своих «Записках», как князь Михаил в молодости во время пребывания в Германии принял католичество, а через много лет, уже в России, вернулся к православию[87]. Та же версия содержится в русской посольской книге[88]. Наконец, обнаруженный М. Е. Бычковой список родословия Глинских, датируемый 1530-ми гг., сообщает о том, что «в Немцах князь Михайло Глинской веры своей русской отступился»[89]. Не менее выразителен и характер миссии, с которой в 1501 г. М. Л. Глинский был послан Александром к венгерскому королю — просить о помощи против Москвы ради «веры светое хрестиянское», на которую все время покушается «Русь»[90]. Так что о защите Михаилом Глинским «греческой» веры говорить не приходится. Легенда о его приверженности православию возникла, как показал Л. Финкель, не ранее середины XVI в. под пером Станислава Гурского, а затем проникла в позднейшие хроники[91].

---

[85] *Яковенко Н. Н.* О роли княжеской прослойки в этнической консолидации земель Правобережной Украины (Конец XVI — первая половина XVII в.) // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. Тезисы докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А.Зимина. М., 1990. С. 314—316. См. также: *Яковенко Н. М.* Українська шляхта з кінца XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). С. 97, 100, 115—117.

[86] *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 242; *Грушевський М. С.* Історія Україні-Руси. Т. IV. Київ-Львів, 1907. С. 282; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 238, 240; *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 80.

[87] *Герберштейн.* М., 1988. С. 191.

[88] Сб. РИО. Т. 35. С. 546. Ср.: ПДС. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 314.

[89] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских... С. 121.

[90] АЗР. Т. 1. № 188. С. 222.

[91] *Finkel L.* Elekcja Zygmunta I. Kraków, 1910. S. 244.

Будучи католиком, М. Л. Глинский, однако, заботился о своей многочисленной православной родне. Используя свое влияние на короля Александра, он приобретал для себя и братьев новые имения и «уряды», а в 1504 г. по его наущению король, отобрав лидское наместничество у Юрия Ильинича, передал его двоюродному брату Михаила Глинского, Андрею Дрождж[92]. К покровительству могущественного временщика прибегали разные лица — без различия вероисповедания. Так, православный князь Дмитрий Путятич сделал Михаила Глинского своим душеприказчиком; с другой стороны, пани Танчиньская, тетка католического прелата, «через причину Глиньского упросила собе у короля Александра несколько сел в Володимерском повете»[93]. Таким образом, не на мифическую «православную партию» опирался Михаил Глинский, а на расположение к нему господаря и на личные связи и контакты с представителями русской и литовской знати. Подобно господствующему классу в целом, придворная среда была полиэтнична: литовский элемент соседствовал здесь со славянским, католики — с православными.

Итак, каких-либо группировок, партий или корпораций (в том числе на национально-религиозной почве) среди князей обнаружить не удалось. Княжеская верхушка все теснее сращивалась с литовской знатью, магнатством, а основная масса княжат — со шляхтой. В целом можно констатировать изменение социального облика литовско-русских князей после 1500 г. Немногие еще остававшиеся в Великом княжестве уделы сильно отличались от уделов «верховских» и северских князей, судьбы которых мы проследили выше: Мстиславское, Пинское и Слуцкое княжества были тесно связаны с политическим центром Литовского государства, они находились под верховным контролем господарской власти, и к тому же местным князьям приходилось считаться с довольно развитыми там городскими общинами. Подавляющее большинство князей вместе с боярами представляли собой служилое сословие; они настолько дорожили господарской службой, что даже потеря родовых имений не могла заставить многих из них сменить литовское подданство на московское. Исходя из всего сказанного, можно предположить, что в русско-литовских войнах первой трети XVI в. Москва не могла найти серьезной поддержки у «русских» князей в Великом княжестве. К проверке этого предположения на материале событий русско-литовских войн начала нового столетия мы и переходим.

---

[92] АТ. Т. 1. Posnaniae, 1852. Р. 16; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 81.

[93] АЗР. Т. 1. С 369—371; АЮЗР. Т. 1. СПб., 1863. № 101. С. 89.

Глава четвертая

Мятеж Глинских. Православные князья и русско-литовские войны первой трети XVI в.

После событий 1500 г. русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад, и в полосе военных действий оказались теперь города и земли, находившиеся ранее в глубоком тылу. В ноябре 1501 г. московская рать подошла к Мстиславлю. В бою у города литовский отряд во главе с мстиславским князем Михаилом Ивановичем был разбит, но князь укрылся за крепостными стенами и сдаваться не собирался; разорив окрестности Мстиславля, московские войска удалились[1]. К этому эпизоду мы еще вернемся во второй части книги, здесь же нам важно подчеркнуть необычное поведение удельного князя: владельцы «верховских» городков в подобных ситуациях безропотно признавали власть московского государя, а кн. Мстиславский не только этого не сделал, но даже попытался сопротивляться. В дальнейшем еще не раз его лояльность к Литве подвергалась испытанию.

Шестилетнее перемирие, заключенное в 1503 г., было прервано уже в 1507 г. Началась новая война[2]. Положение литовского правительства сильно осложнило восстание, поднятое в самом Великом княжестве кн. Михаилом Глинским в начале 1508 г.

Это восстание вызвало большую полемику в исторической литературе. В. Б. Антонович, М. К. Любавский, М. С. Грушевский указывали на ограниченный состав участников мятежа 1508 г., подчеркивая в то же время национальный характер этого движе-

---

[1] РК 1605. Т. 1. М., 1977. С. 76; ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 240—241; там же. Т. 32. М., 1975. С. 168.

[2] Подробнее о войне 1507—1508 гг. см.: *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899. С. 15—27; *Herbst S.* Wojna Moskiewska 1507—8 // Księga pam. ku czci O. Haleckiego. Warszawa, 1935. S. 29—54.

ния и видя в нем борьбу «русского элемента», православных князей, против гегемонии Литвы и насаждения католичества[3]. Между тем А. Ярушевич рассматривал эти события не как выступление князей, а как «великое брожение народной массы», как «общерусское дело»[4]. Встретив резкую критику со стороны М. К. Любавского[5], эта версия не получила тогда распространения в науке, однако впоследствии, уже в 60-х гг. нашего столетия, ее воскресил А. Б. Кузнецов, писавший о «восстании народных масс», возглавленном Глинскими[6]. Наконец, ряд исследователей вообще отрицали национальный или религиозный характер движения 1508 г., видя в нем лишь авантюру, затеянную М. Глинским в личных целях и не получившую поддержки населения (А. Е. Пресняков, Л. Финкель и др.)[7].

В отечественной историографии последних десятилетий события 1508 г. рассматривались как эпизод борьбы восточнославянских народов за воссоединение. Точка зрения А. Б. Кузнецова о «народном» восстании, направленном на освобождение русского населения из-под власти Литвы, не встретила возражений у последующих исследователей, хотя они и внесли в нее определенные коррективы. Так, по мнению А. А. Зимина, население сочувствовало идее движения Глинских, но «княжата не захотели использовать народное движение белорусов и украинцев за воссоединение с Россией», ограничившись узким кругом сто-

---

[3] *Антонович В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 241—244; *Любавский М. К.* Новый труд по внутренней истории Литовской Руси // ЖМНП. 1898. Июль. С. 193—197; *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. IV. Київ-Львів, 1907. С. 281—289.

[4] *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. Смоленск, 1897. С. 101—105.

[5] *Любавский М. К.* Новый труд... С. 174—215.

[6] *Кузнецов А. Б.* К вопросу о борьбе Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в. // Труды НИИ ЯЛИЭ МАССР. Вып. 27. Саранск, 1964. С. 26—43; *он же.* Борьба Русского государства за воссоединение западнорусских земель. (Первая четверть XVI в.). Автореф. канд. дис. М., 1966. С. 5—6. В вышедшей недавно книге А. Б. Кузнецова не содержится никаких новых фактов или наблюдений по поводу событий 1508 г., см.: *Кузнецов А. Б.* Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века. Саранск, 2002. С. 24—29.

[7] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. М., 1939. С. 173—176; *Finkel L.* Elekcja Zygmunta I. Kraków, 1910; *idem.* Michal Gliński // AW. R. 3. Z. 9. Wilno, 1925. S. 71—81; *Herbst S.* Wojna moskiewska... S. 39; *Halecki O.* Dzieje Unji Jagiellońskiej. T. 2. Kraków, 1920. S. 44—48; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Lwów, 1936. S. 187—191; *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence (Kansas), 1957. P. 105.

ронников из православной знати, что и привело к неудаче восстания[8]. Согласно Б. Н. Флоре, население Украины и Белоруссии не поддержало объединительной политики Москвы, так как князья, в которых оно привыкло видеть руководителей в борьбе с натиском литовских панов, ради своих сословных привилегий заняли антинациональную позицию[9].

Наличие множества различных, порой взаимоисключающих оценок событий 1508 г. в исторической литературе показывает, что эта проблема еще далека от окончательного разрешения, а поскольку для нашей темы она имеет важное значение, необходимо тщательно проанализировать все известия о выступлении Глинских.

Прологом к описываемым событиям послужили смерть великого князя литовского и польского короля (с 1501 г.) Александра 19 августа 1506 г. и вступление на литовский (а затем и на польский) престол его брата Сигизмунда. Новый государь (которому, кстати, Глинский помог занять литовский престол[10]) под влиянием обвинений, возведенных на бывшего фаворита его противниками, лишил кн. Михаила и его братьев занимаемых ими постов[11]. К кому же обратился за помощью М. Л. Глинский? Не к некоей «русской партии», которую он, по мнению многих историков, возглавлял, а к иностранным государям: в марте 1507 г. он отправился за поддержкой к венгерскому королю Владиславу, и тот направил к Сигизмунду посла с просьбой дать Глинскому полное удовлетворение[12]. Другим ходатаем за кн. Михаила выступил крымский хан Менгли-Гирей. В июле 1507 г. Сигизмунд получил от него послание с требованием: «тепере... князю Михаилу Львовичу в Литовском князстве маршалство дай». В случае невыполнения своей просьбы хан грозил разрывом «братства» с королем[13]. Однако все эти дипломатические демарши остались без последствий.

Интересно, что Глинский не воспользовался начавшимися весной 1507 г. военными действиями между Россией и Литвой:

---

8 *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 86—90.

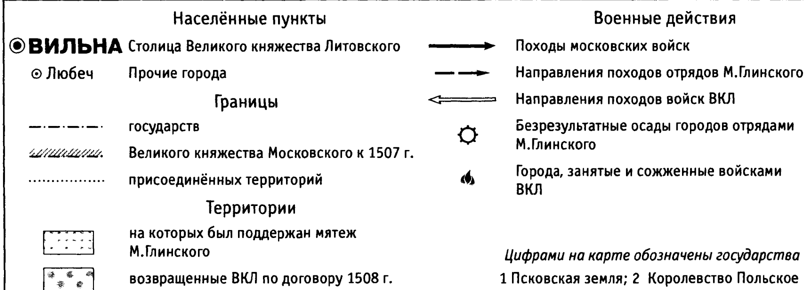
9 *Флоря Б. Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 173—175.

10 *Finkel L.* Elekcja... S. 115—140; *idem.* Michal Gliński. S. 73—80.

11 АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 4. С. 3; № 7. С. 5—6; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 80, 82, 86.

12 *Decius.* Cracoviae, 1521. P. LXII; *Finkel L.* Elekcja... S. 223, 278.

13 ЛМ. Кн. 7. С. 49—50 (постраничная нумерация).

Карта 6. Мятеж Михаила Глинского
и русско-литовская война 1507–1508 гг.

очевидно, он еще надеялся вернуть потерянное мирными средствами. Но, не добившись дипломатическим путем никаких результатов, М. Глинский зимой 1508 г., воспользовавшись отсутствием короля в Литве, решился на открытое выступление: 2 февраля он напал на двор своего врага Яна Заберезинского близ Гродно и велел слуге, некоему турку, его убить[14]. После этого кн. Михаил со своими людьми совершил неудачную попытку овладеть Ковенским замком, где содержался в плену хан Большой орды Ших-Ахмет, злейший враг крымских Гиреев. Сигизмунд 21 февраля поспешил уведомить об этом происшествии Менгли-Гирея, всячески стараясь настроить его против Глинского: якобы тот хотел, освободив Ших-Ахмета, идти с ним к ногайцам — поднимать их против Крыма[15].

Потерпев неудачу под Ковном, отряд Глинского (достигавший, если верить М. Стрыйковскому, около 2 тыс. чел.) направился к Новогрудку, наместником которого был Иван Глинский, и здесь мятежники, как вспоминал позднее Ольбрахт Гаштольд, устроили совет, намереваясь идти к Вильне, но, узнав, что паны подготовили столицу к обороне, отказались от этого намерения[16]. После этого бесславного похода мятежники обосновались в резиденции Михаила Глинского — Турове; все эти события, по расчету С. Хербста, заняли первую половину февраля 1508 г.[17]

Сам маршрут похода Глинского свидетельствует об отсутствии у мятежников изначально определенной цели и единого плана: Гродно — Ковно — Новогрудок — Туров. Убийство Заберезинского, затем дерзкая попытка захватить Ших-Ахмета, наконец неудавшийся поход к столице — один авантюрный замысел сменяет другой! В то же время М. Глинский не терял надежды на примирение с королем: в феврале — начале марта он ведет переговоры и с Сигизмундом, находившимся в Кракове, и с панами-радой в Вильно. Король прислал в Туров Яна Костевича с обещанием дать Глинским «управу» с панами, но братья Львовичи, не доверяя Костевичу, потребовали к 12 марта прислать к ним Ольбрахта Гаштольда[18]. Одновременно курсирова-

---

[14] *Герберштейн С.* М., 1988. С. 189; AT. T. I. Posnaniae, 1852. P. 22; *Decius J.* P. LXIV.

[15] ЛМ. Кн. 7. С. 109—110.

[16] AT. T. VII. Posnaniae, 1857. P. 263; *Stryjkowski M.* Warszawa, 1846. T. 2. S. 346.

[17] *Herbst S.* Wojna Moskiewska 1507—8. S. 40.

[18] Рус. временник. С. 70.

ли гонцы между Туровом и Вильно: сохранился недатированный ответ панов-рады на просьбу Глинского о ходатайстве за него перед Сигизмундом — паны обещали свое посредничество, когда король вернется в Литву, и охранный лист, если Михаил Глинский захочет приехать к нему на встречу; они также советовали ему показать господарю своим поведением, что он раскаивается в содеянном[19].

В источниках нет единодушия по вопросу о том, когда завязались первые контакты Глинских с Москвой. Согласно Б. Ваповскому, С. Гурскому, С. Герберштейну, М. Стрыйковскому, это произошло еще до убийства Заберезинского[20]. В хронике Й. Деция, посланиях Сигизмунда Менгли-Гирею, относящихся к весне — лету 1508 г., известие об этом убийстве, напротив, предшествует сообщению о присылке Глинским гонцов к Василию III с челобитьем[21].

Поскольку в послании хану от 21 февраля 1508 г. король не упоминает о сношениях Глинских с Москвой, а известие об их обращении за помощью к Василию III появляется только в его послании от 30 апреля того же года[22], это событие попадает в интервал конец февраля — середина апреля. А с учетом того, что в русских летописях известие о посольстве от М. Глинского с просьбой о принятии на московскую службу помечено датой «тоя же зимы» и идет после статьи, датированной «тоя же зимы марта 8»[23], — можно отнести приезд гонца от Глинских к марту 1508 г.

Труднее выяснить, по чьей инициативе эти контакты начались. Почти все источники приписывают инициативу Глинским, и лишь Русский временник говорит о первоначальной миссии Василия III к ним. Этот памятник сохранился в списках XVII в., но его протограф исследователи относят к 1540-м или 1560-м гг.[24]. Временник отличается, как мы увидим, удивительной осведомленностью по поводу мятежа Глинских и их выезда на Русь. Здесь после известия о неудачной миссии в Туров Яна Костевича со-

---

[19] Materiały do dziejów diplomacji polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks zagrzebski). Wrocław – Warszawa –Kraków, 1966. № 53. S. 165—166.

[20] *Герберштейн С.* С. 189; AT. T. 1. P. 22; *Wapowski.* Kraków, 1874. P. 76—77; *Stryjkowski M.* T. 2. S. 343, 346.

[21] *Decius J.* P. LXIV—LXV; АЗР. Т. 2. С. 38; ЛМ. Кн. 7. С. 110—112.

[22] ЛМ. Кн. 7. С. 110—112. Ср.: там же. С. 109—110.

[23] ПСРЛ. Т. 8. С. 249; Т. 26. М.-Л., 1959. С. 299; Т. 28. М.Л., 1963. С. 342 и др.

[24] *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 459—460, 470. Ср.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 199—203.

общается о присылке туда же Василием III Мити Губы Моклокова с приглашением Глинских к себе на службу. Не дождавшись к сроку (12 марта) ответа Сигизмунда, братья Львовичи отпустили Губу назад и послали с ним Ивана Приежжего с грамотами, извещавшими об их желании перейти на московскую службу. Затем Глинские заняли Мозырь, где их и нашел вернувшийся с ответом Василия III дьяк Моклоков: великий князь принимал их на службу и посылал им на помощь своих воевод, обещая передать Глинским все города, которые будут взяты в Литве. Дьяк на всем этом «правду дал», а князья целовали перед ним крест Василию III[25].

Этот рассказ Русского временника не противоречит известиям летописей и посланию Сигизмунда от 30 апреля 1508 г. Дело в том, что, в отличие от Временника, эти источники сообщают лишь о челобитье Глинских и о втором приезде к ним Губы Моклокова, когда они присягнули перед ним на верность Василию III[26]. В таком случае полная информация содержится только во Временнике. Ведя переговоры с Сигизмундом, панами-радой, ханом Менгли-Гиреем, ногайцами и даже молдавским воеводой[27], Глинские остановили свой выбор на Москве. Независимо от того, кто явился инициатором начала переговоров, переход Глинских на московскую сторону означал перерастание мятежа из внутрилитовского события в один из этапов русско-литовской войны. За первый год этой войны, с весны 1507-го по весну 1508 г., московские воеводы не добились никаких сколько-нибудь заметных успехов[28]. Выступление Глинских открывало, казалось, перед московским правительством перспективы достижения более ощутимых результатов в войне. Однако если такие расчеты и существовали, они не оправдались.

Своими силами, до прихода в июне московских войск, Глинские сумели овладеть лишь Мозырем, наместником которого был их родственник Якуб Ивашенцевич[29]. Столь скромные успехи наряду с выжидательной тактикой и попытками получить помощь из-за рубежа явно свидетельствуют о слабости сил мя-

---

[25] Рус. временник. С. 70—71.

[26] ПСРЛ. Т. 8. С. 249; Т. 28. С. 342; Т. 13. I пол. СПб., 1904. С. 8; ИЛ. М., 1957. С. 52; ЛМ. Кн. 7. С. 110—111.

[27] АЗР. Т. 2. № 33. С. 39; Русский. временник. С. 70—71.

[28] См.: *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 15—16; *Herbst S.* Wojna... S. 32—39, 41; *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 84—85.

[29] АЗР. Т. 2. № 33. С. 39—40; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 63—64.

тежников, об отсутствии у них серьезной поддержки внутри Великого княжества. На чем же тогда основаны представления ряда историков о событиях 1508 г. как о народном восстании, возглавленном Глинскими?

А. Б. Кузнецов, наиболее подробно обосновавший эту точку зрения, ссылается на хронику Мацея Стрыйковского и вторящие ей Польскую хронику Марцина и Иоахима Бельских и Евреиновскую летопись. Однако еще М. С. Грушевский указал на ряд недостоверных известий Стрыйковского в описании восстания Глинских[30]. Действительно, Стрыйковский и более поздние хроники и летописи конца XVI—XVIII вв. приписывают Глинскому взятие Турова, Орши, Кричева, Гомеля, сообщают о переходе на его сторону князей Друцких и Михаила Мстиславского[31]. Между тем все эти известия, за исключением упоминания о присоединении к мятежникам кн. Друцких, недостоверны: Туров был владением самого М. Л. Глинского, Гомель еще с 1500 г. принадлежал России, а кн. Мстиславский и Кричев временно перешли под власть Василия III только в 1514 г.[32]

Надежную основу для изучения событий весны — лета 1508 г. составляют хроники Деция и Ваповского, Русский временник, разряды, послания Сигизмунда I и М. Л. Глинского того времени. Согласно этим источникам, кроме Мозыря, ворота которого открыл мятежникам Якуб Ивашенцевич, ни одного из осажденных ими городов Глинские, даже вместе с присланными им на помощь московскими воеводами, взять не смогли: ни Минска, ни Слуцка, ни Орши, ни Мстиславля, ни Кричева[33]. Несколько недель длилась безуспешная осада Минска, хотя там, как писал сам М. Глинский Василию III, гарнизон составлял «только тридцать жолнеров, а люди были... на городе велми малые»[34]. Только М. Стрыйковский сообщает об осаде Василием Глинским Житомира и Овруча[35]. Мятежники действительно побывали на Киевщине — это явствует из челобитья Льва Тишкевича

---

[30] *Грушевський М.С.* Історія... Т. IV. Прим. 39. С. 485—486.

[31] *Stryjkowski.* T. 2. S. 347; *Bielski M.* Kronika polska. Nowo przez J. Bielskiego wydana. Kraków, 1597. S. 509; ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С 167, 234.

[32] *Wolff J.* Kniaziowie... S. 81; ПСРЛ. Т. 35. С 125; там же. Т. 8. С. 257.

[33] АЗР. Т. 2. С. 22, 39, 44; Русский.временник. С. 71; РК 1598. М., 1966. С. 40; РК 1605. Т. 1. С. 100—102; *Decius.* P. LXV—LXVI. См. также специальное сочинение Б. Ваповского о войне 1508 г.: De bello a Sigismundo I... contra Moscos gesta // Scriptores rerum polonicarum. T. XV. Kraków, 1894. P. 155—163.

[34] АЗР. Т. 2. № 20. С 23.

[35] *Stryjkowski M.* T. 2. S. 346.

королю от 7 июня 1508 г., в котором он жалуется на опустошение Глинским его имений в Киевском повете[36], — но известие об осаде указанных городов ни одним источником не подтверждается. Впрочем, и из текста Стрыйковского явствует, что ни одного города на Киевщине мятежники не взяли.

Сам характер действий Глинских не мог привлечь к ним симпатий населения: они вели себя как во вражеской стране. Сам кн. Михаил доносил Василию III о своих «успехах»: «везде... огонь пускали, и шкоды чинили, и полону на колкое десять тысяч взяли...»[37]. В тактике Глинского С. Хербст справедливо усмотрел сходство с татарскими набегами[38]. Мятежники разорили немало имений православных князей и панов, в том числе киевские вотчины Л. Тишкевича, полоцкие владения князей Соколинских[39]. За жалобами князей и панов на разорение нетрудно разглядеть бедствия, которым подверглось зависимое население их имений. Так что «народная масса» не участвовала в мятеже, а пострадала от него. Все источники показывают верхушечный характер движения Глинских. Так, Деций сообщает, что князь Михаил пытался привлечь на свою сторону знать Литвы и Руси, одним суля подарки, другим внушая надежду на победу и добычу[40]. Это известие повторяется в последующих хрониках и летописях, включая Стрыйковского, писавшего о привлечении Глинским части «литовских панов и русской шляхты»[41]. Прямое участие литовской знати в мятеже источниками не зафиксировано, но прежние связи Глинского с литовской верхушкой были хорошо известны, что и привело в 1509 г., после ликвидации мятежа, к аресту многих панов, которые с Глинским «в дружбе жили»; из их числа Деций, Ваповский и Гурский называют имена О. Гаштольда, Михаила и Федора Хребтовичей, А. Ходкевича[42]. Эти данные подкрепляют высказанные выше сомнения по поводу существования в Литве накануне событий 1508 г. русской, православной «партии» во главе с М. Глинским.

Есть, однако, основания полагать, что католик М. Л. Глинский, стараясь привлечь к себе православную шляхту, изобра-

---

[36] ЛМ. Кн. 8. Л. 229 (опубл.: LM. Kn. 8. Vilnius, 1995. № 315. P. 257).
[37] АЗР. Т. 2. С. 22—23.
[38] *Herbst S.* Wojna... S. 42.
[39] ПГ. Вып. III. М., 1980. С 33—34.
[40] *Decius J.* P. LXV.
[41] *Stryjkowski M.* T. 2. S. 346; а также: ПСРЛ. Т. 35. С. 167.
[42] *Decius J.* P. LXXI; *Wapowski.* P. 84; AT. T. 1. P. 31; ПСРЛ. Т. 35. С. 167—168, 234.

жал себя во время восстания защитником «греческой» веры. Так, в послании Василию III (июнь 1508 г.) он сообщал, что «братья и приятели мои и все хрестиянство... во мне надею покладали», а Б. Ваповский пишет о торжественной встрече Глинского в Мозыре местным православным духовенством[43]. Возможно, впрочем, что эта церемония была подготовлена мозырским наместником Ивашенцевичем — двоюродным братом М. Глинского, — сдавшим город мятежникам. По свидетельству очевидца, М. Глинский в начале восстания, собрав «многих людей», заявил, что начал этот «замяток» под влиянием слышанных от Федора Колонтаева речей: будто на ближайшем сейме «всих нас, русь, мають хрестити в лядскую веру», а тех, кто не захочет перейти в католичество, — казнят; впоследствии, правда, Колонтаев утверждал, что ничего подобного Глинскому не говорил[44]. То, что со стороны Михаила Глинского это было простой демагогией, явствует из его письма 1509 г. императору Максимилиану: в нем он признается, что, пока не вернет себе прежнего положения при королевском дворе, предпочитает не обнаруживать открыто своей истинной веры, за что просит прощения у императора, святой римской церкви и всех католиков[45]. Однако распространение слухов, подобных вышеприведенному, не принесло мятежникам поддержки населения, и это понятно: ведь первая треть XVI в., по единодушному мнению исследователей, стала весьма благоприятным периодом для православной церкви в Великом княжестве[46]. В ранних источниках события 1508 г. предстают без какой-либо национальной или религиозной окраски, зато в сочинениях 60—90-х гг. XVI в., когда конфликты на национальной и конфессиональной почве в Литве резко обострились, происходит переосмысление недавнего прошлого и те же события изображаются как борьба православных и католиков.

Тогда же под пером Мацея Стрыйковского возникла версия, воспринятая впоследствии рядом исследователей[47], о том, что Глинские стремились восстановить самостоятельное русское княжество. Хронист сообщает, что Василий Глинский на

---

[43] АЗР. Т. 2. С. 23; *Wapowski*. P. 77.

[44] РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 1196—1197.

[45] Письмо опубл.: *Finkel L.* Elekcja... Dod. № 7. S. 279.

[46] *Lapiński A.* Zygmunt Stary a kościół prawosławny. Warszawa, 1937. S. 148—174; *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие... С. 126.

[47] *Антонович В. Б.* Монографии... С. 243; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1. Одесса, 1912. С. 65—68.

Киевщине уговаривал русскую шляхту и бояр переходить к его брату, который-де собирался в случае овладения великим княжением перенести последнее из Литвы на Русь и возродить «Киевскую монархию». Тем временем М. Глинский, пишет Стрыйковский, осаждал Слуцк — якобы он надеялся заставить княгиню Анастасию выйти за него замуж, что дало бы ему права на Киевское княжение, принадлежавшие Слуцким князьям[48].

Из посланий Михаила Глинского Василию III видно, что к Слуцку был послан А. А. Дрождж[49], так что известие Стрыйковского об осаде Слуцка лично Михаилом Глинским носит легендарный характер. Возможно, оно заимствовано из семейных преданий кн. Слуцких, с которыми хронист был знаком[50]. О притязаниях М. Глинского на Киевское княжение ни один ранний источник, включая собственные послания кн. Михаила, не упоминает, зато из переписки короля с Менгли-Гиреем известно, что посол последнего Хозяш-мирза предлагал Глинским перейти на службу к хану, обещавшему их «посадити на Киеве и на всех пригородкех киевских и беречь их от короля»[51], однако Глинские предпочли службу в Москве. Не исключено, что отголоски этих неосуществленных крымских планов в трансформированном виде попали впоследствии на страницы хроники Стрыйковского.

К удельной старине мятеж 1508 г. не имел никакого отношения. Удельные князья, чьи владения оказались в зоне восстания (Мстиславль, Слуцк, Клецк), не только не поддержали мятежников, но и оказали им упорное сопротивление. А было ли вообще движение Глинских княжеским по своему составу? В Русском временнике в списке лиц, выехавших после провала восстания в Московское государство, названо лишь 11 княжат, в том числе пятеро Глинских, двое их родичей – Жижемских, Иван Козловский (согласно тому же летописцу, он служил Глинским), Василий Мунча, Иван Озерецкий и Андрей Друцкий. Остальные 18 человек — нетитулованные лица (за небольшим исключением — родственники или слуги Глинских)[52]. Из князей, причастных к восстанию, но оставшихся в Литве, мож-

[48] *Stryjkowski M.* T. 2. S. 346—347.

[49] АЗР. Т. 2. С. 22.

[50] См. *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 230.

[51] АЗР. Т. 2. № 33. С. 40. Ср.: Русский временник. С. 70.

[52] Русский временник. С. 72—73; *Бычкова М. Е.* Состав... С. 63—66.

но назвать Федора и Андрея Лукомских, и, может быть, одного из Полубенских[53].

Таким образом, большинство княжат — участников восстания принадлежало к клану Глинских или было связано с ними родством или службой. По существу, единственным заметным успехом Глинских в княжеской среде был переход на их сторону кн. Друцких, осажденных в своем городе Михаилом Глинским и московскими войсками[54]. После отступления последних большинство князей Друцких (за исключением упомянутого выше Андрея, выехавшего вместе с Глинскими в Россию) вместе с городом Друцком вернулись в литовское подданство. Разные ветви этого разросшегося княжеского рода тягались между собой из-за земель: согласно судной грамоте Ульяне Гольцовской от 7 августа 1509 г., князья Одинцевичи пытались, обвинив княгиню Ульяну в соучастии в мятеже Глинских, завладеть ее отчиной. Отводя от себя обвинения, княгиня заявила, что как Глинский «до Друцка приехал», то «ведают старшыи князи Друцкий, которым будуть обычаем того зрадцу господарского до замку пустили»[55]. Возможно, именно распри среди друцких княжат привели к тому, что мятежники не встретили здесь сопротивления, а кое-кто даже примкнул к ним и выехал вместе с Глинскими в Москву.

Большинство литовско-русских князей отнеслись к мятежу равнодушно или даже враждебно. Многие князья приняли участие в походе против Глинских и московских войск: гетман К. И. Острожский, Федор и Семен Чарторыйские, кн. Полубенский и др.[56]. Ряд православных князей и панов подали челобитья о компенсации причиненного им во время мятежа ущерба — примеры таких прошений приведены выше. Стремясь сузить социальную базу восставших, Сигизмунд уже в апреле 1508 г. начал раздавать имения Глинских и их сторонников. Конфискованные села и дворы мятежников перешли к новым владельцам, в том числе княжатам: Ю. И. Дубровицкому, В. А. Полубенскому, Ф. И. Ярославичу, Настасье Слуцкой и др., а гетману К. И. Острожскому достался г. Туров[57].

---

[53] АЗР. Т. 2. С. 23; АТ. Т. 1. Р. 31; *Wolff J.* Kniaziowie... S. 214, 218.

[54] Русский временник. С. 71; АЗР. Т. 2. С. 63—64.

[55] АЗР. Т. 2. С. 63—64.

[56] Там же. С. 63; *Wapowski.* Р. 81—83.

[57] ЛМ. Кн. 8. Л. 227—227 об., 230, 254 (опубл.: LM. Kn. 8. № 312, 317, 356. P. 255, 258, 277); РИБ. Т. 20. Стб. 628—630; ЛМ. Кн. 25. Л. 40; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. III. Lwów, 1890. № 92. S. 64—65.

Итак, можно согласиться с теми исследователями, которые отрицали национальную или религиозную подоплеку событий 1508 г. Выступление Глинских не было ни «народным восстанием», ни движением православных князей. Это был мятеж, поднятый Глинскими из-за нежелания смириться с утратой высокого положения при дворе и опиравшийся большей частью на их родственников и слуг. Таким образом, подтверждается выдвинутое нами в результате анализа положения православных князей в Литве начала XVI в. предположение, что княжата теперь в массе своей были лояльны к виленскому правительству и уже не представляли собой потенциальных союзников Москвы.

Свою преданность Литве князья демонстрировали и в следующих войнах с Москвой. Особенно часто подвергалась испытанию лояльность мстиславского князя, чей удел после 1500 г. оказался у самой границы. Московские полки подходили к Мстиславлю и в 1501-м, и в 1507—1508 гг., и в 1514-м. Последний случай особенно примечателен.

Летописи сообщают, что после взятия Смоленска Василием III великий князь послал 7 августа 1514 г. своих воевод к Мстиславлю «на князя на Михаила на Мстиславского». И вот кн. Михаил, услышав об их приближении, воевод встретил «и бил им челом, чтобы государь князь великий пожаловал, взял его к себе в службу и с вотчиною, да и крест воеводам на том целовал с всеми своими людми»[58]. «Слугой» Василия III кн. Мстиславский был, однако, очень недолго: стоило московским воеводам потерпеть тяжелое поражение в Оршинской битве, как он тут же «отступи» обратно к королю[59]. Сам кн. Михаил раскрывает мотивы своего поведения в челобитье королю Сигизмунду (декабрь 1514 г.): прежде всего он указывал на многократный перевес неприятеля, но кроме того, сделал очень ценное признание — «видячи, иж тому... неприятелю не может ся оборонити, а ни отседети, а наболей, иж бояре его и люди мстиславскии ему к обороне помочни быти не хотели...», он и сдал замок московским воеводам, а услышав приближение литовского войска, сразу же послал служебника к королю «объявлеючи верность свою»[60]. С таким мотивом перехода нам еще встречаться не приходилось: в «украинных» городках и речи не было о каком-то самостоятельном от князя поведении горожан, здесь

[58] ИЛ. С. 164; ПСРЛ. Т. 8. С. 257; Т. 28. С. 349.
[59] ИЛ. С. 166; ПСРЛ. Т. 28. С. 350.
[60] АЗР. Т. 2. № 93. С. 117.

же совершенно иная картина — налицо зависимость мстиславского князя от собственных подданных. О позиции горожан в русско-литовских войнах речь пойдет во второй части, здесь же отметим, что временный переход князя Мстиславского был безусловно вынужденным шагом. Характерно, что господарь принял его объяснения и решил, что, поскольку он, король, помощи своим подданным оказать не успел, а сам кн. Михаил не мог обороняться, то «мусил то он от неволи вчинити» — поэтому «мы (король. — *М. К.*) за то на него жадное мерзячьки не маем»[61].

Итак, на основе наблюдений, сделанных в предыдущей и этой главах, можно прийти к выводу, что большинство князей (и служилую мелкоту, и еще остающихся удельных) вполне устраивало их положение в Великом княжестве. Поэтому они не стремились к обособлению, созданию собственных «партий» и т.п., а в 1508 г. не поддержали мятежников, демонстрируя и в событиях того года, и в последующих войнах с Москвой полную лояльность литовскому правительству.

Наши наблюдения над судьбами князей в связи с отношениями Литвы и Русского государства можно суммировать следующим образом.

В позиции православных («русских») князей по отношению к противоборствующим сторонам четко выделяются два периода, соответствующие двум этапам в истории русско-литовских отношений. На первом этапе, до 1500 г., «украинные» князья, стоявшие в той или иной степени вне политической системы, вне внутриполитических отношений Великого княжества, постепенно переходят на московскую службу, причем время и активность этого перехода зависели, как показано в работе, от статуса князей. Активными союзниками московского правительства становились только новосильские князья, стремившиеся сохранить свою «удельность» и самостоятельность, а также вотчины, которые литовский господарь не мог оборонить. Религиозные мотивы при этом, как нам представляется, не играли существенной роли. Более мелкие княжата, вроде Мезецких, Вяземских, Мосальских, оказывались лишь жертвами наступательной политики Москвы и ее вассалов. Пользуясь поддержкой одних князей (радевших, конечно, не о московских, а о собственных «удельных» интересах), пассивностью и слабостью других, московское правительство до 1494 г. сумело присоединить значительные территории на западных рубежах, почти не затрачивая

---

[61] АЗР. Т. 2. № 93. С. 117.

собственных военных усилий. Но уже в 1500 г. эти усилия ощутимо нарастают: одни северские князья без массированной поддержки (давления) и прикрытия московских войск едва ли рискнули бы «отъехать» к Ивану III и уж тем более не смогли бы удержать своих громадных вотчин.

На втором этапе, после 1500 г., ситуация кардинально меняется. Немногие оставшиеся удельные князья, связанные, во-первых, с ядром Литовского государства, зависящие, во-вторых, и от господаря, и от собственных подданных (городских общин), демонстрировали полную лояльность виленскому правительству. Остальная же масса княжат, занимая в описываемое время не первостепенное, но вполне прочное место в социально-политической системе Великого княжества, была довольна своим положением и опять-таки достаточно крепко привязана к Литовскому государству. Растворяясь в среде формирующегося шляхетского сословия, мелкие княжата получали взамен воспоминаний о принадлежавших некогда их предкам княжеских правах вполне реальные дворянские права и привилегии (имущественные, социальные, политические). Этим и объяснялась проявленная ими в войнах с Москвой в первой четверти XVI в. лояльность.

Вместе с тем процесс измельчания княжеских фамилий, отрыва их от родовых земель, уравнения с простой шляхтой не мог не привести к утрате князьями влияния на местное население, что и проявилось в событиях 1508 г.: инициаторы мятежа оказались «полководцами без армии»; ни шляхта, ни города Великого княжества их не поддержали, и пришлось им отсутствие внутренней опоры компенсировать обращением за помощью к иностранным правителям.

Наконец, изменение социального облика и позиции литовско-русских князей в начале XVI в. самым непосредственным образом сказалось на ходе и результатах продолжавшихся тогда русско-литовских войн: не имея теперь опоры в князьях (даже ставших украинными), Москва прилагала все большие военные усилия к овладению землями, остававшимися под властью Литвы, но при этом в ряде случаев (как, например, в кампании 1507—1508 гг.) успехи не оправдывали этих усилий. Многое, однако, зависело от позиции городов, оказавшихся в зоне боевых действий; к изучению их позиции мы и приступаем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГОРОДА ЛИТОВСКОЙ РУСИ В СИТУАЦИИ ВЫБОРА МЕЖДУ ВИЛЬНО И МОСКВОЙ В КОНЦЕ XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

Глава первая
Города Литовской Руси в политической системе Великого княжества

Придерживаясь того же порядка изложения, что и в первой части, мы начнем с изучения положения русских (восточнославянских) городов в Великом княжестве Литовском, а затем перейдем к анализу их позиций в русско-литовских войнах рубежа XV—XVI вв.

Традиция изучения городов Великого княжества Литовского насчитывает уже более столетия. Основную тенденцию развития историографии в этой, как и во многих других областях исследования можно определить как постепенный переход от абстрактных, схематичных представлений к более точным и конкретным. На этом пути уже многое сделано, но остаются еще значительные лакуны. В частности, очень слабо изучены города, находившиеся в конце XV в. на самой восточной границе Литовского государства — Торопец, Вязьма, верховские княжеские городки, Брянск и т.д. Недостаточно выяснено положение городов Литовской Руси в политической системе Великого княжества на рубеже XV—XVI вв., со всеми нюансами и градациями. Наконец, даже не был поставлен главный для нашей темы вопрос: были ли горожане довольны своим положением в Великом княжестве? Насколько лояльны были они к виленскому правительству? На этих проблемах мы и сосредоточим основное внимание.

Изучение правового статуса городов Великого княжества начнем с порубежных княжеских городков, отчасти уже знакомых нам по предшествующему изложению. Но тогда нас интересовали князья — владельцы этих городков, а теперь речь пойдет об их населении. С севера на юг вдоль всей русско-литовской границы располагались в конце XV в. княжеские города: Белая, Хлепень, Вязьма, Мосальск, Мезецк, Воротынск, Белев, Одоев, Стародуб, Гомель, Трубчевск, Новгород-Северский, Чернигов,

Карачев (эти два — с 1496 г.) и Любеч. К сожалению, сведения о внутренней жизни этих городов очень скудны: источники, которыми мы располагаем, — акты Литовской метрики (т.е. великокняжеской канцелярии), посольские книги, летописи — показывают княжеские городки почти исключительно с внешней стороны. Но при тщательном анализе и из этих скудных данных можно извлечь ценную информацию.

Прежде всего бросается в глаза, что, в случае если какой-либо из перечисленных выше городов подвергался нападению, протест по этому поводу заявлялся от имени князя-владельца, а не от лица горожан. Так, князья Мезецкие жаловались на нападение на их город слуг великого князя Московского, кн. Михаил Вяземский — на захват его города Хлепня, Дмитрий и Семен Воротынские — на разорение их города и т.д.[1] Иногда протест московской стороне заявлялся от имени самого господаря — так было с г. Мосальском[2], над которым, как было показано выше, местные князья фактически утратили контроль. С другой стороны, вина за нападения и грабежи опять-таки возлагалась на соответствующих князей (Воротынских, Одоевских и др.), а не на их подданных. Таким образом, жители порубежных княжеских городков не имели в пограничных делах собственного голоса, не рассматривались как самостоятельная сила, субъект отношений.

Не заметно, однако, чтобы с интересами горожан сколько-нибудь считались во внутренних делах. Многие из упомянутых городов были поделены между княжеской братией: г. Одоев был разделен пополам между двумя линиями местной княжеской династии[3]; та же участь постигла г. Трубчевск[4]; по «дольницам» владели князья Мезецком[5] и Вязьмой[6].

Естественно, землей, прилежащей к городу, распоряжались опять-таки князья, а не горожане, а во многих уделах, как мы уже знаем, местные владельцы разделяли это право с господарем. Так, еще в 40-х гг. XV в. Казимир пожаловал некоему Ивану Рудаку «за Мезецком место пустое»[7]. Но вот что интересно: контролируя территорию ряда уделов (за исключением владе-

---

[1] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 3, 16, 35, 54, 57, 73.
[2] Там же. С. 73.
[3] Там же. С. 57.
[4] ЛМ. Кн. 6. С. 233—234; РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 573.
[5] Сб. РИО. Т. 35. С. 121, 127.
[6] Там же. С. 119.
[7] РИБ. Т. 27. Стб. 47.

ний кн. Новосильских), великокняжеская власть не установила никаких контактов с населением княжеских городков. В актах Метрики не зафиксировано ни одного случая апелляции к господарю, жалобы на своего князя жителей Мезецка или Мосальска, Стародуба или Гомеля. Между тем население не только великокняжеских городов, но и некоторых частновладельческих (вроде Пинска), как мы увидим, искало защиты и справедливости у господаря. Стало быть, для выяснения статуса того или иного города недостаточно только знать, принадлежал ли он частному владельцу или великому князю: важно выяснить, что собой представляла данная городская община. А что нам известно о составе населения порубежных княжеских городков?

М. Н. Тихомиров отметил, что наличие в Заоцкой земле множества городков, иные из которых отстояли друг от друга, подобно Мезецку и Мосальску, всего на 25 км, объясняется существованием в ту эпоху в данном регионе множества князьков — владельцев уделов[8]. Действительно, такая густая сеть городков возникла здесь не вследствие бурного развития торговли и ремесла, а в результате удельного дробления местных княжеских династий. Что же касается торговли, то лишь Вязьму можно назвать значительным торговым центром[9]. Мы располагаем сведениями о вяземских купцах: в 1487 г. литовский посол жаловался в Москве, что брат Ивана III, кн. Андрей Васильевич Можайский, «мыта берет не по старому с купцов княжих Михайловых» (Вяземского. — *М. К.*)[10]; в 1492 г. была подана новая жалоба — о том, что в Старице «князя Михайловых (Вяземского. — *М. К.*) мещан на имя Гришка а Крота, шестерых с товарыщи,- ...порубили...: взяли сорок рублев ризских денгами а купецких речей (т.е. товаров. — М.К.), всего на триста коп»[11]. О купеческой прослойке в других княжеских городках в источниках сведений нет.

Определенный интерес для выяснения состава населения верховских городков представляют сообщения о полоне, выведенном слугами и воеводами московского государя во время постоянных набегов в 80—90-х гг. XV в. В 1489 г. князья Воротынские жаловались, что московские воеводы «под городом были, города добывали, место выжгли, бояр и боярынь много пойма-

---

[8] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 371.

[9] См.: *Виноградов И. П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). М., 1890. С. 77—80.

[10] Сб. РИО. Т. 35. С. 3.

[11] Там же. С. 74.

ли и всих головами семь тысячь повели»[12]. Значит, помимо крепости («города») в Воротынске был и посад («место»); названное количество пленных — 7 000, — разумеется, не может служить указанием числа горожан: это было бы чересчур много для маленького пограничного городка; главным образом эту сумму составили, надо полагать, окрестные сельские жители. Весной 1492 г. литовский посол в Москве передал жалобу кн. Федора Одоевского на своих родичей, сыновей Семена Одоевского, служивших Ивану III: они его отчину, «половину города Одоева, засели, и волости, удел его, побрали, и врядников его и бояр его поимали, а иных к целованию привели, и казну его взяли»[13]. Снова идет речь о боярах, а о горожанах — ни слова; вообще трофеи, захваченные в «городе» (казна), сливаются в этом сообщении с пленными, взятыми, вероятно, в волостях (урядники). Здесь же уместно привести летописные известия о взятии зимой 1493 г. московской ратью Мезецка, Серпейска и Опакова: в первом из этих городов в плен были взяты сидевшие там в осаде смольняне и литовские паны, «а земских людей черных приведоша к целованию за великого князя»; затем то же повторилось в Серпейске и Опакове — и там «земских людей» привели к присяге на верность московскому государю; возвращаясь из похода в Москву, воеводы увели с собой «градских больших людей»[14].

Трудно понять, что скрывается за трижды повторенной трафаретной формулой «земские люди черные» (в Своде 1518 г. — «земскых людей и черных»)[15]: городские низы или укрывшиеся за городскими стенами мужики из окрестных сел? Второе представляется более вероятным. В пользу такой трактовки говорит, кажется, и сам термин «земские». Но как бы мы ни истолковывали данное летописное известие, все имеющиеся в нашем распоряжении сведения наводят на мысль, что верховские городки не были городами в собственном смысле слова, лишь наличие стен выделяло их из сельской округи.

Данные первой четверти XVI в. усиливают это впечатление, показывая тенденцию, по которой шло развитие этих городков. Около 1525 г. кн. Иван Михайлович Воротынский подал челобитную Василию III. Из этого любопытного документа явствует, что городище Старый Одоев (пришедшее, очевидно, к тому

---

[12] Сб. РИО. Т. 35. С. 35.

[13] Там же. С. 57.

[14] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 210; Т. 28. М.-Л., 1963. С. 158; Т. 8. СПб., 1859. С. 225.

[15] Там же. Т. 28. С. 323.

времени в полный упадок) было отстроено государевым «здоровьем и жалованьем». И другая, еще более выразительная деталь: Иван Воротынский, пожалованный в Старом Одоеве «городищем... да и землицею... посацкою» (т.е. раньше был посад, но к 1525 г. его нет! — *М. К.*), из-за противодействия кн. Одоевских не может пользоваться полученными землями: «А людишка мои, государь, — жалуется он, — опять сядут в городе на стене, а землицы, государь, ни одного загону не ведают, что вспахать»[16]. Таким образом, «город» здесь — всего лишь стены среди полей, аграрный характер такого «города» сомнений не вызывает.

Заоцкие городки являлись прежде всего резиденцией соответствующих князей: не случайно при взятии любого из них непременно в плен попадали местные князья со своими домочадцами и боярами. Но те же крепости служили прикрытием для разбойничьих набегов на соседние уделы, сюда же свозилась награбленная добыча. Вот князья Мезецкие послали своих людей грабить вотчину кн. Одоевских (1487 г.); вернувшись, «те лихие с полоном и со всем грабежом въехали в город в Месческ ко князю к Ивану и к его братье»[17]. Таким же разбойничьим гнездом предстает перед нами и г. Воротынск в конце 1480-х гг.[18]

Итак, за исключением Вязьмы, где действительно имелось мещанское население, остальные княжеские «города» были лишь центрами соответствующих уделов; примыкавшие к крепостям посады (там, где они вообще были) находились, так сказать, в зачаточном состоянии. Сказанное относится и к владениям северских княжат — Гомелю, Стародубу, Трубчевску, Новгороду-Северскому и др. Здесь нужно учесть также наблюдения Е. В. Русиной, отметившей замедленность социально-экономических процессов на Северщине, низкую заселенность края, архаичность и консерватизм общественных отношений[19]. В этой связи вполне объяснима неразвитость городской жизни в данном регионе.

Таким образом, из всего сказанного можно сделать вывод, что в порубежных удельных городках в описываемое время не

---

[16] *Назаров В. Д.* Тайна челобитной Ивана Воротынского // ВИ. 1969. № 1. С. 211.

[17] Сб. РИО. Т. 35. С. 7.

[18] Там же. С. 39.

[19] *Русина Е. В.* Северская земля: генезис и историческая эволюция в XIV — начале XVI в. Автореф. канд. дис. Киев, 1991. С. 13; *она же.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 148—149, 163.

сложилось сколько-нибудь развитых городских общин, нет и намека на существование там каких-либо структур самоуправления, не видно следов борьбы горожан с князьями за свои права. Именно по этой причине незаметно никаких контактов великокняжеской власти с населением удельных городков, даже там, где (как в Мезецке или Мосальске) господарь фактически распоряжался территорией удела. Это имело важные последствия: из-за неразвитости местных городских общин господарь не мог на них опереться, что (наряду с другими факторами) делало связь этих окраинных земель с Литвой весьма непрочной.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в частновладельческих городах внутренних областей Великого княжества — таких как Мстиславль, Пинск, Слуцк. В предыдущей части было показано, что произвол владельцев этих городов был ограничен, под покровительством великокняжеской власти их жителям был гарантирован ряд прав, включая право апелляции к господарю. Этим правом горожане Пинска, например, охотно пользовались: в 1501 г. они били челом Александру на своего князя Федора Ярославича, на «новины» и «кривды» с его стороны[20]. К этому нужно добавить, что названные города обладали весьма многочисленным населением. В частности, крупным городом был Слуцк: в начале XVI в. он насчитывал, по данным А. П. Грицкевича, несколько тысяч жителей[21].

Важно отметить, что Мстиславль и Слуцк имели развитые структуры самоуправления. В первом из названных городов уже в грамоте 1443 г. упомянуты должностные лица городской администрации — десятники, выполнявшие судебно-административные функции; те же должности фигурируют и спустя сорок лет, в документе 1483 г.[22] Население Слуцка добилось самоуправления по магдебургскому праву в 1441 г. Самоуправление это, конечно, было не полное: войт — глава городской рады — назначался слуцким князем, однако рядом городских дел, ремеслом и торговлей управляли сами горожане[23]. После разорения Слуцка татарами в начале XVI в. магдебургское право там уже не действовало, но в 1503 г. кн. Семен Слуцкий дал снова своему городу самоуправление[24].

---

[20] АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 191. С. 227.

[21] *Грицкевич А. П.* Древний город на Случи. Минск, 1985. С. 11.

[22] *Копысский З. Ю.* Социально-политическая история городов Белоруссии XVI — первой половины XVII в. Минск, 1975. С. 77—78.

[23] *Грицкевич А. П.* Древний город на Случи. С. 8–9.

[24] Там же. С. 11.

Таким образом, при формально одинаковом правовом статусе всех рассмотренных выше городов — частновладельческом — нельзя не заметить существенной разницы в фактическом положении горожан порубежных удельных городков-крепостей, с одной стороны, и Мстиславля, Слуцка или Пинска — с другой. Эта разница определялась величиной и степенью развития городской общины, ее успехами в расширении объема завоеванных прав и самоуправления. Отсюда и важные для нашей темы различия в позиции этих городов относительно Литвы: Мстиславль, Пинск, Слуцк были с ней тесно связаны, входили в политическую систему Великого княжества Литовского, а крошечные посады удельных пограничных городков (едва различимые за княжеской крепостью) находились вне этой системы — даже в тех случаях, когда их владельцы-князья, вроде Мосальских, зависели от виленского двора и все сильнее, как мы видели, попадали в орбиту его влияния. Можно предположить, что такая разница в положении этих городов должна была сказаться на их позиции в период русско-литовских войн рубежа XV—XVI вв. — это предположение нам предстоит проверить в следующей главе.

Перейдем к изучению городов иной категории — великокняжеских. В первом приближении среди них можно выделить две группы: крупные привилегированные города (Полоцк, Витебск, Смоленск и др.) и небольшие города, не получившие великокняжеских привилеев. С городов этой второй группы мы и начнем.

Рядом с княжескими уделами вдоль русско-литовской границы располагались города, управлявшиеся великокняжескими наместниками: на севере — Торопец, в верховьях Оки — Любутск и Мценск, в Северской земле — Брянск, Радогощь и Путивль. Не вполне ясен статус г. Дорогобужа в конце XV в. В 40-х гг. Казимир пожаловал этот город (вотчину мятежного князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского) Троцкому воеводе Яну Гаштольду[25]. Затем городом владел его сын Мартин Гаштольд: еще в 1487 г., согласно посольской книге, там находилась «Мартынова жена», но кроме нее упомянут некий «воеводка» — на каждого из них взималось с купцов, проезжавших через Дорогобуж, по гривенке перцу[26]. Однако весной 1494 г., как определенно сказано в том же источнике, «тогды Дорогобуж был за князем за Федо-

---

[25] РИБ. Т. 27. Стб. 69; *Kuzmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztołd // AW. R. V. Zesz. 14. Wilno, 1928. S. 123.

[26] Сб. РИО. Т. 35. С. 9—10.

ром» (Одоевским. — *М. К.*)[27]. Уже летом 1497 г. кн. Федора Одоевского не было в живых[28]. Кому принадлежал Дорогобуж в течение следующих трех лет, до взятия его войсками Ивана III, был ли он возвращен семейству Гаштольдов или находился под великокняжеским управлением, — неизвестно. Примечательно, однако, что четверть века спустя литовский канцлер Ольбрахт Мартинович Гаштольд в письме королеве Боне вспоминает о Дорогобуже как о своем наследственном владении, попавшем в руки врагов-московитов[29].

Не вполне ясна также принадлежность г. Рыльска в конце XV в. Хотя кн. Василий Шемячич перешел в 1500 г. на службу к Ивану III с этим городом[30], нет никаких следов (как было показано в выше: см. ч.1, гл.1) владения им Рыльском в 1490-х гг. Вероятно, этот город был тогда в ведении центральных властей: как мы сейчас увидим, рыляне упоминаются в эти годы самостоятельно, наравне с горожанами из несомненно господарских городов (Мценска, Путивля и т.д.).

К западу от перечисленных городов находилась как бы вторая линия обороны Великого княжества, центром которой был Смоленск; в эту цепочку городов, с начала XVI в. оказавшихся в полосе военных действий, входили Дубровна, Орша, Могилев, Кричев, Пропойск, Чичерск, Горволь, Речица, Мозырь.

В отличие от княжеских порубежных городков все названные выше великокняжеские города имели в пограничных делах свой собственный голос: в посольской книге изложены жалобы на обиды и грабежи, заявленные литовской стороной от имени торопчан[31], мецнян и мценских бояр[32]. Еще чаще встречаются там же протесты московской стороны против грабительских наездов мченян и любучан[33], брянцев[34], торопчан[35], рылян и путивльцев[36], а с перемещением границы на запад в начале XVI в. начинают встречаться жалобы на кричевцев и чичерян[37]. Таким образом, за жителями этих городов признается известная само-

---

[27] Сб. РИО. Т. 35. С. 141.
[28] Там же. С. 232.
[29] AT. T. VII. Posnaniae, 1857. № XXXVI. P. 264.
[30] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С 318.
[31] Там же. Т. 35. С. 20, 283.
[32] Там же. С. 147, 267.
[33] Там же. С. 21, 63, 66, 76, 236 и др.
[34] Там же. С. 63.
[35] Там же. С. 67.
[36] Там же. С. 236, 242, 262.
[37] Там же. С. 430—431, 447 и др.

стоятельность, они рассматриваются как субъекты отношений в пограничных конфликтах.

Другой отличительной чертой статуса великокняжеских городов можно было бы считать право апелляции к господарю по различным делам, однако, во-первых, это право, как мы уже знаем, принадлежало и некоторым частновладельческим городам (например, Пинску), а во-вторых, не все города центрального подчинения реально пользовались этим правом. Так, неизвестно ни одного случая обращения к великому князю (по любому поводу) жителей Любутска или Радогощи, зато мы знаем множество подобных челобитий от имени кричевских, могилевских или мозырских мещан. Следовательно, «великокняжеские города» — категория далеко не однородная, входившие в нее города различались целым рядом специфических черт и особенностей.

Прежде всего заметна разница между городами, находившимися в конце XV в. на самой русско-литовской границе (Торопец, Мценск, Любутск и др.), и городами, так сказать, второй линии (от Витебска до Мозыря). Не говоря уже о большей удаленности первых от центра Литовского государства, нужно учесть их тесное соседство и связь с княжескими уделами: к Торопцу с юга примыкали владения кн. Бельских, Мценск и Любуцк располагались в гуще верховских княжеств, Брянск, Радогощь, Рыльск, Путивль — рядом с северскими уделами. Кроме того, многие из этих городов в недавнем прошлом сами были частновладельческими: Брянск с 1465 г. до середины 1480-х гг. принадлежал, как мы помним, кн. Можайским; Путивль, о котором и в XVI в. вспоминали как о киевском пригороде[38], до 1470 г. входил в Киевское княжество и лишь после ликвидации последнего (со смертью князя Семена Олельковича) перешел под управление великокняжеского наместника[39]. Статус Дорогобужа и Рыльска, как уже было отмечено выше, также неоднократно менялся в конце XV в.: эти города попадали то в частные руки, то в центральное подчинение.

Итак, пограничные крепости можно рассматривать как особую группу в числе великокняжеских городов. Однако и внутри

---

[38] Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Киев, 1916. Вып. 2. С. 7—8. См. подробнее: *Русина О. В.* Сiверська земля у складi Великого князiвства Литовського. С. 108—110, 112, 198.

[39] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 245; *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Т. 1. Одесса, 1912. С. 59—60, 287—290; *Русина О. В.* Сiверська земля... С. 122.

этой группы заметны определенные различия в положении городского населения. Нельзя не обратить внимания на разницу в отношениях горожан с великокняжеской властью. В актах Метрики не сохранилось никаких следов контактов виленского двора с жителями Любутска, Рыльска, Радогощи. В отношении Дорогобужа известно только о выдаче жалованья из господарской казны нескольким местным боярам[40]. Связь великокняжеской власти с населением Мценска и Путивля ограничивалась, по существу, тоже контактами с местным боярством: сохранились единичные упоминания о челобитьях нескольких мценских и путивльских бояр господарю с просьбой о подтверждении владельческих прав на имения[41]; еще многочисленнее сведения о пожалованиях великого князя брянским боярам (отношения боярства пограничных городов с центральной властью подробно будут рассмотрены ниже, в третьей главе). Однако ни в одном из названных городов мы не встречаемся с фактом апелляции к господарю мещанского населения, не видим выступления всей городской общины. Да и сама внутренняя жизнь этих городов нам практически неизвестна. Сохранилось единичное упоминание о путивльском войте[42], но как эта должность соотносилась с властью наместника, существовало ли в Путивле городское самоуправление, — из-за скудости данных сказать нельзя. Нам известны лишь два случая коллективного обращения к господарю горожан с литовской восточной «украины» в конце XV в.: один из них относится к Торопцу, а другой — к Брянску.

20 марта 1497 г. великий князь Александр выдал грамоту, адресованную «мещаном торопецким и всим мужом торопчаном»[43]. В ней сообщалось, что господарю били челом данники — старец и «вси мужи Старцовое волости», жалуясь на торопчан: великий князь пожаловал было им право самим собирать со своей волости дань и тивунщину и вносить их в казну, а торопчане эту жалованную грамоту («лист») у них отняли и пытались вернуть «их к собе в подводы и в иные податки и в розметы»; выслушав челобитье, господарь подтвердил самостоятельность Старцовой волости, ее неподсудность торопецким наместникам и дал на то свой «лист»[44]. На этом, однако, инцидент не был исчерпан: из грамоты Александра, помещенной в той же

[40] РИБ. Т. 27. Стб. 309, 324, 325.
[41] Там же. Стб. 399, 426.
[42] Там же. Стб. 306.
[43] АЗР. Т. 1. № 146. С. 170—171.
[44] Там же. С. 171.

6-й книге Метрики среди актов 1498 г., явствует, что торопчане не смирились с потерей своей волости: «жаловали нам (великому князю. — *М. К.*) мещане торопецкие и вси мужи торопчане на старца Старцовое волости и на всих мужей, што перво сего отлучили были есмо их от Торопца....»[45]. При повторном разбирательстве торопчане предъявили грамоту Казимира, «што ж был... король его милость отлучил их от Торопца, а потом зася их прилучил к Торопцу». В итоге великий князь Александр изменил свое прежнее решение, аннулировал упомянутую выше грамоту и вернул строптивую волость Торопцу, но на компромиссных условиях: с одной стороны, Старцева волость должна вместе с торопчанами выполнять городовую и подводную повинности, платить свою долю дани и серебщины, но, с другой стороны, эти «податки» волощане собирают сами — «а соцким торопецким и торопчаном в то ся не вступати»; они подсудны торопецкому наместнику, но, если господарь даст Торопец «держати тамошнему их мещанину або волостному чоловеку торопецкому, тому их не надобе ни судити, ни радити: маеть их судити и радити их старец»[46].

Эти две грамоты рисуют внутреннюю жизнь Торопца более подробно, чем позволяют источники по другим городам, о которых шла речь выше. Прежде всего мы видим, что в борьбе с волостью, попытавшейся добиться самостоятельности от Торопца, мещане проявляют активность и сплоченность: городская община выступает здесь как единое целое. Кроме того, обе тяжущиеся стороны апеллируют к великому князю как к арбитру в их споре (как видно из второй грамоты, так было еще при Казимире, то же повторяется и при Александре): тем самым безусловно признается его юрисдикция в этом отдаленном регионе, стороны подчиняются порядкам, принятым в Великом княжестве Литовском. Наконец, грамоты дают определенное представление о структуре управления в Торопецкой земле: помимо великокняжеского наместника (а в в 40-х гг. XV в., в начале княжения Казимира, Торопец управлялся тиуном[47]) упомянуты торопецкие сотские, а также старец, стоявший во главе указанной волости. Этих сотских И. И. Побойнин обоснованно, по-видимому, считал «органами городского самоуправления»[48].

---

[45] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 10. С. X.

[46] Там же.

[47] АЗР. Т. 1. С. 53; *Побойнин И. И.* Торопецкая старина // ЧОИДР. 1897 г. Кн. 1. М., 1897. С. 64—66.

[48] *Побойнин И. И.* Указ. соч. С. 68 и сл.

Во всяком случае, в других городах, в частности в Брянске и Мстиславле[49], сотские или сотники выступают именно в таком качестве. И. И. Побойнин привел данные о том, что не только в описываемое время, но и позднее, под властью Москвы, Торопец сохранял некоторые элементы самоуправления[50].

Второй известный нам случай коллективного челобитья жителей пограничного города к господарю в конце XV в. относится к Брянску. Как мы помним, в последней трети XV в. этот город в течение двадцати лет был владением кн. Можайских, но около 1486 г. они его потеряли: в первой части книги было высказано предположение о том, что утрата Брянска князьями была следствием их конфликта с жителями города. Теперь нам предстоит снова рассмотреть этот инцидент, но уже со стороны горожан.

Передавая Брянск кн. Ивану Андреевичу Можайскому, Казимир выдал 12 апреля 1465 г. грамоту, адресованную «всим бояром брянским и местичом, и всим мужом брянцом»; помимо требования послушания и службы новому владельцу грамота содержала определенные гарантии защиты прав населения: «А ему вас приказали есмо, — гласил этот документ, — с ваших именей не гнати, а ни отнимати, а в церковное ся ни уво што не вступати, ни отнимати, а суды судити по старине, как у вас издавна пошло, а своих новых судов, а никоторых пошлин новых не уводити»[51].

Примечательно, что перечисленные здесь пункты — неприкосновенность светского и церковного землевладения, сохранение судоустройства «по старине» — содержатся в более пространном виде и в уставных грамотах отдельным землям (в частности, Витебской земле — 1503 г.[52]). Таким образом, произвол князя-владельца был сильно ограничен, и Брянск в тот период был гораздо ближе по своему статусу к великокняжеским, чем к другим частновладельческим городам на восточной границе. Кроме того, процитированная выше грамота свидетельствует о том, что в Брянске под сенью литовской верховной власти сохранились местные традиции, старинный уклад. Однако князь Иван Можайский неоднократно нарушал права своих подданных-брянцев: известно несколько случаев отнятия им владений у брянских бояр[53], что, надо полагать, вызывало недовольство.

---

[49] АЛМ. Т. 1. Вып. 2. Варшава, 1897. № 471. С. 21; *Копысский З. Ю.* Социально-политическая история городов... С. 77—78.

[50] *Побойнин И. И.* Торопецкая старина. С. 68.

[51] РИБ. Т. 27. Стб. 123.

[52] Там же. Стб. 846—847.

[53] Там же. Стб. 516—517, 557, 734—735.

Развязка наступила при сыне кн. Ивана, Андрее, унаследовавшем Брянск: грамота Казимира в этот город от 7 июня 1486 г. адресована уже «наместнику браньскому», который получит город в управление[54]. В зафиксированной в посольской книге жалобе московских купцов на повышение пошлин в Брянске, относящейся к 1487 г., определенно сказано: «ныне, как князь Андрея княжа Иванова сына свели...»[55]. «Свел» его, несомненно, Казимир, но по какому поводу? В выданной брянцам в 1465 г. грамоте господарь выступил гарантом прав горожан при новом владельце, и, хотя жалобы их на своего князя до нас не дошли, можно предположить, что именно по инициативе самих жителей князь был заменен великокняжеским наместником. На остроту конфликта указывает и запись в родословии кн. Можайских о том, что сына кн. Андрея Ивановича, Федора, «убили... брянчане»[56]. В пользу такой интерпретации описанного инцидента свидетельствует и политическая активность горожан в недалеком прошлом: в XIV в. брянцы не раз изгоняли и приглашали князей по своему выбору[57]. Наконец, предложенная трактовка хорошо согласуется с последующей линией поведения этого города, уже после его возвращения под юрисдикцию великого князя. Можно заметить, что с этого момента контакты брянцев с господарской властью укрепляются: в Метрике зафиксировано несколько случаев их апелляции к великому князю, причем с жалобой на наместника — значит, по отношению к последнему горожане заняли столь же активную, наступательную позицию, как ранее к удельному князю.

Прежде всего следует обратить внимание на частую смену наместников в Брянске в 80—90-х гг.: в июле 1486 г. и мае 1487 г. в этом качестве упоминается кн. Дмитрий Путятич[58], а во второй половине того же 1487 г. — уже Ян Завишенич[59]; год спустя, в сентябре 1488 г., — снова кн. Дмитрий Путятич[60]; далее за ряд лет сведения отсутствуют, а в начале марта 1492 г. брянским наместником назван кн. Семен Федорович Соколинский[61]; следующее датированное известие относится к маю 1494 г. (кн. Ф. И. Жес-

---

[54] РИБ. Т. 27. Стб. 212.
[55] Сб. РИО. Т. 35. С. 10.
[56] РИИР. 2. С. 12.
[57] См.: *Дворниченко А. Ю.* Русские земли... С. 88.
[58] РИБ. Т. 27. Стб. 229, 416.
[59] Сб. РИО. Т. 35. С. 11.
[60] РИБ. Т. 27. Стб. 426.
[61] Сб. РИО. Т. 35. С. 58.

лавский), а в этом интервале, между весной 1492-го и весной 1494 г., наместником какое-то время был Якуб Янович Немирович[62]; его сменил кн. Федор Иванович Жеславский, постоянно упоминаемый на этом посту с мая 1494-го по май 1499 г.[63]; наконец, при взятии в 1500 г. Брянска московскими войсками наместником там был Станислав Бартошевич, который попал в плен[64]. В общей сложности, даже по имеющимся у нас неполным данным, за 1486—1500 гг. наместники в Брянске менялись по меньшей мере семь раз.

Столь частая смена наместников (в среднем — раз в два года) не способствовала упрочению их власти в Брянске, нахождению общего языка с населением. Последнее же по всем важным делам обращалось к великому князю через голову его наместника. Так поступали брянские бояре, вынося свои земельные тяжбы на суд господаря, причем в соответствующих грамотах ни разу не упомянуто о предварительном рассмотрении дела в первой инстанции, наместничьем суде[65]. В то же время любые попытки наместника как-то увеличить поборы и повинности в свою пользу вызывали решительный отпор со стороны брянцев: подчеркнем, что из всех пограничных городов конца XV в. прямые данные о конфликте местного населения с державцами имеются только по Брянску. Это может свидетельствовать, на наш взгляд, о сравнительно высокой активности и сплоченности брянской городской общины.

Документально засвидетельствованные конфликты брянцев с державцей относятся к периоду наместничества князя Федора Жеславского, пробывшего на этом посту рекордно долгий срок — не менее пяти лет. В январе 1496 г. брянцы Василь Денисович с братом Кузьмой подали господарю жалобу на наместника: «штож он заставлял их лазни (баню. — *М. К.*) топити на себе, а они здавна тую службу не служивали, на наместников лазни не топливали»[66]. Проверку обоснованности этого иска великий князь поручил двум сановникам, виленскому каштеляну кн. А. Ю. Гольшанскому и мерецкому наместнику пану Григорию Остику, которые, проведя расследование, доложили господарю, «штож

---

[62] РИБ. Т. 27. Стб. 558.

[63] Там же. Стб. 543, 557, 644, 706, 724—726; АЛМ. Вып. 2. С. 21.

[64] Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 328, 345.

[65] РИБ. Т. 27. Стб. 643—645, 734—735; ЛМ. Кн. 6. С. 157—158 (имеющееся издание этого текста: АЛМ. Вып. 1. С. 109 — неудовлетворительно). Известен только случай, когда наместник *по указанию господаря*, которому жаловались бояре, проводил расследование и докладывал господарю, выносившему окончательное решение (РИБ. Т. 27. Стб. 557—558).

[66] РИБ. Т. 27. Стб. 643—644.

князь Федор доводу на них не вчинил», т.е. не привел доказательств, «иж бы они издавна на наместников брянских лазни топливали»; на этом основании великий князь вынес приговор: «не надобе им напотом на наместников брянских лазни топити»[67]. В мае 1499 г. господарю пришлось еще раз разбирать тяжбу брянцев со своим наместником: теперь на кн. Федора жаловались брянские сотники — «штож деи он делает нам великий кривды и новины уводит»: берет у них подводы во время своих поездок по волости и требует с них обеспечения («станы справляти и стациями поднимати»), «а здавна деи мы наместником бранским подвод не давали, и станов на них не справливали, и стациями их не поднимывали». Великий князь поручил разбор этого дела канцлеру и виленскому воеводе пану Миколаю Радзивиллу. Повторилась уже знакомая нам ситуация: «князь Федор перед паном воеводою жадного (никакого. — *М. К.*) доводу на них на то не вчинил», что они «здавна» выполняли в пользу наместников вышеуказанные повинности. «И тыи сотники о том слалися на бояр бранских и на всю волость Бранскую, штож то им новина, а здавна того не бывало», а наместник ни на кого не сослался — в результате Радзивилл признал сотников правыми, о чем и доложил господарю. Тот, однако, дополнительно еще запросил киевского воеводу кн. Дмитрия Путятича, десять лет назад бывшего брянским наместником: кн. Путятич сообщил, что при нем наместнику давали подводы, когда он ездил по волости, — но сотники это свидетельство отвели: «они мовили, штож и князь Дмитрей то был им новину увел», а «здавна» они того не делали. Окончательный приговор великого князя гласил: «коли то им новина», «не надобе» им указанные повинности выполнять, «бо мы никому новины не вводим, а старины не рушаем»[68].

Процитированный документ интересен во многих отношениях. Во-первых, здесь ярко проявляется приверженность жителей «старине», неприятие любых нововведений (на этой важной особенности средневекового правосознания мы подробнее остановимся ниже). Во-вторых, в этом конфликте сотники выглядят как представители, защитники интересов местного населения и как самостоятельная по отношению к наместнику управленческая структура, подотчетная непосредственно господарю. Из другого акта известно, что брянские сотники (как и их то-

---

[67] Там же. Стб. 644.
[68] АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 471. С. 21.

ропецкие «коллеги»[69]) занимались раскладкой («розметом») податей и повинностей[70]. Этот институт, известный не только Брянску и Торопцу, но и Путивлю[71], и вообще русским землям Великого княжества Литовского[72], имел двойственную природу: в ряде случаев сотники (или «соцкие») выступают как представители местного населения — мещанского (как в приведенном выше эпизоде с торопецкими соцкими, ок. 1498 г.) или волостного (как брянские сотники в конфликте с наместником, 1499 г.), но в то же время они пеклись об интересах господарской казны.

Наконец, анализируемая правая грамота брянским сотникам 1499 г. являет собой еще один пример (в дальнейшем мы встретимся не с одним подобным случаем) успешной защиты населением своих прав, своей «старины», покровителями которой объявляли себя великие князья литовские. Стало быть, у горожан и волощан даже отдаленных пограничных земель была возможность в рамках политической и правовой системы Великого княжества эффективно отстаивать свои права.

Итак, среди великокняжеских городов приграничной полосы наблюдалось значительное разнообразие в статусе: если расположить их в порядке возрастания активности горожан, относительной самостоятельности по отношению к местной администрации и настойчивости в отстаивании своих прав, то получится такая последовательность: сначала — Радогощь, Любуцк, Рыльск, где вообще городская община почти не подает признаков жизни; затем — Дорогобуж, Мценск, Путивль, где по крайней мере можно заметить какую-то активность местного боярства (но не других слоев населения!); наконец — Торопец и Брянск: здесь и мещанское и волостное население проявляет активность и сплоченность.

Перейдем к изучению положения городов, составлявших в конце XV в. как бы вторую линию обороны Великого княжества. Они были расположены ближе к ядру Литовского государства и соседствовали с такими крупными привилегированными городскими общинами, как Витебск и Смоленск. Эти города — Могилев, Орша, Кричев, Мозырь и др. Основными источниками для выяснения их положения служат господарские уставы и «выроки» (правые грамоты), выданные великими князьями по тяжбам горожан с наместниками и державцами. Нужно отметить, что подобные

---

[69] *Побойнин И. И.* Торопецкая старина. С. 68—69.
[70] РИБ. Т. 27. Стб. 727.
[71] АЗР. Т.1. № 178. С. 202.
[72] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 431—432.

тяжбы в этих городах происходили весьма часто, и вообще здешние городские общины проявляли себя гораздо активнее, чем рассмотренные выше пограничные крепости.

Так, небольшой г. Кричев (на р. Сож, недалеко от Мстиславля) в течение многих лет упорно боролся с наместником кн. Василием Жилинским. Последний получил город в январе 1519 г. «в заставу» за сумму в 733 копы грошей, одолженную им господарю: кн. Василий получил право держать этот замок до тех пор, пока король (Сигизмунд I) не вернет ему долг[73]. Вероятно, новоиспеченный державца решил возместить потраченную сумму с лихвой за счет населения вверенного ему города: конфликт не заставил себя долго ждать. В грамоте от 29 ноября 1522 г. Сигизмунд I извещал В. С. Жилинского о том, что «вжо неоднокроть жалують нам (королю. — *М. К.*) мещане и вся волость Кричевская о том, штож деи ты им кривды великие чиниш и новины уводиш»: оказывается, наместник брал с них мыто (как «на чужоволостцах»), «чого на них здавна не биривано»; отнял у них воскобойню; ездил к ним «на полюдье» (чего его предшественники не делали); велел сено для его коней свозить; ввел различные дополнительные поборы и вообще нарушал данную городу уставу[74]. Это упоминание об уставе Кричеву (до нас не дошедшей) представляет большой интерес: она была писана на пергаменте («паркгаминая»), и в ней говорилось, «как ся мають наместники наши кричовские справовати»[75]. По приказу короля расследование провел троцкий воевода гетман кн. К. И. Острожский и нашел кричевцев правыми. Тем не менее господарь, памятуя о своем привилее кн. Жилинскому, оставил последнего на наместничестве: видимо, Сигизмунд чувствовал себя связанным обязательствами, данными кредитору три года назад. Однако он строго приказал кн. Василию «кривд» жителям никаких не чинить и соблюдать во всем данную им уставу под угрозой штрафа в 1000 коп грошей, а в конце грамоты недвусмысленно намекал на возможность отнятия уряда: если наместник снова станет им «новины» вводить и «кривды» чинить, пусть знает, что тогда «не мы тот привилей твой тобе зламем («сломаем», т.е. аннулируем. — *М. К.*), але ты сам»[76].

---

[73] ЛМ. Кн. 11. Л. 65—65 об. (опубл.: Lietuvos Metrika. Kniga 11. Vilnius, 1997. № 72. P. 86).

[74] АЛРГ. Вып. 1. М., 1899. № 162. С. 184—185.

[75] Там же. С. 185.

[76] Там же.

Прошло четыре с небольшим года, и Сигизмунду пришлось снова выслушивать жалобы на того же кричевского наместника, на его «крывды и тяжкости и драпежства» мещанам и волощанам, чрезмерные поборы и т.п. В грамоте В. Жилинскому от 8 января 1527 г. господарь напоминал ему предельные размеры причитающихся наместнику доходов с населения, запретил чинить «кривды» и обещал в скором времени рассудить его с кричевцами, грозя в случае вины лишить держания и взыскать с него понесенные жителями убытки[77]. Но грозные предостережения не могли образумить ненасытного державцу, и летом 1527 г. Сигизмунд отправляет ему новое послание, в котором подводится итог всем наместничьим «подвигам» за минувшие годы: оказывается, много раз к королю являлись депутации от кричевских мещан и волостных людей (то в Гданьск, где находился Сигизмунд, то в Варшаву, и, наконец, в Краков), «со слезами жалуючи» на «тяжкости и драпежъства» наместника[78]. В последний раз «тыи мешчане и люди волостныи к нам (королю. — *М. К.*) приходили со слезами а з великими крики, на тебе жалуючи, и мовили перед нами, иж деи «вжо далей того там жити не будем, а пойдем и з жонами и з детьми проч, а то вашой милости, господару нашому, объявляем и з себе присягу в том складаем»[79]. Эта отчаянная мольба положила, наконец, предел королевскому терпению: к непослушному наместнику был послан дьяк Богдан Мацкович с приказом «тот замок наш Кричов со всими бояры и мешчаны и людми волости нашое Кричовское» из рук кн. Жилинского «выняти»; самому наместнику господарь велел с замка съехать и урядников своих оттуда свести; впрочем, ему была оставлена некоторая надежда: если в результате предстоящего судебного разбирательства королем его конфликта с кричевцами кн. Василий будет оправдан, — держание будет ему возвращено[80].

Неизвестно, был ли королевский приказ приведен в исполнение, однако вскоре (в 1529 г.) кн. В. С. Жилинский умер[81], так что в любом случае кричевцы наконец избавились от своего мучителя. Хотя и с большим трудом, им удалось отстоять свои

---

[77] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 40. С. XLI—XLII.

[78] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905. Прил. № 49. С. 153—154.

[79] Там же. С. 154—155.

[80] Там же. С. 155.

[81] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 622.

права и даже добиться от господаря сведения ненавистного державцы. В 1530-х гг. жалобы со стороны жителей на нового кричевского наместника (Василия Чижа) не зафиксированы. Примечательно, что в описанной нелегкой борьбе горожане проявили сплоченность и упорство; немалую роль, надо полагать, сыграли при этом органы местного самоуправления: недаром в приведенном выше документе упомянуты староста кричевский (как глава мещанской организации) и волостные старцы — считая их, видимо, центром сопротивления своему произволу, наместник их «поймал и, збивши, в нятство посажал»[82].

Кричевская община проявляла себя не только в бескомпромиссной борьбе с наместником, но и в хлопотах по облегчению налогового бремени. В документе, записанном в 1-й книге судных дел Метрики среди актов 1514 г., сообщается о том, как мещане и волостные люди кричевские отказались платить троцкому тивуну причитавшиеся ему ежегодно 10 руб. грошей «дубасных пенезей», ссылаясь на имевшийся у них «лист господарский» с освобождением от этого побора: эту льготу они выпросили у господаря ввиду разорения их земли неприятелем[83]. С подобными челобитьями кричевцы обращались к господарю и позднее. Из грамоты Сигизмунда I маршалку и писарю Коптю Васильевичу от 10 января 1530 г. выясняется, что к королю явилась депутация — «люди наши от всих мещан и людей волости нашое Кричевское», — жалуясь на хлебный недород и разорение от прежнего державцы (кн. Жилинского. — *М. К.*) и прося освободить их на год от уплаты дани; вняв их просьбе, господарь на текущий год наполовину уменьшил размер полагавшейся с них дани[84].

Не желали терпеть наместничьего произвола и жители Могилева. Подобно Кричеву, город имел уставы, регламентировавшие размеры податей и повинностей населения в пользу господаря и (особо) наместника. Одна подобная устава была выдана в ноябре 1513 г. при наместнике Яне Щите, затем, аналогичная, — при вступлении в должность нового державцы, Юрия Зеновьевича (апрель 1514 г.)[85]. Из более позднего документа известно, что обе уставы сразу же были занесены в «книзи канцлерейские» и потом использовались при составлении

---

[82] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прил. С. 155.
[83] РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 120.
[84] ЛМ. Кн. 224. Л. 361—361 об.
[85] АЗР. Т. 2. № 86. С. 113.

новых уставных грамот[86]. В них сначала перечислялись доходы, поступавшие в господарскую казну, а затем — виды и размеры наместничьих доходов. В конце следовало предостережение: «А мимо тую нашу уставу пану Юрью новин волости нашой никоторых не прибавляти: мает ся справовати и рядити во всем по тому, как в сем нашом листе выписано»[87]. Те же пункты (включая запрет «прибавляти» новины) повторены в уставе, выданной могилевцам по случаю пожалования их города в 1520 г. в держание другому наместнику — кн. Василию Ивановичу Соломирецкому[88]. Впоследствии, однако, державца стал притеснять своих подданных, и Могилевская волость прислала к господарю депутацию с жалобами на его злоупотребления и насилия; Сигизмунд I послал туда дворянина для проверки жалобы, а наместнику приказал «вчинити» жителям справедливость и вообще обращаться с ними «подле давного обычаю»[89]. Но конфликт могилевцев со своим наместником на этом не прекратился: в «листе» Сигизмунда от 1 июля 1536 г. сообщается о жалобе «мещан и волости Могилевской» на того же державцу кн. В. И. Соломирицкого, который «кривды и тяжкости им великие делал»[90]. Таким образом, если раньше жаловалась только волость, то теперь в конфликт с наместником оказались вовлечены и мещане. По этому случаю господарь был вынужден выдать еще одну уставу, в которой детальнейшим образом регламентируются получаемые державцей с Могилева доходы[91].

Вообще наличие уставных грамот — характерная особенность рассматриваемой категории городов. Помимо Кричева и Могилева уставы среди малых городов Приднепровья имели также Мозырь[92] и Речица[93]. Уставную грамоту Орше среди актов конца XV — первой трети XVI в. обнаружить не удалось: вероятно, в этот период город ее не имел, но в привилее очередному оршинскому державце содержался пункт, до некоторой степени ограничивавший произвол наместника: в грамоте, выданной 7 мая 1539 г. кн. Василию Юрьевичу Толочинскому на

[86] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прил. № 11. С. 25.
[87] АЗР. Т. 2. № 86. С. 113.
[88] АЛРГ. Вып. 1. № 152. С. 173—174. Документ датирован 16 января 1521 г., индикт 8, но год указан ошибочно, так как январь индикта 8-го соответствует 1520 г.
[89] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прил. № 10. С. 20—24 (около 1535).
[90] Там же. № 11. С. 24.
[91] Там же. С. 25—27.
[92] АЛРГ. Вып. 1. № 126. С. 144—146.
[93] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 47. С. XLIX—LI.

державие Орши, господарь указывал, что последний должен держать этот замок «без обтеженья подданых нашых тамошних»[94]. В этой связи уместно напомнить, что ни один из пограничных великокняжеских городов уставы не имел: указанное различие объясняется, на мой взгляд, разным уровнем развития городских общин приграничной полосы (конца XV в.), с одной стороны, и Приднепровья — с другой. Получение городом уставной грамоты было в значительной мере достижением, завоеванием горожан в борьбе с наместничьим произволом, косвенным свидетельством активности и организованности данной общины. Так было в Кричеве и Могилеве, так было и в Мозыре, который получил уставную грамоту 8 декабря 1510 г. в ответ на жалобу «мещан и всей волости Мозырской» на наместника пана Андрея Немировича[95]. Вместе с тем уставная грамота служила горожанам как бы щитом в дальнейшей борьбе за свои права.

В свете всего сказанного трудно согласиться с весьма категоричным утверждением А. С. Грушевского о том, что население малых непривилегированных городов, в отличие от крупных, не могло противостоять натиску наместников, было не в состоянии защитить свою «старину»[96]. Верно, что наместничий произвол представлял собой скорее правило, чем исключение, и что будничная жизнь этих городов была совсем непохожа на идиллию. Бесспорно и то, что и по объему прав и привилегий, и по возможностям их защиты малые города уступали крупным. Однако это вовсе не означает, будто все они были одинаково беспомощны перед наместничьим произволом. Выше было показано, что брянцы добились освобождения из-под власти удельных князей, а впоследствии отстаивали свои права от посягательств со стороны наместников: вполне возможно, что частая смена последних в Брянске в 1486—1500 гг. не в последнюю очередь объяснялась их конфликтами с местными жителями; характерно, что уже на следующий год после второй (из известных нам) жалобы брянцев на кн. Федора Жеславского (1499 г.) в городе оказался другой наместник. Кричевцы, как мы уже знаем, в результате упорной борьбы добились господарского решения о лишении притеснявшего их наместника его держания, а жители Мозыря — выдачи уставной грамоты, регламентировавшей деятель-

[94] ЛМ. Кн. 23. Л. 96.

[95] АЛРГ. Вып.1. С. 144.

[96] *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Киев, 1918. С. 20—22, 24, 31.

ность и доходы наместника. После того как в 1535 г. Гомель был отвоеван литовскими войсками у Русского государства, у жителей возник конфликт с господарским наместником, кн. Василием Толочинским: в 1537 г. депутация «от всех мещан и людей волости Гомейское» явилась к королю с жалобой на его «кривды»[97]. «И плачливе били они нам чолом, — сообщал Сигизмунд канцлеру Олбрахту Гаштольду, — абыхмо другого державцу им дали...»[98]; «ведь же и сам он мог бы тому розумети, — негодовал король на безрассудного наместника, — иж тот замок (Гомель. — *М. К.*) на украйне есть, а к людям украинным треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чом обтяженья чинити...»[99]. Поскольку увещевания на державцу не подействовали, в начале 1538 г. кн. Толочинскому вместо гомельского было дано оршинское наместничество[100], а пожалованный ему прежде привилей на Гомель аннулирован[101].

Таким образом, есть основания утверждать, что в ряде случаев малые города вполне успешно отстаивали свои права. Но самое главное заключается в том, что жители даже небольшого города не были равнодушны к его судьбе, активно боролись за свою «старину», и что политическая система Великого княжест-ва предоставляла им возможности для защиты своих прав.

Осталось рассмотреть статус крупных привилегированных городов. К ним в интересующем нас регионе относились Смоленск, Витебск, Полоцк, Минск: первые два города имели жалованные великокняжеские грамоты, а Полоцк и Минск получили в конце XV в. (соответственно, в 1498 и 1499 гг.) привилей на магдебургское право. В историографии обычно города на магдебургском праве рассматриваются отдельно от других городов, однако, вовсе не отрицая специфики магдебургского права, следует отметить, что в статусе названных городов было много общего. Поэтому для нашей темы представляется оправданным выделение этих наиболее могущественных и привилегированных городских общин в одну особую группу.

Главным оплотом Великого княжества на его северо-восточных рубежах были древние русские города Полоцк и Витебск. Еще в XIII в. они попали под власть Литвы, но до конца XIV в.

---

[97] *Довнар-Запольский М. В.* Очерки... Прил. № 14. С. 33.
[98] Там же. С. 34.
[99] Там же. С. 36.
[100] ЛМ. Кн. 20. Л. 152.
[101] Там же. Л. 275 об. — 276.

здесь сохранялись удельные княжества, пока их не ликвидировал Витовт, посадив там своих наместников[102]. Тогда же (по предположению И. В. Якубовского, между 1392 и 1399 гг.[103]) оба города получили великокняжеские привилеи. Их текст до нас не дошел, но он может быть реконструирован по сохранившимся жалованным подтвердительным грамотам Полоцку и Витебску начала XVI в. Эту работу проделал И. В. Якубовский, выделивший в полоцком и витебском привилеях несколько пластов: древнейший — восходящий к «рядам» Полоцка со своими князьями в долитовский период; статьи, содержавшиеся в привилее Витовта 1390-х гг.; статьи, добавленные при подтверждении его Свидригайлом и Сигизмундом (1430—1440 гг.), Казимиром (1451 г.), Александром (1490-е гг.) и, наконец, Сигизмундом I в начале XVI в.[104] Эти наблюдения учтены мною в последующем изложении.

Перейдем к анализу областных привилеев Полоцкой, Витебской и другим землям. Прежде всего нужно подчеркнуть принципиальную разницу между ними и рассмотренными выше уставами господарским державцам: если уставы фиксировали повинности населения и, соответственно, предельные нормы наместничьих доходов, то привилеи содержали перечень прав, льгот и привилегий жителей данной земли. Этот перечень в древнейшей своей части, восходящей к пожалованию великого князя Витовта, почти полностью совпадает в витебском привилее (подтверждении) 1503 г. и полоцком 1511 г. (Уже это обстоятельство заставляет изучать строй обоих городов параллельно). Перечень включает в себя такие пункты, как неприкосновенность церквей, гарантии завещательного права, освобождение от подводной повинности, обязательство принимать челобитья от полочан и витеблян, судебные гарантии (без «явного» суда никого не казнить, давать «исправу» обиженным, «через поруку» в заточение не сажать и т.д.), освобождение от мыта по всему Великому княжеству, право самих жителей карать виновных в нарушении правил торговли и др.[105] К числу древнейших относилась и важная статья о праве населения требовать смены неугодного воеводы: «Також им нам давати воеводу по-старо-

[102] *Любавский М. К.* Областное деление... С. 28—32.

[103] *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского // ЖМНП. 1903. Май–июнь. С. 269—270.

[104] Там же. С. 263—279 и прил. III—VII. С. 296—303.

[105] РИБ. Т. 27. Стб. 846—849 (витебский, 1503 г.); АЗР. Т. 2. № 70. С. 86—89 (полоцкий, 1511 г.).

му, по их воли, — гласил витебский привилей, — и который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами, ино нам воеводу им иного дати, по их воли»[106]. Аналогичную статью содержал и полоцкий привилей[107]. Кроме того, ряд пунктов регламентировал деятельность воевод в Полоцке или, соответственно, в Витебске: сразу по прибытии в город, «первого дня», он должен «крест целовати к полочаном» (витеблянам) на том, «штож без права их не казнити... ни в чом»; воеводе запрещалось ездить по волости и получать «дары» со станов[108]. Впоследствии, в конце правления Витовта или при его ближайших преемниках (Свидригайле и Сигизмунде), полочане получили новые гарантии, защищавшие их от наместничьего произвола (в витебском привилее этих дополнений нет): обязательное участие бояр и мещан в воеводском суде; запрет слугам воеводы держать тивунство городское и ездить с тивуном по волости; запрет подношения даров воеводе («А воеводу городом не дарити»)[109].

М. К. Любавский и И. В. Якубовский установили, что в середине XV в. в полоцкую и витебскую грамоты были внесены важные дополнения в связи с выдачей общеземского привилея 1447 г.[110] Так были распространены на Полоцк и Витебск «права вольная добрая хрестиянская, как в Коруне Польской» — в частности, обязательство женщин насильно замуж не выдавать, а также свобода завещания и неприкосновенность выслуженных и пожалованных великими князьями имений; кроме того, в полоцком привилее, в отличие от витебского, появилась важная статья об индивидуальной ответственности за преступления: виновного «самого казнити по его вине, а жены и детей не займати и именья не рушати», «отца за сыннюю вину не казнити, а сына за отцову вину не казнити»[111].

В витебский привилей с середины XV в. более изменений не вносилось: в таком виде он был подтвержден и в начале XVI в. (1503, затем 1509 гг.), а вот полоцкая грамота продолжала пополняться новыми статьями (правда, второстепенного значения) и в конце XV — начале XVI в.[112] Вообще текст полоцкого при-

---

[106] РИБ. Т. 27. Стб. 848.
[107] АЗР. Т. 2. С. 89.
[108] Там же. С. 88, 89; РИБ. Т. 27. Стб. 847, 848.
[109] АЗР. Т. 2. С. 87, 89.
[110] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 109—110; *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 270—273.
[111] РИБ. Т. 27. Стб. 846, 849; АЗР. Т. 2. С. 87.
[112] *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 272—274.

вилея — в том виде, в каком он дошел до нас в редакции 1511 г., — по объему записанных в нем прав и привилегий значительно превосходит аналогичную грамоту Витебской земли. Этот факт можно, видимо, объяснить тем, что Полоцк считался «старшим» городом по отношению к Витебску, своему бывшему «пригороду», а местная городская община была более влиятельной и добивалась от каждого нового господаря подтверждения и расширения своих прав и привилегий. Еще одним аргументом в пользу данного предположения может служить то, что именно Полоцку удалось в 1498 г. получить от великого князя Александра грамоту на магдебургское право.

В современной историографии уже не встречает поддержки столь распространенный в научной литературе конца XIX — начала XX в. тезис о том, что введение в «русских» городах Великого княжества чуждого им магдебургского права вело к их упадку. Как раз применительно к белорусским городам исследователи подчеркивают теперь, что предоставление магдебургского права отвечало интересам горожан и свидетельствовало о достижении этими городами достаточно высокого уровня экономического и социального развития[113]. Однако до сих пор сохраняется в литературе резкое формально-юридическое противопоставление магдебургского права обычному праву, существовавшему в этих городах прежде. Так, З. Ю. Копысский утверждает, что грамоты на магдебургское право отменяли прежние правовые нормы, перечеркивали вековые традиции городского строя, уже не соответствовавшие, по мнению исследователя, требованиям жизни[114]. Ближе к истине, на мой взгляд, точка зрения, высказанная Ю. Бардахом, — о том, что в городах Великого княжества магдебургское право не стало единственным, оно сосуществовало с обычным, «русским» правом, отнюдь не исчезнувшим из пожалованных магдебургией городов[115]. Вывод польского ученого полностью подтверждается, в частности, полоцким материалом.

---

[113] *Копысский З. Ю.* Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV — первая половина XVII в.) // Советское славяноведение. 1972. № 5. С 26, 32, 35; *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. Минск, 1975. С. 179.

[114] *Копысский З. Ю.* Магдебургское право... С. 33; *его же.* Социально-политическая история городов Белоруссии. С. 80—82.

[115] *Bardach J.* Ustrój miast na prawie magdeburskim w Wielkim Księstwie Litewskim do połowy XVII wieku // *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 112 i nast., 119.

Действительно, хотя в грамоте Полоцку на магдебургское право от 7 октября 1498 г. содержится стандартная формула — «тое место нашо с права литовского и руского... в право немецкое майдеборское переменяем на вечные часы», далее следует важное уточнение: «отдаляючи там же вси права, уставы и обычаи, перво держаные, которые ж тое право майдеборское нагабають або перекажають»[116]. Значит, отмене подлежали не все нормы, а лишь те, что противоречили магдебургскому праву. Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, до сих пор не получивший объяснения в литературе, что в 1511 г., т.е. после указанного пожалования городу магдебургского права, Полоцк со всей «землей» получил подтверждение прав и привилегий, дарованных прежними великими князьями, начиная с Витовта, т.е. как раз кодекса местного обычного права. Мало того, этот областной привилей был подтвержден без изменений и в 1547 г., а с дополнениями конца XVI в. он сохранял силу еще в первой половине XVII в.[117] Как же областной привилей соотносился с грамотой на магдебургское право?

В тексте подтвердительного привилея 1511 г. есть статья (очевидно, тогда и внесенная), из которой видно, что законодатель учитывал изменения в структуре городского управления, вызванные пожалованным недавно магдебургским правом: церковные и боярские люди освобождаются от участия в уплате серебщины, «которую войт и бурмистры и радци на свое потребы кладуть на место нашо»[118], — названы как раз органы городской администрации, учрежденные грамотой на магдебургское право 1498 г.[119] Вообще же сравнение текстов обеих грамот показывает, что между ними очень мало точек пересечения. Есть повторы: так, освобождение от подводной повинности и мыта дается в областном привилее всем полочанам, а в магдебургских грамотах — жалованной 1498 г. и подтвердительной 1510 г.[120] — та же льгота предоставляется полоцким мещанам; повторяется

---

[116] РИБ. Т. 27. Стб. 701.

[117] *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 274—275.

[118] АЗР. Т. 2. С. 88.

[119] РИБ. Т. 27. Стб. 701, 705.

[120] Датировка этой грамоты сбивчива: в самом тексте указан 1509 г., 27 августа, индикт 13, и под этим годом документ опубликован А. Л. Хорошкевич (ПГ. М., 1980. Вып. III. № 306), однако август 13-го индикта соответствует 1510 г., и в Метрике (кн. 8) документ находится среди актов 1510 г., поэтому его следует отнести к этому году. (В издании 8-й книги Метрики привилей правильно датирован 27 августа 1510 г.: LM. Kn. 8. № 530. P. 382—386).

и обязательство господаря не посылать мещан в заставу (в областном привилее оно дано в более общей форме: бояр, мещан и посельских путников[121]). Эти повторы объясняются, возможно, стремлением законодателя собрать воедино в магдебургской грамоте все права и привилегии мещанства, в интересах которого главным образом она и выдавалась. Некоторые пункты подверглись корректировке: во всех анализируемых грамотах есть статья о важнице (городских весах), но если в жалованной на магдебургское право 1498 г. доход от нее берется в казну, а в подтвердительном «листе» 1510 г. «плат» с ваги придается ратуше, то в областном привилее 1511 г. этот доход делится пополам между боярами и мещанами и тем самым восстанавливается положение, существовавшее некогда при Казимире[122]. Очевидно, из-за доходов с важницы шла борьба между боярством и мещанством, а верховная власть склонялась то на одну, то на другую сторону. Это противоборство между городскими сословиями явилось, по мнению ряда исследователей, предпосылкой введения в Полоцке и иных городах магдебургского права[123]. Другим проявлением той же борьбы служат метаморфозы статьи о «закладных» — боярских и церковных людях в городе, находившихся под судебным иммунитетом: магдебургские грамоты 1498 и 1510 гг. объявляли всех «людей» и слуг боярских, владычных, монастырских и т.п. «послушными» «права майдеборского»; грамота 1510 г. прямо запрещала боярам держать в городе закладней, за исключением одного дворника и огородника; привилей же 1511 г. снова разрешает церковным властям и боярам держать закладней — при условии если они законным образом приобрели дома и «местца» в городе и посадили там своих людей еще в правление Казимира и Александра[124]. Лишь в одном случае можно усмотреть прямое противоречие между текстами магдебургских грамот и областного привилея, не объяснимое подобной корректировкой: первые в качестве важнейшего пункта содержали положение о подсудности мещан, черных людей и закладней войту, бурмистрам и радцам, между тем как в привилее 1511 г. сказано: «воеводе нашому полоцкому мещан одному не

---

[121] РИБ. Т. 27. Стб. 703, 705; ПГ. Вып. III. С. 58, 61, 62; АЗР. Т. 2. С. 88, 89.

[122] РИБ. Т. 27. Стб. 704; ПГ. Вып. III. С. 59; АЗР. Т. 2. С 88.

[123] *Дворниченко А. Ю.* О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV—XV вв. // Вестник ЛГУ. Сер. ист., языка и литер. 1982. № 2. С. 106 (в этой же статье приведена литература вопроса).

[124] РИБ. Т. 27. Стб. 702; ПГ. Вып. III. С. 57; АЗР. Т. 2. С. 88.

судити, судити ему с бояры и мещаны»[125]. Этот казус становится понятным, если учесть, что в описываемое время процесс систематизации и кодификации законов находился в Великом княжестве еще в начальной стадии (I Статут появился, как известно, лишь в 1529 г.), что нередко приводило к повторам или даже к несоответствию разных правовых норм между собой. В данном случае, видимо, при подтверждении в 1511 г. областного привилея писарь механически переписал указанную статью с предыдущей грамоты вместе с другими традиционными нормами («через поруку в нятство не сажати» и т.д.).

Однако основное содержание магдебургских грамот лежит как бы в иной плоскости по сравнению с областным привилеем. Прежде всего «лист» Александра 1498 г. вводил в Полоцке новые административные и судебные органы в соответствии с пожалованным городу «немецким» правом — войт, 2 бурмистра, 20 радцев: им отныне должны были быть подсудны мещане и близкие к ним категории городского населения[126]. При этом для бояр и боярских «людей» по-прежнему оставался наместничий суд, а духовные дела, как и прежде, были подсудны полоцкому владыке (о чем прямо сказано в подтвердительном привилее 1510 г.[127] Мещане получали ряд новых льгот и особых прав (в частности, освобождение от сторожевой службы[128]); в отличие от областного привилея, магдебургские грамоты регламентировали порядок торговли (разрешение на проведение ярмарок — в «листе» 1498 г.; ряд ограничений для «чужих» купцов — к выгоде полоцких мещан[129]. В целом же содержание этих грамот гораздо беднее, оно охватывает намного меньшую сферу, по сравнению с привилеем Полоцкой земле. Являясь по существу привилеями одному из городских сословий (мещанству), внося определенные коррективы в административное и судебное устройство Полоцка, магдебургские грамоты отнюдь не отменяли всего комплекса прав, записанных в данном всему населению привилее. Факт одновременного подтверждения и магдебургской грамоты (1510 г.), и областного привилея (1511 г.) красноречиво свидетельствует о том, что законодатель рассматривал эти акты как взаимодополняющие. Для нашей же темы важно подчеркнуть, что все виды пожалованных Полоцку на рубеже XV—XVI вв.

---

125 РИБ. Т. 27. Стб. 702; ПГ. Вып. III. С. 57, 58; АЗР. Т. 2. С. 87.
126 Там же. Стб. 701—702, 705—706.
127 ПГ. Вып. III. С. 60.
128 Там же. С. 58.
129 РИБ. Т. 27. Стб. 703—704; ПГ. Вып. III. С. 58—59.

грамот, подтверждая прежние права и предоставляя новые, крепче привязывали основную массу полоцких горожан к Великому княжеству Литовскому.

О том, что полочане «освоились» в политической системе Литовского государства, дорожили гарантированными им верховной властью правами и привилегиями, говорят их частые обращения к великому князю как арбитру во внутригородских конфликтах. Летом 1499 г. господарю пришлось разбирать тяжбу полоцкого владыки с боярами, войтом и всеми мещанами из-за церковных людей; дело было решено в пользу светской стороны[130]. В этом случае бояре и мещане выступили «единым фронтом». А буквально через месяц, в июле того же года, последовало новое обращение полочан к великому князю: на этот раз владыка и бояре жаловались вместе на самоуправство войта, отобравшего у них пригородные поля и угодья; Александр распорядился вернуть пострадавшим их владения[131]. В 1502 г. в Полоцке произошел более серьезный конфликт — между наместником Станиславом Глебовичем и полоцкими мещанами: последние во главе с лентвойтом, бурмистрами и радцами жаловались на «кривды», чинимые наместником «через тое право маитъбаръское» — поборы, попытки снова взять их под свой присуд и т.п. Великий князь подтвердил мещанам нерушимость их права «маитьбарского», но сделал уступку и наместнику: отдал под его юрисдикцию сельских путников[132].

Еще чаще происходили конфликты жителей Витебска с наместниками. Весной 1495 г. витебские мещане жаловались господарю на «новины» и «кривды» от кн. Михаила Жеславского: произвольные поборы, сажание «в колоду» и т.д.; великий князь велел наместнику, чтобы больше «кривд не чынил и новин не уводил, и делал бы... по старому»[133]. Пан Януш Костевич, бывший витебским воеводой в 1514—1520 гг.[134], сумел восстановить против себя все население города: духовенство, бояр и мещан. Из грамоты Сигизмунда I от 24 июля 1516 г. явствует, что архиепископ полоцкий и витебский Иосиф, архимандриты и «вси священники витебские» жаловались господарю на «кривды и утиски великие церквам божым», причиненные воеводой (ли-

---

[130] РИБ. Т. 27. Стб. 786—787.

[131] АЛМ. Вып. 2. № 493. С. 33—34.

[132] РИБ. Т. 27. Стб. 836—839.

[133] Там же. Стб. 594—596.

[134] *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem. Warszawa, 1887. Spis dygnitarzy i urzędników... S. XLVII.

шение нескольких церквей причитающихся им доходов и т.п.); господарь приказал воеводе впредь священникам «кривд» не чинить и отнятые доходы вернуть, при этом он сослался на привилей Витебской земле и необходимость сохранения «старины»[135]. Между тем конфликт, охватывая новые слои населения, разрастался и привлекал к себе внимание современников. Комментируя события 1516 г., Станислав Гурский отметил, что «почти все витебцы, как мещане, так и знать (tam cives quam nobiles), отправились к королю в Вильно» с жалобой на ужасные несправедливости воеводы Януша Костевича[136]. Очевидно, именно к этому эпизоду относятся два документа, отложившиеся во 2-й книге судных дел Метрики: первый из них, от 4 августа 1516 г., излагает жалобу князей и бояр витебских на упомянутого воеводу; второй, недатированный, — жалобу на него же войта и мещан. Бояре протестовали против их отстранения, вопреки обычаю, от участия в управлении и воеводском суде, а соответственно и от получения своей доли судебных пошлин, а также против отнятия у них городничего, конюшего и иных городских «урядов». Господарь, выслушав дело, нашел бояр правыми и приказал воеводе вернуть причитающиеся им доходы и «уряды»[137]. Мещане (видимо, тогда же) изложили великому князю свои обиды: что воевода незаконно берет с них мыто, запрещает ловить сетью рыбу в реках, заставляет сторожить тюрьму и т.п. — а прежде наместники всего этого с них не требовали; при этом они сослались на прежнего витебского наместника, пана Юрия Глебовича, который подтвердил их правоту. В результате, несмотря на попытки присутствовавшего там же Януша Костевича оправдать свои действия, мещане выиграли дело: господарь отменил все произвольные воеводские поборы, запреты и т.п. и подтвердил мещанам их «старину»[138]. Наличие в Витебске войта (упомянутого в последнем документе в качестве главы мещанства), как и в ряде других мест (например, в Путивле — см. выше), опять-таки указывает на сходные черты в устройстве городов на магдебургском и обычном праве, которые в историографии часто противопоставляются.

Третий известный нам крупный конфликт жителей Витебска с наместником произошел при преемнике Костевича — Иване

---

[135] АЮЗР. СПб., 1863. Т.I. № 65. С 54—55.

[136] АТ. Т. IV. Posnaniae, 1855. P. 4. О том же — в письме П. Томицкого (Ibid. P. 67).

[137] РИБ. Т. 20. Стб. 922—925.

[138] Там же. Стб. 925—929.

Богдановиче Сопеге (1520—1529 гг.), в 1528 г.: осенью этого года к Сигизмунду I в Вильно явилась депутация от войта и мещан витебских с жалобой на то, что им от воеводы «кривды и тяшкости ся великие деяли и новины» — аналогичные описанным выше (поборы, сажание в «ланцуг» — на цепь и т.п.). Господарское решение тоже было таким же, как в 1516 г.: все эти «тяжкости», что Сопега «им ново был увел, за ся есмо им отставили», а воеводе было приказано, чтобы он «кривд и тяжкостей им не делал и новин не уводил, и заховал бы... их во всем водлуг привилев предков наших и нашых»[139]. На этом, однако, инцидент не был исчерпан: около того же времени, как явствует из недатированного документа, записанного в 15-й книге Метрики, к королю явилась еще одна делегация из Витебска, на этот раз — и от бояр, и от мещан — они «жаловали господару королю его милости на воеводу витебского пана Ивана Богдановича Сопегу о свои тяжкости и крывды и теж били чолом господару... не хотячы того воеводы собе мети, абы его милость, водле прав и прывильев предков его милости и его милости самого, дал им иного воеводу»[140]. Действительно, в привилее Витебской земле, который Сигизмунд подтвердил без изменений 18 февраля 1509 г.[141], имелся пункт о замене неугодного жителям воеводы, и вот теперь витебляне попытались это свое право реализовать на практике. Сам воевода, находившийся тогда при господарском дворе, постарался оспорить правомочность депутации: он заявил, «иж тут их десятое части нет, которые ся на мене увзвазнили, а там множство старшых бояр и мещан, што лепших людей, о том ничого не ведають а ни того им поручали...», и просил господаря послать в Витебск «доброго а верного» человека для расспроса «тых добрых старшых бояр и мещан, которых там множество у Витебску ся зостало»[142]. Сигизмунд согласился с этим и постановил: если бояре и мещане в Витебске подтвердят свое нежелание видеть Сопегу воеводой и попросят его заменить, он удовлетворит их требование[143].

Что показало это расследование, мы не знаем, но известно, что Иван Сопега еще осенью 1529 г. оставался витебским воеводой: в сентябре указанного года Сигизмунд выдал правую грамоту по иску нескольких витебских путных слуг, жаловав-

---

[139] АЛРГ. Вып. 1. № 186. С. 209—210.

[140] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 45. С. XLVII.

[141] Текст подтверждения: LM. Kn. 8. № 387. P. 290—292.

[142] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 45. С. XLVII.

[143] Там же. С. XLVII—XLVIII.

шихся опять же на захват их земель Сопегой, однако на этот раз воевода сумел оправдаться, предъявив документы, подтверждавшие, что он те земли купил законным образом, а не отнял силой[144]. Но это — последнее упоминание И. Б. Сопеги в качестве витебского воеводы: в «листе» от 15 ноября 1529 г. на этом посту уже значился Ян Юрьевич Глебовича, а Иван Сапега именуется воеводой подляшским[145]. Таким образом, витебляне все-таки добились своего: к ноябрю 1529 г. ненавистный державца был сменен.

К числу привилегированных городов принадлежал также Минск, получивший 14 марта 1499 г., почти одновременно с Полоцком, грамоту на магдебургское право. По содержанию она почти полностью повторяет полоцкую грамоту, с той лишь разницей, что число радцев, избираемых в магистрат, в Минске меньше — 12 (в Полоцке, более крупном городе, — 20); меньше и размер взноса, уплачиваемого ежегодно в господарскую казну — 60 коп грошей (с Полоцка — 400 коп)[146]. В том же, что касается прав и привилегий, предоставляемых мещанству, обе грамоты совпадают: минские мещане точно так же освобождаются от суда наместника и иных «врадников», переходя под юрисдикцию магистрата; они освобождаются от подвод и сторожи (но не от мыта); получают гарантии от конкуренции иногородних купцов, право пользоваться лесом в трехмильной зоне вокруг города и т.д.[147] Вместе с тем, поскольку Минск, в отличие от Полоцка, не имел областного привилея, общий объем прав и льгот жителей Минска был меньшим.

С введением магдебургского права в Минске сразу вспыхнули трения между наместником, кн. Богданом Ивановичем Жеславским, и новыми органами управления (войтом, бурмистрами и радцами), попытавшимися присвоить себе причитавшиеся наместнику доходы; жаловался кн. Богдан и на мещан, отказавшихся ремонтировать городскую мельницу. Выслушав дело, господарь принял сторону наместника и велел мещанам и раде, «ажбы наместника нашого послушны были в наших делех»[148]. И в Минске, как и в Полоцке, видно переплетение старого и нового, та двойственность административного и судебного устройства городов с магдебургским правом, которую

---

[144] ЛМ. Кн. 15. Л. 105 об. — 106.
[145] Там же. Л. 254 об. — 255.
[146] РИБ. Т. 27. Стб. 743. Ср.: там же. Стб. 705.
[147] Там же. Стб. 741—742.
[148] *Любавский М. К.* Областное деление... Прил. № 11. С. XI—XII.

справедливо подчеркивал Ю. Бардах[149]. Конфликты с местным населением возникали у Богдана Жеславского и в дальнейшем: так, в мае 1528 г. рассматривался иск нескольких подданных Минского повета, жаловавшихся на «кривды» наместника; истцы выиграли дело, кн. Жеславскому было запрещено вводить новые повинности[150].

Наконец, положение еще одного крупного русского города, Смоленска, в Литовской державе также определялось особыми привилеями. Древнейший из них был выдан Витовтом, взявшим Смоленск в 1404 г., однако он не сохранился[151]. Не дошел до нас и привилей Казимира, выданный в бытность его великим князем, до получения польской короны (т.е. до 1447 г.), — как считают многие исследователи, это произошло сразу после подавления восстания в Смоленске и возвращения его под власть Литвы, в 1442 г.[152] Содержание этого документа может быть реконструировано по тексту подтверждения Александра 1505 г., в котором он именуется «привилеем-маестатом»[153]. В ряде статей смоленская грамота обнаруживает сходство с полоцким, но особенно — с витебским привилеем, на что уже обращалось внимание в литературе[154]. Это относится к таким пунктам смоленского привилея, восходящим к грамоте Казимира, как неприкосновенность церковного имущества, гарантия права завещания, обязательство «по неволи замуж... не давати», порядок разрешения конфликтов («свар») между горожанами, освобождение от подводной повинности (кроме случая приезда самого господаря), а также добавленная позднее (после жалобы смольнян на наместника Миколая Радзивилла) статья, запрещавшая сажать «в малых делех» «через поруку... в доводню» (аналогично в полоцком и витебском привилеях «в нятство»)[155]. Ряд положений характерен именно для смоленской грамоты: освобождение горожан от тамги, обязательство не держать в Смоленске корчмы, отмена Казимиром ежегодной подати в 100 руб., уплачиваемой ранее городом; наконец, спе-

---

[149] *Bardach J.* Ustrój miast na prawie magdeburskim... S. 119.

[150] ЛМ. Кн. 225. Л. 15 об.—16.

[151] *Бугославский Г.* Смоленская земля в Литовский период // Смоленская старина. Вып.3. Ч. 1. Смоленск, 1914. С. 23.

[152] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 60—61; *Любавский М. К.* Областное деление... С. 32; *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 279.

[153] АЗР. Т. 1. № 213. С. 360.

[154] *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 271—272, 280.

[155] АЗР. Т. 1. С. 360, 361. Ср. в витебском: РИБ. Т. 27. Стб. 846—848.

циальная запись об уравнении в правах князей, бояр и панов смоленских с князьями, панами и боярами литовскими[156].

В целом, однако, можно согласиться с наблюдением И. В. Якубовского о том, что смоленский привилей 1440-х гг. был беднее по своему содержанию, чем аналогичные грамоты Полоцку и Витебску[157]. Но в определенной мере это компенсировалось новыми льготами и гарантиями, полученными Смоленском в конце XV — начале XVI в. благодаря настойчивой борьбе горожан за свои права. Так, во время наместничества Миколая Радзивилла (1482—1486 гг.)[158] смольняне били на него челом господарю и добились выдачи двух грамот, отменявших все новины, введенные наместником и его урядниками, и установивших «все по старому, как перед тым бывало» — эти распоряжения Казимира были внесены в подтвердительный привилей 1505 г.[159] Здесь же зафиксированы указания великого князя Александра смоленскому наместнику Юрию Глебовичу (1492—1499 гг.)[160], регламентировавшие отношения местных властей с населением: наместнику было приказано, чтобы он «подвойских бы которых зброднев отставил и обрал бы на подвойщанье добрых людей, не зброднев, которые бы мещаном любы были... и окольничих бы слуги не казали им людей драпежити» (грабить. — *М. К.*)[161]. Но право требовать замены неугодного наместника, записанное в полоцком и витебском привилеях, смольнянам так и не было дано.

В начале XVI в. жители Смоленска добились новых льгот от верховной власти. В великокняжеской грамоте от 8 августа 1500 г. говорится, что господарю били челом «староста места Смоленьского и вси мещане, ото всего места Смоленского, абыхмо им мыто... отпустили по всей нашой земле» — просьба была удовлетворена: мещане получили освобождение от мыта сроком на 15 лет[162]. Тогда же им был выдан специальный «лист» на торговлю воском[163]. Примечательно, что если должности окольничих, подвойских, ловчих и т.п. упоминаются в источниках рядом с наместником, как стоящие над мещанским населением

---

[156] АЗР. Т.1. С.360, 361.

[157] *Якубовский И. В.* Земские привилеи... С. 280—281.

[158] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386—1795. Kraków, 1885. S. 50.

[159] АЗР. Т. I. С 361—362.

[160] *Wolff J.* Senatorowie... S.50.

[161] АЗР. Т. 1. С. 362—363.

[162] РИБ. Т. 27. Стб. 804.

[163] Там же.

(и нередко его притеснявшие[164]), то староста «места Смоленского» выступает как представитель мещан[165]. Помимо приведенной выше грамоты 1500 г. это явствует и из «листа» Александра от 16 августа 1502 г., где сказано, что королю и великому князю Александру били челом «староста места Смоленского и вси мещане», жалуясь на разорение от размещенных в городе наемных солдат и прося облегчить им налоговое бремя; господарь освободил их на шесть лет от серебщины, ордынщины и иных «поплатков»[166]. Кроме того, в 1505 г., как уже говорилось, по челобитью всех городских сословий Смоленск получил подтверждение привилея Казимира и последующих пожалований. И при преемнике Александра, Сигизмунде I, за короткий промежуток времени до взятия Смоленска войсками Василия III, т.е. между 1506 и 1514 гг., город получил несколько новых великокняжеских грамот: они упоминаются, во-первых, в жалованной грамоте Василия III Смоленску 1514 г.,[167] а во-вторых, в описях царского и посольского архивов XVI — начала XVII в.: в Описи Царского архива названы «три грамоты старые Жигимонта короля жаловальные, да две грамоты мещанских»;[168] а в Описи архива Посольского приказа 1614 г. указана «грамота жаловальная Жигимонта, короля полсково, по челобитью смоленского владыки Варсонофья и околничих и князей и детей боярских и всех посадцких людей»[169].

Последний документ сохранился: речь идет о привилее Сигизмунда I, выданном Смоленску 16 апреля 1513 г. Очевидно, эта грамота стала одним из «трофеев» Смоленского похода 1514 г., увенчавшегося взятием города. Затем она хранилась в архиве Посольского приказа и ныне находится в составе фонда сношений России с Польшей[170].

Привилей 1513 г. был выдан смольнянам по челобитью владыки Варсонофия, окольничих, бояр, мещан и всего «посполь-

---

[164] См., например: АЗР. Т. 1. С. 361, 362.

[165] Подробнее о смоленских «урядах» см.: *Бугославский Г.* Смоленская земля в Литовский период. С. 26—37.

[166] АЗР. Т. 1. № 199. С. 347.

[167] СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 148. С. 412.

[168] ОЦААПП. М., 1960. С. 26 (ящик 74).

[169] Там же. С. 47.

[170] РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 4. Опубл.: *Кром М. М.* Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: К 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 133—139 (текст документа — с. 138—139). См. также Прил. I к данной книге.

ства» в знак признания стойкости и верности жителей, недавно отразивших натиск московских войск. По требованию горожан Сигизмунд отменил в городе корчмы, а также несправедливо введенные смоленскими урядниками судебные пошлины («децкованье» и «змирскую куницу»)[171].

Следует также обратить внимание на то, что в жалованной грамоте Василия III Смоленску, в основу которой были положены привилеи литовских господарей Александра и Сигизмунда, содержатся и те статьи, которых нет в дошедшей до нас грамоте 1505 г. — в частности, обязательство не вступаться в отчины смолян, выслуженные «на прежних государех», «и развода им самим не чинити»[172]. Отсюда следует, что указанные статьи, вероятно, находились в каком-то несохранившемся привилее Сигизмунда I; едва ли, однако, эти права были им даны впервые: ведь пункты о неприкосновенности выслуженных имений и о невыводе мещан из города читаются уже в грамоте Витебской земле 1503 г.[173] Поэтому, скорее, в привилее Сигизмунда I смоленская «старина» была просто полнее изложена, чем в грамоте 1505 г. Как бы там ни было, есть основания полагать, что по объему прав и привилегий Смоленск к 1514 г. не уступал такому городу, как Витебск.

Характеристика статуса городов Литовской Руси будет неполной, если не коснуться религиозного аспекта их положения в Великом княжестве. Во всех областных привилеях есть гарантии неприкосновенности церковного имущества[174], а в смоленской грамоте содержится в качестве первого пункта обещание: «штож нам (господарю. — *М. К.*) хрестиянства греческого закону не рушити, налоги им на их веру не чинити»[175]. В привилее 1498 г. Полоцку на магдебургское право в статье о выборах городского магистрата сказано, что половина радцев должна быть католиками, а другая половина — православными, точно так же и бурмистры: надлежит избирать ежегодно «одного закону римского, а другого грецкого»[176]. Наконец, следует упомянуть об уставной грамоте, выданной великим князем и королем Александром 26 декабря 1502 г. архиепископу полоцкому и витебскому Луке: в тексте этот документ назван подтверждением уставы великого князя Ярослава Владимировича, «свитка... прав

---

[171] См. Прил. I.
[172] СГГД. Ч. 1. С. 412.
[173] РИБ. Т. 27. Стб. 849.
[174] Там же. Стб. 846; АЗР. Т. 1. С. 360; ПГ. Вып. III. С. 86.
[175] АЗР. Т. 1. С. 360.
[176] РИБ. Т. 27. Стб. 705.

духовных грецких»[177], однако исследователи давно уже выяснили, что никакого отношения к церковному уставу Ярослава Мудрого подтвержденная Александром грамота не имеет, это — фальсификация, изготовленная в канцелярии полоцкого владыки в 1499—1502 гг.[178] Однако подтверждение господаря придало ей законную силу; грамота гарантировала полоцкому владыке право «судити и радити, и вси дела духовные справовати, хрестиянъство грецкого закону»[179], а всем светским властям запрещалось чинить «крывды» церкви и архиепископу, вступаться в церковные доходы и суд[180].

Таков был правовой статус православной церкви в крупных восточнославянских городах на рубеже XV—XVI вв. Может, однако, возникнуть вопрос: не оставались ли все эти гарантии лишь на бумаге, каково было реальное положение? Что касается «украинных» княжеских городков, то там, как уже говорилось выше в первой части работы, даже во время попытки проведения унии, предпринятой виленским двором в самом конце XV в., никакой опасности православию не возникало. Теперь можно добавить, что аналогичная ситуация была в соседних господарских городах на восточном рубеже Великого княжества: Мценске, Брянске, Торопце и др. Наместниками в этих городах в последней четверти XV в. были (за исключением, может быть, одного Станислава Бартошевича) только православные князья и паны[181]; униатские эмиссары здесь не появлялись. Скорее можно было бы ожидать столкновений на религиозной почве в таких крупных и ближе расположенных к ядру Литовского государства городах, как, например, Полоцк, — тем более что в этом последнем в самом конце XV в. появился католический (бернардинский) костел[182]. Вероятно, именно на данном факте основывался

---

[177] ПГ. Вып. II. М., 1978. № 253. С. 192.

[178] См. комментарий А. Л. Хорошкевич к этому документу: там же. Вып. IV. М., 1982. С. 172.

[179] Там же. Вып. II. С. 192.

[180] Там же. С. 193.

[181] *Backus O.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377—1514. Lawrence (Kansas), 1957. Append. II. P. 135, 139, 145, 149–152, 154.

[182] ПГ. Вып. II. № 248. С. 186; там же. Вып. IV. С. 163—164. По данным К. Петкевича, костел в Полоцке был учрежден в 1498 г. (*Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Poznań, 1995. S. 167). Об активности бернардинцев и францисканцев в Полоцке см.: *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów. Białystok, 2003. S. 198 (там же ссылка на литературу о деятельности обоих орденов на территории Польши и Великого княжества Литовского).

Иван III, когда в апреле 1500 г. он велел заявить послам великого князя Александра, что тот «ныне ново силу учинил Руси, чего наперед того при его отце и при его предкех не бывало: колко велел поставляти божниц римского закона в русских городах, в Полотцку и в иных местах, да жены от мужей и детей от отцов с животы отнимаючи, силно покщают в римской закон»[183]. Примечательно, что сам московский государь констатировал новизну, необычность отмеченного явления («наперед того... не бывало») и в то же время пытался его представить как массовое, широко распространенное: вместо одного костела в Полоцке говорится о нескольких «божницах» в ряде городов. Между тем было бы неосторожным вслед за московской дипломатией (стороной явно заинтересованной и пристрастной) видеть в единичном факте типичное явление и тем более распространять его на все «русские» города Великого княжества.

Прежде всего нужно реально оценивать соотношение обеих конфессий в Литовском государстве описываемого времени: если католичество начинало проникать на русские земли, то православие давно и прочно обосновалось в самой Литве. По словам С. Герберштейна, побывавшего в Вильно проездом в 1526 г., «храмов русских там гораздо больше, чем римского исповедания»[184]. Действительно, по подсчетам Е. Охманьского, в 1511 г. в литовской столице было 13 православных церквей и их количество продолжало расти: к середине века в Вильно насчитывалось не менее 15 церквей при 14 костелах[185]. На славянских же землях Великого княжества господство православия было полным и неоспоримым. Даже в Новогрудке, расположенном по соседству с Литвой, на один католический костел приходилось в то время 10 церквей[186]. А в Смоленске существовавший некогда костел иностранных купцов был превращен в православную церковь[187]. Так что едва ли у основной массы населения русских городов могли возникнуть опасения за судьбу своей веры.

Попытка форсирования унии при великом князе Александре, как мы старались показать в первой части, носила верхушечный характер и массу православного люда не затронула, явив-

---

[183] Сб. РИО. Т. 35. С. 299. Дословно повторено в феврале 1501 г.: там же. С. 318.

[184] *Герберштейн С.* М., 1988. С. 187.

[185] *Ochmański J.* Biskupstwo wileńskie w średniowieczu. Poznań, 1972. S. 80—81.

[186] Ibid. S. 81.

[187] *Думин С. В.* Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: Люди, идеи, решения. Очерки истории России IX—начала XX в. М., 1991. С. 109.

шись, по выражению М. Космана, лишь кратковременным эпизодом[188]. Характерно, что даже в самом Вильно, центре пропаганды унии, в XV — первой трети XVI в., по наблюдениям современных литовских исследователей, не происходит раскола бюргерской общины по этнически-религиозным признакам, не проявляется напряженность в конфессиональной сфере[189].

С еще большим основанием этот вывод можно отнести к городам восточной части Великого княжества. Заботы горожан, как они выглядят в документах рубежа XV—XVI вв., были сосредоточены на различных имущественных вопросах, отношениях с местной администрацией, финансовых, торговых и иных проблемах, но отнюдь не на судьбе православной веры в этих городах: борьба по конфессиональному вопросу станет существенным фактором в жизни славянского населения позднее, во второй половине XVI в. и далее.

Суммируя наши наблюдения, нужно подчеркнуть, что статус русских городов Великого княжества Литовского в изучаемый период был очень разнообразен; по существу, в положении каждого города имелись свои особенности. Все же условно можно выделить три категории городов (не по формально-юридическому, а по фактическому статусу):

1) пограничные княжеские городки, в которых городская община никак себя не проявляла, не имея собственной позиции, отличной от воли «своего» князя;

2) сравнительно крупные привилегированные частновладельческие города (Мстиславль, Слуцк, Пинск) и небольшие непривилегированные великокняжеские города: здесь мы уже видим борьбу горожан за свои права (и нередко весьма успешную), община имеет свое «лицо», собственную позицию;

3) крупные привилегированные города (Смоленск, Минск, Полоцк, Витебск), жители которых имели большой объем прав и привилегий, гарантированных великокняжеской властью в специальных грамотах, и активно их отстаивали; эти города имели опыт самостоятельного существования, развитые традиции самоуправления.

Разумеется, было множество нюансов, переходных состояний в положении городов — особенно это относится к городам, выделенным нами во вторую группу: одни из них, подобно Мценску или Путивлю, даже будучи великокняжескими, по реально-

---

188 *Kosman M.* Tolerancja wyznaniowa na Litwie do XVIII w. // ORP. T. XVIII. 1973. S. 102.

189 *Кяупа З.* Католики и православные в городской общине Вильнюса в конце XIV — начале XVI в. // Славяне и их соседи. Католицизм и православие в Средние века. Сб. тез. М., 1991. С. 29—30.

му статусу приближались к частновладельческим крепостцам, проявлявшим во внутренней жизни полную пассивность; другие, вроде Брянска, Кричева с одной стороны, Мстиславля и Пинска — с другой, имели весьма развитые общины, которые отстаивали свои права с неменьшей активностью, чем жители крупных привилегированных городов.

Обращает на себя внимание, что всюду, где горожане боролись с произволом местной администрации, — будь то в частновладельческом Пинске, небольшом великокняжеском городе Кричеве или крупной привилегированной общине вроде Витебска — они неизменно в защиту своих прав ссылались на «старину». В историографии уже стало «общим местом» мнение, что лозунг нерушимости старины был принципом внутренней политики великих князей литовских[190]. Однако приведенный выше материал позволяет, на мой взгляд, глубже раскрыть смысл этого понятия: для горожан «старина» явно выступала как синоним справедливых порядков, того уклада жизни, при котором жили их отцы и деды[191]. Но отсюда возникает предположение о том, что города, активно отстаивавшие свою «старину» во внутриполитической жизни Великого княжества, должны были противиться и покушениям на нее извне: стало быть, Москва едва ли могла рассчитывать на серьезную поддержку в городах Литовской Руси. А то обстоятельство, что великие князья литовские официально провозглашали себя покровителями старины («мы старины не рушаем, а новин не вводим»), еще сильнее привязывало эти города к политической системе Великого княжества.

Но статус городов, как мы выяснили, был различен. Поэтому можно высказать второе предположение: степень лояльности горожан к Литве находилась в зависимости от объема прав и привилегий, которыми они располагали, и их активности в отстаивании этих прав. В следующей главе мы проверим выдвинутые здесь предположения на материале, относящемся к истории русско-литовских войн конца XV — первой трети XVI в.

---

[190] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. V. Ч. 1. Львів, 1905. С. 5; *Грушевский М.С.* Города Великого Княжества... С. 1—3; *Kamieniecki W.* Społeczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947. S. 45—46; *Хорошкевич А. Л.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 74; и др.

[191] О «старине» в Великом княжестве см.: *Кром М. М.* «Старина» как категория средневекового менталитета (по материалам Великого княжества Литовского XIV — начала XVII в.) // Mediaevalia ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. III. Київ, 1994. С. 68—85.

Глава вторая

Позиция городов в период войн Русского государства с Литвой конца XV — первой трети XVI в.

Роль городов в русско-литовских войнах рубежа XV—XVI вв. до сих пор не стала предметом специального изучения. В историографии города фигурируют обычно в качестве безгласного объекта присоединения к Московскому государству. Лишь позиция жителей Смоленска в начале XVI в. привлекла к себе внимание исследователей. М. К. Любавский, основываясь на летописном известии о раскрытии в Смоленске вскоре после его присоединения к России пролитовского заговора, утверждавшем, будто заговорщиков выдали сами местные бояре и черные люди, высказал мнение о «содействии смолян утверждению у них московского господства»[1]. Хотя эта версия не была подкреплена серьезным источниковедческим анализом, она получила впоследствии развитие в советской историографии, в работах В. П. Мальцева и А. Б. Кузнецова. При этом в смоленских событиях была усмотрена социальная подоплека: под пером В. П. Мальцева возникла схема, в которой «низам» (мелким боярам, мещанам и черным людям) была отведена роль союзников Москвы, а «верхам» (смоленской знати и «крупным купцам») — роль приверженцев литовских порядков; социальные противоречия в городе, по мнению исследователя, очень помогли Василию III в овладении Смоленском[2].

С этим выводом согласился А. Б. Кузнецов, увидевший дополнительный аргумент в пользу такой трактовки событий 1514 г. в упоминании летописи об участии в переговорах об условиях капитуляции многих мещан и черных людей: жители Смоленска были, по словам историка, «сторонниками воссоединения

---

[1] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М., 1915. С. 205—206.

[2] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. (XVI—XVII вв.) Смоленск, 1940. С 28—29, 34, 36—38.

этого города с Русским государством»[3]. Версию В. П. Мальцева и А. Б. Кузнецова принял без возражений А. А. Зимин[4].

Указанная концепция до сих пор не пересмотрена, хотя, на мой взгляд, имеются серьезные сомнения в ее обоснованности. Она уязвима прежде всего в источниковедческом отношении: столь ответственные выводы делаются на основе одного-двух известий, а остальные источники, не укладывающиеся в данную схему, просто игнорируются. А главное — при оценке внешнеполитических симпатий смольнян совершенно не учитывается статус их города в Великом княжестве Литовском, не анализируются права и привилегии, полученные горожанами, и априорно считается, что они были недовольны своим положением. Между тем материал, приведенный в предыдущей главе, свидетельствует об обратном: жители городов Литовской Руси, в том числе Смоленска, дорожили своими правами и в рамках политической и правовой системы Великого княжества добивались их подтверждения и расширения. Используя сделанные выше наблюдения и привлекая весь комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников, проливающих свет на судьбы этих городов в период войн конца XV — начала XVI в., мы попытаемся воссоздать объективную картину поведения горожан, оказавшихся в зоне противоборства двух соседних держав.

Ход русско-литовского конфликта 80-х — 90-х гг. XV в. уже анализировался нами в связи с выяснением роли верховских князей. Теперь же нас будет интересовать позиция городов. Еще до начала открытой русско-литовской войны (т.е. до лета 1492 г.) украинные городки подвергались постоянным нападениям со стороны служивших московскому государю князей. При этом сразу можно заметить разницу в линии поведения расположенных рядом княжеских и господарских городов. Первые проявляли полную пассивность: так, весной 1489 г. был осажден войсками, пришедшими с московской стороны, г. Воротынск; нападавшие «города добывали, место выжгли, бояр и боярынь много поймали и всих головами семь тысячь повели»[5]. Населе-

---

[3] *Кузнецов А. Б.* Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. // Труды НИИ ЯЛИЭ МАССР. Вып. 30. Саранск, 1966. С. 157—158. В книге, изданной в 2002 г., А. Б. Кузнецов, не приводя новых аргументов, утверждает, будто население Смоленска поддержало требование русского командования о капитуляции, что и заставило литовский гарнизон сложить оружие (*Кузнецов А. Б.* Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века. Саранск, 2002. С. 36, 37).

[4] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 161.

[5] Сб. РИО. Т.35. СПб., 1882. С. 35.

нию, несомненно, был причинен большой урон, но никакой попытки отпора с его стороны не отмечается, не говоря уже о каких-то ответных акциях; сам протест против этого нападения был заявлен московской стороне не от лица жителей, а от имени владельцев удельного города — князей Дмитрия и Семена Воротынских[6]. Подобное поведение прямо вытекает из статуса города: всякая инициатива могла исходить только от удельного князя. Поэтому вполне понятно, что население никак не реагировало на раздел своего города князьями на половины и «дольницы», причем, как это случилось к началу 1490-х гг. в Одоеве[7], одна часть города могла оказаться по воле владельцев в московской стороне, а другая — в литовской. Но дело заключалось не только в статусе (частновладельческим был, например, и Мстиславль, где картина совсем иная), но и в слабости, неразвитости местных городских общин. Отсюда инертность, беспомощность населения верховских уделов, казалось бы, в момент вражеских нападений оно должно было активно сражаться на стороне своих князей-отчичей, но этого не происходило — ни в 1489 г. в Воротынске, ни в начале 1492 г. в Белеве, когда служивший Ивану III кн. Иван Васильевич Белевский напал внезапно на вотчину своих братьев кн. Андрея и Василия, удел Андрея «за себе взял и бояр его и слуг и чорных людей поймал и крестному целованью привел»[8]. Кто бы ни нападал, население уделов неизменно занимало пассивную, страдательную позицию; это обстоятельство в немалой степени объясняет легкость присоединения верховских княжеских городков к московским владениям.

Больше активности проявляли в аналогичной ситуации господарские города. Летописи рассказывают, что осенью 1473 г. после нападения «москвичей» на Любутск «любучане безвестно приидоша на князя Семена Одоевского (служившего тогда уже Ивану III. — *М. К.*), он же бой постави с ними... и убиша ту князя Семена»[9]. Со второй половины 1480-х гг. Мценск и Любутск, подобно соседним удельным городкам, испытывают все возрастающее военное давление. В июне 1486 г. в Москву и Рязань по жалобе мценского и любуцкого наместника были отправлены литовские послы с протестом против нападений и гра-

---

[6] Сб. РИО. Т.35. СПб., 1882. С. 35.
[7] Там же. С. 59.
[8] Там же. С. 58.
[9] ПСРЛ. Т. 25. М.—Л., 1949. С. 301; Т. 18. СПб., 1913. С. 247; Т. 28. М.—Л., 1963. С. 136; Т. 8. СПб., 1859. С.178; Т. 12. СПб., 1901. С. 154.

бежей, совершенных на подведомственной ему территории[10]; аналогичный протест (опять от имени наместника) был заявлен в Москве в конце 1488 г.)[11]. Вместе с тем в посольской книге зафиксированы и жалобы от имени самих «мецнян»[12], а также мценских бояр[13], — так что жители имели здесь право собственного голоса. В свою очередь, они сами совершали ответные набеги на московские рубежи: после упомянутого выше эпизода 1473 г. серия подобных наездов мценян и любучан зафиксирована в жалобах из Москвы конца 80-х — начала 90-х гг.[14]; беспокоили московские владения также торопчане[15] и брянцы[16]. Для уяснения позиции господарских городов в разгоравшемся русско-литовском конфликте важно отметить, что до начала войны 1492—1494 гг. ни один из них не перешел на сторону Ивана III, в то время как удельные городки по мере отъезда новосильских князей на службу к московскому государю один за другим (Воротынск, Одоев, Перемышль, Козельск, Серенск и др.) оказывались по ту сторону границы. Уже в ходе войны, в конце 1492 г., кн. Семен Федорович Воротынский, «отъезжая» к Ивану III, «засел» на его имя Серпейск и Мезецк[17].

Однако, когда летом 1492 г. Иван III начал крупные военные операции на западной границе, участь некоторых господарских и удельных городов оказалась, по крайней мере внешне, сходной. В августе рать кн. Ф. В. Телепня-Оболенского, придя «безвестно» к Мценску, захватила и сожгла город, тот же жребий выпал Любутску; в плен попали мценский и любуцкий наместник Борис Семенович Александров и здешние бояре[18], общее же число пленных, как потом утверждали сами мценские бояре, составило «полторы тысячи душ»[19]. Одновременно по приказу Ивана III служилые князья И. М. Воротынский и братья Одоевские взяли и сожгли Мосальск, а местных князей «со многими людми» увели в плен[20]. Примечательно, что в пер-

---

[10] РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 445—447.
[11] Сб. РИО. Т. 35. С. 19—20.
[12] Там же. С. 147.
[13] Там же. С. 267—268.
[14] Там же. С. 21, 63, 66, 76—77.
[15] Там же. С. 67. Жалобы самих торопчан: там же. С. 20, 203.
[16] Там же. С. 63.
[17] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 210; Т. 28. С. 157, 323.
[18] Сб. РИО. Т. 35. С. 73; ПСРЛ. Т. 24. С. 210; Т. 28. С. 157, 322; Т. 18. С. 276; Т. 8. С. 225; РК 1605. Т. 1. М., 1977. С. 32.
[19] Сб. РИО. Т. 35. С. 267.
[20] Там же. С. 73; РК 1605. Т. 1. С. 32; ПСРЛ. Т. 8. С. 225; Т. 12. С. 235.

вом случае захват города был совершен московской ратью, во втором же Иван III предпочел действовать руками служилых князей. В том, что это не было случайностью, а отвечало замыслу московского государя, убеждает его ответ на запрос литовской стороны по поводу захвата Мценска, Любутска и Мосальска. В отношении первых двух городов Иван III заявил, что указанная акция была ответом на непрерывные набеги мценян и любучан на московские «украины», условием освобождения мценского наместника и других пленных он поставил возмещение литовской стороной убытков, отпуск пленников и т.п. По поводу же взятия князьями Мосальска государь отговорился неведением[21]. Как видим, Иван III учитывал и тонко использовал в своих целях различия в статусе приграничных городов Великого княжества: поведение мценян и любучан он рассматривал через призму русско-литовских межгосударственных отношений, а вопрос об удельном Мосальске попытался представить как местное междукняжеское дело, о котором он, государь, якобы и не слышал.

Хотя и при взятии Мценска и Любуцка, и в момент захвата Мосальска сопротивления не было оказано, причины этого были различны. В первом случае, очевидно, сказалась внезапность нападения (не успели послать за помощью) и значительный перевес сил у нападавших, во втором же — пассивность и беспомощность князей Мосальских, исключительно от воли которых зависела судьба их города. Что касается жителей Мценска и Любуцка, их поведение до 1492 г. никак нельзя назвать инертным; Иван III, судя по приведенному выше ответу литовским послам, явно считал позицию мценян и любучан антимосков-ской. Как мы увидим в дальнейшем, вплоть до 1500 г. их позиция не менялась.

Между тем борьба за верховские города продолжалась. Какими же силами эта борьба велась? К началу 1493 г. эти города находились в руках «слуг» Ивана III, но литовский господарь не собирался мириться с таким положением и отправил туда войско во главе со смоленским воеводой Юрием Глебовичем, а также служилого князя Семена Можайского, которые беспрепятственно заняли Мезецк и Серпейск; «слуга» Ивана III кн. Михаил Мезецкий бежал из своего отчинного города[22]. Характерно поведение в этой ситуации жителей Мезецка и Серпейска: «граждане не возмогоша противитися им (литовским вое-

---

[21] Сб. РИО. Т. 35. С. 76—77.
[22] Там же. С. 107.

водам. — *М. К.*), грады своя здаша»[23]. Следом Иван III отправил туда же своих воевод с большим войском. Юрий Глебович и кн. Семен Можайский при их приближении отступили к Смоленску, оставив в верховских городах гарнизоны; как только московская рать подошла к Мезецку, повторилась та же картина: горожане «убоявшеся и не могоша противитися и град отвориша»[24]. В руки победителей попали защитники города — кто же это были? «И изымаша во граде Кривца, околничего смоленского, и иных многих князей, панов литовских и смолнянь, заставы князя великого Александровы»[25]. Местные же жители предстают снова в исключительно пассивном качестве: «а земских людей черных приведоша к целованию за великого князя»[26]. Затем московское войско отправилось к Серпейску и здесь столкнулось с попыткой сопротивления, но перечисление попавших в плен после штурма города показывает, кому принадлежала инициатива этого сопротивления: воеводы Ивана III «изымаша в граде Ивана Феодорова сына Плюскова, смолянина, и иных многих князей, панов и литвы, и смолян двора великого князя Александра Литовскаго», — а роль жителей была та же, что в Мезецке: «земских людей к целованию приведоша»[27]. Та же процедура повторилась и после взятия Опакова; в общей сложности победители увели с собой 530 человек пленных: «литву и смолнян, седящих в осаде, и градских больших людей»[28]. Тогда же, зимой 1493 г., другая московская рать без сопротивления овладела Вязьмой[29].

Итак, в решающий момент войны борьбу за верховские города вели с обеих сторон воеводы, служилые князья, активное участие приняли также смоленские бояре, — но роль самих горожан была в этих событиях совершенно пассивной.

Условия мирного договора 5 февраля 1494 г. отразили, как было показано в первой части книги, позиции разных кланов верховских и иных князей по отношению к Литве и Москве. Поэтому к владениям Ивана III окончательно отошли Воротынск, Одоев, Белев, Козельск, Перемышль, Серенск, а из завоеванных зимой 1492/93 г. — Вязьма; Мосальск же был возвра-

---

[23] ПСРЛ. Т. 24. С. 210. Так же: там же. Т. 28. С. 157, 323; Т. 6. С. 240.
[24] Там же. Так и в других летописях: см. предыдущую сноску.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же. Тот же рассказ см.: ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 323.
[29] РК 1605. Т. 1. С. 37; ПСРЛ. Т. 24. С. 211; Т. 28. С. 158; Т. 8. С. 226; Т. 12. С. 235.

щен Литве, а Мезецк поделен между князьями, служившими московскому и литовскому государям[30]. Важно отметить, что по договору литовская сторона получила обратно все взятые московскими воеводами господарские города, включая Мценск и Любуцк[31]. Очевидно, Иван III не чувствовал в них опоры. Действительно, мценяне и любучане до 90-х гг., как мы видели, вели себя вполне лояльно по отношению к Литве и враждебно к Москве; в 1492 г. их города были захвачены силой. И после возвращения в 1494 г. под власть Литвы их позиция оставалась прежней: уже летом 1497 г. московская сторона снова жаловалась на чинимые «мченянами» обиды; через год, летом 1498 г., они опять дали повод к подобному протесту[32]. В тех же жалобах наряду с жителями Мценска фигурируют также «рыляне и путивляне»[33], что характеризует и их линию поведения в эти годы.

1500 год стал кульминацией успехов Ивана III в борьбе за присоединение русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Решающая роль в этих событиях принадлежала, как мы помним, князьям: кн. Семен Бельский «отъехал» к московскому государю со своим уделом — г. Белой; кн. Семен Иванович Можайский — с Черниговом, Стародубом, Гомелем и Любечем; кн. Василий Иванович Шемячич — с Новгородом Северским, а также с захваченным им при «отъезде» господарским городом Рыльском. Жители уделов, естественно, никак не отреагировали на то, что по милости своих князей они оказались по другую сторону границы. А как произошло присоединение к Русскому государству господарских городов — Торопца, Мценска, Любуцка, Брянска, Путивля и других?

На судьбу Мценска и некоторых других городов проливает свет текст посольства великого князя Александра к Ивану III, к которому оно прибыло 23 апреля 1500 г.; верительная же грамота датирована 5 марта[34]. Александр протестовал против приема московским государем, в нарушение мирного договора, кн. Семена Бельского, а также «бояр наших мценских с землями и с водами и с людми — с нашею отчиною»[35]. В ответ Иван III сослался на то, что эти люди будто бы терпели притеснения в вере,

---

[30] Сб. РИО. Т. 35. С. 125—127.

[31] Там же. С. 120, 122, 125, 136.

[32] Там же. С. 235—236, 262.

[33] Там же. С. 235–236, 262.

[34] Там же. С. 296.

[35] Там же. С. 297.

и они, в том числе «и мченские бояре и со Мченском, и серпеане с Серпейском, и иные люди и з землями и с водами от тое ж нужи к нам приехали служити»[36]. В свете приведенных в предыдущей главе данных объяснение перехода этих городов под власть Москвы религиозными мотивами вызывает большие сомнения. Но чем тогда объяснить столь внезапное изменение позиции мценских бояр, еще недавно (в 80—90-х гг.), как мы видели, сохранявших лояльность Литве?

Разгадка, возможно, содержится в дошедшем до нас в составе Метрики (кн. 5) более полном тексте «речей» того же литовского посольства, датированном 28 февраля 1500 г.[37]: здесь есть несколько статей, отсутствующих в посольской книге и относящихся как раз к судьбе Мценска, Серпейска и Мосальска; об этом последнем уже шла речь в первой части, сейчас наше внимание привлекают первые два города. «Перво, сего году, — жаловался Александр Ивану III, — люди твои пришод, город наш Мценеск засели, и пушки и пищали выграбили, и, город покинувши, проч поехали»[38]. Указание на «сей год», т.е. 7008, задает временные рамки, когда это нападение могло произойти: осень 1499-го — февраль 1500 г. («речи» датированы 28 февраля). Но затем, продолжал господарь, уже после отправки послов (т.е. в начале марта), «дошли нам слухи, штож люди твои многии, пришодши, тот же город наш Мценеск засели и иныи наши городы, Серпееск и Масалеск...»[39].

С учетом этих данных присоединение Мценска к московским владениям уже не выглядит как добровольный переход горожан под покровительство православного государя, как это старался представить Иван III. Решение мценских бояр было вынужденным, они уступили военной силе: первый набег лишил город артиллерии, помощь же из Литвы не была получена; наконец, второе нападение (вероятно, в феврале 1500 г.) не оставило им никакого выбора: уже после того, как Мценск фактически оказался во власти московского государя, местные бояре сочли за лучшее ему присягнуть. Но в приведенных выше словах Ивана III есть доля истины: судьбу Мценска действительно определяли здешние бояре (подробнее вопрос о роли местного боярства мы рассмотрим в следующей главе).

---

[36] Сб. РИО. Т. 35. С. 300.

[37] АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 179. С. 206 (новое изд.: LM. Kn. 5. Vilnius, 1993. P. 143).

[38] Там же. С. 204 (LM. Kn. 5. P. 152).

[39] Там же.

Можно попытаться уточнить, кто были те «люди», о двукратном нападении которых на Мценск заявлял через послов великий князь Александр. Едва город был возвращен по мирному договору Литве, как весной того же 1494 г. окрестности Мценска ограбили люди князей Одоевских и Белевских[40]; в конце 1495 г. мценский наместник жаловался на «шкоды» , причиненные волостям людьми «з Белева»[41]; а в начале лета 1498 г. «князи Белевскии прислали многии люди войною, в зброях, ко Мченску, и тыи их люди города добывали: и отступивши от стены, что было животов и статков у бояр и людей... по селам, то все розграбили и дватцать человеков до смерти забили»[42]. Последний набег выглядит как «генеральная репетиция» окончательного завоевания Мценска в конце 1499 — начале 1500 г., и, похоже, здесь действовали те же самые силы из расположенного неподалеку Белева. Участие князей Белевских в захвате Мценска в начале 1500 г. косвенно подтверждается тем фактом, что именно один из них обосновался там вскоре после присоединения города к Московскому государству: в посольской книге сношений с Крымом есть относящаяся к сентябрю 1500 г. запись о том, что «к великому князю пришла весть изо Мченска от князя от Ивана от Белевского...»[43].

Сходная ситуация скрывается за словами Ивана III о том, что к нему приехали служить «серпеане с Серпейском»[44]. В 90-х гг. этот город переходил из рук в руки: в конце 1492 г., как мы помним, его «засел» кн. Семен Воротынский и владел им до 1494 г., когда он по мирному договору был возвращен Литве[45]. Кто управлял Серпейском в 1494—1500 гг. — неизвестно; литовский наместник в эти годы там не упоминается. Решение о переходе в московское подданство жителям в 1500 г., очевидно, пришлось принимать самим, но, как и в случае с Мценском, оно было вынужденным. Примечательно, что Александр, отправляя в начале марта посольство в Москву, еще не знал, видимо, о переходе серпеян к Ивану III: об этом послы услышали впервые от самого московского государя в конце апреля 1500 г.; зато посольские «речи», помеченные 28 февраля, упоминают о захвате людьми Ивана III ряда городов, в том числе Серпейска[46]. Очевидно, мы

[40] Сб. РИО. Т. 35. С. 147.
[41] Там же. С. 217.
[42] Там же. С. 268.
[43] Там же. Т. 41. СПб, 1884. С. 324.
[44] Там же. Т. 35. С. 300.
[45] Там же. С. 136.
[46] АЗР. Т. 1. С. 204 (LM. Kn. 5. P. 152).

имеем здесь дело с причиной и следствием, разделенными интервалом в полтора-два месяца. Помимо прямого военного давления на решение серпеян могла повлиять общая обстановка, сложившаяся весной 1500 г.: город был окружен владениями князей, которые или ранее уже перешли на сторону Ивана III (Воротынские, Мезецкие), или вынуждены были сделать это теперь (Мосальские). В итоге иного выхода у серпеян просто не было. Характерно, что в послании хану Менгли-Гирею, которому не было нужды доказывать добровольность присоединения тех или иных городов, Иван III поместил и Мценск и Серпейск в общий список: «которые городы поимали воеводы великого князя и которые городы здались великому князю»; здесь перечислялись только господарские города, княжеские же городки были указаны отдельно, с пометой, какой князь с какими городами «приехал»[47]. Так мы еще раз убеждаемся в том, что московское правительство учитывало различия в статусе городов.

Вслед за Мценском и Серпейском настал черед Брянска. Московские летописи почти в одних и тех же словах сообщают, как рать во главе с Яковом Захарьичем, выступив из Москвы третьего мая 1500 г., двинулась в «Литовскую землю», взяла Брянск и захватила в плен наместника пана Станислава Бартошевича и «владыку дбрянского»[48]. Важные подробности добавляет к этому рассказу Хроника Быховца: московская рать подошла к окрестностям Брянска «безвестно»; наместник, не зная о ее приближении, находился в тот момент в загородном дворе на Ущице — объезжал села вокруг города; «а в тую ночь зрадою бранцов сожжон город Бранск». Узнав о сожжении крепости, москвичи поспешили к городу и по пути «пана Станислава Бартошевича у одном селе поймали и иных многих бранцов с ним», а затем заняли «место Бранское», «и бранцы вси присягнули служити великому князю московскому»[49].

Нужно учесть, что Хроника Быховца — источник, вышедший из противоположного москвичам лагеря. Поэтому пожар в городе хронист приписывает «зраде» брянцев. Впрочем, можно допустить, что в Брянске действительно существовала некая промосковская «партия», хотя до 1500 г. никаких сведений о ней нет. Но даже если отнестись с доверием к этому известию хроники, следует признать, что силы этой «партии» были весьма

---

[47] Сб. РИО. Т. 41. С. 318.

[48] ПСРЛ. Т. 28. С. 333—334; там же. Т. 8. С. 239; ИЛ. М., 1957. С. 140. См. также: Сб. РИО. Т. 41. С. 318.

[49] Там же. Т. 32. М., 1975. С. 166.

ограниченны: они действовали тайно, ночью, выбрав момент, когда наместник был в отъезде, причем с этим последним были в селе захвачены врасплох «иныи многий бранцы», очевидно, в замысел заговорщиков (если таковой имелся) не посвященные. В итоге из сообщения Хроники Быховца следует лишь, что тайные сторонники Москвы только подали знак воеводам Ивана III, облегчили им выполнение их задачи, но о добровольной сдаче города речи нет. Характерно, что ни один московский источник не упоминает об этой услуге брянцев: летописи и дипломатические документы (послания к крымскому хану) лаконично сообщают о взятии Брянска воеводами и «поимании» наместника[50]. Как бы то ни было, присоединение Брянска прошло в основном по тому же «сценарию», что и Мценска и Серпейска: сначала занятие города московской ратью, а после этого — присяга населения на верность новому государю.

На завершающем этапе кампании 1500 г. были завоеваны города Дорогобуж, Путивль, Торопец. Дррогобуж, как было показано выше, неоднократно в течение 80 — 90-х гг. XV в. менял своих владельцев (Гаштольды, кн. Федор Одоевский), кому он принадлежал накануне описываемых событий — неизвестно. Сюда была направлена рать во главе с Юрием Захарьичем, состоявшая (по разрядам) из четырех полков[51]. В большинстве летописей известие об этом походе помещено перед рассказом о Ведрошской битве (14 июля), причем в Софийской I, Вологодско-Пермской, Воскресенской, Никоновской оно помечено «тоя же весны» и идет вслед за сообщением об успехах рати Якова Захарьича, вышедшей из Москвы 3 мая[52]. Поэтому взятие Дорогобужа можно датировать маем — июнем 1500 г. Некоторые подробности этого события содержатся в окончании Ермолинской летописи по Кирилло-Белозерскому списку: только здесь перечислены, кроме Юрия Захарьича, другие воеводы, участвовавшие в походе (видимо, на основании разрядных записей), и сказано, что они «град Дорогобужь взяша и людеи всех дорогобужцев к целованью приведоша за великого князя»[53].

Путивль был взят войском Якова Захарьича (5 полков), действовавшим на Северщине; летописи и разряды называют одну

---

[50] ПСРЛ. Т. 28. С. 333—334; там же. Т. 8. С. 239; ИЛ. М., 1957. С. 140. См. также: Сб. РИО. Т. 41. С. 318.

[51] РК 1598. М., 1966. С. 30; РК 1605. Т. 1. С. 60.

[52] ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 46; Т. 26. М.—Л., 1959. С. 293; Т. 8. С. 239; Т. 12. С. 252; Т. 37. М., 1982. С. 173.

[53] ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. Прил. 2. С. 196.

и ту же дату этого события — 6 августа; подробности этого похода неизвестны, за исключением того, что в нем участвовали новые вассалы Ивана III — северские князья и что в плен попал путивльский наместник кн. Богдан Глинский с женой[54]. После этого вся Северщина оказалась под властью Москвы.

Наконец, третья, псковско-новгородская, рать овладела Торопцом. Псковский летописец отметил, что поход продолжался 11 недель, а вернулись псковичи 1 октября («на Покров»)[55]: стало быть, выступили они в поход в первой половине июля, Торопец же, согласно разрядной записи, был взят 9 августа[56]. При этом в плен был захвачен тамошний наместник кн. Семен Соколинский[57].

Все названные города были взяты силой, но какого-либо сопротивления источники не отмечают. Помощь из Литвы так и не подошла, а после разгрома на Ведроши всякая надежда на нее исчезла. К этому нужно добавить, что переход весной 1500 г. последних остававшихся еще верными господарю князей на сторону Москвы (Семена Бельского, Мосальских, северских князей) отрезал великокняжеские города от сообщения с Литвой. В таких условиях они, конечно, не могли противостоять натиску московских войск.

В период с 80-х гг. XV в. по 1500 г. в зоне русско-литовского конфликта оказались две категории городов: удельно-княжеские городки и небольшие господарские города. Первые, как мы могли убедиться, вообще не имели собственной позиции и безропотно переходили из рук в руки: до 1500 г. приобретения Москвы состояли только из городов этой категории. Вторые имели свое отношение к происходящему: они оставались до последней возможности лояльными к Литве и добровольно менять подданство не собирались, но когда в 1500 г. Москва прибегла к крупномасштабным военным действиям на литовском фронте, эти небольшие города, оставленные виленским правительством на произвол судьбы, оказались не в состоянии себя защитить; стремясь избежать полного разорения, горожане после занятия своих городов воеводами Ивана III вынуждены были присягнуть московскому государю. В целом же ход и исход событий 1480—1500-х гг. определялся не городами, а князьями и растущим военно-политическим натиском Московского государства. Небольшие «украинные» города (не говоря уже о княжеских крепостцах) не могли составить серьезного препятствия для его продвижения на запад.

---

[54] РК 1605. Т. 1. С. 57; ПСРЛ. Т. 28. С. 334; Т. 8. С. 239; ИЛ. С. 141; Сб. РИО. Т. 41. С. 328.

[55] ПЛ. Вып. 1. М.—Л., 1941. С. 84.

[56] РК 1605. Т. 1. С. 57.

[57] Сб. РИО. Т. 41. С. 345.

Война продолжалась еще несколько лет после 1500 г., но характер ее начал меняться, что обнаружилось уже в 1501—1502 гг. Внешнеполитическая обстановка в эти годы была уже менее благоприятна для замыслов Ивана III: теперь ему пришлось иметь дело с коалицией Литвы и Ливонии, что заставляло делить силы между двумя фронтами[58]; к тому же одновременно на Северщину вторгся союзник великого князя (с осени 1501 г. — и польского короля) Александра — Ших-Ахмет[59]. На литовском фронте в 1501 г. серьезных боевых действий не велось, единственным достойным упоминания событием стала осада Мстиславля.

Поход начался из Стародуба, куда, согласно разрядам, великий князь прислал 24 сентября 1501 г.[60] в помощь князьям Семену Стародубскому и Василию Шемячичу своих воевод (кн. А. В. Ростовского и других)[61]. Летописи сообщают, что они подошли к Мстиславлю 4 ноября; навстречу московским полкам вышел мстиславский князь, Михайло Ижеславский, а также господарский воевода Остафий Дашкевич «з двором великого князя заставою и з жолныри»; в начавшейся битве победа досталась воеводам Ивана III, истребившим якобы 7 тыс. врагов (явное преувеличение), «а князь Михайло едва утече в град»; постояв около Мстиславля и опустошив окрестности, воеводы возвратились в московские пределы[62]. Кое-какие подробности содержатся в разрядах: здесь, в частности, упоминается, что северские князья и воеводы Ивана III «посады сожгли» у Мстиславля[63]. Хроника Быховца освещает то же событие с противоположной стороны:

---

[58] Об этой коалиции и действиях на ливонском фронте см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 466—481; 495—499; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 215—234; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982. С. 189—193.

[59] ЛМ. Кн. 5. Л. 241, 247 (опубл.: LM. Kn. 5. P. 170, 178). Подробнее см.: *Kuczyński S.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy Warszawa, 1936. S. 323—326.

[60] РК 1598. С. 32—33. В разрядной книге 1475—1605 гг. этот поход записан дважды: сначала (ошибочно) под 7009 г., 7 сентября, затем правильно — под 7010 г., 24 сентября. См.: РК 1605. Т. 1. С. 63—64 и 76—77.

[61] РК 1598. С. 33; РК 1605. Т. 1. С. 76.

[62] ПСРЛ. Т. 28. С. 335; Т. 8. С. 240—241; Т. 6. С. 47; Т. 12. С. 254; Т. 26. С. 294. ИЛ. С. 142—143.

[63] РК 1598. С. 32; РК 1605. Т. 1. С. 76. Эта разрядная запись была скопирована составителем Хронографа из собр. Попова (XVII в.): *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 155—156. № 146.

о битве под городом тут ничего не говорится, зато сказано, что князь Семен Можайский «з москвичи», «оступивши город Мстиславль, стояли время немало», «много злого около города вчинивши»[64].

Итак, осада была снята, взять Мстиславль не удалось, несмотря на победу над «заставой» Александра и сожжение посадов. В чем причина? Можно, конечно, сослаться на недостаток сил для осады из-за их отвлечения на другие направления, но ведь в прежние годы осада вообще не требовалась: украинные городки захватывались с одного удара, а то и сдавались без боя. Разряды показывают, что пришедшая осенью 1501 г. под Мстиславль рать насчитывала пять полков при девяти воеводах, помимо отрядов северских князей[65], — это ничуть не меньше, чем во время походов 90-х гг. к «верховским» городам или операций 1500 г. на Северщине. Значит, дело в самом городе: как было выяснено в предыдущей главе, Мстиславль (наряду со Слуцком и Пинском) принадлежал к тому типу частновладельческих городов, которые по своему статусу не уступали многим господарским городам и занимали прочное место в политической системе Великого княжества Литовского. Стояние московской рати под Мстиславлем показало, что время легких успехов прошло, требовались гораздо большие военные усилия.

Целью кампании следующего года стал Смоленск. Летописи повествуют об этой экспедиции очень лаконично: 14 июля 1502 г. великий князь отправил своего сына Дмитрия Ивановича с ратью к Смоленску, а затем сказано о его возвращении 23 октября в Москву, результаты похода изложены предельно кратко: «землю Литовскую повоева и поплени, а града Смоленска не взял, понеже крепок бе»[66]. Некоторые подробности сохранились в Типографской и Вологодской летописях (в частности, указание на время снятия осады Смоленска — о чем см. ниже), а также в посольских «речах» Ивана III хану Менгли-Гирею. Все эти источники давно введены в научный оборот. В поисках дополнительной информации можно обратиться к материалам польско-литовского происхождения. Польские хронисты (М. Меховский, Б. Ваповский, не говоря о более поздних), хотя и упоминают о смоленской осаде 1502 г., мало что могут прибавить к имеющим-

[64] ПСРЛ. Т. 32. С. 168.

[65] РК 1598. С. 32—33; РК 1605. Т. 1. С. 76—77.

[66] ИЛ. С. 144; ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. 8. С. 243, 244; Т. 26. С. 296; Т. 12. С. 256, 257; Т. 6. С. 48.

ся у нас сведениям[67]. Зато опубликованные Ф. Папэ акты, относящиеся ко времени правления в Польше короля Александра (1501—1506), до сих пор не привлекшие к себе внимание отечественных исследователей, проясняют многие детали указанного похода. Так, из одного документа, помещенного в этом сборнике, явствует, что еще 9 июня король получил из Смоленска известие о приближении к городу «русских князей» — Перемышльского (Воротынского. — *М. К.*), Можайского, Шемячича; расположившись с артиллерией в 30 милях от Смоленска, они ожидали подхода основных сил из Москвы[68]. Стало быть, 14 июля — дата выступления главного корпуса, а передовые отряды служилых князей отправились на месяц с лишним раньше. В начале августа король, находившийся в Минске, узнал о приближении к Смоленску большого войска во главе с сыном великого князя и о движении 4-тысячного отряда кн. Можайского по направлению к Полоцку; тем временем «московиты» опустошили и сожгли предместье (prourbium) Витебска[69]. Эта информация находит подтверждение в наказах русским послам в Крым, которые на возможный вопрос хана о результатах похода Дмитрия Ивановича должны были отвечать: «сын... великого князя сам стоял под Смоленском, а люди... ходили да землю воевали... за Мстиславль по Березыню и по Видбеск, по Полтеск и по Двину», а «у Витебска посады пожгли»[70].

Осада Смоленска началась, видимо, во второй половине августа. В послании польским панам, написанном между 5 и 17 августа, Александр живописует, как к нему снова и снова приходят жители Смоленска с плачем и мольбой о защите от врага, вставшего лагерем в 20 милях от их города[71]. А к концу этого месяца король получил уже донесения о стычках под Смоленском между осаждающими и осажденными[72].

Разумеется, главная роль в обороне города принадлежала гарнизону, но многое зависело и от позиции горожан, а они демонстрировали полную лояльность Литве, надеясь, как явствует из приведенного выше документа, на помощь короля, и не собирались сдаваться, хотя на их долю выпали во время осады

---

67 *Miechowski.* Cracoviae, 1521. P. CCCLXIV. *Wapowski.* Kraków, 1874. P. 50—51.

68 AA. Kraków, 1927. № 80. P. 100.

69 Ibid. № 95. P. 124.

70 Сб. РИО. Т. 41. С. 439, 461 (наказы повторяются дословно).

71 AA. № 96. P. 128.

72 Ibid. № 100. P. 140.

нелегкие испытания: согласно Хронике Быховца, «москвичи... будучи под Смоленском, воевали на вси стороны, а город Смоленск, мало не увесь пушками обложивши, и день и ночь безпрестанно его добывали... невымовныя штурмы на него чинили...»[73] 27 августа Иван III послал к сыну дьяка Ивана Телешова с приказом ускорить взятие города[74]. 16 сентября осаждающие предприняли последнюю попытку штурма крепости, но были отбиты с потерями: как донесли королю, якобы был убит «один из главных воевод по имени Палецкий» (в разрядах похода такой воевода не значится[75]) и взорвана одна вражеская пушка[76]. Правда, согласно Типографской летописи, русские воеводы «стояша... под градом до Воздвижениа Честнаго Креста»[77], т.е. до 14 сентября, но, вероятно, точнее известие Вологодской летописи о том, что они «отидоша прочь на третий день по Воздвижениеве дни»[78], т.е. 17 сентября — на следующий день после неудачного штурма.

Итак, взять Смоленск не удалось. По возвращении в Москву князь Дмитрий Иванович (словно ища виновников неудачи) пожаловался отцу на низкую дисциплину в полках: «многые дети боярские... в волости отъежщая, грабили без его ведома, а его не послушашя», — виновные тут же были наказаны[79]. Сам же Иван III в наказе послу к хану так объяснил причину неуспеха: «пришла великая рать, ино корму не стало, не на чем было стояти города доставати»[80]. Современные исследователи (К. В. Базилевич, А. А. Зимин) в качестве «важнейшей причины» указывают на недостаток артиллерии у осаждавших[81], хотя источники, как мы видели, как раз подчеркивают активное использование «московитами» пушек. Вполне возможно, что и низкий уровень дисциплины, и нехватка корма действительно имели место, но это лишь одна сторона дела, главное же заключается в том, что московские полки впервые столкнулись со столь сильным сопротивлением, и к мощи крепостных укреплений прибавилось еще упорство осажденных.

---

[73] ПСРЛ. Т. 32. С. 168.
[74] Сб. РИО. Т. 35. С. 335.
[75] РК 1598. С. 34; РК 1605. Т. 1. С. 69—70.
[76] АА. № 113. Р. 165.
[77] ПСРЛ. Т. 24. С. 214.
[78] Там же. Т. 37. С. 173.
[79] Там же. Т. 24. С. 215.
[80] Сб. РИО. Т. 41. С. 439, 461. Ср. там же. С. 532: «нечем было *долго* стоати города доставати».
[81] *Базилевич К. В.* Внешняя политика... С. 495; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. С. 192.

Как раз перед самой осадой, 16 августа 1502 г., Александр по челобитью смоленских мещан, жаловавшихся на разорение от размещенных в крепости наемников, выдал им льготную грамоту с освобождением на шесть лет от уплаты серебщины и ордынщины[82]. По мнению В. П. Мальцева, это и другие пожалования Смоленску (в частности, привилей 1505 г.) свидетельствуют о том, что «король чувствовал шаткость своих позиций в Смоленске и старался льготами привязать к себе население»[83]. С этим выводом трудно согласиться. Бесспорно, господарь уделял большое внимание Смоленску как важнейшему форпосту на восточных рубежах Литовского государства: вскоре по восшествии на литовский престол, в начале 1493 г., Александр обратился к смолянам со специальным посланием, в котором выражал надежду на их верность и на то, «иж дай Бог, замок наш Смоленск будет в целости захован»[84]. Однако о шаткости литовских порядков в Смоленске говорить нет оснований. Во время войны 1492/93 г., как мы помним, смоляне входили в великокняжескую «заставу» в верховских городках, пытаясь удержать их под литовской властью. Другим доказательством их лояльности к виленскому двору стала безуспешная осада 1502 г. Поэтому, подтверждая в 1505 г. своим привилеем права горожан, Александр с полным основанием мог сказать, что смоляне не только прежним господарям верно служили, «але вжо и часу счастного панованья нашого противу неприятелем нашим они досыть чинили и нам верне служили, яко господару своему отчинному и дедичному»[85].

Перемирие 1503 г. лишь на несколько лет приостановило борьбу между двумя державами. Уже в 1507 г., при новом московском государе Василии III и новом великом князе литовском и польском короле Сигизмунде I, война возобновилась[86]. В июле рать под командованием И. В. Вельяминова ходила «на смоленские места»[87]; литовский же отряд сжег в 1507 г. Чернигов[88]. Осе-

[82] АЗР. Т. 1. № 199. С. 347.

[83] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. С. 36.

[84] АЗР. Т. 1. № 108. С. 126.

[85] Там же. № 213. С. 363.

[86] О военных действиях в 1507 г. см.: *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899. С. 15—16; *Herbst S.* Wojna Moskiewska 1507—8 // Księga ku czci Oskara Haleckiego. Warszawa, 1935. S. 32—39; *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. С. 84–85.

[87] РК 1598. С. 38; РК 1605. Т. 1. С. 95.

[88] ПСРЛ. Т. 24. С. 216.

нью того же года зона боевых действий переместилась к Мстиславлю и Кричеву. Большинство летописей кратко сообщают о посылке 14 сентября 1507 г. великим князем воевод, кн. В. Д. Холмского и Якова Захарьича, к Мстиславлю[89]; Типографская летопись прибавляет к этому, что «тогды же под Мстиславлем посады пожгли»[90]. Некоторые дополнения можно найти в польских хрониках: так, Бернард Ваповский сообщает, что войско великого князя Василия осадило и пыталось взять крепости Мстиславль и Кричев; узнав об этом, король послал туда воевод на выручку; услышав об их приближении, «московиты» сняли осаду и быстро отступили[91]. Станислав Гурский упоминает, что войско «Московита» вошло в Литву в ноябре (это согласуется с датой выхода из Москвы 14 сентября) и осадило названные крепости, но вследствие сильных морозов вернулось в Московию[92]. Позднейшие хронисты ничего ценного к этому не добавляют, Кричев у них превратился в «Гзиков» и т.п.[93] О действиях под Кричевом упоминает и Типографская летопись: у стен этого города воеводу Михаила Образцова «ис пищали застрелили»[94]: видимо, осажденные активно оборонялись.

Разряды сообщают о посылке в сентябре 1507 г. еще одной рати — из Великих Лук, во главе с боярином Г. Ф. Давыдовым—Челядниным, но направление похода не определено, сказано просто — «в Литовскую землю»[95]. В последующих кампаниях псковские воеводы обычно направлялись к Полоцку и Витебску, поэтому можно предположить, что именно рать Г. Ф. Давыдова имел в виду Сигизмунд в посольских «речах» к ливонскому магистру от 26 ноября 1507 г., где он сообщал, в частности, что «князь московский... присылал замку... Полоцка добывати колкодесять тысяч, а вшакож з ласки Божьее без кождое образы замку и з шкодою немалою мусили люди его з земли выехати»[96]. Итак, ни Мстиславля, ни Кричева, ни Полоцка (не говоря уж о Смоленске, под стенами которого также появлялась в 1507 г. московская рать[97]) взять не уда-

[89] ИЛ. С. 151; ПСРЛ. Т. 6. С. 52, 247; Т. 8. С. 248; Т. 28. С. 341.

[90] ПСРЛ. Т. 24. С. 216.

[91] *Wapowski*. Kraków, 1874. P. 75—76.

[92] AT. T. 1. P. 15.

[93] *Bielski M*. 1554. K. 288; *Stryjkowski M*. T. 2. S. 344.

[94] ПСРЛ. Т. 24. С. 216.

[95] РК 1598. С. 39; РК 1605. Т. 1. С. 98–99.

[96] ЛМ. Кн. 8. Л. 65 об (опубл.: LUB. Abt. II. Bd. 3. Riga — Moskau, 1914. № 283. S. 211; LM. Kn. 8. Vilnius, 1995. P. 94).

[97] РК 1605. Т. 1. С. 96; LM. Kn. 8. P. 94.

лось, воеводы ограничились лишь опустошением волостей и сожжением посадов.

Военные действия следующего, 1508 г. уже рассмотрены нами подробно ранее (см. ч. 1, гл. 4) в связи с изучением мятежа Глинских. Здесь же уместно напомнить, что мятежники даже при содействии присланных им на помощь Василием III войск не смогли взять ни одного города — ни Минска, ни Слуцка, ни Орши, ни Мстиславля, ни Кричева. Особенно примечательна безуспешная осада ими в течение нескольких недель Минска, гарнизон которого, по словам самого Михаила Глинского, насчитывал «только тридцать жолнеров, а люди были... на городе велми малые»[98]. Таким образом, неудача осады объяснялась именно позицией горожан, в массе своей не желавших менять литовское подданство на московское[99].

Кампания 1508 г., да и вся война в целом, не только не принесла московской стороне новых приобретений, но и обернулась чувствительными потерями: литовские войска, изгнав противника из своих пределов, перешли границу, сожгли г. Белую, подступали к Торопцу[100], а гетман Станислав Кишка, не встретив сопротивления, взял и сжег Дорогобуж, опасность угрожала даже Вязьме[101]. Правда, вскоре московские войска снова заняли названные города, но Любеч, также захваченный литовцами в этой войне, по мирному договору 8 октября 1508 г. остался за Великим княжеством[102] (впервые на этот факт обратил внимание Я. Натансон-Лески; в отечественной историографии он отмечен только в диссертации Н. Б. Шеламановой[103]). Указанные события: сожжение литовцами Чернигова (1507 г.), Белой, Дорогобужа, отвоевание ими Любеча, — показывают, сколь непрочным было присоединение этих украинных городов к Русскому государству, несмотря на видимую легкость их завоевания в 1500 г. Особенно показателен эпизод, случившийся в 1508 г. в Торопце и зафиксированный в разрядной книге: летом (вероятно, в августе) великий князь Василий получил известие, что

[98] АЗР. Т. 2. № 20. С. 23.

[99] Хотя одиночные перебежчики, конечно, были (см. там же).

[100] Рус. временник. С. 72.

[101] *Decius J.* Cracoviae, 1521. P. LXVI; *Wapowski*. P. 80; AT. T. 1. P. 23.

[102] АЗР. Т. 2. № 43. С. 53.

[103] *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Lwów — Warszawa, 1922. S. 104; *Шеламанова Н. Б.*Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Автореф. канд. дис. М., 1971. С. 22.

«х Торопцу пришли литовские люди да х целованью торопчан приводят за короля»[104]; на выручку туда были направлены крупные силы во главе с кн. Данилом Васильевичем Щеней, и вот 4 сентября последний прислал великому князю донесение, «что он пришол со всеми людьми в Торопец, а торопчаня ево встретили. И он их х кресному целованью привел, а которые у нево не были, и он по тех послал», а «литовские люди», приводившие торопчан «х целованью за короля... збежали»[105]. Характерно, что сами торопчане не оказали никакого сопротивления «литовским людям», и, если бы не своевременный приход крупных московских сил, город, конечно, остался бы за Литвой. Интересно также, что часть горожан поспешила навстречу Д. В. Щене, другие же не торопились присягать повторно московскому государю, и их пришлось приводить (силой?): возможно, в Торопце имелась и промосковская, и пролитовская «партии». Наконец, нельзя не отметить полную пассивность торопчан, не противившихся ни одной из соперничавших сторон и покорно присягавших той из них, у которой в данный момент был военный перевес. В этом отношении поведение жителей небольших господарских городов очень напоминает реакцию населения удельных городков при тех же обстоятельствах.

«Вечный мир», заключенный в октябре 1508 г., продержался лишь четыре года. Осенью 1512 г. началась очередная русско-литовская война, в которой центром борьбы снова стал Смоленск. Поскольку перипетии «смоленской эпопеи» 1512—1514 гг. обстоятельно изучены в литературе[106], мы можем, не касаясь всех подробностей этих событий, сосредоточить основное внимание на главном для нашей темы вопросе — позиции горожан.

Передовая рать во главе с кн. И. М. Репней-Оболенским была отправлена из Вязьмы в ноябре 1512 г., а сам Василий III с главными силами вышел из Москвы 19 декабря; в январе он прибыл к Смоленску[107]. Экспедиция была подготовлена с большим размахом: города должны были выставить для этой цели пищаль-

---

[104] РК 1605. Т. 1. С. 105. Тот же рассказ: РК 1598. С. 41.

[105] Там же. С. 106. То же в другой разрядной книге: РК 1598. С. 42.

[106] *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 40–65; *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. T. I. Kraków, 1912. S. 250—253; *Natanson-Leski J.* Dzieje... S. 108—110; *Kolankowski. L.* Polska Jagiellonów. Lwów, 1936. S. 199—203; *Мальцев В. П.* Борьба... С. 36—38; *Кузнецов А. Б.* Борьба Русского государства за Смоленск...; *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 151—163.

[107] ИЛ. С. 191, 160—161; ПСРЛ. Т. 28. С. 347; Т. 6. С. 253; Т. 8. С. 253.

ников: один только Псков снарядил 1000 пищальников[108], а в общей сложности, по некоторым данным, русская армия насчитывала 60 тыс. чел.[109] Не было недостатка и в артиллерии: по словам короля, у Василия под Смоленском было 140 пушек[110]. И тем не менее полутoрамесячная осада не увенчалась успехом. Смоляне упорно оборонялись, осаждавшие несли большие потери: в конце января 1513 г. Сигизмунду донесли, что во время одного сильного штурма было убито более двух тысяч «московитов» и один воевода[111]; возможно, именно этот неудачный штурм, во время которого погибло много пищальников и «посохи», упоминают псковские летописи[112].

Пока главные силы осаждали Смоленск, легкие отряды опустошали окрестности других городов: в феврале 1513 г. Сигизмунд сообщал ливонскому магистру, что великий князь московский, осадив Смоленск, послал «некоторых своих воевод» под Полоцк, Витебск, Мстиславль и Оршу, «желая огнем и мечом опустошить эти районы и завладеть названными крепостями со всеми их землями...»[113]. О действиях воевод в окрестностях указанных городов говорят и русские летописи (прибавляя еще Минск, Друцк, Браславль, Кричев и упоминая, кроме того, о сожжении кн. Василием Шемячичем киевских посадов[114]). Но и здесь они встретили сопротивление: Сигизмунд сообщает в одном из писем в конце января, что полоцкие бояре разбили отряд в несколько сотен конных и прислали пленных в Вильно[115]; всего же, по признанию самих пленных, как доложили королю, «московиты» потеряли в этой кампании более 11 тыс. убитыми[116]. Сняв осаду, Василий III в марте вернулся в Москву[117]. Новгородский летописец так подвел итоги этого похода: великий князь «воевал осень и зиму до великих заговен, а землю пустошил всю, города же ни единого не взял...»[118].

Но Василий III не отказался от своего замысла овладеть Смоленском. Новый поход не заставил себя долго ждать: передовые

---

[108] ПЛ. Вып. 1. С. 97.
[109] *Wapowski B.* P. 110.
[110] AT. T. II. Posnaniae, 1852. № 218. P. 183.
[111] Ibid. № 167. P. 157.
[112] ПЛ. Вып. 1. С. 97; там же. Вып. 2. М., 1955. С. 259.
[113] РГАДА. Ф. 147. Оп. 1. Ч. 3. № 709. Л. 1 об. (опубл.: Русско-ливонские акты. СПб., 1868. № 317. С. 278).
[114] ИЛ. С. 192—193; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 538.
[115] AT. T. II. P. 158.
[116] Ibid. № 203. P. 177; № 218. P. 183.
[117] ПСРЛ. Т. 8. С. 253; ИЛ. С. 193.
[118] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 538.

Карта 7. Русско-литовская война 1512–1522 гг.

отряды уже 17 июля 1513 г. выступили в поход и, подойдя к Смоленску, «оступиша град»; затем 11 августа туда же были отправлены «большие воеводы» во главе с кн. Д. В. Щеней, а рать кн. В. В. Шуйского в тот же день двинулась к Полоцку; сам Василий III прибыл к Смоленску 22 сентября[119]. Б. Ваповский и анонимный автор «Нового известия» о событиях в Литве (судя по тексту, оно написано неким немецким наблюдателем в конце 1513-го — начале 1514 г.) оценивают численность русской армии в 80 тыс.[120]; кроме того, по тем же (наверное, завышенным) данным, 24-тысячное войско стояло под Полоцком и 8-тысячный отряд — под Витебском[121]. Однако, несмотря на большой перевес, ни одного из этих городов московские воеводы взять не смогли.

Все источники, и русские и иностранные, говорят об упорстве и стойкости жителей Смоленска. В течение многих дней город обстреливался из пушек и пищалей, «и стрелницу Крыношевскую розбиша... и града Смоленска людем великие скорби нанесе», — говорится в летописной повести, помещенной в сборнике с Иоасафовской летописью[122]. О непрерывных штурмах города в течение четырех с лишним недель повествует немецкое «Новое известие»: «Добрые люди в крепости рыцарски оборонялись, терпели большую нужду от врагов, а также голод, потом съели всех лошадей, решившись все-таки скорее съесть друг друга, чем сдаться; они жили в надежде, что их спасут, сожгли самый город и забрались в крепость... в ней было более 10 000 мужчин и женщин. Эти благочестивые достойны венца...»[123]. Важно подчеркнуть, что здесь идет речь именно о «гражданском населении», а не о гарнизоне. Справедливость приведенной характеристики немецкого автора подтверждается совершенно независимым от него источником — свидетельством псковского летописца, отметившего упорство осажденных: когда крепость начали обстреливать из пушек, «и что ростепуть днем, и смольняне то ночью опять наделають»[124]. Здесь же приведена еще более выразительная деталь: «посылал к ним князь великий грамоты многие о доб-

---

[119] РК 1598. С. 51; РК 1605. Т. 1. С. 132—135.

[120] *Wapowski B.* P. 115; *Рябинин И.* Новое известие о Литве и Московитах // ЧОИДР. 1906. Кн. III. Смесь. С. 5 (цитирую по переводу Рябинина).

[121] *Рябинин И.* Указ. соч. С. 5.

[122] ИЛ. С. 194.

[123] *Рябинин И.* Новое известие. С. 6.

[124] ПЛ. Вып. 1. С. 97.

ре и о зле, чтобы они задалися за великого князя... а смоляне не задашася за него»[125].

Ничего не добились и отряды, осаждавшие Витебск и Полоцк. Рано утром 4 октября витебляне совершили вылазку и сразили будто бы 500 московитов[126]. Упорно держался также Полоцк, осажденный, по польским сведениям (вероятно, преувеличенным), 20-тысячным войском[127]; крепость выдержала множество штурмов[128]. Наконец, 1 ноября Василий III снял осаду Смоленска[129] и из-под Полоцка велел воеводам «итти коиждо по своим домом»; 21 ноября 1513 г. великий князь возвратился в Москву[130].

На этот раз передышка оказалась совсем короткой: уже 4 февраля 1514 г. великий князь «приговорил..., что ему итить к Смоленску в третие», а 30 февраля на Дорогобуж, а оттуда к Смоленску была отправлена рать во главе с кн. Д. В. Щеней[131]. Передовой полк под командой кн. М. Л. Глинского прибыл к Смоленску в середине апреля[132]; следом прибыли остальные полки, и в середине мая началась очередная осада[133], оказавшаяся последней. 8 июня туда отправился сам Василий III в сопровождении своего двора[134]. Были испробованы разные средства воздействия на осажденных: и увещевания, угрозы, посулы (на этом поприще подвизался князь М. Л. Глинский: образцы его красноречия приводят Марцин Бельский и Станислав Гурский[135]), и более сильный «аргумент» — непрестанный артиллерийский обстрел[136]. Наконец, в последних числах июля (30-го или 31-го, по разным данным[137]) крепость пала.

---

[125] ПЛ. Вып. 1. С. 97. Ср. там же. Вып. 2. С. 259 («... а смольняне не здашася еще»).

[126] АТ. Т. II. Р. 255.

[127] Ibid. № 359. Р. 261.

[128] *Рябинин И.* Новое известие. С. 5—6.

[129] Там же. С. 6—7.

[130] ИЛ. С. 194; ПСРЛ. Т. 28. С. 347. При отступлении московские войска тщетно пытались взять Оршу (АТ. Т. II. Р. 261—262).

[131] РК 1605. Т. 1. С. 136, 137. В РК 1598 (с. 53) хронология начала похода сбивчива и ненадежна.

[132] АТ. Т. III. Posnaniae, 1853. № 80, 81. Р. 70, 71.

[133] Ibid. № 134. Р. 103; АЗР. Т. 2. № 88. С. 114; ЛМ. Кн. 7. С. 522, 530.

[134] РК 1605. Т. 1. С. 138; ИЛ. С. 162, 195; ПСРЛ. Т. 28. С. 348.

[135] *Bielski* 1554. K. 292 v.; АТ. Т. III. Р. 2.

[136] ИЛ. С. 162, 195; ПСРЛ. Т. 37. С. 100.

[137] Там же; АТ. Т. III. Р. 2, 154; *Decius*. Р. LXXXVII; *Wapowski B*. Р. 116; *Stryjkowski M*. Т. 2. S. 375 и др. О дате капитуляции Смоленска см.: *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 63, прим. 1; *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 162—163, прим. 79 и 81.

В источниках сохранились различные версии этого события. Согласно одной из них, Михаил Глинский склонил защитников города к сдаче[138], причем ряд авторов прямо говорят, что он действовал подкупом и обещаниями на воинов гарнизона, которым был хорошо известен (С. Герберштейн), на воинских командиров (Б. Ваповский, С. Гурский); по существу, о том же пишет М. Бельский: по его словам, Глинский через тех людей, кого знал в «замке», передал туда, что они, если сдадутся, сохранят все свое добро, а коли перейдут на московскую службу, то «великий князь московский будет вам платить за службу лучше, чем польский король»; по словам другого хрониста, М. Стрыйковского, Глинский вел переговоры с «жолнерами и иными смоленскими боярами»[139]. Сигизмунд в послании брату, венгерскому королю Владиславу, недоумевал, как эта крепость, выдержавшая в минувшие годы столь жестокие обстрелы и штурмы, теперь без всякого приступа, не понеся поражения и имея запасы продовольствия, открыла ворота врагу — «из-за преступления и вероломства некоторых наемных воинов и кое-кого из местной знати»[140]; Й. Деций тоже говорит об измене Смоленска, но отмечает, что крепость склонилась к этому после того, как долго и тщетно ожидала помощи от короля[141].

Наконец, русские летописи подчеркивают, что от канонады «страх велик нападе на гражданы», «страх и трепет», и «видя своего града погибель», они «начаша бити челом великому князю»; словом, причиной капитуляции было «изнеможение градное»[142].

Нет единства и среди исследователей: одни указывают на неспособность смольнян выдержать еще одну осаду и отсутствие помощи со стороны Литвы (Е. И. Кашпровский, Т. Корзон), другие все объясняют изменой (Я. Натансон-Лески)[143]. Есть и третья точка зрения, как уже говорилось, до сих пор преобладающая в отечественной историографии: смоляне симпатизировали Москве, что и обусловило сдачу города (М. К. Любавский, В. П. Мальцев, А. Б. Кузнецов).

---

[138] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1848. № 146. P. 361. См. также следующую сноску.

[139] *Герберштейн С.* С. 69, 78, 189—190; *Wapowski B.* P. 116; AT. T. III. P. 2; *Bielski M.* 1554. K. 292 v.; *Stryjkowski.* T. 2. S. 375.

[140] AT. T. III. № 216. P. 154.

[141] *Decius.* P. LXXXVII.

[142] ИЛ. С 162, 195; ПЛ. Вып. 1. С. 97; ПСРЛ. Т. 37. С. 100.

[143] *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 60, 63; *Korzon T.* Dzieje wojen... S. 252—253; *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy... S. 109.

Нужно отметить, что первые две версии не противоречат друг другу: вполне допустимо (и подтверждается приведенными выше свидетельствами источников), что часть гарнизона и местного боярства склонилась на уговоры и обещания великого князя и его воевод (того же Глинского), решающим же фактором явилось изнеможение населения, измученного тремя осадами подряд, оставленного на произвол судьбы литовским правительством. Зато с третьей версией никак нельзя согласиться. Прежде всего, ни один источник (в том числе и московские летописи) не упоминает о каких-то симпатиях смольнян к Москве как причине их капитуляции. Тем более нет оснований, как это делают В. П. Мальцев и А. Б. Кузнецов, приписывать эти симпатии городским «низам»: если в Смоленске и были сторонники Москвы, то их, судя по приведенным выше польским данным, следовало бы искать среди городской верхушки, а не среди простонародья. Далее, если основная масса населения тяготела к Москве, чем объяснить тот факт, что жалованная грамота Василия III, выданная по челобитью горожан, копировала основные статьи господарских привилеев и специально оговаривала, что «нам (государю. — *М. К.*) их держати о всем по тому, как их держал князь великий Витофт и иные государеве, и Александр король и Жигимонт...»[144]? Этот документ, по-моему, совершенно ясно показывает, какие порядки были милы смольнянам.

Социальное расслоение, бесспорно, имело место в Смоленске (к этому мы вернемся в следующей главе), но во время всех осад и в момент капитуляции сословная рознь не проявлялась, горожане выступали совместно, всем городом[145]. Непонятно, почему А. Б. Кузнецов считает, что в делегации смольнян к Василию III были только мещане и черные люди, а бояре и «другие представители высших властей» будто бы намеренно не приняли участия в этом посольстве[146]. В летописной повести о взятии Смоленска (в сборнике с Иоасафовской летописью), на которую ссылается Кузнецов, сказано, что к великому князю был послан смоленский боярин Михаил Пивов, а с ним мещане и черные люди (т.е. главой делегации был боярин), «и Михайло от владыки... и от князеи, и от боар, а мещане от мещан и от

---

[144] СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 148. С. 412.

[145] См. описание момента сдачи города: ИЛ. С. 162, 195; ПСРЛ. Т. 37. С 100.

[146] *Кузнецов А. Б.* Борьба Русского государства за Смоленск... С. 157—158.

черных людеи били челом...»[147]. Так что делегация представляла все городские слои.

Все, что мы знаем о поведении смольнян во время всех осад, начиная с 1502 г., позволяет утверждать, что они в своем большинстве не по доброй воле оказались в 1514 г. под московской властью. К тому же надо учесть, что по крайней мере часть их лелеяла надежду на возвращение в литовское подданство, что и показал возникший в том же году в Смоленске заговор, во главе которого стоял владыка Варсонофий. На тенденциозном летописном рассказе о раскрытии этого заговора и основывается указанная выше версия о преданности смольнян Москве: в Иоасафовской, Воскресенской и многих других летописях читается одно и то же известие о том, как владыка Варсонофий задумал предать город королю, но бояре и мещане, узнав об этом, доложили государеву наместнику[148]. Это известие неправдоподобно: владыка оказывается единственным участником заговора, а смольняне всем городом выдают своего духовного пастыря! Но даже этот рассказ не дает оснований для вывода В. П. Мальцева о том, что «верхи» якобы составили заговор, а «низы» его раскрыли[149]. Есть, однако, более реалистическое изображение тех же событий: согласно Архангелогородскому летописцу, владыка замыслил «измену» вместе с князьями и панами смоленскими, а их мысль «сведал» наместник кн. В. В. Шуйский[150]: ни о каком участии горожан в раскрытии заговора здесь не упоминается. К этому эпизоду нам еще предстоит вернуться, а пока можно сделать вывод, что присоединение Смоленска к Русскому государству не было следствием проснувшейся у горожан тяги к Москве, а носило для них вынужденный характер.

Капитуляция Смоленска имела последствия и для близлежащих городов Великого княжества. Еще 26 июля 1514 г. Сигизмунд сообщал одному из своих корреспондентов о победе князя Мстиславского над 3-тысячным отрядом «московитов», угрожавшим его городу[151]. А вскоре, когда посланные 7 августа воеводы кн. М. Д. Щенятев и кн. И. М. Воротынский подошли «с многими людьми» к Мстиславлю, кн. Михаил Мстиславский, даже не пытаясь сопротивляться, встретил великокняжеских

---

[147] ИЛ. С. 195.

[148] Там же. С. 165; ПСРЛ. Т. 6. С. 256; Т. 8. С. 258; Т. 13. С. 22—23; Т. 28. С. 350.

[149] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск... С. 37.

[150] ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

[151] АТ. Т. III. № 210. P. 150.

воевод и «бил им челом, чтобы государь... взял его к себе в службу»[152]. Метаморфоза объясняется просто: между этими двумя событиями пала Смоленская крепость. Ранее, касаясь упомянутого эпизода, мы выяснили, что кн. Михаил пошел на этот шаг не по своей воле: ибо «бояре его и люди мстиславскии ему к обороне помочни быти не хотели»[153]. Учитывая поведение мстиславцев в минувшие годы, когда их город много раз видел у своих стен московские рати и выдержал две серьезные осады (в 1501 и 1507 гг.), трудно предположить, что они внезапно прониклись особой симпатией к Москве.

Видимо, не случайно вслед за Мстиславлем, 13 августа, мещане и черные люди Кричева и Дубровны прислали посольство к Василию III и принесли ему присягу[154]. В отношении Кричева также можно сказать, что прежде его жители неизменно проявляли лояльность Литве: и в 1507—1508 и 1513 гг. город, как мы помним, отражал атаки московских ратей, а еще раньше, в самом начале века, когда здешний наместник Остафий Дашкович временно перешел на службу к Ивану III (ограбив при этом приграничное население)[155], кричевляне остались верны Литве. Видимо, одновременный переход Мстиславля, Кричева и Дубровны на сторону Москвы объясняется эффектом, произведенным падением Смоленска. Е. И. Кашпровскому принадлежит важное замечание: «...с присоединением к Москве Смоленска днепровская область оставалась без прикрытия»[156]. Кроме того, теперь освободились крупные силы, ранее занятые под Смоленском; небольшие города Приднепровья были не в состоянии им противостоять. Наконец, нужно учесть еще одно обстоятельство: прежде Смоленск был центром организации обороны всего этого района. В реестре выдачи вооружения и боеприпасов прифронтовым городам весной 1514 г. подскарбий сделал примечательную запись: «Ещо воеводе смоленьскому пану на его город на Дубровну дал есьми тры гаковници»[157]. Теперь же вся эта система обороны была разрушена.

Недолго, однако, оставались названные города под властью Москвы: стоило воеводам Василия III проиграть битву под Ор-

[152] ИЛ. С. 164; РК 1605. Т. 1. С. 144; ПСРЛ. Т. 8. С. 257; Т. 13. С. 20; Т. 26. С. 304. Ср.: там же. Т. 28. С. 349 (без даты).

[153] АЗР. Т. 2. № 92. С. 117.

[154] ИЛ. С. 164; ПСРЛ. Т. 8. С. 257 и др. (см. сноску 152).

[155] Сб. РИО. Т. 35. С. 467. Ср. объяснения самого О. Дашковича королю: РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 770—771.

[156] *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 70.

[157] АЛРГ. М., 1899. Вып.1. № 138. С. 157.

шей 8 сентября 1514 г., как той же осенью (до декабря) Мстиславль, Кричев и Дубровна «отступиша к королю»[158]. Синхронность действий этих городов — одного частновладельческого и двух господарских — представляется знаменательной: выше мы отметили близость по статусу частновладельческих городов типа Мстиславля или Слуцка к непривилегированным малым господарским городам; теперь же можно констатировать и сходство в линии поведения: и те и другие сохраняли верность Литве, насколько это было в их силах, но перед лицом намного превосходящего противника капитулировали без сопротивления — с тем чтобы при первой возможности вернуться в Великое княжество.

После Смоленского взятия война тянулась еще много лет, до начала 1520-х гг., но уже с меньшим размахом[159]. В январе 1515 г. псковский наместник А. В. Сабуров совершил дерзкий набег на Рославль, хитростью овладел городом, ограбил его и с добычей и полоном вернулся[160]. В отместку отряд жолнеров под командой Януша Свирчевского сжег Торопец и ряд других пунктов[161]. Кроме того, в разрядах помещены под тем же 1515 г. росписи походов русских воевод к Витебску, Полоцку и Мстиславлю[162], но ни летописи, ни польско-литовские источники о них не упоминают, поэтому трудно судить о том, состоялись ли эти походы и каковы были их результаты.

Летом следующего, 1516 г. рать кн. А. Б. Горбатого осадила Витебск, жители которого, как уже говорилось, именно в это время послали большую депутацию к королю с жалобой на злоупотребления наместника, Януша Костевича[163]. Сам наместник также находился при дворе Сигизмунда в Вильно — защищался на процессе от обвинений горожан[164]; защитников в Витебске было мало, не хватало пороха, а у литовцев не было наготове войска, чтобы прийти на помощь[165]. И тем не менее Витебск устоял, а затем, ввиду вторжения татар в московские пределы, вой-

---

[158] ИЛ. С. 166; ПСРЛ. Т. 6. С. 257; Т. 8. С. 258; Т. 13. С. 23; Т. 28. С. 350; ЛМ. Кн. 7. С. 573.

[159] О ходе войны в 1515—1520 гг. см.: *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 81—89; *Korzon T.* Dzieje wojen... S. 255–256; *Зимин А. А.* Россия на пороге... Гл. 9.

[160] ПСРЛ. Т. 37. С. 102; ПЛ. Вып. 1. С. 98; там же. Вып. 2. С. 260.

[161] AT. Т. III. № 433. Р. 316; № 517. Р. 381.

[162] РК 1598. С. 55—56, 58; РК 1605. Т. 1. С. 146, 149.

[163] Там же. С. 152; AT. Т. IV. Posnaniae, 1855. Р. 4, 62, 67.

[164] РИБ. Т. 20. Стб. 922—929.

[165] AT. Т. IV. Р. 4, 63, 67.

ско кн. А. Б. Горбатого было отозвано, осада снята[166]. Этот эпизод, как и случай с Кричевом, покинутым своим наместником, показывает, что не только наместники и воеводы привязывали пограничные города к Великому княжеству Литовскому.

В 1518 г. московские войска совершили опустошительный рейд по территории Великого княжества, разорив окрестности Слуцка, Минска, Новогрудка, Могилева и других городов — до самого Вильна; рать кн. А. Б. Горбатого и кн. А. Д. Курбского ходила к Витебску: «острог взяли и посады пожгли и людей многих побили»[167]. Центральным эпизодом похода стала осада Полоцка. В посольстве в Крым Василий III старался изобразить ее как успех русского оружия: кн. В. В. Шуйский «и иные наши воеводы под городом под Полотцком стояли и из пушек и из пищалей по городу били... и посады у города пожгли...»[168], — в действительности же, по свидетельству псковских летописцев, воеводы потерпели под Полоцком поражение и «в Двине истопоша москвич много», «и отъидоша от Полоцка ничто же получи»[169]. Тогдашний полоцкий воевода Ольбрахт Гаштольд еще много лет спустя хвастался этой своей победой; польские и литовские источники называют цифру 5 или даже 7 тыс. убитых «москвич»[170].

В 1519 г. 50-тысячная (по польским данным) московская армия, разорив по пути окрестности Минска и Могилева, снова дошла до литовской столицы и вернулась, не взяв ни одного города[171]. Наконец, уже на исходе войны, 28 февраля 1520 г., рать В. Д. Годунова отправилась под Витебск и Полоцк: дело ограничилось сожжением витебских посадов[172].

Единственным приобретением 10-летней войны 1512—1522 гг. стал Смоленск. Поскольку на этом этапе рассчитывать на поддержку местного населения не приходилось: и малые и большие города (каждый в меру своих сил) оказывали сопротивление мос-

---

166 АТ. Т. IV. P. 4—5, 64, 69, 70.

167 Сб. РИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 535; РК 1605. Т. 1. С. 159—160.

168 Там же. С. 535.

169 ПЛ. Вып. 1. С. 100; там же. Вып. 2. С. 226.

170 АТ. Т. VII. Posnaniae, 1857. P. 265; *Герберштейн С.* С. 72; *Кашпровский Е. И.* Борьба... Прил. № 5. С. 131—132; *Wapowski.* P. 156—157; Monumenta Poloniae Historica. T. III. Lwów, 1878. P. 95—96.

171 ИЛ. С. 179—180; ПСРЛ. Т. 8. С. 268; Т. 13. С. 34—35; АТ. Т. V. Posnaniae, 1855. № 80. P. 79; *Wapowski B.* P. 162—163; Сб. РИО. Т. 53. СПб. 1887. С. 142, 160, 163.

172 Сб. РИО. Т. 53. С. 195, 203. В разрядных книгах этот поход ошибочно помещен под 7027 (1519) г.: РК 1598. С. 64; РК 1605. Т. 1. С. 160.

ковским войскам, — то успеха можно было добиться только концентрацией всех сил в одном месте, длительной упорной осадой. Между тем обострение с 1515 г. отношений с Крымом, борьбы за Казань означало перенос центра тяжести во внешней политике Московского государства с западного направления на восточное и южное[173]. Кроме того, сказывалась, вероятно, и усталость от затяжной войны, требовавшей затраты больших сил и средств. В итоге в 1515—1520 гг. на литовском фронте мы видим только кратковременные опустошительные рейды, которые не могли привести к присоединению каких-либо новых городов и земель.

В последнее десятилетие правления Василия III на русско-литовской границе поддерживалось хрупкое перемирие. А после его смерти вспыхнула в 1534 г. новая война[174], оказавшаяся последней в ряду русско-литовских войн конца XV — первой трети XVI в. Ответом на осеннее нападение (1534 г.) литовцев стал поход русских воевод вглубь Великого княжества зимой 1535 г., во время которого были опустошены окрестности Полоцка, Витебска, Браславля, Дубровны, Орши, Друцка и других городов; легкие отряды доходили почти до самого Вильна[175]. Поход повторился в июле—августе 1535 г. Его центральным событием стала безуспешная осада Мстиславля: хотя воеводы (кн. В. В. Шуйский «с товарыщи») в течение недели «моцным способом... з великим штурмом его добывали», дело ограничилось сожжением посада и повреждением крепостной стены и надворотной башни, «а город Мстиславль отстоялся»[176]. Какова была позиция местного населения, видно из следующего эпизода. Мстиславское боярство призвало на помощь ближайший литовский отряд, но хотя подмога так и не подошла[177], мстиславцы выдержа-

---

[173] См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге... С. 172 и сл., 204.

[174] О войне 1534—1537 гг. см.: *Kolankowski L.* Zygmunt August wielki książę Litwy do r. 1548. Lwów, 1913. S. 100—189; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 241—242; *Dworzaczek W.* Hetman Jan Tarnowski. Warszawa, 1985. S. 71—77; *Кром М. М.* Стародубская война (1534—1537 гг.) // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 85—148. См. также отдельное издание: *Кром М. М.* Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

[175] РК 1605. Т. 1. С. 249—251; Т. Т. XVII. Posnaniae, 1966. P. 113, 197; *Wapowski B.* P. 255—256; ПСРЛ. Т. 8. С 288; Т. 13. С. 88; Т. 26. С. 316; Т. 29. М., 1965. С. 15; Т. 34. М., 1978. С. 25.

[176] Сб. Малиновского. Томск, 1901. С. 221, 224; ЛМ. Кн. 19. Л. 58—59; ПСРЛ. Т. 8. С. 291; Т. 13. С. 95; Т. 34. С. 25; Продолжение Хронографа 1512 г. // Исторический архив. 1951. Т. VII. С. 287.

[177] Сб. Малиновского. Добавление. Томск, 1912. № 17. С. 18.

ли осаду. Не добившись здесь успеха, воеводы принялись опустошать окрестности Кричева, Могилева, Орши, Дубровны и других городов, но, узнав о вторжении литовской армии на Северщину, вернулись в Смоленск[178].

Тем временем польско-литовские войска после трех дней осады овладели 16 июля Гомелем, причем местные служилые люди-гомьяне принесли присягу на верность королю[179], а в конце августа штурмом был взят Стародуб[180]. По заключенному в феврале 1537 г. перемирию, Гомель остался за Литвой[181]. Так еще раз (после потери Любеча в 1508 г.) проявилась непрочность присоединения в 1500 г. к Московскому государству северских удельных городов. В целом война 1534—1537 гг. продемонстрировала определенное равновесие сил: Литва не могла добиться возвращения потерянных земель (кроме Гомеля), Москва с той поры прекратила на двадцать с лишним лет попытки присоединения новых городов соседнего государства.

Обобщая наши наблюдения, можно сделать вывод, что материал, относящийся к истории русско-литовских войн конца XV — первой трети XVI в., подтверждает выдвинутое выше предположение о связи между статусом того или иного города и его поведением на внешнеполитической арене. Украинные удельные городки не имели никакой самостоятельной позиции, даже не пытались как-то повлиять на свою судьбу и служили лишь объектом захвата соперничавших князей, литовских и московских войск. Эти городки, по существу, не входили в политическую систему Великого княжества, и их нетрудно было от него оторвать.

В отличие от них города, отнесенные нами ко второй категории — крупные частновладельческие (Мстиславль, Пинск, Слуцк и др.) и малые великокняжеские города, — занимали определенную позицию: они дорожили своей «стариной», которая для них была связана с порядками Великого княжества Литовского, и по мере сил защищали ее как от посягательств наместников, так и от натиска внешних врагов. Однако у этих городов наблюдается большее разнообразие в линии поведения: незначительным московским отрядам они оказывали сопротивление,

---

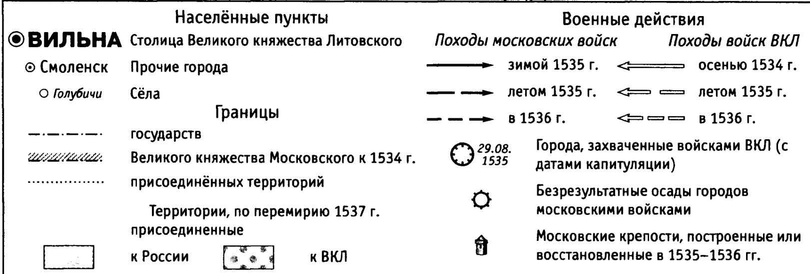
[178] ПСРЛ. Т. 13. С. 99.

[179] Там же. Т. 34. С.25; РА. М.–Варшава, 2002. № 73, 74. С. 162—165; АЗР. Т. 2. № 184. С. 337; AT. Т. XVII. № 2. Р. 6.

[180] ПСРЛ. Т. 26. С. 317; Т. 28. С. 162; Т. 29. С. 19; Т. 35. С. 236; ЛМ. Кн. 19. Л. 61—63; *Bielski* 1564. К. 423 v.; *Stryjkowski*. Т. 2. S. 398. Подробнее о взятии Гомеля и Стародуба см.: *Кром М. М.* Стародубская война (указ. статья). С. 132— 138.

[181] Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 105.

Кокенгаузен
Велье
из Пскова и Новгорода
Ржева Пустая
Опочка
3.02.1535
Б.И.Горбатый
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
Острея
Ловать
Торопец
Волга
ВЕЛИКОЕ
Ивангород (Себеж)
Заволочье
Великие Луки
Двина
Дюнабург
А.Немирович Я.Глебович
Невель
КНЯЖЕСТВО
Белая
февр. 1535
Браслав
Озерище
Усвят
Велиж
Полоцк
Двина
МОСКОВСКОЕ
февр. 1535
Бобыничи
Лучея (Лучай)
1536
Витебск
И.И.Барбашин
Днепр
Голубичи
Долца (Дольцы)
Сорица (Соржица)
Выдрея
Дорогобуж
Свеино (Сенно)
Чюдно (Чудня)
Смоленск
ВИЛЬНА
Долгиновичи (Долгиново)
Воибровичи (Войборовичи)
Заборовье
И.Вишневецкий
из Можайска М В Горбатый-Кислый
Вилия
Лукомль
февр. 1535
Прихабы
3.02.1535
Ошмена
февр. 1535
Соколин (Соколино)
Орша
Дубровна
Ю.Зеновьевич авг. 1534
лето 1535
Кревo
Молодечно
Друцк
осень 1534
В.В.Шуйский
ВЕЛИКОЕ
Борисов
Мстиславль
Десна
Нёман
лето 1535
Жеслав
Радомль
авг. 1535
Менск
Березина
Могилёв
Рославль
Новогородок
Ю.Радзивилл, Я.Тарновский
А.Немирович, В.Чиж
осень 1534
1536
февр. 1535
Кричев
КНЯЖЕСТВО
Свислочь
Пропойск
Птичь
Бобруйск
Клецк
Слуцк
Рогачёв
Сож
февр. 1535
Днепр
Чечерск
Попова Гора
Ипуть
Почеп
Ф В Овчина-Оболенский
ЛИТОВСКОЕ
16.07. 1535
Стародуб
Радогощ
1535
29.08. 1535
Речица
Гомей (Гомель)
Пинск
Припять
И.В Горенский июнь 1536
Новгород-Северский
Стыр
Туров
Мозырь
Брагин
Любеч
Припять
Чернигов
23.02.1535
Горынь
Случь
Овруч
Десна
Чернобыль
0 50 км

Карта 8. Стародубская война 1534–1537 гг.

но перед крупными силами капитулировали, с тем чтобы потом снова вернуться в литовское подданство. Таким образом, их позиция сильно зависела от военно-политической обстановки, от соотношения сил противоборствующих сторон в данный момент.

Наконец, крупные привилегированные городские общины (Полоцк, Витебск, Минск, Смоленск) наиболее активно проявляли себя во внутри- и внешнеполитической сфере. Они занимали во время русско-литовских войн бескомпромиссную позицию, выдерживали длительные осады, сопротивлялись до последней возможности и даже (подобно Смоленску в 90-х гг. XV в.) отстаивали литовские порядки в других городах.

Сказанное дает ключ к объяснению поразительной разницы в характере войн до и после 1500 г.: на первом этапе (по 1500 г. включительно) Москва имела дело с удельными и небольшими великокняжескими городами, присоединение которых по указанным выше причинам и при поддержке местных князей далось ей без особых усилий. На втором же этапе московским войскам противостояли гораздо более крупные и прочнее «укорененные» в Великом княжестве города, оказавшие настолько сильное сопротивление, что процесс присоединения новых городов к Русскому государству сначала резко замедлился, а после 1514 г. — надолго прекратился.

Глава третья

Проблема выбора между Москвой и Литвой в различных городских слоях на рубеже XV—XVI вв.

До сих пор мы рассматривали город как единое целое, как единицу политико-административной системы Великого княжества. Теперь же мы постараемся взглянуть на городскую жизнь как бы изнутри, ведь горожане не были сплошной однородной массой. По общему правилу, чем крупнее был город, чем интенсивнее протекали в нем социально-экономические процессы, тем заметнее проступало социальное расслоение.

Естественно предположить, что у разных городских слоев интересы были различны, неодинаковой была их позиция и роль в русско-литовских войнах. Сначала попытаемся разобраться, на чьей стороне в этом противоборстве двух держав оказалась городская верхушка — боярство.

Социальному облику, правовому статусу боярства Великого княжества Литовского, его роли в жизни городов посвящена обширная литература[1]. Исследователями установлено, что бояре являлись мелкими и средними землевладельцами, большин-

---

[1] *Леонтович Ф. И.* Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 5. С. 221—292; № 6. С. 192—264; *Kamieniecki W.* Spoleczeństwo litewskie w XV wieku. Warszawa, 1947. S. 81—101; *Backus O.* Die Rechtsstellung der Litauischen Bojaren 1387—1506 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. VI (1958). S. 1—32; *Хорошкевич А. Л.* Очерки социально-экономической истории Северной Белоруссии в XV в. Автореф. докт. дис. М., 1974. С. 41—46; *ее же.* Исторические судьбы белорусских и украинских земель в XIV — начале XVI в. // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 90—91; *Юргинис Ю. М.* Бояре и шляхта в Литовском государстве // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978. С. 124—130; *он же.* Бояре и дворяне и их землевладение в Великом княжестве Литовском // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1969 г. Киев, 1979. С. 18—24; *Дворниченко А. Ю.* Бояре западнорусских земель в XIII—XV вв. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1986. Вып. 2. С. 26—31.

ство из них несло военную службу при великокняжеском дворе, а меньшая часть служила удельным князьям. Щедрые земельные пожалования великих князей в XV в. заложили основу могущества ряда боярских родов. В конце этого столетия боярство играло активную роль в хозяйственной и политической жизни восточных земель Литовского государства[2].

Учитывая важную роль городской верхушки, московские власти при взятии городов старались изолировать ее от основной массы населения. Так, зимой 1492/93 г. после овладения Мезецком, Серпейском и Опаковым жители были приведены к присяге, а «градских больших людей приведоша на Москву»[3]. Та же ситуация повторилась при вступлении Василия III в 1514 г. в покоренный Смоленск: согласно Архангелогородскому летописцу, великий князь велел владыке смоленскому, королевскому воеводе и «многим князем смоленьским и паном приметным» идти в его шатер, где их продержали под стражей до утра[4].

В небольших пограничных городках — как удельных, так и центрального подчинения, — где, как мы уже выяснили, посадское население было крайне малочисленным, первенствующее положение принадлежало местному боярству, причем в силу неразвитости мещанского слоя никто это преобладание не пытался оспорить: в этих городах не заметно и следа какой-то сословной борьбы. Однако разница в статусе города проявлялась в том, что удельное боярство (оставляя пока в стороне крупные частновладельческие города вроде Мстиславля) не решало самостоятельно судьбу своего города: это была прерогатива князей, а на долю боярства господарских городов подчас выпадала такая роль. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Удельному боярству не приходилось делать выбор между Москвой и Литвой, ведь они зависели не от великокняжеской власти, а от воли местных князей, которым служили. Неудивительно поэтому, что переход того или иного князя со своей вотчиной на сторону московского государя не вызывал, как правило, никакой реакции местного боярства. Никто из гомельских или бельских, стародубских или одоевских бояр не бежал в Литву, когда их сюзерены-князья «приехали со своими городы» к Ивану III. Правда, среди господарских дворян при Сигизмунде I

---

[2] На материалах Полоцка это хорошо показано А. Л. Хорошкевич (Очерки... С. 42—43, 53).

[3] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 210.

[4] Там же. Т. 37. М., 1982. С. 100.

упоминаются несколько радогощан, воротынцев и вязьмичей[5], но неизвестно, были ли они боярами. Сохранилось только одно определенное известие такого рода — о черниговском боярине Хилимоне Андреевиче Микулича, «отъехавшем» к королю[6], но общей картины это не меняет. Зато много позднее, уже после ликвидации Василием III северских уделов, когда в 1535 г. польско-литовская армия осадила Гомель, в котором, по словам летописи, тогда только «были тутошние люди немногие, гомьяне»[7], — гарнизон сдался, причем «некоторые бояре и люди, — узнаем из другого источника, — присягу вчинили, хотячи господарю... его милости верне служити»[8]. Так гомельские бояре после более чем 30-летнего перерыва вернулись вместе с городом в литовское подданство.

Гораздо активнее, чем боярство порубежных удельных городков, влияли на судьбу своего города мстиславские бояре: в 1514 г., как мы помним, они вынудили князя Михаила Мстиславского сдаться, дабы избежать разорения города московскими войсками, но при изменении военной обстановки вернулись под власть Литвы. Впрочем, подобная склонность к компромиссу была свойственна и боярству небольших господарских городов, положение которых, как уже отмечалось, имело черты сходства с частновладельческими городами типа Мстиславля.

Примером такого небольшого великокняжеского городка, судьба которого находилась в руках местных бояр, может служить Мценск. Летом 1492 г., когда этот город был взят московской ратью, в плен попали многие местные бояре[9]. Литовская сторона неоднократно в 1492—1494 гг. настаивала на их освобождении; наконец, в августе 1495 г. (уже после заключения мира) Иван III заявил, что всех пленных «мченян» освободил[10]. Нет никаких упоминаний о том, что кто-нибудь из них, находясь в плену, перешел на московскую службу. Еще в 1498 г. мценские бояре требовали освобождения из плена своего собрата, боярина Луни (или Голуни), захваченного во время набега 1492 г. со всем семейством и челядью; кроме того, они жаловались на «шко-

---

[5] ЛМ. Кн. 8. Л. 138 об. —139, 436 об., 453 (опубл.: LM. Kn. 8. Vilnius, 1995. P. 164—165, 400, 410).

[6] Там же. Кн. 12. Л. 135 об.

[7] ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 290.

[8] АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 184. С. 337 (переизд.: РА. № 74. С. 165). Ср.: AT. T. XVII. Posnaniae, etc., 1966. № 2. P. 6.

[9] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 73, 267.

[10] Там же. С. 74, 76—77, 148, 209.

ды великие» со стороны кн. Белевских[11]. Таким образом, мценские бояре в эти годы сохраняли верность Литве. Именно этим обстоятельством, видимо, объясняется тот уже известный нам факт, что по миру 1494 г. Мценск, захваченный было московской ратью, был возвращен Литве.

Однако в условиях непрерывного натиска со стороны «слуг» московского великого князя и отсутствия какой-либо помощи и защиты со стороны господаря среди мценских бояр начались колебания. В апреле 1499 г. великому князю Александру стало известно о бегстве «к Москве» мценского боярина Сеньки Бунакова, родня которого тут же затеяла тяжбу из-за земель беглеца[12]. А уже год спустя, после того как в начале 1500 г. «люди» Ивана III (по сделанному нами выше предположению — те же Белевские князья) в очередной раз захватили Мценск, случилось неизбежное: «мченские бояре и со Мченском» «приехали служити» к Ивану III[13]. Однако, похоже, они быстро смирились со своим новым положением: не известно ни одного случая «отъезда» бояр из Мценска в Литву после 1500 г. Здесь сказалось отсутствие у местного боярства прочных связей с великокняжеским двором: в Метрике за период до 1500 г. записи о пожалованиях мценским боярам буквально единичны[14]. Сказанное относится (с некоторыми нюансами) и к боярству Торопца, Дорогобужа, Путивля — великокняжеских городов, присоединенных к Русскому государству в том же 1500 г. Здесь также связи местного боярства с господарской властью были слабы: пожалования торопецким и дорогобужским боярам исчисляются единицами[15]; пожалования путивльским боярам тоже очень редки, а по именам названо лишь шестеро из них[16]. Вполне понятно поэтому, что большинство здешних бояр осталось после 1500 г. на родине, перейдя на московскую службу. Однако, в отличие от Мценска, в названных городах в боярской среде произошел раскол: какая-то часть предпочла сохранить верность господарю и «отъехала» в Литву, остальные же перешли на службу Ивану III. К сожалению, мы располагаем об этом лишь отрывочными сведениями.

В 1507 г. по челобитью торопецких бояр Нефедея и Михалка, «штож неприятель наш великий князь Московский отчину их

[11] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 267—268.
[12] ЛМ. Кн. 6. С. 538 (в рукописи «неценскии» — вероятно, описка).
[13] Сб. РИО. Т. 35. С. 300.
[14] РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Стб. 298, 305, 316.
[15] Там же. Стб. 32, 309, 324, 325.
[16] Там же. Стб. 199, 235, 240, 305—306.

забрал и посел и не мають на чом поживитися», — им было дано две службы «людей» в Витебском повете «до тых часов, поки, даст Бог, отчину их от неприятеля нашого очистим»[17]. Перед нами образец традиционных отношений вассала и сюзерена: бояре, даже утратив свои отчины, сохраняют верность великому князю, а тот за это жалует им новые земли взамен потерянных. Под 1508 г. в Метрике сохранилась запись о выдаче «торопчаном» жита, а в жалованной грамоте 1541 г. упомянут торопецкий боярин Алексей Лукьянович Теребужский, получивший некогда имение в Полоцком повете[18].

Еще меньше известно о боярах — выходцах из Дорогобужа. Хотя в одной челобитной 1530 г. сохранилось упоминание о том, что «кождым смоляном и дорогобужаном подавали... хлебокормления» в Литве[19], но пока удалось найти имя только одного такого выходца: в списке гоподарских дворян (ок. 1509 г.) значится и Яцко Прокопович «з Дорогобужа»[20].

Чуть больше сведений дошло до нас о путивльских боярах, выехавших в Литву. В Метрике сохранилась запись о выдаче в октябре 1509 г. пяти путивльским боярам — Вепру Колениковичу, Ивану Олехновичу, Михаилу Лопатину, Якиму и Павлу Демидовичам — соли из казны[21]. Двое последних упомянуты еще раз в жалованных грамотах 1522 г.: оказывается, братья Демидовичи получили от короля «людей» в Ейшиском повете; половину этого имения унаследовал сын Павла, Михайло[22]. Наконец, некоему Сороке взамен «именей его путивльских, который ж неприятель наш великий княз Московский забрал и посел», было пожаловано имение в Троцком повете[23]. Не набирается, таким образом, и десятка путивльских бояр, покинувших родной город[24]. Численность же тех из них, кто перешел на московскую службу, мы не можем оценить даже приблизительно: слишком скудны наши сведения о персональном составе местного

---

[17] ЛМ. Кн. 8. Л. 187 об. — 188 (опубл.: LM. Kn. 8. № 245. P. 214—215).

[18] Там же. Кн. 24. Л. 178.

[19] Там же. Кн. 224. Л. 402 об.

[20] Там же. Кн. 8. Л. 139 (опубл.: LM. Kn. 8. № 158. P. 165).

[21] Там же. Л. 460 об. (опубл.: LM. Kn. 8. № 566. P. 415).

[22] Там же. Кн. 12. Л. 107—107 об., 113.

[23] Там же. Кн. 8. Л. 427—427 об. (опубл.: LM. Kn. 8. № 548. P. 393—394).

[24] Эти подсчеты, как справедливо отмечает Е. В. Русина, затруднены тем обстоятельством, что вследствие долгой традиции подчинения Путивля Киеву некоторые путивльские бояре в источниках именуются «киянами» (*Русина О. В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 198).

боярства до 1500 г., чтобы найти путивльцев среди московских служилых людей XVI в. (то же относится и к торопчанам, дорогобужцам и т.п.). Но в отдельных случаях это удается: так, в списках «литвы дворовой» Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. упомянуты Жеребячичи — потомки путивльских бояр[25].

Итак, в Торопце, Дорогобуже, Путивле события 1500 г. вызвали раскол в среде местного боярства: одни бояре сохранили верность господарю и покинули родной город, другие предпочли перейти на московскую службу, а то, что первых было сравнительно немного, объясняется как слабостью контактов с виленским двором, так и, возможно, общей малочисленностью боярства в этих небольших окраинных городах.

По-иному складывались взаимоотношения господарской власти с боярством другого города на восточной окраине Литовской державы — Брянска. Здесь прочные контакты установились еще в первые годы правления Казимира, с 1440-х гг.: брянские бояре получали регулярное денежное и иное жалованье, волости в кормление, земельные владения и т.п.[26] Таким образом, в Брянске на протяжении XV в. сложился весьма значительный слой боярства, многим обязанного литовскому господарю. О численности этого слоя можно судить лишь предположительно. В составленном 7 февраля 1496 г. реестре раздачи волостей в держание брянским боярам перечислено 40 человек, принадлежащих к 23-м боярским фамилиям: Колонтаевым, Быковским, Тризнам, Бородовичам и др.[27] Этот список весьма репрезентативен: по актам XV в. к нему удается добавить не более десятка родов (Евлаховы, Мишковичи, Яробкины, Безобразовы и др.)[28]. В общей сложности получается порядка 30 с небольшим боярских фамилий (см. Приложение II).

Если среди брянских бояр и имелись сторонники Москвы, едва ли они были многочисленны и влиятельны. Во-первых, до 1500 г. «московская партия» никак себя не проявила; единственный эпизод, который можно было бы связать с ее деятельностью, это не вполне надежное известие Хроники Быховца, проанализированное нами выше, о поджоге города «зрадою бранцов». Во-вторых, есть основания полагать, что на присоединение Брянска к Московскому государству значительная (если не большая) часть местного боярства ответила отъездом в Литву. В уже

[25] ТКДТ. М.-Л., 1950. С. 152—153.
[26] РИБ. Т. 27. Стб. 41, 50, 193, 284, 296, 323, 426—427 и др.
[27] ЛМ. Кн. 6. С. 561—562.
[28] РИБ. Т. 27. Стб. 41, 50, 193, 284, 296, 426—427, 735.

упоминавшемся выше «Пописе дворян всих короля его милости у великом князстве» (около 1509 г.) содержится особая рубрика «Дворяне брянцы — тые, которые именья мають»: в ней наряду с новыми фамилиями (Крижины, Стецковичи, Резанцы) мы находим пятерых Быковских, двоих Колонтаевых, двоих Тризн, двоих Уколовых, — известных нам по реестру 1496 г.[29]; другие представители тех же родов попали в «Пописе» в рубрику «Дворяне, которые имений не мають»[30]. Как видно, многие брянцы, покинув родной город, долгие годы ждали, пока для них найдется где-нибудь клочок земли. Может быть, поэтому кое-кто из них предпочел вместе с кн. Михаилом Глинским «отъехать» в 1508 г. в Москву (трое Крижиных, Семен Александров с сыновьями, Богдан Колонтаев)[31]. А их собратья продолжали рассчитывать на милости господаря: в списках денежных раздач дворянам, жалованных и подтвердительных грамотах и других актах первой трети XVI в. упомянуты представители свыше двадцати брянских боярских родов[32]. Причем больше половины из них (13 фамилий) фигурируют и в реестре раздачи волостей 1496 г.

В Русском государстве XVI в. удалось отыскать следы потомков восьми брянских родов: к упомянутым выше Александровым, Крижиным и Колонтаевым, выехавшим в 1508 г. с М. Глинским, по Дворовой тетради добавляются Бокеевы, Брянцовы, Куровы и, возможно, Мишковичи (последние могли быть и смолянами)[33], а по писцовой книге 1587/88 г. по Малоярославцу значатся помещики Евлаховы[34]. Характерно, что из этих фамилий лишь две — Колонтаевы и Куровы были причастны, согласно реестру 1496 г., к держанию брянских волостей, и именно в них после 1500 г. произошел раскол: одна часть клана осталась служить в Великом княжестве Литовском, другая перешла на московскую службу. Таким образом, именно те бояре, которые зависели от господарской власти, получали от нее кормления и земельные пожалования, служили в качестве господарских дворян и составили основную массу брянских выходцев в Литве.

Сходная ситуация, но только в большем масштабе, повторилась вскоре в Смоленске. Смоленское боярство было самым

---

[29] ЛМ. Кн. 8. Л. 137 об. (опубл.: LM. Kn. 8. № 158. P. 164). Ср. с реестром 1496 г.: ЛМ. Кн. 6. С. 561—562

[30] Там же. Кн. 8. Л. 138—139 (опубл.: LM. Kn. 8. P. 164).

[31] Русский временник. С. 72—73; ЛМ. Кн. 9. Л. 121 об.

[32] Эти данные представлены в Приложении II.

[33] ТКДТ. С. 141, 150—151, 187, 207—208.

[34] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 79, 219, 226.

многочисленным на русских землях Великого княжества Литовского. Благодаря сохранившемуся в составе 4-й книги Метрики реестру смоленских князей, бояр и слуг[35], который можно датировать второй половиной 1480-х гг., у нас есть возможность оценить общую численность местного боярства. В силу неустойчивости «фамилий» вплоть до начала XVI в., эти подсчеты носят, конечно, приблизительный характер. В реестре перечислено 136 боярских семейств (не считая путных бояр и щитных слуг); 11 человек ни к одному известному роду отнести не удалось. По актам конца XV — начала XVI в. к упомянутым в реестре родам следует добавить еще свыше 30 фамилий. Нужно, однако, учесть, что некоторые фамилии (например, Богоделчины, Смокровы, Цалцовы и др.) кроме реестра 1480-х гг. более ни в одном источнике не встречаются. В качестве ориентировочной оценки можно, вероятно, принять, что в Смоленске на рубеже XV—XVI вв. было порядка полутораста боярских родов[36].

Нужно учесть, что смоленское боярство было неоднородным. На протяжении XV в. здесь выделяется верхушка: самые богатые и влиятельные бояре, получавшие щедрые великокняжеские пожалования. К ним в первую очередь можно отнести клан Ходыкиных. Начало их земельным владениям было положено пожалованиями великих князей Сигизмунда и Казимира, в 30—40-х гг.[37] К началу XVI в. сыновья Ходыки Басича и его братьев (см. схему 9) занимали одно из первых мест среди смоленского боярства. К числу виднейших бояр, также не обойденных милостями господарей, принадлежали и Басины, Кривцовы, Кошки (Кошкины), Полтевы, Плюсковы, Свиридоновы: их имена часто мелькают в актах в связи с пожалованиями или земельными тяжбами[38]. Представители этих же родов держали и смоленские «уряды», в частности, окольничество и городничее (например, в начале XVI в. одним из окольничих был Иван Кошка, именовавшийся даже «паном», а городничим — Занько Полтев)[39].

Но наряду с верхушкой в смоленском боярстве были и другие слои: известно немало боярских фамилий, упомянутых только в реестре 80-х гг. (Андреяновы, Апраксины, Богатищевы,

---

[35] РИБ. Т. 27. Стб. 477—508.

[36] Данные о персональном составе смоленского боярства см. в Приложении III.

[37] РИБ. Т. 27. Стб. 41—42, 47, 65, 428.

[38] Например, Басины: РИБ. Т. 27. Стб. 191, 192, 201, 235, 258, 259, 280, 296, 304, 442, 655, 663.

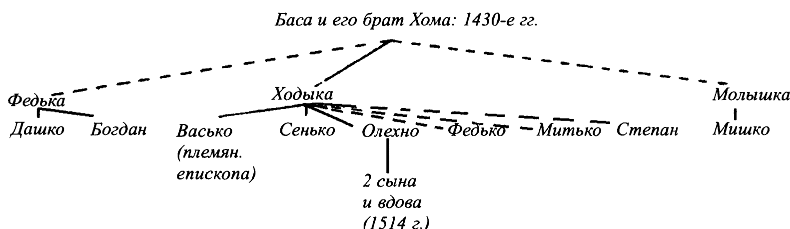
[39] ЛМ. Кн. 8. Л. 331, 467 (опубл.: LM. Kn. 8. P. 329, 419).

Богоделчины и др.). Отсутствие их имен в актах Метрики свидетельствует о том, что в описываемое время пожалований они не получали.

Наконец, самым низшим слоем служилого люда Смоленского повета являлись путные бояре, щитные и доспешные слуги, помещенные в реестре 1480-х гг. после центрального списка под особыми рубриками (в приведенные выше подсчеты численности смоленского боярства этот низший и самый многочисленный разряд служилого люда мы не включили).

Схема 9

Боярский клан Ходыкиных (1430-е — 1514 г.)[40]

Позиция, занятая верхушкой смоленского боярства в русско-литовском конфликте, ярко проявилась уже в конце XV в., когда она активно пыталась удержать литовское господство в верховских городках. Как мы помним, при взятии зимой 1493 г. Мезецка и Серпейска воеводы Ивана III захватили в плен многих «смолнян двора великого князя Александра», в том числе окольничего Кривца и боярина Ивана Плюскова[41]. Вернувшись после заключения мира 1508 г. домой, пленные получили жалованье из господарской казны; среди них упомянуты смоленские бояре Богдан Григорьевич, Васько Жаба, Ивашко Садлов, доспешный слуга Данил Некрашов и др.[42] Они могли попасть в плен в верховских городках в 90-х гг. или в Ведрошской битве 1500 г.

[40] Сост. по: РИБ. Т. 27. Стб. 428, 478; *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899. Прил. № 2. С. 125.

[41] ПСРЛ. Т. 24. С. 210.

[42] ЛМ. Кн. 8. Л. 323, 468—468 об. (опубл.: LM. Kn. 8. P. 419—420).

Когда в 1514 г. Василий III овладел, наконец, Смоленском, он, по словам Архангелогородского летописца, «волю дал» сидевшим в осаде служилым людям: «И которые похотели служити великому князю, и тем князь великий велел дать жалованье по 2 рубля денег да по сукну по лунскому и к Москве их отпустил. А которые не похотели служить, а тем давал по рублю и к королю отпустил»[43]. О том, что очень многие бояре выбрали второе и «отъехали» к королю, свидетельствует составленный в декабре 1514 г. список розданных смоленским боярам в Литве хлебокормлений[44]. В этом списке перечислено свыше ста человек, среди них — четверо князей и примерно 50 смоленских боярских фамилий. В истории боярских «отъездов» этот, пожалуй, был самым впечатляющим. Бояре выехали в Литву целыми кланами: упоминаются братья и даже вдовы с малолетними сыновьями. Здесь цвет смоленского боярства: Плюсковы (в том числе уже известный нам И. Ф. Плюсков, оборонявший от московских войск верховские городки), Полтевы, Казарины, Кривцовы и, конечно, Ходыкины (на схеме 9 выделены имена выехавших в 1514 г. в Литву). Этим, однако, не исчерпывается число тех, кто предпочел службу в Великом княжестве Литовском: в актах Метрики первой половины XVI в. встречаются имена представителей по меньшей мере двух десятков родов смоленского боярства, не упомянутых в списке раздачи кормлений 1514 г.[45] Время их выезда в Литву остается неизвестным: они могли воспользоваться разрешением Василия III летом 1514 г., но могли и бежать из Смоленска после раскрытия там осенью того же года пролитовского заговора.

Выше уже говорилось о невероятности официальной версии этого заговора, отразившейся в большинстве летописей, будто епископ Варсонофий был единственным участником заговора, а смоляне всем городом выдали его московскому наместнику. Кстати, в самом этом тенденциозном рассказе есть деталь, позволяющая определить ту среду, в которой созрел заговор: летописи сообщают, что владыка, решив предать город королю, отправил к тому «племянника своего Васка Ходыкина с писанием»[46]. Зна-

[43] ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

[44] ЛМ. Кн. 7. С. 1171—1174. Опубл.: *Кашпровский Е. И.* Борьба... Прил. 2. С. 123–127 (с неверной датировкой «1515 г.»).

[45] Весь собранный материал о судьбе смоленского боярства после 1514 г. приведен в Приложении III.

[46] ИЛ. С. 165. Так и в др. летописях: ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 256; Т. 13. СПб., 1904. С. 22 и др.

чит, Варсонофий состоял в родстве с боярами Ходыкиными, а последние, как мы уже знаем, в декабре 1514 г. оказались в Литве. Поэтому можно с уверенностью говорить о причастности к этому пролитовскому заговору боярской верхушки. С этим согласуется известие Архангелогородского летописца о том, что владыка замыслил измену «со князьями смоленскими и с паны»[47]. Наблюдения над словоупотреблением этой летописи показывают, что «паны» обозначают служилых людей Великого княжества Литовского вообще, а термин «бояре» употребляется там только применительно к московскому великокняжескому двору и войску[48]. Итак, указание на «панов», с одной стороны, и упоминание о В. Ходыкине — с другой, выявляют активную роль боярской верхушки в организации заговора и показывают ее пролитовские симпатии. На нее же после раскрытия заговора обрушилась вся тяжесть репрессий: Варсонофий потерял епископскую кафедру, а многие бояре поплатились жизнью: по словам того же Архангелогородского летописца, воевода кн. В. В. Шуйский «начат князеи смоленских и панов вешати з города на ослядех»[49]. Кроме того, оставшиеся в Смоленске бояре были выведены в другие города (подробнее об этом пойдет речь в следующей главе), а часть из них могла присоединиться к своим собратьям, отъехавшим ранее в Литву.

В общей сложности в материалах Метрики за первую половину XVI в. сохранились упоминания о примерно 70 боярских семействах, полностью или в лице отдельных представителей перебравшихся из Смоленска в Литовское государство. Это составляет почти половину всех известных нам на рубеже XV—XVI вв. смоленских боярских родов. Чем объяснить столь массовый выезд?

Выше уже отмечалась неоднородность смоленского боярства, и вот среди отъехавших в Литву бояр мы видим его верхний и средний слои, но нет ни одного упоминания о выезде кого-либо из «провинциальных» служилых людей — путных бояр, щитных и доспешных слуг и т.п. Выехали в первую очередь те, кто имел щедрые великокняжеские пожалования, держал городские «уряды» и т.д. Нужно учесть и правовой аспект проблемы: в жалованной грамоте 1505 г. Смоленску было два пункта, содержавшие особые боярские права и привилегии — один из них

---

[47] ПСРЛ. Т. 37. С. 101.

[48] См. под 7001 и 7009 гг.: поймали много «панов служивых»; здесь же упомянуты московские «боляре» (там же. С. 98, 99).

[49] ПСРЛ. Т. 37. С. 102.

подтверждал исключительное право смоленских бояр на держание волостей, а другой уравнивал князей, панов и бояр смоленских с литовскими[50]. Первый пункт был повторен и в жалованной грамоте Василия III покоренному Смоленску[51], а второй, естественно, нет. Тем самым фактически аннулировался целый комплекс прав, которыми на основании общеземских привилеев пользовались бояре в Великом княжестве, включая гарантии наказания только по суду, освобождения владельческих крестьян («кметей») от уплаты налогов и передачу их под юрисдикцию землевладельцев и т.п.[52] Все это могло побудить ту часть смоленского боярства, которая по своему положению соответствовала формирующемуся шляхетскому сословию[53], к отъезду в Литву.

Но немало смоленского служилого люда предпочло перейти на московскую службу. Таких определить труднее, поскольку в московской документации (в отличие от литовской) происхождение из смоленского боярства обычно не фиксировалось. Определенный ориентир дают списки «литвы дворовой»: среди содержащихся там фамилий 33 можно с известной долей вероятности идентифицировать со смоленскими родами (плюс под вопросом Александровы и Мишковичи, которые могли быть и брянцами). Другим указателем может служить смоленская десятня 1574 г.[54], в которой фигурируют «земцы»: В. П. Мальцев считал их помещиками смоленского происхождения[55]. Это предположение подтверждается свидетельством памятника первой половины XVII в. — Повести о победах Московского государства. Здесь сообщается, что великий князь Василий Иванович по взятии города «повеле земцов собрати града Смоленска, сиречь которые тутошние помещики, в своих же поместьях осталися на ево государево имя. И не повеле государь у них тех поместей отнимати, повеле им по-прежнему владети, кто чем вла-

---

[50] АЗР. Т. 1. СПб., 1846. № 213. С. 360, 361.

[51] СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 148. С. 412.

[52] *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд.2. М., 1915. Прил. С. 325—334; подробнее см.: *Backus O.* Die Rechtsstellung der Litauischen Bojaren... S. 15—31.

[53] О расслоении боярства и боярах-шляхте см.: *Юргинис Ю. М.* Бояре и дворяне... С. 20—23.

[54] О датировке и особенностях этого памятника см.: *Сухотин Л. М.* О списке смоленской десятни XVI в. // ЖМНП. 1914. Декабрь. С. 240—259.

[55] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск. (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 52—53.

дел...»[56]. Из числа земцев десятни 1574 г. 12 фамилий находят соответствие в реестре смоленских бояр и слуг 1480-х гг.: Вошкины, Дерновы, Коверзины, Козловы, Копыловы, Лесковы, Микулины, Некрасовы, Перфульевы (Перфурьевы), Пешковы, Ходневы, Шестаковы[57]. Сложнее вести поиски смолян в писцовых книгах второй половины XVI в., боярских списках и иной подобной документации: если фамилия общераспространенная, то без дополнительных оснований доказать смоленское происхождение того или иного служилого человека нельзя. Например, во многих уездах в конце XVI в. значатся по писцовым книгам помещики Лазаревы[58], но имели ли они какое-либо отношение к одноименному смоленскому боярскому роду, выяснить не удается. То же относится к Апраксиным, Верещагиным, Звягиным, Зубовым и многим другим родам. В некоторых случаях встречаются пометы: например, в писцовой книге 1626/27 г. по Можайску упомянута деревня Денисово, «что была в поместье за смоляны за Прокофьем да за Иваном Алексеевыми»[59]; там же значится «смолянина Василия Мачехина поместье»[60] и т.д. Но и такие пометы не дают гарантии: видно только, что этот сын боярский переведен из Смоленска, однако это не означает его принадлежности к коренным смоленским родам, поскольку за XVI столетие состав служилого населения Смоленска менялся много раз. Поэтому для надежности требуется сопоставление с Дворовой тетрадью, смоленской десятней и другими источниками.

В общей сложности на сегодняшний день удалось выявить 48 служивших в Московском государстве родов, являвшихся потомками коренных смоленских фамилий (под вопросом еще девять: Александровы, Алексеевы, Даниловы, Захарьины, Мачехины, Мишковичи, Савины, Садиловы, Чечетовы). На самом деле таковых, вероятно, было значительно больше. Из названного числа семейств лишь четверть относилась к «первостатейным» боярским родам: Бакиным, Басиным, Бобоедовым, Жабиным, Коптевым, Кривцовым, Пивовым, Свиридоновым, Полтевым, Плюсковым. Причем во всех этих и во многих других семействах произошел раскол: одни родичи

---

[56] Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 28.

[57] ЛИРО. 1913. Вып. 1—2. С. 85, 89, 90—93, 95—97.

[58] ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 63, 108, 469; там же. Отд. 2. СПб., 1877. С. 1033, 1053—1054 и др.

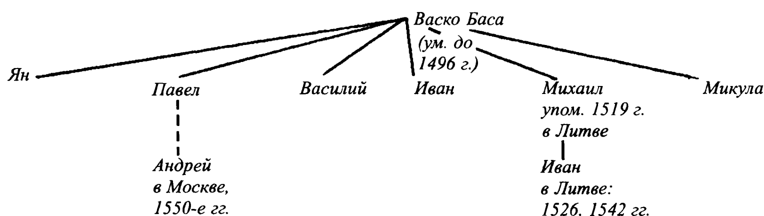
[59] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 175—175 об.

[60] Там же. Л. 203.

служили в Литве, а другие — в Москве, как это произошло в роде Басиных (см. схему 10).

Схема 10

Судьба боярского рода Басиных
(конец XV — середина XVI в.)[61]

В этих родах выбор в пользу Литвы сделали те бояре, которые теснее были связаны с господарским двором: служили великокняжескими дворянами (подобно нескольким Коптевым или Пивовым), занимали должность окольничего (как Михаил Баса) или дьяка (Олехно Кривец)[62]. А в отношении ряда семейств (Микулины, Плюсковы, Полтевы) можно предположить, что собственно смоленские бояре с этими фамилиями выехали в Литву, а на московскую службу перешли их провинциальные родичи или однофамильцы: так, Михно Плюсков, упомянутый в центральном разряде реестра 1480-х гг., выехал вместе с братаничем Иваном Федоровичем в 1514 г. в Литву[63], но в том же реестре среди щитных слуг мащинских значатся многочисленные Плюсковы[64]: их потомки, надо полагать, и оказались впоследствии на московской службе.

Значительную часть смолян, служивших в XVI в. в России, составили второстепенные боярские роды, редко упоминаемые в актах до 1514 г. или вообще известные только из реестра 1480-х гг.

---

[61] Сост. по: РИБ. Т. 27. Стб. 478, 659; ЛМ. Кн. 11. Л. 83 об. (опубл.: LM. Kn. 11. Vilnius, 1997. P. 101); кн. 12. Л. 397; кн. 24. Л. 191—191 об.; ТКДТ. С. 187.

[62] ЛМ. Кн. 8. Л. 136—136 об.; кн. 11. Л. 83 об. (опубл.: LM. Kn. 8. P. 163; Kn. 11. P. 101); кн. 12. Л. 117 об.

[63] РИБ. Т. 27. Стб. 485; *Кашпровский Е. И.* Борьба... Прил. 2. С. 124.

[64] РИБ. Т. 27. Стб. 496.

(Вошкины, Дудины, Коверзины, Маринины, Могутовы, Редькины, Татаровы и многие другие), а также провинциальные служилые люди: путные бояре, щитные и доспешные слуги (Шестаковы, Копыловы, Пешковы, Некрасовы, Ходневы, Яковлевы и др.). Сам факт, что три десятка боярских фамилий, в том числе многие из тех, кто занимал более чем скромное положение на литовской службе, оказались в списках Дворовой тетради, т.е. были причислены к верхушке служилого сословия Московского государства, весьма показателен: возможно, ряд бояр, переходя на службу к Василию III, надеялся повысить свой социальный статус, и многим, как видим, это удалось.

Индивидуальные мотивы выбора остаются нам неизвестными. Возможно, какая-то часть смоленского боярства была склонна к компромиссу с московским государем — недаром Сигизмунд писал об измене части смоленской знати. Показательно, что сыновья боярина Михаила Пивова, возглавлявшего, как мы помним, в 1514 г. делегацию смолян на переговорах о капитуляции города, в середине века значатся на московской службе[65].

Сторонники Москвы, возможно, имелись и среди боярства других крупных пограничных городов, хотя заметной роли они не сыграли. В собрании автографов Российской национальной библиотеки сохранился любопытный документ (происходящий из бывшего Радзивилловского архива), который можно датировать 8 июля 1528 г.: послание Яна Скиндера пану Юрию Радзивиллу, написанное из Витебска. В нем передается слух (оказавшийся впоследствии ложным) о приближении к Витебску московских воевод с 40-тысячной ратью: «а мают Витебска достовати, а видеблене мают Витебск подати». Кроме того, подозрение у автора письма вызвало загадочное поведение наместника витебского воеводы Ивана Сопеги, Василька, и нескольких бояр: «пана Сопежин намесник Василко з бояры почали раду радить, на месте у церкви замкнувши, и листы писали — не ведаю, о чем, и печати приклодали... того не ведаю, где будут послали...»[66]. Если промосковские настроения и были у части местных бояр, они ни к чему не привели: как мы уже знаем, на протяжении всей первой трети XVI в. Витебск ни разу не открыл ворота московским войскам.

Подводя итоги сказанного, можно сделать вывод, что позиция литовско-русского боярства в конфликте Литвы и Московского государства зависела от его статуса (удельное или вели-

---

[65] ТКДТ. С. 144.

[66] РНБ. Отдел рукописей. Автографы. Т. 125. № 7. Опубл.: РА. № 7. С. 56.

кокняжеское), численности, прочности его связей с виленским двором; кроме того, существовали различия в поведении разных слоев боярства. Наибольшую преданность Литве и ее господарю проявляла верхушка великокняжеского боярства, ставшаяся органической частью шляхетского сословия. Но значительный слой такого крупного привилегированного боярства сложился на востоке Великого княжества только в Брянске и Смоленске. Боярство небольших городков было склонно к компромиссу и в критической ситуации легко переходило на сторону сильнейшего, а основная масса провинциального боярства Смоленской земли как бы по инерции оказалась на московской службе. Наконец, удельное боярство вообще не стояло перед проблемой выбора между Москвой и Литвой, спокойно меняя вместе со своими князьями литовское подданство на московское.

В жизни городов Литовской Руси важная роль принадлежала также православному духовенству. После кратковременного охлаждения великокняжеской власти к православной церкви и поддержки ею сторонников унии с Римом в начале правления Александра, уже с 1499 г. возобновилась покровительственная политика по отношению к восточной церкви[67], а первая половина XVI в., как уже говорилось выше, вообще была одним из наиболее благоприятных для нее периодов. Поэтому вполне естественно было бы ожидать лояльности духовенства к господарской власти. К тому же верхушка православной церкви в Великом княжестве (митрополит и епископы) находились в зависимости от великого князя: иерархи получали от господаря привилеи на церковный сан, а также земельные пожалования и гарантии имущественных, судебных и иных прав[68].

Иерархи были тесно связаны и с городской верхушкой. Наряду с местным воеводой, православные бояре и князья ходатайствовали перед господарем о назначении епископом в их город угодного им кандидата[69]. Ряд иерархов вышел из боярской среды. Так, смоленский владыка Варсонофий, как было показано выше, находился в родстве с боярами Ходыкиными. Подоб-

---

[67] *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 54—56.

[68] См., например: АЗР. Т. 2. № 67. С. 84; *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты... С. 53—56.

[69] См., например, процедуру назначения полоцкого архиепископа в 1531 г.: ЛМ. Кн. 17. Л. 159 об. — 160.

но светским властям, владыки также должны были заботиться о безопасности своих городов. Например, полоцкий епископ собирал информацию о передвижении московских войск у литовских рубежей[70], а находившемуся в Смоленске в начале 1507 г. митрополиту Иосифу паны-рада послали грамоту с просьбой усилить бдительность на случай нападения неприятеля и привести к присяге местное население[71]. Создается впечатление, что церковные власти, как и власти светские — воеводы и наместники, — олицетворяли в городах литовские порядки. Так на них смотрело и московское правительство: при взятии в 1500 г. Брянска воевода Яков Захарьич «поимал» не только литовского наместника Бартошевича, но и «владыку дбрянского» и отослал обоих пленников в Москву[72].

Явно пролитовскую позицию занимал и смоленский епископ Варсонофий. Однако А. Л. Хорошкевич, опираясь на известие псковской летописи о пребывании Варсонофия вместе с Василием III в Новгороде в январе 1510 г., предположила, что московский государь взятием в 1514 г. Смоленска был обязан, среди прочего, и «поддержке смоленского владыки»[73]. Между тем едва ли визит Варсонофия в Новгород имел место в действительности.

Во-первых, нигде, кроме Псковской I летописи, о пребывании смоленского епископа в Новгороде в январе 1510 г., в праздник Крещения, не упоминается («владыка в то время не бысть на Новегороде, и крестил воду владыка смоленьскои...»)[74]. Во-вторых, Варсонофий как раз тогда участвовал в виленском церковном соборе, который открылся 25 декабря 1509 г., а его итоговые документы («Деяние» и «Правила»), скрепленные печатями присутствовавших иерархов, написаны 18 января 1510 г.[75] Трудно представить, что Варсонофий в разгар собора вдруг покинул Вильно и отправился в соседнее государство и что эта его поездка не оставила никаких следов ни в литовской, ни в московской документации. Наконец, в-третьих, хотя новгородская кафедра тогда действительно пустовала после низложения владыки Серапиона, в приглашении епископа из Литовского го-

---

[70] РНБ. Отдел рукописей. Автографы. Т. 125. № 7. Опубл.: РА. № 7. С. 56.
[71] АЗР. Т. 2. № 10. С. 7.
[72] ПСРЛ. Т. 28. М.—Л., 1963. С. 334; Т. 8. С. 239.
[73] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 122.
[74] ПЛ. Вып. 1. М.—Л., 1941. С. 93.
[75] *Макарий.* История русской церкви. Т. IX. СПб., 1900. С. 174. Прим. 161.

сударства для праздничной церемонии не было нужды, поскольку, как известно из летописных источников, Василия III в его поездке в Новгород и Псков сопровождал, в числе прочих, епископ коломенский Митрофан[76]. Последний, вероятно, и совершил водосвятие, а псковский летописец допустил, очевидно, описку или ошибку, превратив коломенского владыку в «смоленского».

Итак, видеть в Варсонофии союзника Василия III нет никаких оснований. Отношение епископа к Москве ярко проявилось в 1514 г., на заключительном этапе борьбы за Смоленск. Перед началом последней осады, весной этого года, владыка привел всех к присяге «защищать крепость до последнего (мгновения) жизни»[77], а в разгар самой осады он велел в городских церквах вести службу о даровании победы над врагом[78]. После же взятия Смоленска Василием III Варсонофий, как мы уже знаем, организовал пролитовский заговор, обернувшийся для него арестом, низложением и заточением в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере[79]. Как видим, во время борьбы за Смоленск его позиция была сходна с той, которой придерживались его родственники Ходыкины и боярская верхушка, — с той разницей, что епископ, в отличие от бояр, не мог «отъехать» к королю, покинув на произвол судьбы свою паству. То обстоятельство, что в русско-литовском конфликте православные иерархи Великого княжества держали сторону Литвы, безусловно, укрепляло литовские порядки в восточных районах, ставших ареной военных действий, и серьезно затрудняло усилия московского правительства, стремившегося оторвать славянские земли от Литвы.

Если лояльность церковной верхушки не вызывает сомнения, то для выяснения позиции низшего духовенства у нас недостает данных. По своему положению в обществе оно было ближе к мещанству и «черным людям» — основной массе городского населения. Показателен следующий эпизод, отмеченный Архангелогородским летописцем: вступив в Смоленск, Василий III приказал владыке с князьями и панами идти в свой шатер и приставил к ним стражу, «а черным людем и игуменом и всему причту повеле во град итти»[80]. Вполне возможно, что позиция низ-

---

[76] См.: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. Прил. С. 185.

[77] AT. T. III. Posnaniae, 1853. № 80. P. 70.

[78] *Кашпровский Е. И.* Борьба... С. 60 и прим. 3.

[79] ПСРЛ. Т. 37. С. 101—102; ПЛ. Вып. 1. С. 98.

[80] Там же. С. 100.

шего духовенства не отличалась сколько-нибудь существенно от позиции его паствы.

Осталось выяснить, на чьей стороне в описываемых событиях оказались мещане и «черные люди». Мещанство составляло ядро городского населения, оно занималось ремеслом и торговлей, владело участками земли близ города и по традиции должно было нести военную службу. Постепенно, однако, мещане оттеснялись от ратного дела, становившегося привилегией шляхты[81]; одновременно, с конца XV в., шел интенсивный процесс разорения мещан, продажи ими своих земель[82]. Все это вело к сближению положения мещан с тяглым населением — «черными людьми». С конца XV в. наблюдаются совместные выступления этих групп населения против притеснений со стороны бояр и произвола наместников[83]. В жалованной грамоте Василия III Смоленску 1514 г. мещане и черные люди упоминаются рядом, между ними не делается никаких различий: и тем и другим предоставляются льготы, и тех и других запрещается принимать в закладни и т.п.[84] Есть основания полагать, что и на внешнеполитической арене эти две категории населения выступали сообща.

В отличие от боярства, в мещанской среде не заметно каких-либо партий или отдельных лидеров: голос мещан и «черных людей» слышен только как хор — и когда они протестуют против нарушения их «старины» наместником, и когда стараются сохранить ту же «старину» на переговорах с Василием III. Очень часто они выступают в пассивном качестве: как уже говорилось, зимой 1493 г. московские воеводы в Мезецке «земских людей черных приведоша к целованию за великого князя»[85], затем та же процедура повторилась в Серпейске и Опакове, а в 1500 г. — в Брянске[86]. В 1508 г., как мы помним, торопчан дважды приводили к присяге: сначала это попытались сделать «литовские люди» («за короля»), а затем воевода кн. Данило Щеня, прогнав последних, снова привел торопчан к присяге на верность великому князю[87].

---

[81] *Грушевский А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Киев, 1918. С. 168—174.

[82] *Хорошкевич А. Л.* Очерки... С. 53.

[83] РИБ. Т. 27. Стб. 409—411, 593—596.

[84] СГГД. Ч. 1. № 148. С. 412–413.

[85] ПСРЛ. Т. 24. С. 210.

[86] Там же; там же. Т. 32. М., 1975. С. 166.

[87] РК 1605. Т. 1. С. 105—106.

Во всех названных городах, присоединенных к Русскому государству в конце XV в., немногочисленное посадское население не пыталось оспорить ведущую роль местного боярства в городской жизни. Но в первой трети XVI в. в зоне военных действий оказались города иного рода, с более многочисленным и активным мещанским населением, и здесь в определении судьбы города подчас решающую роль играло не боярство, а мещане и «черные люди». Достаточно вспомнить эпизод 1514 г., когда после Смоленского взятия к Василию III «приехаша из Кричева и из Дубровны мещане и черные люди, чтобы государь... велел им себе служити, а городы Кричев и Дубровна пред государем», а сразу после Оршинской битвы они «отступиша к королю»[88]. В данном случае мещане и черные люди сами распорядились судьбой своих городов, причем ясно, что их действия были продиктованы не симпатиями к Москве, а трудным положением этих небольших приграничных городов, чья участь сильно зависела от перипетий русско-литовской войны.

Судьба Смоленска также во многом определялась позицией мещанского населения. Приведенные выше данные о четырех осадах города (особенно об осаде 1513 г.) не оставляют сомнений в том, что все жители, а не только верхушка, оказывали упорное сопротивление московским войскам. Поэтому говорить о симпатиях «народа» к Москве (В. П. Мальцев, А. Б. Кузнецов), на мой взгляд, нет оснований. Сословная рознь проявилась не во время выпавших на долю горожан тяжелых испытаний, а после капитуляции города.

На переговорах в лагере Василия III летом 1514 г. присутствовали, как мы помним, представители и «верхов» и «низов», но особую активность проявили как раз посланцы мещан и черных людей. В Описи Царского архива XVI в. упомянуты «три грамоты старые Жигимонта короля жаловальные да две грамоты мещанских, а принес Логин, староста смоленской»[89]. Здесь наглядно видно, сколь дорожили мещане правами и льготами, полученными от литовских господарей; теперь они стремились добиться от нового государя подтверждения своей «старины» и представили хранившиеся в Смоленске королевские грамоты (так они попали в царский архив). На основании этих привилеев от имени Василия III были составлены «грамота жаловальная смоленская большая всей земле» и особая грамота мещанам

[88] ИЛ. С. 164, 166; ПСРЛ. Т. 28. С. 349—350.
[89] ОЦААПП. М., 1960. С. 26 (ящик 74).

(«как пожаловал мещан смоленских»)[90]. До наших дней сохранилась только первая из них. В ней помимо подтверждения прав всего населения, включая важное обязательство — «розводу нам князем, и бояром, и мещаном, и черным людем, и всем людем Смоленские земли никак не учинити»[91], — предоставлялись новые льготы мещанам и черным людям: им передавался торговый сбор — весчее («мещаном и черным людем то весчее имати на себя»); кроме того, они полностью освобождались от подводной повинности: как и во всем Русском государстве, эта обязанность возлагалась на ямщиков[92]. Таким образом, если бояре не только не получили новых прав и привилегий, но часть из них даже утратили (см. выше), то мещане и черные люди сумели добиться улучшения своего положения.

Как видим, мещанское население Смоленска, упорно вместе с другими сословиями защищавшее свой город от московских войск, после капитуляции вовсе не собиралось, в отличие от многих бояр, покидать родные места, а постаралось на выгодных для себя условиях прийти к соглашению с новой властью. Казалось, эти усилия не пропали даром, однако вскоре раскрытие пролитовского заговора и последовавшие затем репрессии перечеркнули договор Василия III с городом, и, хотя ни один источник не упоминает об участии в заговоре мещан и черных людей, они были выселены из Смоленска наряду с боярами. В посольском наказе 1524 г. говорится, что смолянам, выведенным в Москву, великий князь, среди прочего, «дворы им на Москве и лавки велел подавати»[93]. Тогда и появились в Великом княжестве Литовском смоленские мещане-беглецы: их имена встречаются в документах Метрики уже около 1516 г.[94], а в 1525 г. упоминаются «люди смолняне, которые ново сели» близ Могилева; их насчитывалось тогда всего восемь дворов, но новоселы просили выделить им еще место, жалуясь на недостаток земли[95]. Осенью 1531 г. «смолняне слобожане» вновь привлекли к себе внимание литовского правительства[96]. Это, однако, исключительное явление: ни из Брянска, ни из Торопца, ни из дру-

---

[90] ОЦААПП. М., 1960. С. 26 (ящик 74).

[91] СГГД. Ч. 1. № 148. С. 412.

[92] Там же.

[93] Сб. РИО. Т. 35. С. 682. Подробности выселения одной такой мещанской семьи см.: АЮЗР. Т. II. СПб., 1865. Прибавл. № 111. С. 134.

[94] РИБ. Т. 20. Стб. 351—352, 356—357.

[95] ЛМ. Кн. 224. Л. 176; там же. Кн. 14. Л. 188 об.

[96] Там же. Кн. 17. Л. 198.

гих городов, присоединенных к Московскому государству, бегство мещан источниками не зафиксировано. «Право отъезда», которым еще в начале XVI в. активно пользовались бояре, основной массе горожан было неведомо.

Итак, симпатий к Москве, к московским порядкам не удается обнаружить ни в одном из городских слоев Литовской Руси. Объяснение этому искали уже современники. Так, хронист Й. Деций в связи с событиями 1514 г. замечает, что «русинов, которые живут под властью короля» и имеют общую с московитами религию, «ничто не удерживает от измены, кроме тирании князя» (московского. — *М. К.*) и того, что «никто (в Московии. — *М. К.*) не владеет богатством иначе, как с разрешения князя...»[97]. Эти опасения, обычно приписываемые шляхте[98], в равной степени могут быть отнесены и к зажиточному мещанству: смоленские мещане, выселенные из родного города наравне с боярами, на собственном опыте могли увидеть серьезные различия в порядках двух соседних государств. Слухи о московской «тирании» должны были побудить остававшихся под властью Литвы горожан еще больше ценить те привилегии, которыми они пользовались в Великом княжестве.

Вместе с тем следует отметить, что при общей лояльности всего городского населения к Литве, с приближением военной опасности обнаруживались существенные различия в поведении разных социальных слоев. Боярская верхушка и церковные иерархи, тесно связанные с великокняжеской властью, оставались до конца ей верны; присоединение Брянска и Смоленска к Русскому государству повлекло за собой массовые «отъезды» бояр в Литву. Бояре и мещане небольших городков, напротив, демонстрировали компромиссную позицию, легко признавая власть того, на чьей стороне в данный момент был военный перевес. К соглашению с московским государем в конце концов после долгого сопротивления склонилась и основная масса жителей Смоленска, выговорив только сохранение дорогой для них «старины» и получив ряд новых льгот. Однако организованный боярской и церковной верхушкой пролитовский заговор перечеркнул это соглашение.

---

[97] *Decius*. Cracoviae, 1521. P. XCII.

[98] *Малиновский И. А.* Рада великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России. Ч. II. Томск, 1912. С. 55; *Kosman M.* Historia Bialorusi. Wrocław, etc. 1979. S. 100.

Глава четвертая

Политика московского правительства по закреплению новоприсоединенных западных земель (первая треть XVI в.)

В предыдущем изложении мы пришли к выводу, что горожане не были союзниками великих князей московских в деле присоединения порубежных земель к Русскому государству. До 1500 г. Москва могла в определенной мере опереться на помощь «украинных» князей, но с начала XVI в. ей приходилось рассчитывать только на свою военную силу. Мало того, потеря Любеча и Гомеля, описанный выше эпизод борьбы за Торопец в 1508 г. и другие события русско-литовских войн первой трети XVI в. показали непрочность московских завоеваний. В связи с этим возникает вопрос: каким образом московскому правительству удалось удержать (за исключением двух названных городов) обширные территории, присоединенные на рубеже XV—XVI вв.? Первым шагом в освоении новых западных земель было назначение туда великокняжеских наместников. В Вязьме наместники упоминаются с мая 1495 г., в Брянске — с декабря 1502 г., в Дорогобуже — с мая 1503 г.[1], в Белой — с июня 1511 г.[2]; в Торопце первые сведения о наместнике относятся к 1522 г., хотя скорее всего он там появился гораздо раньше; наконец, в Смоленске сразу после взятия был оставлен наместник — кн. В. В. Шуйский[3]. Только северские города вплоть до начала 20-х гг. оставались во владении удельных князей, после чего и там было введено наместническое управление[4].

---

[1] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 427. (В списке А. А. Зимина — с декабря 1503 г.).

[2] ЛМ. Кн. 7. С. 336.

[3] *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // ИЗ. Т. 94. 1974. С. 272, 274, 287, 289; *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. Прил. 1. С. 131, 132, 138, 158, 161.

[4] *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 137—142; *он же.* Наместническое управление... С. 283, 285, 288, 289.

Оборона вверенного наместнику города была его важнейшей функцией. В 1508 г. только бдительность кн. В. Ю. Ростовского, своевременно известившего великого князя о появлении у Торопца «литовских людей», позволила удержать этот город в пределах Русского государства[5]. В 1514 г. исключительную роль в раскрытии пролитовского заговора в Смоленске и отражении набега гетмана К. Острожского сыграл наместник кн. В. В. Шуйский, причем в одной из летописей подчеркивается его инициатива: он начал вешать заговорщиков на виду у подошедшего литовского войска, «а не ожидаяся великого князя вести», впоследствии Василий III «о том... похвали его»[6]. Зато наместник, не сумевший защитить свой город от врага, не мог рассчитывать на снисхождение: так, гомельский наместник кн. Дмитрий Щепин, сдавший город литовцам, по приезде в Москву был брошен в темницу[7].

Другой мерой военно-политического характера было размещение войск на опасном рубеже: разряды фиксируют почти постоянное присутствие воевод с полками в городах «от литовские украины», причем не только в период военных действий, но и в годы затишья на русско-литовской границе, в частности, в 1520-х — начале 1530-х гг.[8]

Но подобными мерами отнюдь не исчерпывалась политика правительства по отношению к присоединенным западным землям. Важное значение имело испомещение там служилых людей из центральных уездов Московского государства. Применительно к Вязьме и Торопцу этот процесс хорошо показан В. Б. Кобриным[9]. Всюду, где вводилось наместническое управление, сразу же начиналось испомещение. Вяземские помещики упоминаются в источниках уже с декабря 1501 г.[10], в Дорогобуже, присоединенном в 1500 г., первое упоминание о помещиках появляется в декабре 1503 г.[11] В послании Василия III Сигизмунду I от 5 июля 1511 г. фигурируют уже «помещики городов наших украинных вяземские, и дорогобужские, и белские»[12]. Торопец-

---

[5] РК 1598. М., 1966. С. 41; РК 1605. М., 1977. Т. 1. С. 105—106.

[6] ПСРЛ. Т. 37. М., 1982. С. 102.

[7] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 19.

[8] РК 1598. С 65, 67, 71, 72, 74, 77, 83—85; РК 1605. Т. 1. С. 175—176, 179, 181, 186, 201, 205—206, 217, 229, 237—238, 243—244, 247—248.

[9] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 123—130.

[10] Сб. РИО. Т. 35. С. 332 (отмечено В. Б.Кобриным: Власть и собственность... С. 95, 126).

[11] Сб. РИО. Т. 35. С. 448.

[12] ЛМ. Кн. 7. С. 354.

кие помещики встречаются впервые в разрядах в апреле 1536 г.[13], но испомещение произошло, несомненно, значительно раньше: в Торопецкой писцовой книге 1540 г. упомянуты «старые поместья», иные из которых перешли уже от отцов к сыновьям[14]. К весне 1504 г. относится первое упоминание о брянских помещиках[15]. Таким образом, в городах, вошедших в состав Московского государства в 1493-м и 1500 г., испомещение лишь немного отставало по времени от момента присоединения. Исключение составили только северские города (Стародуб, Гомель, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль), где испомещение не проводилось до ликвидации уделов Василия Стародубского и Василия Шемячича.

Как выяснил В. Б. Кобрин на вяземском и торопецком материале, освоение московскими помещиками новоприсоединенных земель сопровождалось переселением местных владельцев в другие уезды; в итоге к середине XVI в. и в Вязьме, и в Торопце доминировали пришлые служилые роды[16]. Эти коренные перемены в землевладении пограничных территорий имели, как мы сейчас увидим, немаловажное значение для развития русско-литовских отношений, для судеб порубежных земель.

В дипломатической переписке московского и виленского дворов с начала XVI в. постоянно повторяются жалобы литовской стороны на наезды и захваты порубежных земель помещиками. Так, в апреле 1504 г. Александр Казимирович заявлял Ивану III протест, в частности, по поводу того, что «помещики твои брянские присылали к Смоленской... нашой волости к Рославлю, велячи им служити к городу Брянску»[17]. Позднее послы уже нового великого князя литовского и польского короля Сигизмунда жаловались в 1507 г., что после перемирия 1503 г. «люди» московского государя «позаседали» несколько смоленских волостей, «и помещики дорогобужские безпрестани людей его (господаря. — *М. К.*) в полон емлют, и розбивают, и крадут и многие обиды чинят»[18]. То же происходило и на северном участке русско-литовской границы, в районе Витебска и Полоцка. В июне 1510 г. Сигизмунд писал Василию III, со слов полоцкого воево-

---

[13] РК 1598. С. 90; РК 1605. Т. 1. С. 261.

[14] Торопецкая книга 1540 г. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 318—322.

[15] Сб. РИО. Т. 35. С. 468.

[16] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность... С. 125—126, 128, 130.

[17] Сб. РИО. Т. 35. С. 468.

[18] Там же. С. 483.

ды, «штож дети боярские и помесцкии твои, приеждчаючи, моцно шкоды и грабежи... делають и волости полоцкии, которыи в перемирной грамоте в нашу сторону вписаны, ино тые... забрали и отрубили и люди к целованью поприводили, абы служили в твою сторону»; «из Витебска теж писано, — продолжал король, — штож волостей витебских и Озерищское и Святское болшая половина отрублено...»[19]. Тщетно Сигизмунд просил великого князя провести расследование и вернуть отнятое помещиками[20]. Василий III неизменно брал своих помещиков под защиту и от их имени предъявлял литовской стороне встречные претензии[21].

Из той же дипломатической переписки видно, как быстро расширялся круг помещиков, участвовавших в пограничных наездах: сначала это были только брянские помещики, затем появляются жалобы и на дорогобужских, а с лета 1511 г. к ним добавляются вяземские и бельские[22]. В 20-х же годах XVI в. в протестах литовской стороны речь идет уже о помещиках северских городов — не только брянских, но и гомельских и стародубских[23].

Приведенный материал красноречиво свидетельствует о том, что дети боярские из «коренных» московских уездов, испомещенные на западных рубежах, становились активными проводниками наступательной политики московского правительства. Стремясь к сохранению и расширению недавно полученных земель, помещики непосредственно содействовали закреплению этих территорий за Русским государством. Участвовали они и в сооружении пограничных крепостей: так, в 1536 г. торопецкие помещики Д. Осокин, З. И. Чоглоков, Д. И. Игнатьев, Н. А. Чихачов «ставили» город на Велиже[24].

Лишь в северских городах процесс испомещения, как уже говорилось, начался позднее, после упразднения тамошних уделов. Первое упоминание о стародубских и гомельских помещиках относится к 1525 г.[25], о новгород-северских детях боярских — к 1538 г.[26] Сюда тоже начали переселяться служилые люди

---

[19] ЛМ. Кн. 7. С. 234.
[20] Там же.
[21] Там же. С. 243—244, 354—355. См. также: Сб. РИО. Т. 35. С. 470, 483.
[22] Там же. С. 354.
[23] Сб. РИО. Т. 35. С. 697, 716.
[24] РК 1598. С. 90; РК 1605. Т. 1. С. 261.
[25] Сб. РИО. Т. 35. С. 697
[26] ЛМ. Кн. 7. С. 1236.

из уездов Московского государства: в конце 1537 г. в наказе московскому послу в Литву упоминалось, что у детей боярских великого князя «села в Гомье были»[27]; некоторые из этих помещиков известны по именам: так, в январе 1528 г. литовским послам был заявлен протест по поводу разорения литовцами гомельских поместий детей боярских Льва и Андрея Масловых[28].

Однако до начала очередной русско-литовской войны 1534—1537 гг., театром боевых действий которой стала Северская земля, новоявленные помещики еще не успели здесь закрепиться; состав местных землевладельцев не претерпел таких радикальных изменений, как в других украинных землях, о которых шла речь выше. В этой связи предстает в новом освещении описанный нами в предыдущей главе эпизод 1535 г., когда гомельские служилые люди сдали город литовским войскам и принесли присягу на верность королю. Воскресенская летопись подчеркивает, что «прибылые люди в город не поспели, а были тутошние люди немногие, гомьяне»[29]; Летописец начала царства добавляет ценные подробности: наместник гомельский кн. Дмитрий Щепин, устрашенный многочисленностью литовского войска, «из града побежал, и дети боярские с ним же и пищалники... Гражаня же... здаша град»[30]. Осведомленный Постниковский летописец сообщает о том же событии, что литовцы «воеводу гомейского и детей боярских отпустили, ограбив, на Москву»[31]. Последний штрих в эту картину вносит письмо господарского писаря Михаила Свинюского от 22 июля 1535 г.: оказывается, после сдачи Гомеля «некоторыи бояре и люди присягу вчинили» королю[32]. Сопоставление этих свидетельств источников проясняет смысл происшедшего: наместник с немногочисленным московским гарнизоном (детьми боярскими и пищальниками) покинул Гомель, сдавшийся литовцам, после чего местные, гомельские бояре перешли на службу Сигизмунду. Итак, из-за того что в Гомеле процесс испомещения начался поздно, лишь в 20-х гг., оставшееся здесь с литовских времен боярство сохранило свои позиции, а слой переселенных сюда московских детей боярских был еще очень небольшим, — город вернулся под власть Литвы. Сами по себе гомельские бояре, ес-

---

[27] Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 138.
[28] Там же. Т. 35. С. 767.
[29] ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1859. С. 290.
[30] Там же. Т. 29. С. 19.
[31] Там же. Т. 34. М., 1978. С. 25.
[32] АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 184. С. 337 (переизд.: РА. № 74. С. 165).

тественно, не имели особых причин упорно защищать московские порядки. Гомельский инцидент может служить «доказательством от противного» для тезиса о том, что именно массовое испомещение на западных рубежах служилых людей из Северо-Восточной Руси являлось необходимым условием удержания присоединенных территорий.

Другим инструментом политики московского правительства, опробованным ранее в Новгороде, Твери, Пскове, был «вывод» — насильственное выселение местных землевладельцев (и других социальных групп) из покоренных областей[33]. Теперь он был применен в Смоленске. Переселение, правда, имело место и в других западнорусских землях (Вязьме, Торопце и т.д.), но, как считает В. Б. Кобрин, там оно могло носить добровольный характер[34]. Однако при скудости данных, которыми мы располагаем, трудно провести грань между добровольными и принудительными переселениями: мы видим результаты, методы же нам неизвестны. Как бы там ни было, в Смоленске, несомненно, имел место «вывод».

Как мы помним, в жалованной грамоте смолянам Василий III обещал им «розводу... никак не учинити», однако после раскрытия в городе заговора он отказался от своих обязательств. Начало «вывода» пришлось, видимо, на конец 1514-го — начало 1515 г.: «на зиме смольнян князь великий повел к Москве», — сообщает псковский летописец[35]. Сведения об этом событии проникли и в белорусско-литовское летописание: летопись Рачинского рассказывает, как Василий III «смолнян всих вывел к Москве и там им именья подавал на Москве, а москвичом подавал именья у Смоленску»[36]. О том же говорится в более поздней Евреиновской летописи — с той разницей, что вместо «смолнян всих» там фигурируют «бояре смоленские», а вместо «имений» — «поместья»[37].

Можно предположить, что «выводов» из Смоленска в рассматриваемый период было несколько: один около 1514/15 г., а другой — десять лет спустя, причем во второй раз выселению наряду с боярами подверглись и смоленские купцы. Этот вывод

---

[33] См.: *Хорошкевич А. Л.* Право «вывода» и власть «государя» // Россия на путях централизации. Сборник статей. М., 1982. С. 40—41.

[34] *Кобрин В. Б.* Власть и собственность... С. 132.

[35] ПЛ. Вып.1. М.Л., 1941. С. 98.

[36] ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 169.

[37] «...бояром смоленским поместья подав на Москве, а москвичом в Смоленску поместья подавал» (Там же. С. 235).

основан на том, что свидетельства источников об этой акции концентрируются вокруг двух дат: 1514 г. и 1524 г. В феврале 1524 г. Григорию Загрязскому, отправленному с посольством в Литву, была дана специальная инструкция: что говорить, если спросят, «чего деля князь великий смолян на Москву привел?» Ответ давался уклончивый и ничего не объясняющий[38], но для исследователя этот наказ интересен, во-первых, тем, что служит ориентиром для датировки «вывода» смольнян, а во-вторых, указывает на социальный состав выселенных лиц: «которым людем велел быти на Москву, и государь... тех пожаловал, дворы им на Москве и лавки велел подавати и поместьа им подавал»[39], — речь, конечно, идет о купцах (мещанах) и служилых людях (боярах). Характерно также, что известия о смоленских беглецах-мещанах (приведенные нами выше), рассказ одного купца о выселении его семьи из Смоленска в Москву — вся эта информация отложилась в Метрике как раз под 1524—1526 гг.[40]

Что касается бояр, то выселялся, вероятно, верхний слой, наиболее видные фамилии из оставшихся в городе: согласно спискам «литвы дворовой» Дворовой тетради, к 50-м гг. Пивовы оказались в Ярославле, Коптевы — в Можайске, Дудины — во Владимире, Плюсковы — в Медыни, Бобоедовы — в Юрьеве, Жабины — в Можайске и Медыни, а члены семейства Полтевых были разбросаны по нескольким городам (Ярославль, Владимир, Медынь)[41]. Низший же слой смоленского боярства и провинциальный служилый люд (щитные, доспешные, панцирные слуги и т.п.), можно полагать, поначалу был оставлен на месте: еще и во второй половине XVI в. Вошкины, Ходневы, Коверзины, Шестаковы и пр., как уже говорилось, числились по Смоленску под именем «земцев». Впрочем, «перетряхивание» (по выражению В. П. Мальцева[42]) служилого сословия продолжалось в Смоленске на протяжении всего XVI в.; в рамках нашей темы мы прослеживаем только начальную стадию этого процесса.

На первых порах в Смоленске соседствовали остававшиеся еще бояре и переведенные из московских городов дети бояр-

---

[38] «которые люди пригожи государю нашему на Москве, и государь наш тем людем велел на Москву ехати...» и т.п. (Сб. РИО. Т. 35. С. 682).

[39] Сб. РИО. Т. 35. С. 682.

[40] ЛМ. Кн. 14. Л. 106 об., 188 об. — 189; кн. 224. Л. 176—176 об.; АЮЗР. Т. II. СПб.. 1865. Прибавл. № 111. С. 134.

[41] ТКДТ. М.Л., 1950. С. 144—145, 153, 156—157, 187, 207.

[42] *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск. (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 39.

ские: этот момент зафиксирован в инструкциях, полученных смоленским наместником кн. Б. И. Горбатым по случаю встречи и проводов имперского посла С. Герберштейна, соответственно в апреле и ноябре 1517 г. Наказ наместнику требовал, «чтобы дети боярские нашего для дела все были у вас в городе»[43]. Очевидно, подразумевалось, что дети боярские находятся в своих поместьях в уезде, по случаю же приезда посла им предписывалось собраться в город, причем их было там уже к тому времени немало: при въезде посла в Смоленск, по государеву приказу, дети боярские должны были присутствовать и на наместничьем дворе, и «в сенех», «да и на площади бы дети боярские были и в городе по улицам, чтоб людей много видети было»[44], а на проводы посла велено было послать из Смоленска «детей боярских дворовых и городовых 200» (в том числе дворовых 30)[45]. В то же время в городе оставались еще бояре: на приеме посла у наместника должны были присутствовать не только воеводы «и дети боярские добрые», но «и князи и бояре смоленские, которым пригоже»[46]. Но это, насколько можно судить, было последним упоминанием «смоленских бояр» в московской документации: «выводы» 1524 г. и последующих лет ликвидировали этот слой служилых людей: во второй половине XVI в. о его былом существовании напоминали лишь земцы в составе смоленского гарнизона.

Итак, приходится констатировать, что опорой московских властей в новоприсоединенных западных областях служило не местное население, а размещенные в порубежных городах полки во главе с наместниками и воеводами и испомещенные там дети боярские из уездов Русского государства. Правда, была попытка и иного рода — предоставление жалованных грамот смолянам. Но, даже если это не было, как считает В. П. Мальцев, только «тактическим приемом, облегчившим взятие Смоленска»[47], все равно этот шаг оказался лишь кратковременным экспериментом, после которого правительство вернулось к привычным методам, испытанным на других землях. И надо признать, что эти методы — массовое испомещение переселенцев из центральных уездов, принудительные

---

[43] ПДС. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 179.
[44] Там же. Стб. 180.
[45] Там же. Стб. 182.
[46] Там же. Стб. 180.
[47] *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск... С. 38.

«выводы» местных жителей — оказались достаточно эффективными, чтобы обеспечить сохранение за Московским государством обширных территорий, вошедших в его состав на рубеже XV—XVI вв.

Анализ положения городов Литовской Руси на рубеже XV—XVI вв. выявил существенные различия в степени развития городских общин, в объеме прав и привилегий, в мере относительной самостоятельности по отношению к местным и центральным властям. Однако нигде не удалось обнаружить недовольства своим пребыванием в Великом княжестве Литовском или стремления присоединиться по доброй воле к Русскому государству. Промосковские «партии» если и были в некоторых городах (в боярской среде), очень слабо себя проявляли, и решающую роль в судьбе города играли не они, а натиск московских войск.

Позиция городов в период русско-литовских войн, как мы старались показать, определялась их статусом и отражалась на ходе и характере этих войн. Раньше всего и с наименьшими усилиями Москве удалось присоединить пограничные удельные городки, слабо связанные с Литовским государством; тамошнее население относилось к переходу в московское подданство совершенно пассивно. Значительно позднее, только в 1500 г., и при усилившемся военном нажиме удалось овладеть небольшими господарскими городами — Брянском, Путивлем, Торопцом и др. Но серьезного сопротивления они не могли оказать. На новом этапе, с начала XVI в., резко возрастает военная активность Москвы, но в той же мере увеличивается и оказываемое ей противодействие, ибо теперь натиску московских войск противостояли крупные и средние города, давно и прочно вошедшие в политическую систему Великого княжества. В ходе затяжных войн, длившихся с перерывами всю первую треть XVI в., московским воеводам удалось овладеть — и то после четырех осад — лишь одним городом, Смоленском, а после 1514 г. все их попытки захватить Полоцк, Витебск, Мстиславль и другие города Великого княжества окончились безрезультатно.

Реакция разных слоев городского населения на присоединение их города к Московскому государству была различной. Наибольшую преданность Литве демонстрировали церковные иерархи и боярская верхушка великокняжеских городов. Основная же масса жителей — и мещане, и провинциальное боярство (в Смоленске), если не было возможности защищаться, прояв-

ляла готовность к компромиссу, пытаясь «по-хорошему» договориться с новой властью.

Поскольку местное население не могло служить Москве надежной опорой на западных землях, а само их присоединение было весьма непрочным, для удержания новых территорий русское правительство активно использовало «выводы» и переселения коренных жителей, а на их место присылало служилых людей из городов Московского государства. Новоиспеченные помещики стали надежным заслоном на западных рубежах расширившейся Российской державы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.
Привилей Сигизмунда I Смоленску 1513 г.

Текст привилея Сигизмунда I Смоленску от 16 апреля 1513 г. дошел до нас в подлиннике в составе фонда Сношений с Польшей (ф. 79) РГАДА и лишь недавно был введен в научный оборот[1]. Королевская грамота стала одним из военных «трофеев» Василия III, овладевшего летом 1514 г., после очередной осады, Смоленском.

Привилей 1513 г. оказался последним документом в ряду жалованных грамот, полученных Смоленском от литовских властей. В сопоставлении с другими сохранившимися юридическими памятниками той поры он способен пролить свет на правовую традицию Смоленской земли и шире — на особенности кодификации правовых норм на славянских землях Великого княжества Литовского[2].

Текст грамоты 1513 г. публикуется по правилам издания документов XVI — XVII вв. Реконструкция утраченных фрагментов текста дается в квадратных скобках. Для удобства чтения текст разделен на абзацы в соответствии с основными смысловыми частями. Инициалы выделены жирным шрифтом. Курсивом переданы выносные буквы, которые могли обозначать как мягкие, так и твердые звуки (*т/ть, л/ль* и т.д.), в тех случаях, когда выбор не очевиден.

1513 г., апреля 16. Привилей Сигизмунда I, короля польского и великого князя литовского, Смоленску о запрете держания в городе корчем, отмене незаконных воеводских поборов и ус-

---

[1] *Кром М. М.* Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России Нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 133—139.

[2] Подробный анализ содержания привилея дан во вступительной статье к его первой публикации, см. там же. С. 133—137.

тановлении размера судебных пошлин в соответствии с грамотами короля Александра.

Жикгимонт, Бож(е)ю милостью король польский, великий князь литовский, руский, княжа пруское, жомоитский и иных.

Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него посмотрить або чтучи вслышить, нынешним и напотом будучим, кому [будет] потреб [т]ого ведати. Били нам чолом владыка смоленский Варсонофей, и околничии, и казначеи, и князи, и бояре земли Смоленское и мещане и все посполство чорныи люди места Смоленского о том, што брат [наш славное][3] памяти Александр король его милость и великий князь встановил в месте Смоленском корчмы на себе, а иншии князем и бояром подавал. Для которых жо корчом по вси тыи лета многии ся вб[ивств]а[4] межи поддаными нашими делали, а мещане богатыи люди вбогими зостали, а посполство чорныи люди для опойства у великий недостаток пришли. А в нынешнии валечныи часы дл[я мн]огих корчом пивных живности собе, хлеба достатку не могуть мети, для чого ж ся многии люди з места рос[хо]дять прочь. И били нам чолом, абыхмо для тых-то причин тую корчму в месте Смоленском выстановили и заховали их водле давности. А к тому теж мещане смоленскии и все посполство [ч]ерныи люди били нам чолом, абыхмо им мыто нашо соляное отпустили, которое есмо были ново встановили в Полоцку для посполитого доброго и земского: от меха по чотыри гр[о]ши.

И[н]о мы, впамятавши верность предков их ку предком нашим и ку отцу и брату нашому, королем и великим князем, их милости, и теж вбачивши их нынешнюю к нам верность и послугу и нелютованье розлитья крови напротивку неприятеля нашого, которую ж они нам, пану своему, оказали и верне ся заховали в тот час, как неприятель нашь, великий князь московский, черес несправедливую свою присягу и докончанье неотповедно безвестно у отчизну панства нашого вторъгнул, и сам своею головою, и з братьею, и зо всими моцами своими немалыи час стоял под замком нашим Смоленском, наголову его добываючи, и наперед церквам Божим, а потом князем и бояром, и мещаном шкоды великии починил и кровь розлил; а они, яко верныи подданыи наши, Бога [вз]ем[ш]и на помочь, посполу з воеводою нашим смоленским, паном Юрьем Глебовичем, моц-

---

[3] Восстановлено по копии, снятой в начале XIX в. с оригинала переводчиком М. Соколовским и хранящейся в том же архивном деле (РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 8. Л. 2—3).

[4] Восстановлено по копии Соколовского.

не ся ему оборонили и замок на нас, на господаря своего прирожоного, одержали, — мы, бачачи их цноты и ве[рно]сть и нелютованье розлитья крови, на их покорное жаданье тым есмо их пожаловали. Наперед корчмы з места нашого Смоле*н*ского им есмо выставили: не маем мы, господарь, вжо там корчмы нашое мети, а ни пан воевода смоле*н*ский и владыка, и око*л*ничии, и вси князи и бояре земли Смоле*н*ское, и мещане, и жолнери наши, и нихто вжо черес то там в месте нашом Смоле*н*ском корчом своих не маеть держати, нижли мещане смоле*н*скии мають врочистыи звечныи склады сытити подле давности и свечи тых складов по церквам ставити, и тых складов не мають шинковати, а ни з домов корчомным обычаем продавати. А естьли хто хотел бы тыи склады шинковати, а было ль бы то на него доведено або вынято, тот маеть нам платити з дому вины дванадцать рублев грошей. А которыи будуть тыи склады корчмою купуючи пити, тыи вси мають нам платити с каждое головы вины по два рубли грошей по тому, как и перед тым было.И теж пожаловали есмо мещан смоле*н*ских и все посполвство: мыто нашо соляное им есмо отпустили, которое они в Полоцку даивали, от меха соли по чотыри гроши.

Также били нам чолом мещане и все посполвство, иж воевода смоле*н*ский и око*л*ничии, и иншии врядники смоле*н*скии кривды им великии делають и новины уводять черес листы брата нашого Александра короля, его милости: вины и децкованья и куници змирскии великии на них беруть; теж деи воевода смоле*н*ский и ныне черес лист же брата нашого, его милости, береть на них ве[л]икоде*н*щину и рожестве*н*щину, и глушичщину, и иншии платы и службы городовыи, которыи брат нашь им отпустил, хочеть с них мети. И били нам чолом, абыхмо их при листех брата наш[о]го зоставили и заховали. И мы для их верности в том мещан и чорных людей п[о]жаловали: которого мещанина вина обойдеть, ино воеводе смоле*н*скому брати з них вины от рубля по десяти грошей, а децкованья мають они давати от рубля по чотыри гроши, а за змирскую куницу мають они воеводе смоле*н*скому и тивуну з обу сторон, коли ся змирять за децким, шесть грошей платити. А коли без децкого ся змирять, ино воеводе и тивуну не брати с них ничого. А великоде*н*щины и рожестве*н*щины, и глушичщины, и иных поплатов пану воеводе смоле*н*ском[у] с них не брати и в службы город[ов]ыи их не вернути. И што колве в листех брата нашого им выписано, то им отпускаем и при тых листех их зоставляем и во впокои заховываем.

А на твердость того и печать нашу казали есмо приложити к сему нашому листу. А при том были староста бельский пан Ольбрахт Мартинович Кгаштовтовича, а пан Миколай Станиславович, старостич жомоитский, а маршалок и писарь нашь, наместник жижморский пан Копоть Васильевич.

Писан в Познани лета Божьего тисяча пятьсот третегонадцать, месяца априля 16 день, индикта первый.

Ниже — большая красновосковая печать под кустодией (надпись не видна). Справа от нее — подпись: Богуш Боговитинович мар(шалок) и писарь.

РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 8. Л. 4.

Подлинник. Пергамен: 59 х 51,5 см. Литовско-русская скоропись. Текст писан одним почерком, темно-коричневыми чернилами. На нижнем поле приложена красновосковая печать под кустодией с неясным изображением.

На обороте: надпись московской скорописью (XVI в.?) выцветшими бледно-коричневыми чернилами, почти не читающаяся: ...дети боярскии и все.... *На другой строчке:* ...отпись в однои известь и пош....

Публ.: *Кром М. М.* Неизвестный привилей Сигизмунда I Смоленску (1513 год) // От Древней Руси к России нового времени: Сборник статей: К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 138 — 139.

Приложение II

Судьбы брянских бояр после 1500 г.

Боярские роды[1]	Место службы после 1500 г.	Источники
1. Александровы	Семен А. с сыновьями выехал в 1508 г. *в Москву* с Глинскими. В 1550-х гг. А. упом. среди «литвы дворовой» по Можайску (но, возможно, это смольняне).	Рус. временник. С. 72; ТКДТ. С. 187.
2. Асирев Иван	Нет сведений	
3. Безобразов Костя*	Нет сведений	
4. Бокеевы*	*в Литве*: Василий Иванович Бокей, 1507, 1508, 1514–1522 гг.; дворяне Бокеевы, 1514 г.	LM. Kn. 8. P. 197, 268; РИБ. Т.20. Стб. 152, 376-377, 1493, 1552; РА. С. 26.
	в Москве: Б. среди «литвы дворовой» в Можайске, Медыни, Ярославце, 1550-е гг.	ТКДТ. С. 187, 207–208.
5. Бородовичи	*в Литве*: Михаил Григорьевич Б. (упом. и отец — Григорий), 1535	ЛМ. Кн. 17. Л. 585.
6. Богданов[ичи]	*в Литве*: Тимофей Богданович, 1507, ок. 1509 г.; Федор Богданович Кошка, упом. в документе 1541 г.	LM. Kn. 8. P. 164, 399; ЛМ. Кн. 24. Л. 136–136 об.

[1] В основу списка положен реестр раздачи волостей 1496 г.: ЛМ. Кн. 6. С. 561—562. Звездочкой отмечены фамилии из других актов XV в. (РИБ. Т. 27), не упомянутые в реестре 1496 г.

Боярские роды	Место службы после 1500 г.	Источники
7. Брянец*, Брянцовы	*в Литве*: Кощей, Лука, Михайло, Прокоп, Федор Б., ок. 1509; Иван Захарьич Б., 1525 г. *в Москве*: Брянцовы среди «литвы дворовой» в Переславле, 1550-е гг.	LM. Kn. 8. P. 164–165; ЛМ. Кн. 12. Л. 335 об. ТКДТ. С. 141.
8. Василий Шия	Нет сведений	
9. Быковские	*в Литве*: Офанас Михайлович Б., Ивашко Рыло, Головач, Федор, Тиша, Лопот Б., 1509–1510, 1514 гг. (Офанас Б. умер не позднее 1526 г.: упом. его вдова; Головач Б. и Ивашко Рыло упом. еще в 1532 г.); Гридя Б.; 1506, 1507, 1509, 1510, 1514; Грынь Михайлович Б., 1509, 1523 гг.; Лука Б., 1509	LM. Kn. 8. P. 164, 352, 353, 390, 399, 402, 407, 409, 410, 429, 430; PA. С. 26 – 29, 31; ЛМ. Кн. 12. Л. 212–212 об.; кн. 14. Л. 299 – 299 об.; кн. 17. Л. 299–300, 352 – 353; кн. 226. Л. 62 – 63. См. также РИБ. Т. 20 (по указат.)
10. Вешняковы*[2]	*в Литве*: Иван, Пашко, Гридя В., 1509, 1514 гг.	LM. Kn. 8. P. 164, 411; PA. С. 29.
11. Вколовы (Уколовы)	*в Литве*: Иван и Василий В., 1509–1510, 1514, 1520 гг., Федор В., 1516–1517, 1525 гг.	LM. Kn. 8. P. 164, 410, 430; PA. С. 27–29, 30; ЛМ. Кн. 9. Л. 129 об. – 130; кн. 14. Л. 274 об. – 275; РИБ. Т. 20 (по указат.)
12. Головня Федор	*в Литве* (?): упом. ок. 1522 г.	РИБ. Т. 20. Стб. 1038.
13. Григорьев[ичи]	*в Литве*: Прокоп и Михно Г., 1532 г.	ЛМ. Кн. 17. Л. 299.
14. Евлаховы*	*в Москве* (?): В ПК 1587/88 г. по Малоярославцу упом. Василий и Федор Степановы дети Евлахова	РГАДА. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 77, 79, 219, 226 и сл.
15. Жиневы	*в Литве*: Иван Жинев: в 1508 г. его уже не было в живых (упом. его двор в Волковыс-	LM. Kn. 8. P. 260; ЛМ. Кн. 17. Л. 283–284, 488–489.

[2] В актах XV в. не упом., впервые — в 1509 г.

Боярские роды	Место службы после 1500 г.	Источники
	ком повете); в 1532–1533 гг. упом. его вдова и сын Иван	
16. Иванов[ичи]	*в Литве*: Никифор и Федор И. (в 1541 г. упом. их дети)	ЛМ. Кн. 24. Л. 136–136 об.
17. Карповы	Нет сведений	
18. Колонтаевы	*в Литве*: Иван, Семен, Федор К., 1508 – 1524 гг.	LM. Kn. 8. P. 164, 251, 261, 262, 275, 409, 416, 422; PA. C. 27, 30, 31; ЛМ. Кн. 14. Л. 175 об.; РИБ. Т. 20 (по указат.).
	в Москве: среди «литвы дворовой» в Ярославце, 1550-е гг., Малый Ярославец, 1587/88 г. (упом. семья Федора К.)	ТКДТ. С. 208; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 539. Л. 158 об. – 159.
19. Крижины*[3]	*в Москве:* в 1508 г. трое К. (Митько, Богдан, Болобан) выехали с Глинскими в Москву. Федко Иванов сын К. упом. среди муромских детей боярских в 1523/24 г.[4]	ЛМ. Кн. 9. Л. 121 об.; кн. 12. Л. 481 об.; Рус. временник. С. 73.
	в Литве: Тихон, Михаил, Борис, Пашко, Домоткан Крижины, 1507–1510, 1514 гг.	LM. Kn. 8. P. 164, 400, 403, 409, 422; PA. C. 29, 30.
20. Куровы	*в Литве*: дворянин Юшко Куровский, 1514 г.; Григорий Куровский с сыновьями, 1526 г.	PA. C. 29; ЛМ. Кн. 224. Л. 198–198 об.
	в Москве: двое Куровых упом. среди «литвы дворовой» в Костроме, 1550-е гг.	ТКДТ. С. 150.
21. Микитиничи*	Нет сведений	

[3] В актах XV в. не упом., впервые — в 1508 г.

[4] В 1523/24 г. Ф. И. Крыжин подал великому князю Василию III донос на служивших с ним вместе по Мурому детей боярских Щукиных, обвинив их в намерении бежать в Литву (см.: *Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 147—150, док. № 5).

Боярские роды	Место службы после 1500 г.	Источники
22. Митюковичи*[5]	*в Литве*: в 1534 г. упом. Хома и Костя Митюковичи	ЛМ. Кн. 17. Л. 566 об. – 567.
23. Мишковичи*	*в Москве* (?): четверо Мешковичей упом. среди «литвы дворовой» в Костроме, 1550-е гг. (но, возможно, смольняне)	ТКДТ. С. 151.
24. Мясоедовы	Нет сведений	
25. Печеничины	Нет сведений	
26. Пролыские	Нет сведений	
27. Рябой Иван	Нет сведений	
28. Савичи	*в Литве*: дворянин Степан Савин, 1508 г.; Иван Савич 1518, 1530 г.	LM. Kn. 8. P. 261. РИБ. Т. 20. Стб. 1255.
29. Сестренец*	*в Литве*: С. Куцук, 1509 г.	LM. Kn. 8. P. 163, 409, 416.
30. Скипоревы	*в Литве* : Ивашко С.: в 1507 г. упом. его бывшее имение в Оршинском повете	LM. Kn. 8. P. 163, 409, 416.
31. Совин, Совинины	(?) *в Литве:* дворянин Иван Совин, 1514 г.	РА. С. 31.
32. Суздальцовы	Нет сведений	
33. Сычковский*[6], Пацко	*в Литве*, 1509, 1510 г.	LM. Kn. 8. P. 164, 411, 430.
34. Тризны	*в Литве*: Василий и Захарий Карповичи Т., 1507–1528 гг.; Есип Тризна, 1509 г.; Карп Т., 1514 г.	LM. Kn. 8. P. 164, 399, 406, 408, 409; РА. С. 29–31; ЛМ. Кн. 14. Л. 147 об., 198 об., кн. 225. Л. 7–7 об.; РИБ. Т. 20. Стб. 1038.
35. Шишки[ны]*	*в Литве:* Захарий и Федор Ш., 1507 – 1509, 1514 гг.	LM. Kn. 8. P. 334, 399, 400, 407, 417; РА. С. 29.
36. Яробкины*	Нет сведений	

Под вопросом принадлежность к брянскому боярству Стецковичей, упомянутых впервые в списке дворян-брянцев в Литве (LM. Kn. 8. P. 164).

[5] До 1534 г. не упоминаются.
[6] До 1509 г. в актах не встречается.

Приложение III
Судьбы смоленских бояр после 1514 г.[1]

На литовской службе:	На московской службе:
А. Боярские фамилии из центрального реестра 1480-х гг. (РИБ. Т. 27. Стб. 477–485)	
1. Александровы	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Можайске, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 187) (но могли быть и брянцы)
2. Алексеевичи (Олексеевичи)	
Григорий А. «с чотырма сынми», Филип А., Ивашко А. (Сп. 1514. С. 124, 125); Филип А., август 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 278 об.)	(?) Алексеевы: в ПК 1626/27 г. по Можайску упом. деревня, «что была в поместье за смоляны за Прокофьем да за Иваном Алексеевыми» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 175–175 об.).
3. Амбросовы	
Нет сведений	
4. Андреяновы	
Нет сведений	
5. Апраксины	
Не упом.	Фамилия часто встречается, но смоленское происхождение установить не удается

[1] Принятые сокращения: Дес. 1574. — Разборная десятня 1574 г. по Смоленску // ЛИРО. 1913. Вып. 1—2. С. 82—99; ПК — писцовая книга; Сп. 1514. — Список раздачи хлебокормлений смоленским боярам // *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899. Прил. 2. С. 123—127; KW 1516—1518 — *Pietkiewicz K.* Metryka Litewska — Księga wpisów za lata 1516—1518 // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. T. VI. 1994. Poznań, 1995. S. 159—199.

На литовской службе:	На московской службе:
6. Бакины	
Дворяне Остафий и Федор Матвеевичи Б., 1525 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 171 об.); Федор Б., 1529 г. (Кн. 225. Л. 73 об. – 74); дворянин Иван Б., 1529 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 352–352 об.)	Среди «литвы дворовой» в Костроме Борис Павлов сын Б. (с пометой «умре»: ТКДТ. С. 151).
7. Басины	
Смоленский окольничий Михаил Баса, 1519 г. (ЛМ. Кн. 11. Л. 83 об.), его сын Иван — дворянин, 1523–1542 гг. (ЛМ. Кн. 12. Л. 203, 204 об.; кн. 14. Л. 206; кн. 24. Л. 191–191 об.).	Среди «литвы дворовой» в Можайске: Андрей Павлов сын Б. (ТКДТ. С. 187), 1550-е гг.
8. Белейкотловы	
Нет сведений	
9. Беликовы	
Ок. 1517 г. упом. «боярин смоленский Солтан Белькович» (РИБ. Т. 20. Стб. 1145).	Афанасий Семенов сын Беликов — помещик Переславского у.: упом. в разъезжей грамоте 1542/43 г. (*Шумаков С.* Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4. М., 1917. № 1209. С. 431).
10. Бесищевы	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» во Владимире: Ромашка Федоров сын Б., 1550-е гг. (ТКДТ. С. 157).
11. Бобоедовы	
Никифор Бобоед: Сп. 1514. С. 124; Бабоедов Васильевич, 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 388–388 об.).	Среди «литвы дворовой» из Юрьева: Григорий, Василий и Ивашко Б., 1550-е гг. (ТКДТ. С. 153). Жалованные грамоты Ивана IV Якушу Антонову сыну Б. и Гавриле Яковлеву сыну Б. на полавочное в Дмитрове (26 декабря 1550 г.) и деревню с пустошами в Нижегородском у. (5 января 1552 г.) см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1. М., 1997. № 30, 31. С. 30–31.
12. Богатищевы	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
13. Богоделчины	
Нет сведений	
14. Бородины	
Микула Б.: Сп. 1514. С. 124; он же упом. в списке смоленских бояр, получивших пожалования в Браславском повете, 1516 г. (KW 1516 – 1518. S. 171); о его смерти упом. под 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 251). Микита Б.: Сп. 1514. С. 127.	Среди «литвы дворовой» в Медыни, 1550-е гг.: Ждан Андреев сын Бородина (ТКДТ. С. 207); в ПК 1626/27 г. по Можайску: «...что было в поместье за литвином за Ондреем Бородиным» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 186–186 об.)
15. Ботвиньевы	
Дворянин Иван Ботвиньевич упом. в 1524–1528 гг. (ЛМ. Кн. 224. Л. 117; кн. 14. Л. 236). Затем — в плену (см. правый столбец).	В 1529 г. Иван Б. упом. в московском плену (Сб. РИО. Т. 35. СПб. 1882. С. 789, 796), а 1 июня 1530 г. Василий III заявил уже, что «Ивашка Ботвиньев... приехал к нам служити» (там же. С. 833).
16. Бритые (Брытые)	
Братья Сенько и Богдан Б.: Сп. 1514. С. 126; Богдан Б., 1532 г. (ЛМ. Кн. 17. Л. 238 об.)	Не упом.
17. Василковы	
Нет сведений	
18. Васильевы	
Микула Васильевич: Сп. 1514. С. 124. Он же, 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 394).	Данные о смольнянах не найдены
19. Верещакины	
Грышко В.: Сп. 1514. С. 127.	Часто упом. Верещагины, но нет подтверждения смоленских корней
20. Володковы	
Нет сведений	
21. Волоховы	
Нет сведений	
22. Вошкины	
Нет сведений	Яким Матфеев сын Вошкин: земец (Дес. 1574. С. 96).

На литовской службе:	На московской службе:
23. Вяжевичи	
Нет сведений	
24. Глебовичи	
Нет сведений	
25. Глубчины (Глупчины)	
Нет сведений	
26. Голосовичи	
«Боярын смоленьский» Яцко Иванович Г. упом. в 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 310–310 об.)	Не упом.
27. Голцовы	
Иван Голчей: Сп. 1514. С. 124.	Нет данных о смольнянах
28. Григорьев[ичи]	
Иван Г.: Сп. 1514. С. 124; «боярин смоленьский» Останя Г., 1530 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 366–366 об.).	Нет данных о смольнянах
29. Давыдовичи	
Нет сведений	
30. Данил(ь)евичи	
Дворянин Гаврил Данильевич, 1536 г. (ЛМ. Кн. 21. Л. 37).	(?) Даниловы среди «литвы дворовой» в Медыни (ТКДТ. С. 206).
31. Демьяновичи	
Нет сведений	Василий Яковлев сын Д.: жалованная грамота на село в Медынском у., 2 февраля 1515 г.; ему же – кормленая грамота на стольничий путь и поворотное в Коломне, 23 апреля 1516 г.[2]

[2] См.: *Лукичев М. П., Назаров В. Д.* Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. статей. М., 1994. С. 106—107; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1. М., 1997. № 83. С. 65—66.

На литовской службе:	На московской службе:
32. Денисовы	
«Боярин смоленьский Григорей Софонович Денисова Жаба», 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 328)	Нет данных о смольнянах
33. Дубровские	
Иван Петрович Д. с братом: Сп. 1514. С. 126.	Нет данных о смольнянах
34. Дудины	
Не упом.	Трое Д. в списке «литвы дворовой» во Владимире, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 156, 157).
35. Евские	
Нет сведений	
36. Ефремовы	
Нет сведений	
37. Жабины	
Иван Ж., Алексей Павлович Жаба: Сп. 1514. С. 125. Ср. РИБ. Т. 20 (по указателю).	Среди «литвы дворовой» пятеро Ж. (в Можайске и Медыни), 1550-е гг. (ТКДТ. С. 187, 207).
38. Захаровы	
Не упом.	(?) Яков Булгаков сын Захарьин, «литвин» — в Тысячной книге, 1550 г. (ТКДТ. С. 64)
39. Звягины	
Федко Звягиня: Сп. 1514. С. 126.	Нет данных о смольнянах
40. Зеновьины	
Нет сведений	
41. Зубовы	
Не упом.	В 1608 г. упом. сын боярский смольнянин Иван Зубов[3], однако был ли он потомком смоленских бояр XV в. или переведенцев из московских городов XVI в., остается неизвестным.

[3] См.: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 403.

На литовской службе:	На московской службе:
42. Ивакины	
Нет сведений	
43. Казариновичи	
Боярыня смоленская Федоровая Козарынова с сыновьями, Васко Козарын: Сп. 1514. С. 125, 127; Иван Федорович К., «боярын смоленьский», 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 282 об.); он же дворянин, 1534 г. (ЛМ. Кн. 17. Л. 553 об.)	Не упом.
44. Кимбаровы	
Не упом.	(?) В ПК 1587/88 г. по Малому Ярославцу в качестве прежнего владельца упом. Кузма Кинбаров (РГАДА. ф. 1209. Кн. 539. Л. 150 об.)
45. Коверзины	
Иван Семенович К., смоленский помещик, в 1534 г. бежал с семьей в Литву (РА. № 31. С. 86).	До 1534 г. — Иван Семенович К. (см. левый столбец). Земцы Дмитрий Иванов сын К., Ерофей Фадеев сын К. (Дес. 1574. С. 92, 96).
46. Кожины	
Иван и Костя К.: Сп. 1514. С. 126, 127.	Нет данных о смольнянах
47. Колычевы	
Михаил К.: Сп. 1514. С. 125.	Распространенная фамилия, но среди носивших ее лиц выявить смольнян не удалось.
48. Коптевы	
Юрий и Михаил Ивановичи К.: Сп. 1514. С. 124.	Василий Остафьев сын К., Иванец Васильев сын К. – «литва дворовая» в Можайске, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 187).
49. Коровины	
Нет сведений	
50. Коростецкие	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
51. Костины	
Нет сведений	
52. Костюшковы	
Васко Костюшкович: Сп. 1514. С. 127; дворянин Семен Костюшкович, 1523 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 204 об.).	Не упом.
53. Кривцовы	
Олехно Кривец: Сп. 1514. С. 124; он же: дьяк, 1522 г.; дворянин, 1525 г.; тивун троцкий, 1536 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 117 об., 322 об.; кн. 19. Л. 321); РИБ. Т. 20. Стб. 1290, 1291.	В Переславле среди «литвы дворовой», 1550-е гг.: Василий Семенов сын К. (ТКДТ. С. 141).
54. Кропивниковы	
Нет сведений	
55. Крупецкие	
Нет сведений	
56. Куприянов[ичи]	
Нет сведений	
57. Кухаревы	
Нет сведений	
58. Лаврищовы	
Нет сведений	
59. Лаптевы	
Нет сведений	
60. Левонтеевы	
Нет сведений	
61. Лазоревы	
Дворянин Василий Иванович Лазоревича, 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 253 об.); дворянин Шомак Лазоревич, 1524 г. (там же. Л. 245 об.)	Нет данных о смольнянах
62. Ловровы	
Нет сведений	
63. Ломиносовы	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
64. Лукьяновы	
Не упом.	Распространенная фамилия, но среди носивших ее лиц смольняне не выявлены
65. Львовы	
Не упом.	Трое Л. среди «литвы дворовой» в Ростове, один — в Романове (ТКДТ. С. 143, 146); двое Л. в Ярославце с пометой «нововыезжеи» (там же. С. 208).
66. Максимовы	
Тишко Максимович: Сп. 1514. С. 127.	Нет данных о смольнянах
67. Маринины	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Можайске упом. Петруша Пашков сын М., с пометой «в полону», 1550-е гг. (ТКДТ. С. 187)
68. Матовиловы	
Нет сведений	
69. Межевские	
Чыжек Межевский: Сп. 1514. С. 127.	Не упом.
70. Микитины	
«Бояре смоленьские» Кузьма, Тарас и Пахом Микитиничи, 1523 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 226 об. — 227).	Нет данных о смольнянах
71. Микифоровы	
Нет сведений	
72. Микулины	
Не упом.	Земец Ерофей Гаврилов сын М. (Дес. 1574. С. 97).
73. Мирославичи	
Грышко М.: Сп. 1514. С. 126.	Не упом.
74. Митневичи	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
	75. Михалчуковы
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Можайске — Ивашко и Андреец Федоровы дети М., с пометой: «В полону. Оба умре», 1550-е гг. (ТКДТ. С. 187). Еще четверо М. в Ярославце под заголовком «Княж Васильевские Шемечивского» (там же. С. 208).
	76. Мишковичи
Александр и Михайло М.: Сп. 1514. С. 126; под 1536 г. упом. о «боярех смоленьских Мишковичох» как о покойных (ЛМ. Кн. 25. Л. 81 об.)	В Дворовой тетради упом. (в Костроме) Мешковичи (ТКДТ. С. 151), но это, возможно, брянцы.
	77. Мишневы
	Нет сведений
	78. Могутовы
Не упом.	Матюшка и Софонко Ивановы дети М. — «литва дворовая» во Владимире, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 157).
	79. Нагины
	80. Нагишки[ны]
Нагищца: Сп. 1514. С. 124; его сын Богдан – «боярын смоленский», 1523 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 185), он же упом. среди смоленских бояр, владеющих имениями в Браславле, 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 62). Александр Ногишка упом. в списке смоленских бояр, получивших пожалования в Браславском повете, 1516 г. (KW 1516–1518. S. 171). «Боярин смоленский Иван Сысой Ногишка», 1543 г. (ЛМ. Кн. 24. Л. 248 об.)	В списках московских пленных в Литве 1519 и 1525 гг. упомянут Иван Нагишкин, «смолнянин» (во втором списке — с пометой «умер»[4])
	81. Небогатые
	Нет сведений

[4] См.: *Антонов А. В., Кром М. М.* Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 161, 165.

На литовской службе:	На московской службе:
82. Окортевы	
Нет сведений	
83. Олизаровичи	
Нет сведений	
84. Олтуховы	
Нет сведений	
85. Омельяновичи	
Не упом.	(?) Емельяновы – среди «литвы дворовой» в Ярославце, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 208).
86. Остафьевы	
Дворяне: Дмитр Богданович Остафьевич, 1522, 1529 гг. (ЛМ. Кн. 12. Л. 133; кн. 224. Л. 315); Иван Глебович Остафьевича, 1527 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 449 об. – 450).	Данные о смольнянах не найдены
87. Офанасовы	
Степан Иванов О.: Сп. 1514. С. 126.	Не упом.
88. Охромеевы	
Не упом.	(?) Сенька Тимофеев сын Вахромеев среди «литвы дворовой» в Костроме, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 151)
89. Перфурьевы	
Дворяне: Иван Григорьевич П., 1518,1524, 1525 гг. (РИБ. Т. 20. Стб. 1284; ЛМ. Кн. 12. Л. 282–283 об., 389 об.); Андрей Иванович Перфурьевича, 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 277).	Земец Дей Прокофьев сын Перфульев: Дес. 1574. С. 96.
90. Петлины	
Не упом.	Трое П. среди «литвы дворовой» в Медыни, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 207). В ПК 1626/27 г. по Можайску в порозжих землях упом. поместье «смолян Андрея и Романа Даниловых детей Петлина» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 210).

На литовской службе:	На московской службе:
91. Пивовы	
Юшко Павлович П.: Сп. 1514. С. 126; дворянин Тишко П., 1531 г. (ЛМ. Кн. 17. Л. 152); дворянин Юхно П., 1536 г. (ЛМ. Кн. 21. Л. 37).	Дмитрий, Роман, Василий Михайловы дети П. — «литва дворовая» в Ярославле, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 144).
92. Плешкины	
Юрий П.: Сп. 1514. С. 125.	Нет данных о смольнянах
93. Плюсковы — бояре и Плюсковы — мащинские щитные слуги (РИБ. Т. 27. Стб. 496)	
Иван Федорович и Михно П.: Сп. 1514. С. 124; Михно был жив еще в 1541 г. (ЛМ. Кн. 28. Л. 66) Федор П., дворянин, 1517–1518 гг. (РИБ. Т. 20. Стб. 447, 1270). Дворянин Богдан Лукьянович П., 1528 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 238–239). Ян П. упом. в списке смоленских бояр, получивших пожалования в Браславском повете, 1516 г. (KW 1516–1518. S. 171). Вероятно, он же — «боярин смоленский» Ян Григорьевич П. упом. в 1543 г. (ЛМ. Кн. 24. Л. 248 об.).	Михалко, Сенька, Андреец Сидоровы дети П. — «литва дворовая» в Медыни, 1550-е г. (ТКДТ. С. 207).
94. Полтевы — бояре и Полтевы — панцирные слуги (РИБ. Т. 27. Стб. 496)	
Захар П., «боярин смоленский», декабрь 1514 г. (ЛМ. Кн. 9. Л. 130).	Множество имен П. среди «литвы дворовой» в 1550-х гг.: четверо в Ярославле, трое — во Владимире, один — в Медыни (ТКДТ. С. 144 - 145, 156, 207).
95. Понтюковы	
Нет сведений	
96. Приемниковы	
Нет сведений	
97. Протасьевы	
Игнат Протасьевич, «смольнянин», 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 372).	Нет данных

На литовской службе:	На московской службе:
98. Пустосел[ы]	
Богдан Михайлович П.: Сп. 1514. С. 126.	Не упом.
99. Редкины	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Медыни, 1550-е гг.: Андрейка Федоров сын Р. (ТКДТ. С. 207).
100. Резанцовы	
Не упом.	Нет данных о смольнянах
101. Роговы	
Михайло Р.: Сп. 1514. С. 126.	Нет данных о смольнянах
102. Родмежевские	
Нет сведений	
103. Русиловичи	
Нет сведений	
104. Садловы, Садиловы	
Не упом.	В 1581 г. в Казань из Смоленска выселено несколько семей Садиловых (грамота в б-ке Казанского университета)[5].
105. Сверщков[ичи]	
Грышко С., Иван Грынев С, Андрей С.: Сп. 1514. С. 126.	Среди «литвы дворовой» во Владимире, 1550-е гг.: Алешко Сверчков (ТКДТ. С. 157).
106. Свиридоновы	
Дворянин Володко С., 1530 г. (ЛМ. Кн. 17. Л. 134).	(?) В 1550-е гг. среди «литвы дворовой» в Медыни и Ярославце много Спиридоновых: ТКДТ. С. 207–208.
107. Свирковы	
Нет сведений	
108. Сезентьевы	
Нет сведений	

[5] Сообщено мне Е. В. Липаковым.

На литовской службе:	На московской службе:
109. Сенюковы	
Нет сведений	
110. Сидоровы [-вичи]	
Богдан С.: Сп. 1514. С. 127; он же, дворянин, 1522 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 166 об.).	Данные о смольнянах не найдены
111. Синцевы [-вичи]	
Нет сведений	
112. Скрипоревы, Скипоревы	
Вдова Семена С. с тремя сыновьями: Сп. 1514. С. 125; дворянин Михаил Семенович С., 1526 г. (АЮЗР. Т.1. № 82. С. 69). Андрей Федорович С., дворянин, 1538 г. (ЛМ. Кн. 20. Л. 247).	В Ярославце среди «литвы дворовой» — Гриша Семенов сын С. (ТКДТ. С. 208).
113. Слюбовские (?)	
Нет сведений	
114. Слоповы	
Нет сведений	
115. Созоновы	
Не упом.	Данные о смольнянах не найдены
116. Сокуревичи	
«Боярин смоленский» Денис Климентьевич Сокур, Михайло Александрович С. упом. в 1536 г. (ЛМ. Кн. 21. Л. 51 об.).	Не упом.
117. Софоновы	
Федко Сафонович: Сп. 1514. С. 124.	Данные о смольнянах не найдены
118. Старостины	
Нет сведений	
119. Стегримовы	
Нет сведений	
120. Сулд[т]ешевы	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
121. Татаровы	
Не упом.	Иван и Петр Тимофеевы дети Т. — «литва дворовая» в Медыни, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 207).
122. Тимофеевы	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Костроме, 1550-е гг.: Сенька и Федька Иевлевы дети Т. (ТКДТ. С. 151).
123. Токмины	
Нет сведений	
124. Тюфаевы	
Нет сведений	
125. Уваровы	
Проня Уварович: Сп. 1514. С. 126.	Фамилия часто встречается, но о смольнянах данных не найдено
126. Федоровичи	
Нет сведений	
127. Ходыкины	
Боярыня Олехновая Х. с двумя сыновьями, Богдан Х., Федко Х., Степан Х., Митько Х.: Сп. 1514. С. 125.	Не упом.
128. Хролищевы-Никандровы	
Нет сведений	
129. Цалцовы	
Нет сведений	
130. Чалые	
Нет сведений	
131. Чечетовы	
Не упом.	В ПК 1626/27 г. по Можайску в порозжих землях упом. поместье смольнянина Ивана Чечетова (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 211 об.)
132. Чоховичи	
(?) дворянин Федор Чех, 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 286 об. — 287).	Не упом.

На литовской службе:	На московской службе:
133. Шамяки	
«Бояриня смоленская» Михайловая Шемякиная с сыном Шомаком Михайловичем, 1529 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 353 об.).	Не упом.
134. Шембели (-левы)	
Роман и Артем Ш.: Сп. 1514. С. 127. Григорий Шенбель упом. среди смоленских бояр, владеющих имениями в Браславле, 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 62)	Не упом.
135. Шиловы	
Федко Ш., Яким и Луня Ш.: Сп. 1514. С. 126.	Нет данных о смольнянах
136. Шкровтов (?)	
Нет сведений	
137. Юровы	
(?) Федко и Васко Юрьевичи: Сп. 1514. С. 126, 127. Ср.: дворянин Борис Юрьевич, 1526 г. (ЛМ. Кн. 14. С. 316–316 об.).	Нет данных о смольнянах
Б. Смоленские бояре по другим источникам конца XV — начала XVI в.	
138. Андреевичи	
Занько А.: Сп. 1514. С. 127; Прокоп А., «боярин смоленский», 1532 г. (ЛМ. Кн. 17. Л. 253).	Нет данных о смольнянах
139. Борисов, Федор	
Упом. только в конце XV в.	
140. Гавриловичи	
Федько Г.: Сп. 1514. С. 126.	Нет данных
141. Держковичи	
Дворянин Ян Д., 1536 г. (ЛМ. Кн. 21. Л. 37).	Не упом.
142. Досуговы	
Нет сведений	

На литовской службе:	На московской службе:
143. Ермолиничи	
Нет сведений	
144. Есковичи	
Нет сведений	
145. Ивановичи	
«Боярын смоленьский» Юрий И., 1523 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 226).	Нет данных
146. Илиничи	
Нет сведений	
147. Кошки[чи]	
После 1509 г. не упом.	
148. Левоновичи[6]	
Мишко Носов Л.: Сп. 1514. С. 127; смоленский боярин Илья Л., 1530, 1532 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 405; кн. 17. Л. 300 об.)	Не упом.
149. Лоевы	
Не упом.	Среди «литвы дворовой» в Можайске, 1550-е гг. — Федька и Путята Васильевы дети Л. (ТКДТ. С. 187).
150. Михайловичи	
Якуб М.: Сп. 1514. С. 127.	Нет данных о смольнянах
151. Мишутиничи	
Нет сведений	
152. Павшины	
Не упом.	Нет данных о смольнянах
153. Полянские[7]	
Прокоп П., Михно П.: Сп. 1514. С. 125, 127; Михно П., осень 1514 г. (ЛМ. Кн. 9. Л. 251 об.).	Нет данных о смольнянах

[6] До 1514 г. в источниках не встречаются.
[7] До 1514 г. в источниках не встречаются.

На литовской службе:	На московской службе:
154. Путяты	
Яцко П.: Сп. 1514. С. 124. Он же упом. в списке смоленских бояр, получивших пожалования в Браславском повете, 1516 г. (KW 1516–1518. S. 171), а затем среди смоленских бояр, владеющих имениями в Браславле, в Переписи войска 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 62).	(?) Андрюша Федоров сын Путятин: «литва дворовая» в Юрьеве (ТКДТ. С. 153).
155. Рагозичи	
(?) боярин Стецко Иванович Р., 1525 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 335 об.).	Нет данных
156. Радобыльские	
Василь и Янко Р.: Сп. 1514. С. 124; Василь Р. упом. также в списке смоленских бояр, получивших в 1516 г. пожалования в Браславском повете (KW 1516–1518. S. 171). Дворянин Иван Р., 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 290 об.).	Не упом.
157. Романовичи	
Нет сведений	
158. Савин[ичи]	
Радион Савин: Сп. 1514. С. 127.	В ПК 1626/27 г. по Можайску в порозжих землях упом. поместье смолянина Ивана Савина (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 222).
159. Семенов[ичи]	
Андрей С.: Сп. 1514. С. 123; он же — «окольничый смоленьский», 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л. 251).	Нет данных о смольнянах
160. Степановы	
Не упом.	Гриша Иванов сын С.: «литва дворовая» в Костроме, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 150).
161. Стецковичи-Хлюпиничи	
Петр и Иван С.: Сп. 1514. С. 124; они же упом. в списке смоленских бояр, получивших пожалования в	Не упом.

На литовской службе:	На московской службе:
Браславском повете, 1516 г. (KW 1516–1518. S. 171). Дворянин Иван С., 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л.270 об. — 272); он же упом. среди смоленских бояр, владеющих имениями в Браславле, в Переписи войска 1528 г. (РИБ. Т. 33. Стб. 62).	

162. Тереховичи

(?) дворянин Сенько Терехович, 1524 г. (ЛМ. Кн. 14. Л. 83); дворянин Опонас Т., 1517 г. (РИБ. Т. 20. Стб. 477).	Нет данных

Смольняне (бояре?), упомянутые только после 1514 г.:

163. Мачехины

Костя М.: Сп. 1514. С. 127.	В ПК 1626/27 г. по Можайску в порозжих землях упом. «смолянина Василия Мачехина поместье» (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 203).

164. Селянин[ы]

Упом. только дворянин Иван С., 1530, 1536 гг. (ЛМ. Кн. 224. Л. 402–402 об.; кн. 21. Л. 37).	Не упом.

165. Тишкевичи

Кмита Т.: Сп. 1514. С. 126; дворяне: Василий Т., 1523, 1525 гг. (ЛМ. Кн. 12. Л. 225–225 об.; кн. 14. Л. 292 об. — 293); Гаврил Т., 1524 г. (там же. Кн. 12. Л. 254 об. — 255).	Нет данных о смольнянах

166. Шапыревичи

Упом. только Ивашко Ш., «боярын смоленьский», 1524 г. (ЛМ. Кн. 12. Л.279 об.).	Не упом.

Только в Сп. 1514 упоминаются:

Семен Вербовский, Богдан Дедов, Васко Гусар, Левон Бечянихин, Укол Грышков, Михно Острохов, Иван Прокопович, Роман Жертев	

В. Провинциальные бояре — доспешные, щитные, панцирные слуги и т.п. (РИБ. Т. 27. Стб. 485–508), упомянутые на московской или литовской службе после 1514 г.

<table>
<tr><th>На литовской службе:</th><th>На московской службе:</th></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">1. Быховцы</td></tr>
<tr><td>Четверо Б.: Сп. 1514. С. 126; они же: Тишко Б. («боярин смоленский») с тремя братьями, 1515 г. (ЛМ. Кн. 9. Л. 257). Дворянин Тишко Б., 1530 г. (ЛМ. Кн. 224. Л. 366 об. — 367); дворянин Андрей Миткович Б., 1536 г. (ЛМ. Кн. 25. Л. 81).</td><td>Не упом.</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">2. Бубновы</td></tr>
<tr><td>(?) дворянин Михаил Бубен, 1517 г. (РИБ. Т. 20. Стб. 428, 429).</td><td>Нет данных о смольнянах</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">3. Голцовы</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">См. выше № 27</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">4. Дерновы</td></tr>
<tr><td>Не упом.</td><td>Земцы Д.: Дес. 1574. С. 90, 91, 93, 95, 97.</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">5. Кожины</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">См. выше № 46</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">6. Козловичи (?)</td></tr>
<tr><td>Не упом.</td><td>Земец Викула Иванов сын Козлов: Дес. 1574. С. 92, 95, 97.</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">7. Копыловы</td></tr>
<tr><td>Не упом.</td><td>Земцы Дмитрий и Софрон Ивановы дети К.: Дес. 1574. С. 89.</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">8. Кудиновы</td></tr>
<tr><td>Дворянин Василий К., 1527 г. (ЛМ. Кн. 14. Л. 345).</td><td>Нет данных</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td>Не упом.</td><td>Земцы Л.: Дес. 1574. С. С. 91.</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">10. Микулины</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">См. выше № 72</td></tr>
<tr><td colspan="2" align="center">11. Некрашовичи (Некрасовичи)</td></tr>
<tr><td>Дворянин Иван Некрасович, 1536 г. (ЛМ. Кн. 21. Л. 37).</td><td>Земец Яков Федоров сын Некрасов: Дес. 1574. С. 92.</td></tr>
</table>

На литовской службе:	На московской службе:
12. Олтуфьевы	
Не упом.	Пятеро О. среди «литвы дворовой» в Костроме, 1550-е гг. (ТКДТ. С. 150–151).
13. Пешковы	
Не упом.	Земцы: Яков Никитин сын П., Филипп Иванов сын П.: Дес. 1574. С. 92, 95.
14. Плюсковы	
См. выше № 93	
15. Полтевы	
См. выше № 94	
16. Ходневы	
Не упом.	Земец Дмитрий Никишин сын Х. (Дес. 1574. С. 95). В ПК 1626/27 г. по Можайску упом. в порозжих землях поместье смолянина Бориса Ермолина сына Х. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 206 об.).
17. Ходыкины	
См. выше № 127	
18. Шестаковы	
Не упом.	Земцы Михайло Фадеев сын Ш., Ульян Деев сын Ш.: Дес. 1574. С. 85.
19. Юсовы	
Не упом.	В Можайске «литва дворовая», 1550-е гг.: Бухвал и Юшко Ивановы дети Ю. (ТКДТ. С. 187).
20. Яковлевичи	
Не упом.	В Медыни «литва дворовая», 1550-е гг.: Михайла Лукашев сын Яковлева (ТКДТ. С. 207).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗР	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб., 1846–1853.
АЛМ	Акты Литовской Метрики. Собраны проф. Ф. И. Леонтовичем. Т. I. Вып. 1–2. Варшава, 1896–1897.
АЛРГ	Акты Литовско-Русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1 . М., 1899.
АЮЗР	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–15. СПб., 1863–1892.
БА	Беларускі архіў.
БК	«Бархатная книга»: Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... Ч. I–II. М., 1787.
Вестник ЛГУ	Вестник Ленинградского государственного университета.
ВИ	Вопросы истории.
ВМОИДР. Кн. X	Временник Имп. Общества истории и древностей Российских. Кн. X. М., 1851.
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949.
Герберштейн	*Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.
ГИМ	Государственный исторический музей.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.–Л., 1950.
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения.
ИЗ	Исторические записки.
ИЛ	Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимина. М., 1957.
ЛИРО	Летопись Историко-Родословного общества в Москве.

ЛМ	Литовская метрика (РГАДА. Ф. 389).
Опис. МАМЮ	Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции.
ОЦААПП	Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.
ПГ	Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Сост. А. Л. Хорошкевич. Вып. 1–6. М., 1977–1989.
ПДС	Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.
ПКМГ	Писцовые книги Московского государства.
ПЛ	Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 1–2. М.–Л., 1941–1955.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей.
РА	Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. / Сост. М. М. Кром. М. – Варшава, 2002 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI).
РГАДА	Российский государственный архив древних актов.
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
РИИР. 2	Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. М., 1977.
РК 1598	Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводная статья и редакция В. И. Буганова. М., 1966.
РК 1605	Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. Т. 1. Ч. I–II. М., 1977.
РНБ	Российская национальная библиотека.
Рус. временник	Русский временник: *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 68–73.
Сб. Малиновского	*Малиновский И. А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады великого княжества Литовского. Томск, 1901; Добавление. Томск, 1912.
Сб. РИО	Сборник Русского исторического общества.
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
ТКДТ	Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А. А. Зимин. М.–Л., 1950.

Труды НИИ ЯЛИЭ МАССР	Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.
УІЖ	Український історичный журнал.
ЧОИДР	Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.
AA	Acta Aleksandra króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego... (1501–1506). Wyd. F. Papée. Kraków, 1927.
AT	Acta Tomiciana. T. I–XVIII. Posnaniae, etc. 1852–1999.
AW	Ateneum Wileńskie. Wilno.
Bielski 1554, 1564	*Bielski M.* Kronika wszystkiego świata. Kraków, wyd. 1554 i 1564.
Decius	*Decius J. L.* De Sigismundi regis temporibus liber. Cracoviae, 1521.
Długosz HP	*Długosz J.* Historiae Polonicae libri XII. T. IV. Cracoviae, 1877.
Kromer	Kronika Polska Marcina Kromera... Na język polski przelożona przez M. Blazowskiego. Sanok, 1857.
LM. Kn. 5, 8, 11	Lietuvos Metrika. Knyga 5 (1427–1506). Parengė E. Banionis. Vilnius, 1993; Knyga 8 (1499–1514). Parengė A. Baliulis. Vilnius, 1995; Knyga 11 (1518–1523). Parengė A. Dubonis. Vilnius, 1997.
LUB	Liv-, Est- und kurlandisches Urkundenbuch.
MDDP (KZ)	Materialy do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486–1516 (Kodeks zagrzebski). Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966.
Miechowski	Mathias de Mechovia. Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.
ORP	Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa.
PH	Przegląd Historyczny. Warzawa.
RAU	Rozprawy Akademji Umiejętności. Kraków.
Stryjkowski	Kronika polska, litewska, żmudzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego. T. 1–2. Warszawa, 1846.
Wapowski	Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec... część ostatnia, czasy podiugoszewskie obejmująca (1480–1535). Kraków, 1874.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

---

* Принятые сокращения: архиеп. – архиепископ, б-н — боярин, брян. — брянский, в. — великий, вилен. — виленский, витеб. — витебский, воев. — воевода, ж. — жена, еп. — епископ, киев. — киевский, кн. — князь, князья, кнг. — княгиня, кнж. — княжна, кор. — король, лит. — литовский, л. д. — «литва дворовая», любуц. — любуцкий, митр. — митрополит, моск. — московский, мцен. — мценский, намест. — наместник, новг. — новгородский, полоц. — полоцкий, польск. — польский, помещ. — помещик (и), псков. — псковский, путивл. — путивльский, ряз. — рязанский, смол. — смоленский, с. — сын, твер. — тверской, тороп. — торопецкий, у. — уезд, удел. — удельный, черниг. — черниговский.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

* Принятые сокращения: вол. — волость, г. — город, д. — деревня, м-рь — монастырь, пов. — повет, р. — река, с. — село.

СПИСОК СХЕМ И ТАБЛИЦ В ТЕКСТЕ

СПИСОК КАРТ

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Маркович Кром

МЕЖ РУСЬЮ И ЛИТВОЙ
Пограничные земли
в системе русско-литовских отношений
конца XV – первой трети XVI в.

Ответственный за выпуск *И.А. Тихонюк*
Художественный редактор *А.Ю. Никулин*
Корректор *Л.С. Барышникова*
Верстка *Е.Г. Щербакова*
Подготовка карт *В.Н. Темушев*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 20. Тираж 1000. Заказ № К-2655.

Издательство «Квадрига»
123001, Москва, ул. Большая Садовая, дом 2/46
Тел.: (495) 253-92-91. E-mail: kvadriga.izdat@mail.ru

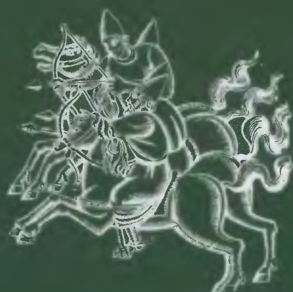
Объединенная редакция МВД России

ISBN 978-5-91791-028-4
ISBN 978-5-8129-0096-0

Отпечатано в ГУП "ИПК" Чувашия"
428019, г. Чебоксары, пр. И.Яковлева,13.

Книга посвящена истории вхождения в состав России княжеств верхней Оки, Брянска, Смоленска и других земель, находившихся в конце XV – начале XVI в. на русско-литовском пограничье. В центре внимания автора – позиция местного населения (князей, бояр, горожан, православного духовенства), по-своему решавшего непростую задачу выбора между двумя противоборствующими державами – великими княжествами Московским и Литовским.

Работа основана на широком круге источников, часть из которых впервые введена автором в научный оборот. Первое издание книги (1995) вызвало широкий научный резонанс и явилось наиболее серьезным обобщающим трудом по истории отношений России и Великого княжества Литовского за последние десятилетия. Во втором издании текст книги существенно переработан и дополнен, а также снабжен картами.

ISBN 978-5-91791-028-4

